

Галоўны**рэдактар:**

В. М. Наўныка

Намеснікі**галоўнага****рэдактара:**

В. С. Болбас,

Т. У. Паліева

Рэдакцыйная**калегія:**

А. В. Солахаў

(адказны за рубрыку

«Філалагічныя

навукі» (беларуская

філалогія))

С. Б. Кураш

(адказны за рубрыку

«Філалагічныя

навукі» (руская

філалогія))

І. У. Журлова

(адказны за рубрыку

«Педагогічныя

навукі»)

І. В. Катовіч

(адказны за рубрыку

«Біялагічныя

навукі»)

А. Баршэўскі

І. А. Кавалевіч

У. І. Коваль

В. І. Парфёнаў

В. Ф. Русецкі

А. У. Сузько

Г. С. Тарасенка

Я. П. Урублеўскі

Л. С. Цвірко

Н. У. Чайка

Заснавальнік

Установа адукацыі

«Мазырскі

дзяржаўны

педагогічны

ўніверсітэт

імя І. П. Шамякіна»

З м е с т**БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ***Дегтярёва Е. И., Азёма Н. С., Сотникова В. В., Листопад Д. И.,**Дегтярёва А. В.* Психосоматический статус пациентов, перенесших инфекцию

COVID-19 3

Копытков В. В., Козко Р. В. Биологическая и экологическая

эффективность применения микробиологических препаратов при выращивании

растений 10

*Копытков В. В., Кондратенко О. В., Савченко В. В., Судаков В. А.,**Котолоков А. И., Рассафонов В. Е.* Оценка биологической устойчивости лесных

насаждений в зоне первоочередного отселения 18

Крикало И. Н., Бодяковская Е. А., Лаптиева Л. Н., Целуйко А. В.

Физическое и функциональное состояние детей пубертатного возраста 25

Лебедев Н. А. Возрастная изменчивость меристических и пластическихпризнаков густеры *Blicca bjoerkna* (Linnaeus, 1758) в нижнем течении

р. Припяти (в пределах Беларуси) 32

ПЕДАГОГІЧНЫЯ НАВУКІ*Гуцко Н. В., Эрфэн С.* Моделирование учебного процесса на основе

применения электронного учебного курса «Методы веб-разработки на Java» 38

Журлова И. В., Бируль К. С. Развитие социального партнерства

в системе образования Беларуси: исторический аспект 45

Равуцкая Ж. И. Формирование проектировочных умений будущего

учителя физики на основе технологий деловой игры 53

Сучков А. К. Создание модели профессионально-прикладной физической

подготовки обучающихся учреждений высшего образования аграрного

профиля в группах спортивной борьбы 62

Шифрон-Борейко И. Стратегическая лингводидактика: к проблеме

уточнения понятийного аппарата и таксономии 70

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ*Аксёничкова-Бирюкова А. А.* О некоторых особенностях интерпретации

эмоций печали, страха и гнева при переводе стихотворений Ли Цинчжао

на русский язык 77

Баркович А. А., Селезнева В. С. Термины-композиции как языковой

ресурс текстов банковской сферы 83

Богданович Л. А. Модели словосочетаний, включающих филологические

терминологические номинации, в поэзии и массмедийном дискурсе 90

Бувич А. А. Концепт СПАСЕНИЕ сквозь призму концептуальных

метафор (на материале Псалтири) 97

Гриб Ж. В. Причины возникновения «ложных друзей переводчика»

в музыкальной терминологии русского и немецкого языков 103

Адрас рэдакцыі:
вул. Студэнцкая, 28,
247777, г. Мазыр,
Гомельская вобл.
Тэл.: +375 (236) 24-61-29
E-mail:
vesnik.mgpr@mail.ru

Карэктар
А. У. Сузько

Камп'ютарная вёрстка
Ю. С. Карась

Падпісана да друку
17.11.2022 г.
Фармат 60x90 1/8.
Папера афсетная.
Рызаграфія.
Ум. друк. арк. 22,75.
Тыраж 100 экз.
Заказ № 235к.

Установа адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны
педагагічны
ўніверсітэт
імя І. П. Шамякіна».
Вул. Студэнцкая, 28,
247777, г. Мазыр,
Гомельская вобл.
Пасведчанне
аб дзяржаўнай
рэгістрацыі сродку
масавай інфармацыі
№ 1233 ад 08.02.2010,
выдадзенае
Міністэрствам
інфармацыі Рэспублікі
Беларусь.

Установа адукацыі
«Беларускі гандлёва-
эканамічны ўніверсітэт
спажывецкай
кааперацыі».
Пр-т Кастрычніка, 50,
246029, г. Гомель.
ЛП № 02330/463
ад 23.03.2014 г.

Меркаванні,
выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць
з пунктам погляду
рэдакцыі.

<i>Дзігадзюк В. П.</i> Рэтраспекцыя ў мастацкай прозе Уладзіміра Гніламёдава	108
<i>Ковалевіч І. О.</i> Типичность и уникальность в сфере окказионального словопроизводства	113
<i>Коваль В. И.</i> Магические представления о следе в традиционной культуре восточных славян и китайцев	119
<i>Москалёва А. Ю.</i> Роль морфемы 得 в китайском предложении	125
<i>Петрачкова И. М.</i> Суггестивность поэтонимов в драме-ремейке Елены Анатольевны Греминой «Дело корнета О-ва»	131
<i>Ревуцкая Е. А.</i> Поэтический перевод как сотворчество (на материале переводов Валерия Аكوпова из Марии Павликовской-Ясножевской)	138
<i>Серигов Г. В.</i> Возвратные модели в польском переводе Б. Шварцман-Чарноты	143
<i>Солахуў А. В.</i> Утварэнне індыўідуальна-аўтарскіх неалагізмаў-назоўнікаў з суфіксамі -ец (-эц, -ац) і -ц-а	150
<i>Третьякова Ю. Р.</i> Деривационный потенциал глагольных эмотивов как тематического класса слов в современном русском языке	155
<i>Туровец В. С.</i> Структурно-семантические характеристики субстантивных составных номинативных единиц в английском языке	163
<i>Федоринчик А. Н.</i> Репрезентация образного содержания <i>страха</i> в поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака	169
<i>Чайка Н. У.</i> Тэндэнцыя да эканоміі моўных сродкаў у сінтаксічнай сістэме беларускай мовы	174
<i>РЭЦЭНЗІІ</i>	180

УДК 578.834.1:616.89]-06-052

Е. И. Дегтярёва¹, Н. С. Азёма², В. В. Сотникова³, Д. И. Листопад⁴, А. В. Дегтярёва⁵¹Кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии, УО «Гомельский государственный медицинский университет», г. Гомель, Республика Беларусь²Врач-психиатр, учреждение «Гомельская областная клиническая психиатрическая больница», г. Гомель, Республика Беларусь³Врач-интерн, УЗ «Гомельская областная больница», г. Гомель, Республика Беларусь⁴Студент 5 курса медико-диагностического факультета, УО «Гомельский государственный медицинский университет», г. Гомель, Республика Беларусь⁵Студентка 1 курса лечебного факультета, УО «Гомельский государственный медицинский университет», г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ПАЦИЕНТОВ, ПЕРЕНЕСШИХ ИНФЕКЦИЮ COVID-19

Установлено, что коронавирусная инфекция не оказывает влияния на такие показатели психосоматического статуса, как появление межличностной тревожности, паранойяльности, психотизма, но влияет на соматизацию, обсессивно-компульсивные расстройства, депрессивность, тревожность, фобии. У женщин, перенёсших COVID-19, наблюдаются более широкий диапазон психосоматической симптоматики и превышение показателей по таким шкалам, как соматизация (SOM), обсессивно-компульсивные расстройства (OC), депрессивность (DEP), тревожность (ANX), фобии (PHOB), паранойяльность (PAR), психотизм (PSY) по сравнению с мужским полом.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, психосоматический статус пациентов, тест SCL-90-R.

Введение

Коронавирус человека был впервые изучен в 1965 году. Различные виды коронавирусов широко распространены в природе. Они могут вызывать различную инфекционную патологию у человека, чаще всего со стороны респираторного тракта, реже кишечного. Когда вирус реплицируется в цитоплазме восприимчивых клеток, он может изменяться. Чем больше вирус циркулирует среди населения земного шара, тем больше он может мутировать. Эти мутации могут приводить к появлению новых вариантов вируса, которые лучше приспособлены к окружающей среде по сравнению с исходным вирусом и становятся более кантагиозными и вирулентными. SARS-CoV-2 меняется медленнее, чем другие вирусы, такие как ВИЧ или вирус гепатита С. В настоящее время семейство коронавирусов включает два вида вирусов, вызывающих тяжелую респираторную инфекцию у людей: SARS-Cov (Severe acute respiratory syndrome coronavirus, или ТОРС-коронавирус, вызывающий тяжелый острый респираторный синдром) и MERS-Cov (Middle East respiratory syndrome coronavirus, или БВРС-коронавирус, вызывающий ближневосточный респираторный синдром). Коронавирус ТОРС вызвал эпидемию в 2003 году в 33 странах мира (наибольшее количество заболевших было зарегистрировано в Китае, Сингапуре и Канаде), с общим числом заболевших 7761 человек, у 623 из них заболевание закончилось летальным исходом. Вирус SARS-Cov легко передается от человека к человеку. С сентября 2012 года на Ближнем Востоке регистрируются случаи инфекции, вызванные коронавирусом MERS-Cov, летальность, по данным ВОЗ, составляет порядка 43 %. Предполагают, что инфицирование людей происходило при контакте с верблюдами или с инфицированными вирусом объектами окружающей среды в домашнем хозяйстве, а также при посещении животноводческих ферм. Подтверждена возможность передачи MERS-Cov от человека к человеку при близком и длительном контакте, что может провоцировать вспышки внутрибольничной инфекции в человеческой популяции [1; 2].

Вспышка коронавирусной инфекции COVID-19 была впервые зарегистрирована 31 декабря 2019 г. в г. Ухань (Китай). Вирус легко распространяется среди людей воздушно-капельным и

контактно-бытовым путями. На сегодняшний день вирус претерпел более 50 мутаций. С 2019 года были зарегистрированы альфа, бета, гамма, дельта вирусы. 26 ноября 2021 года новый вариант коронавируса получил официальное название «омикрон» [1; 2].

Механизм воздействия коронавируса на нервные клетки пока не изучен, однако, без сомнения, какая-то связь есть: временное исчезновение вкуса или обоняния – специфические симптомы COVID-19. Кроме того, из носоглотки вирус способен проникать напрямую в головной мозг, а это, в свою очередь, может спровоцировать целый ряд осложнений, нарушив нормальную работу практически любого органа. В качестве побочного эффекта воздействия коронавируса на организм человека зафиксировано образование тромбов в крупных сосудах, что в итоге может привести к острому нарушению мозгового кровообращения. Однако в основном неврологические расстройства наблюдаются у тяжелых пациентов. Нарушить работу нервной системы вирус может косвенно, путем чрезмерной активизации иммунной системы (так называемый цитокиновый шторм). У большого количества пациентов с COVID-19 наблюдаются неврологические осложнения, такие как головная боль, головокружение, тошнота, рвота, напряжение мышц шеи, нарушения обоняния и вкуса, а также психологические и психиатрические расстройства. Спектр неврологических нарушений при COVID-19 весьма широк – от краниальных мононевропатий, клинически проявляющихся в виде аносмии, агевзии/дисгевзии и др., до острой воспалительной полинейропатии Гийена-Барре и тяжелых поражений головного и спинного мозга в виде острой геморрагической некротизирующей энцефалопатии и миелопатий. С точки зрения патогенеза, неврологические нарушения при COVID-19 могут быть обусловлены гипоксемией, нарушениями гомеостаза (энцефалопатия критических состояний), нейротропностью и нейровирулентностью SARS-CoV-2, «цитокиновым штормом», а также смешанным воздействием перечисленных факторов. COVID-19 влияет на течение хронических неврологических заболеваний, особенно связанных с нейроиммунными нарушениями [3].

После перенесенной инфекции COVID-19 возможны изменения физиологических параметров со стороны различных систем органов. Мало изучены нейрофизиологические и нейропсихологические особенности людей, перенесших коронавирусную инфекцию. Известно, что у переболевших людей наблюдаются высокий уровень личностной и ситуационной тревожности, повышенная психологическая утомляемость, частая головная боль, ухудшение памяти. По всей вероятности это можно связать не с прямым воздействием вируса на анатомо-гистологические структуры ЦНС, а с косвенным воздействием через нарушение микроциркуляции головного мозга (конечного мозга, гиппокампа).

Точного определения термина «психосоматический статус» не существует, но под «психосоматическим статусом» следует понимать психическое и соматическое состояние здоровья человека.

Цель исследования – установить особенности психосоматического статуса пациентов, перенёвших инфекцию COVID-19.

Методы и методология исследования

Исследования проводились на базе Гомельского медицинского университета. Были проанкетированы 120 человек, которые разделены на 2 основные группы (по 30 женщин и 30 мужчин в каждой из групп): пациенты, перенёвшие инфекцию COVID-19 (группа исследования), где средний возраст составил $51,22 \pm 4,56$ (Me – 51), и пациенты без инфекции COVID-19 в анамнезе (группа контроля), где средний возраст составил $49,42 \pm 5,32$ (Me – 48,5).

Для определения актуального психосоматического статуса исследуемых использовался валидизированный опросник – тест SCL-90-R [4], предназначенный для оценки паттернов психологических признаков у психиатрических пациентов и здоровых лиц.

Шкала SCL содержит 90 пунктов, которые позволяют оценить симптоматику психиатрических пациентов и здоровых людей. Каждый из 90 вопросов оценивается по пятибалльной шкале (от 0 до 4), где 0 соответствует позиция «совсем нет», а 4 – «очень сильно». Ответы на 90 пунктов подсчитываются и интерпретируются по 9 основным шкалам симптоматических расстройств: соматизации – Somatization (SOM), обсессивности – компульсивности – Obsessive – Compulsive (OC), межличностной сензитивности – Interpersonal Sensitivity (INT), депрессии – Depression (DEP), тревожности – Anxiety (ANX), враждебности – Hostility (HOS), фобической тревожности – Phobic Anxiety (PHOB), паранойяльных тенденций – Paranoid Ideation (PAR), психотизма – Psychoticism (PSY) и по 3 обобщенным шкалам второго порядка: общий индекс тяжести симптомов (GSI), индекс наличного симптоматического дистресса (PTSD), общее число утвердительных ответов (PST). Индексы второго порядка предложены для того, чтобы иметь возможность более гибко оценивать психопатологический статус пациента.

Шкалы SCL-90-R опросника:

– соматизация (SOM) – отражает дистресс через телесную дисфункцию, симптомы и признаки которой могут указывать на наличие расстройств или же быть проявлением реальных соматических заболеваний. Проявляется жалобами со стороны сердечно-сосудистой, респираторной, гастроинтестинальной систем, различными болями и мышечным дискомфортом;

– обсессивно-компульсивные расстройства (OC) – возникающие в сознании принудительно, вопреки воле и разуму индивида навязчивые мысли, импульсы и действия, противоречащие морально-этическим представлениям личности, приводящие в итоге к чувству страха и тягостным переживаниям;

– межличностная тревожность (INT) – чувство собственной неполноценности, проявляющейся самоосуждением, сравнением себя с другими, заведомым ожиданием дискомфорта от любых межличностных коммуникаций;

– депрессивность (DEP) – отсутствие интереса к жизни, дисфория, недостаток мотивации и потеря жизненной энергии, сопровождающаяся чувством безнадежности и мыслями о суициде;

– тревожность (ANX) – расстройство, состоящее из таких симптомов, как нервозность, напряжение, тремор, приступы паники, страх;

– враждебность (HOS) – мысли, чувства или действия, являющиеся проявлением состояния злости через агрессию, гнев, раздражительность, негодование;

– фобии (PHOB) – неадекватная реакция интенсивного, стойкого страха на стимул (объекты, ситуации, люди, места), сопровождающаяся выраженной вегето-дистонической симптоматикой и избегающим поведением;

– паранойальность (PAR) – нарушение мышления, выраженное подозрительностью, враждебностью, напыщенностью, страхом потери независимости, ложными иллюзиями;

– психотизм (PSY) – предрасположенность к психозу, расстройство, при котором психическая деятельность индивида грубо искажена, не соответствует реалиям мира, превращается в избегающий, изолированный, шизоидный стиль жизни;

– дополнительные вопросы (ADD), которые не попадают ни под одно определение.

В SCL-90-R имеются три обобщенных индекса дистресса: общий индекс тяжести (GSI); индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI); общее число утвердительных ответов (PST):

– индекс тяжести симптомов (GSI), отражающий уровень психического дистресса индивида;

– индекс симптоматического дистресса (PDSI), характеризующий интенсивность и способ выражения дистресса;

– общее число утвердительных ответов (PSI), отражающее широту диапазона симптоматики индивида [4].

Функцией каждого из них является приведение уровня и глубины личностной психопатологии к единому масштабу. GSI является лучшим индикатором текущего состояния и глубины расстройства, и его следует использовать в большинстве тех случаев, где требуется обобщенный единичный показатель. GSI является комбинацией информации о количестве симптомов и интенсивности переживаемого дистресса. PSDI является исключительно мерой интенсивности состояния, соответствующей количеству симптомов. Этот показатель работает в основном как индикатор типа реагирования на взаимодействие: усиливает ли или преуменьшает испытываемый симптоматический дистресс при ответах. PST – просто подсчет числа симптомов, на которые пациент дает положительные ответы, т.е. количество утверждений, для которых испытываемый отмечает хоть какой-то уровень выше нулевого. Информация о типе реагирования и количестве утвердительных ответов для симптомов, рассмотренная в связи с GSI, может быть очень полезна в понимании клинической картины.

SCL-90-R включает в шкалы следующее количество вопросов: соматизация (Somatization – SOM): 12 пунктов; обсессивно-компульсивные расстройства Obsessive – Compulsive (OC): 10 пунктов; депрессия Depression (DEP): 13 пунктов; тревожность Anxiety (ANX): 10 пунктов; враждебность Hostility (HOS): 6 пунктов; фобическая тревожность Phobic Anxiety (PHOB): 7 пунктов; паранойальные симптомы Paranoid Ideation (PAR): 6 пунктов; психотизм Psychoticism (PSY): 10 пунктов; дополнительные вопросы (Additional Items – ADD): 7 пунктов [4; 5].

Критериями включения в группу исследования были наличие у пациентов перенесенной инфекции COVID-19 в анамнезе, добровольное согласие пациента на участие в проводимых исследованиях, наличие заполненного бланка опросника SCL-90-R.

Критериями включения в группу контроля были наличие у пациентов добровольного согласия на участие в проводимых исследованиях, наличие заполненного бланка опросника SCL-90-R.

Критериями исключения из групп исследования и контроля были возраст до 40 лет, беременность, наличие сопутствующей патологии в виде онкологических заболеваний, системных заболеваний соединительной ткани, отказ пациента от проведения исследования.

Статистический анализ проводился при помощи пакета прикладного программного обеспечения StatSoft Statistica 10.0 (USA), применялись следующие параметры: среднее значение, стандартное отклонение, медиана, t-критерий Стьюдента для несвязанных выборок.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты анкетирования по SCL-90-R тесту интерпретированы на трёх уровнях (общая выраженность психопатологической симптоматики, выраженность отдельных шкал, выраженность отдельных симптомов) и представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Психосоматический статус пациентов, перенесших инфекцию COVID-19 по результатам опросника SCL-90-R

Показатели психосоматического статуса пациентов	Нормативные значения	Группа исследования (N = 60)	Группа контроля (N = 60)	Значение коэф-та Стьюдента ($t_{эмп}$)
Соматизация (SOM)	0,44±0,03	1,47±0,79*** (Me – 1,25)	0,38±0,41 (Me – 0,25)	9,9*
Обсессивно компульсивные расстройства (OC)	0,75±0,04	0,66±0,54 (Me – 0,60)	0,41±0,42 (Me – 0,35)	3,1*
Межличностная тревожность (INT)	0,66±0,03	0,48±0,57 (Me – 0,33)	0,35±0,42 (Me – 0,22)	1,4
Депрессивность (DEP)	0,62±0,04	0,75±0,55 (Me – 0,69)	0,26±0,15 (Me – 0,15)	6,1*
Тревожность (ANX)	0,47±0,03	0,79±0,62 (Me – 0,65)	0,27±0,30 (Me – 0,15)	6,5*
Враждебность (HOS)	0,60±0,04	0,45±0,47 (Me – 0,33)	0,38±0,56 (Me – 0,17)	0,8
Фобии (PHOB)	0,18±0,02	0,33±0,59 (Me – 0,14)	0,16±0,25 (Me – 0,14)	2,1**
Паранойяльность (PAR)	0,54±0,04	0,45±0,58 (Me – 0,33)	0,33±0,42 (Me – 0,17)	1,3
Психотизм (PSY)	0,30±0,03	0,23±0,38 (Me – 0,10)	0,15±0,20 (Me – 0,10)	1,6
Дополнительные вопросы (DOP)	0,49±0,03	0,83±0,65 (Me – 0,64)	0,32±0,38 (Me – 0,43)	5,7*
Индекс тяжести симптомов (GSI)	0,51±0,02	0,69±0,46 (Me – 0,65)	0,30±0,29 (Me – 0,21)	5,6*
Индекс симптоматического дистресса (PDSI)	1,17±0,05	2,11±0,82 (Me – 1,96)	1,17±0,32 (Me – 1,08)	8,5*
Общее число утвердительных ответов (PSI)	21,39±2,02	32,05±18,70 (Me – 30,50)	21,13±14,58 (Me – 18,00)	3,6*

Примечание – * – уровень значимости при $p \leq 0,01$; ** – уровень значимости при $p \leq 0,05$; *** – жирным шрифтом представлены значения выше, относительно представленной нормы.

Следует отметить, что значений выше нормативных показателей не было ни в одной из приведённых шкал для группы контроля.

Согласно данным, приведённым в таблице 1, в сравнении с группой контроля и нормальными значениями существенно разнятся показатели следующих шкал: SOM (в 3,86 раз в сравнении с группой контроля и в 3,34 раза в сравнении с нормальными значениями), DEP (в 2,88 раз в сравнении с группой контроля и в 1,21 в сравнении с нормальными значениями), ANX (в 2,93 раз в сравнении с группой контроля и в 1,84 раза в сравнении с нормальными значениями), PHOB (в 2,06 раз в сравнении с группой контроля и в 1,83 раза в сравнении с нормальными значениями), DOP (в 2,59 раза в сравнении с группой контроля и в 1,70 раз в сравнении с нормальными значениями), GSI (в 2,30 раз в сравнении с группой контроля и в 1,35 раз в сравнении с нормальными значениями), PDSI (в 1,80 раз в сравнении с группой контроля и в 1,80 раза в сравнении с нормальными значениями), PSI (в 1,52 раз в сравнении с группой контроля и в 1,50 раза в сравнении с нормальными значениями).

Полученные результаты анкетирования свидетельствуют о том, что пациенты, перенесшие инфекцию COVID-19, испытывают больший дистресс по сравнению с людьми, не сталкивающимися с ковидной инфекцией. Анализ выраженности шкал по тесту SCL-90-R показал превышение нормативного показателя у пациентов, перенёвших инфекцию COVID-19, по шкалам соматизации (SOM), депрессивности (DEP), тревожности (ANX), фобии (PHOB), дополнительных вопросов (ADD), индекса тяжести симптомов (GSI), индекса симптоматического дистресса (PDSI), общего числа утвердительных ответов (PSI).

Таким образом, каждый третий пациент в «постковидном» периоде предъявлял жалобы, связанные с каким-либо соматическим расстройством. Выраженность отдельных симптомов встречалась в единичных случаях и соответствовала соматизации, тревожности и депрессии.

Показатели психосоматического статуса пациентов в зависимости от пола представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Психосоматический статус пациентов, перенесших инфекцию COVID-19, по результатам опросника SCL-90-R в зависимости от пола

Показатели психосоматического статуса пациентов	Группа исследования (N = 60)		Группа контроля (N = 60)	
	Мужской пол (N = 30)	Женский пол (N = 30)	Мужской пол (N = 30)	Женский пол (N = 30)
Соматизация (SOM)	1,03±0,56 (Me – 1,13)	1,91±0,75 (Me – 2,00)	0,31±0,21 (Me – 0,25)	0,45±0,53 (Me – 0,17)
Обсессивно-компульсивные расстройства (OC)	0,53±0,38 (Me – 0,40)	0,78±0,64 (Me – 0,70)	0,40±0,36 (Me – 0,4)	0,42±0,53 (Me – 0,3)
Межличностная тревожность (INT)	0,33±0,26 (Me – 0,22)	0,64±0,74 (Me – 0,39)	0,36±0,45 (Me – 0,22)	0,35±0,40 (Me – 0,17)
Депрессивность (DEP)	0,56±0,41 (Me – 0,46)	0,94±0,61 (Me – 0,81)	0,22±0,30 (Me – 0,15)	0,31±0,36 (Me – 0,19)
Тревожность (ANX)	0,57±0,45 (Me – 0,45)	1,02±0,69 (Me – 1,05)	0,25±0,26 (Me – 0,2)	0,29±0,34 (Me – 0,1)
Враждебность (HOS)	0,33±0,27 (Me – 0,33)	0,57±0,59 (Me – 0,5)	0,44±0,62 (Me – 0,25)	0,32±0,49 (Me – 0,17)
Фобии (PHOB)	0,18±0,35 (Me – 0)	0,49±0,73 (Me – 0,14)	0,21±0,33 (Me – 0,07)	0,10±0,12 (Me – 0,14)
Паранойяльность (PAR)	0,32±0,44 (Me – 0,17)	0,58±0,68 (Me – 0,33)	0,34±0,39 (Me – 0,17)	0,31±0,46 (Me – 0,17)
Психотизм (PSY)	0,14±0,19 (Me – 0,10)	0,32±0,49 (Me – 0,15)	0,16±0,15 (Me – 0,1)	0,14±0,23 (Me – 0)
Дополнительные вопросы (DOP)	0,56±0,55 (Me – 0,36)	1,10±0,64 (Me – 1,07)	0,29±0,26 (Me – 0,21)	0,34±0,47 (Me – 0,14)
Индекс тяжести симптомов (GSI)	0,49±0,26 (Me – 0,48)	0,89±0,54 (Me – 0,73)	0,29±0,24 (Me – 0,22)	0,31±0,33 (Me – 0,18)
Индекс симптоматического дистресса (PDSI)	2,28±0,99 (Me – 2,13)	1,93±0,57 (Me – 1,88)	1,09±0,22 (Me – 1,07)	1,25±0,39 (Me – 1,11)
Общее число утвердительных ответов (PSI)	21,67±12,27 (Me – 20,00)	42,43±18,38 (Me – 42,50)	22,4±13,28 (Me – 18)	19,87±15,90 (Me – 17,5)

Из результатов, представленных в таблице 2, следует, что у женщин, перенёвших инфекцию COVID-19, наблюдается превышение показателей по таким шкалам, как соматизация (SOM), обсессивно-компульсивные расстройства (OC), депрессивность (DEP), тревожность (ANX), фобии (PHOB), паранойяльность (PAR), психотизм (PSY), дополнительные вопросы (ADD), индекс тяжести симптомов (GSI), индекс симптоматического дистресса (PDSI), общее число утвердительных ответов (PSI) по сравнению с мужским полом. Однако необходимо заметить, что в группе контроля у женщин наблюдается превышение показателей по таким шкалам, как соматизация (SOM), индекс симптоматического дистресса (PDSI) по сравнению с мужчинами. Так как индекс наличного симптоматического дистресса (PDSI) может служить в качестве индикатора (усиливает или преуменьшает анкетуемый свои ощущения), то можно предположить, что женщины более эмоциональны и проявляют тенденцию к преувеличению своих ощущений.

Для уточнения характера проявления дистресса и статистической значимости отклонений показателей пациентов, перенесших ковидную инфекцию от группы контроля, мы проверили гипотезу о равенстве средних значений переболевших и контрольной групп по каждой из 9 шкал

теста SCL-90-R и трех показателей индексов. Применим двухвыборочный t-тест, предварительно проверив гипотезу о равенстве дисперсий. Дисперсии по каждой из 9 шкал теста SCL-90-R и трех показателей индексов переболевших и контрольной групп различны, так как для всех шкал наблюдаемое значение F-критерия больше критического, равного 1,54, это же подтверждают р-значения, которые меньше 0,05 (таблицы 3, 4).

Таблица 3 – Двухвыборочный F-тест для дисперсии 9 шкал теста SCL-90-R для пациентов, перенесших COVID-19, и группы контроля

Показатели статистической достоверности	SOM	OC	INT	DEP	ANX	HOS	PHOB	PAR	PSY
F	3,75	1,61	1,86	2,75	4,29	0,70	5,41	1,89	3,83
P(F<=f) одностороннее	5,01E-07	0,034	0,009	7,57E-05	4,35E-08	0,088	4,42E-10	0,008	3,55E-07

Таблица 4 – Двухвыборочный F-тест для дисперсии индексов теста SCL-90-R для пациентов, перенесших COVID-19, и группы контроля

Показатели статистической достоверности	Dopoln	GSI	PDSI
F	2,97	2,64	6,52
P(F<=f) одностороннее	2,44E-05	0,0001	8,54E-12

Применим двухвыборочный t-тест с различными дисперсиями. Для шкал INT, PAR, PSY средние равны, так как наблюдаемое значение t-статистики меньше критического значения, равного $t(60, 0,05) = 1,99$. Для остальных шкал и индексов средние значения сравниваемых групп переболевших и контрольной значительно отличаются, так как наблюдаемые значения t-статистики больше критического значения, а также соответствующие р-значения меньше заданного уровня значимости, равного 0,05 (таблицы 5, 6).

Таблица 5 – Двухвыборочный t-тест с различными дисперсиями для шкал теста SCL-90-R для пациентов, перенесших COVID-19, и группы контроля

Показатели статистической достоверности	SOM	OC	INT	DEP	ANX	HOS	PHOB	PAR	PSY
t-статистика	9,53	2,81	1,41	5,84	5,93	0,71	2,11	1,35	1,47
P(T<=t) двухстороннее	3,36E-15	0,006	0,16	6,92E-08	6,29E-08	0,48	0,04	0,18	0,14

Таблица 6 – Двухвыборочный t-тест с различными дисперсиями для индексов теста SCL-90-R для пациентов, перенесших COVID-19, и группы контроля

Показатели статистической достоверности	Dopoln	GSI	PDSI
t-статистика	5,236355	5,545857	8,216523
P(T<=t) двухстороннее	9,81E-07	2,48E-07	3,89E-12

Таким образом, из результатов, представленных в таблице 5, видно, что коронавирусная инфекция не оказывает влияние на появление межличностной тревожности (чувство собственной неполноценности, проявляющейся самоосуждением), паранойальности (подозрительности, ложных иллюзий), психотизма (предрасположенности к психозу, расстройству, при котором психическая деятельность индивида грубо искажена, не соответствует реалиям мира, превращается в избегающий, изолированный, шизоидный стиль жизни); но оказывает влияние на соматизацию, обсессивно-компульсивные расстройства, депрессивность, тревожность, враждебность, фобии.

Заклучение

Проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. У всех проанкетированных людей, переболевших коронавирусной инфекцией, был выявлен высокий показатель уровня психосоматической симптоматики по шкале соматизации (SOM). Уровень дистресса по шкалам: обсессивно-компульсивные расстройства (OC), депрессивность (DEP), тревожность (ANX), фобии (PHOB) у проанкетированных людей, переболевших COVID-19, выше, чем у людей контрольной группы. В силу повышенной тревожности изменяется реактивность организма человека, как следствие высокой активации ретикуло-гипокампальной системы. За счет тревожности повышается готовность организма для борьбы с опасной для жизни инфекцией. В связи с этим изменяется деятельность вегетативной нервной системы, что мобилизует различные защитные функции организма. Однако коронавирусная инфекция не оказывает влияния на появление межличностной тревожности (INT), паранойальности (PAR), психотизма (PSY).

2. У женщин, перенёсших коронавирусную инфекцию, наблюдается превышение показателей по таким шкалам, как соматизация (SOM), обсессивно-компульсивные расстройства (OC), депрессивность (DEP), тревожность (ANX), фобии (PHOB), паранойальность (PAR), психотизм (PSY), дополнительные вопросы (ADD), индекс тяжести симптомов (GSI), индекс симптоматического дистресса (PDSI), общее число утвердительных ответов (PSI) по сравнению с мужским полом. Однако необходимо заметить, что в группе контроля у женщин наблюдается превышение показателя по шкалам: соматизация (SOM), индекс симптоматического дистресса (PDSI) по сравнению с мужчинами. Причинами повышенного уровня психоэмоциональной составляющей у женщин могут быть: нарушение гормонального фона (менструация или менопауза), нервное истощение (частые стрессы), переутомление и хроническая усталость, индивидуальные особенностей темперамента.

Требуется проведение дальнейших исследований в области нейрофизиологических и нейропсихологических особенностей людей, перенесших коронавирусную инфекцию в отдаленный период.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Облокулов, А. Р. Клинико-эпидемиологические характеристики новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / А. Р. Облокулов, Д. М. Мусаева, А. А. Элмурадова // Новый день в медицине. – 2020. – № 2 (30/2). – С. 110–115.

2. Методические рекомендации: Лабораторная диагностика гриппа и других ОРВИ методом полимеразной цепной реакции / С. Б. Яцышина [и др.] // Лабораторная служба. – 2017. – № 3. – С. 238–267.

3. Поражение нервной системы при COVID-19 / В. В. Белопасов [и др.] // Клиническая практика. – 2020. – Т. 11, вып. 2. – С. 60–80.

4. Методика: Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SYMPTOMSCHEDULE-90-REVISED - SCL-90-R). Психологическая диагностика [Электронный ресурс] // Энциклопедии психодиагностики. – Режим доступа: https://psylab.info/%D0%A1%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA. – Дата доступа: 09.09.2022.

5. Порошина, Л. А. Психосоматическая симптоматика у пациентов, страдающих ограниченной склеродермией / Л. А. Порошина // Проблемы здоровья и экологии. – 2021. – № 18 (4). – С. 55–60.

Поступила в редакцию 22.09.2022

E-mail: elena.degtyaryova@tut.by

E. I. Degtyareva, N. S. Azema, V. V. Sotnikova, D. I. Listopad, A. V. Degtyareva

PSYCHOSOMATIC STATUS OF PATIENTS WITH COVID-19 INFECTION

It has been established that coronavirus infection does not affect the appearance of interpersonal anxiety, paranoia, psychoticism, but has an effect on somatization, obsessive-compulsive disorders, depression, anxiety, phobias. Women who have had COVID-19, there is an excess of indicators on such scales as somatization (SOM), obsessive-compulsive disorders (OS), depression (DEP), anxiety (ANX), phobias (PHOB), paranoia (PAR), psychoticism (PSY) compared to the male kind.

Keywords: coronavirus infection, psychosomatic status of patients, SCL-90-R test.

УДК 634*95 / 630*232.32

В. В. Копытков¹, Р. В. Козко²

¹Доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», заведующий сектором биорегуляции выращивания лесопосадочного материала, ГНУ «Институт леса НАН Беларуси», г. Гомель, Республика Беларусь

²Директор Иностранного общества с ограниченной ответственностью «Валбрента кемикалс», г. Гомель, Республика Беларусь

БИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ ПРИ ВЫРАЩИВАНИИ РАСТЕНИЙ

В статье представлены результаты исследований по оценке биологической и экологической эффективности использования микробиологических препаратов при выращивании лесных и сельскохозяйственных культур. Установлено, что микробиологические препараты оказывают стимулирующие действия для предпосевной обработки семян, внекорневой обработки растений и получения органических удобрений. Показано влияние микробиологических препаратов на экономическую и экологическую эффективность выращивания растений. Определена степень готовности органических удобрений при использовании различных целевых добавок и отходов лесного и сельского хозяйства.

Ключевые слова: микробиологический препарат, обработка семян, компостирование, степень готовности, утилизация отходов, экологическая эффективность.

Введение

Одним из наиболее эффективных способов посева семян является точечный с использованием различных препаратов. Инкрустирование семян микробиологическими препаратами обеспечивает успешное прорастание и хороший рост и развитие растений. От подготовки семян к посеву в значительной степени зависит грунтовая всхожесть, сроки появления всходов, количество всходов на 1 погонном метре и качество сеянцев. Для повышения интенсификации и рентабельности работы сельского и лесного хозяйства в условиях хозрасчета требуется изыскание новых высокоэффективных способов предпосевной обработки семян. Разработка таких способов возможна при использовании достижений науки в различных областях знаний. Это может быть достигнуто на основе совершенствования агротехнологии, обеспечивающей интенсивное и целенаправленное выращивание сеянцев и саженцев в открытом грунте, применение новых микробиологических препаратов и использование субстратов, которые получены на основе отходов лесного и сельскохозяйственного производства.

При выращивании двухлетних сеянцев сосны обыкновенной с 1 га питомника выносятся около 150 кг азота, 40 кг обменного фосфора и 60 кг калия. Для восстановления почвенного плодородия необходимо совместное применение минеральных и органических удобрений. В настоящее время ежегодная потребность в органических удобрениях составляет 40 тыс. тонн. Фактически имеем 15 тыс. тонн. Эта разница может быть компенсирована за счет внесения новых органических удобрений, которые получены с использованием отходов лесного и сельскохозяйственного производства.

Большое значение при выращивании лесных и сельскохозяйственных культур имеет почвенное плодородие на основе использования органических удобрений. Органические удобрения можно получать различными способами. Наиболее перспективным и экологически оправданным способом является буртовой. Для данного способа применяют различные отходы сельского и лесного хозяйства, а для ускорения микробиологического процесса разложения органических веществ используют целевые добавки

Цель исследований – изучить влияние микробиологических препаратов на биологическую и экологическую эффективность выращивания растений в сельском и лесном хозяйстве.

Методы и методология исследования

Исследования по изучению влияния двух микробиологических препаратов «Экобактер» и «Экобактер-terra» проводили в опытных лесных и сельскохозяйственных предприятиях Беларуси в 2012–2022 годах. Отличие одного препарата от другого заключается в том, что в своем составе «Экобактер» содержит бактерии рода *Rhodobacter*, способные уменьшать содержание сероводорода, аммиака, нитритов, способствующих активной минерализации органических веществ, увеличивающих их мобильность и оздоровление окружающей среды. Микробиологический препарат выпускается на промышленной установке в Республике Беларусь (рисунок 1).

Рисунок 1 – Промышленная установка по получению микробиологических препаратов

Для получения органических удобрений использовали древесные опилки, кору и растительные отходы в виде соломы и целевые добавки (ЦД-1 «Экобактер», ЦД-2 «Экобактер-terra»). В течение всего периода исследований влажность органоминеральных компостов составляла 60 % – 65 %. При уменьшении влажности осуществляли полив. Показателем готовности органических удобрений является соотношение С:N, которое составляет 25:1.

Целевые добавки для получения органических удобрений использовали для уменьшения времени получения нового органического удобрения, для усиления микробиологических процессов в буртах. Технология применения микробиологических препаратов для получения органических удобрений заключалась в добавлении 1 л данного препарата «Экобактер» к 9 л воды (t 20 °С – 25 °С). Полученный препарат равномерно распределили на 4 т компостника [1] путем послойного его внесения при формировании буртов на площадках компостирования.

Исследования по влиянию микробиологического препарата «Экобактер» проводили на опытном участке в совхозе «Восток» Гомельского района. Опытный объект заложен при использовании навоза на основе соломы буртовым способом. Для исследований были подготовлены два бурта по 10 тонн каждый. Микробиологические препараты «Экобактер» и «Экобактер-terra» вносили из расчета 0,5 л/т [2].

Микробиологический препарат «Экобактер-terra» – водный раствор, содержащий симбиотический комплекс специально отобранных фотосинтезирующих бактерий, фиксирующих азот, сахаромицеты и культуральную жидкость [3].

На рисунке 2 представлена технология получения новых органических удобрений буртовым способом с использованием микробиологического препарата.

Рисунок 2 – Технология компостирования с использованием птичьего помета и микробиологического препарата

Микробиологические препараты использовали для предпосевной подготовки различных семян (инкрустирование) и внекорневой обработки растений в период вегетации.

Изучение влияния микробиологического препарата на степень выделения аммиака и сероводорода проводили в соответствии с нормативными документами [4; 5]. Исследования проводили в двух сельскохозяйственных предприятиях Гомельского района: в совхозах «Восток» и «Урицкое».

Полученные результаты полевых и лабораторных исследований обработаны методами математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение

Для уменьшения времени получения нового органического удобрения использовали определенные целевые добавки, которые усиливают микробиологические процессы в буртах и значительно сокращают степень готовности компостов.

В таблице 1 представлены данные по степени готовности органических удобрений буртовым способом с использованием различных ингредиентов и целевых добавок.

Таблица 1 – Динамика степени готовности органических удобрений в зависимости от используемых ингредиентов и целевых добавок

Состав и соотношение компостов	Показатель соотношения C:N, месяц					
	1	3	5	7	9	10
1. Древесные опилки + кора + ЦД-1 (1:0,5:0,3)	58,1	46,2	24,4	22,8	19,4	18,2
2. Древесные опилки + кора + ЦД-2 (1:0,5:0,3)	56,4	54,3	42,3	34,2	19,5	18,4
3. Древесные опилки + кора + растительные отходы + ЦД-1 (1:0,5:0,5:0,3)	57,6	54,8	34,2	24,8	20,4	19,6
4. Древесные опилки + кора + растительные отходы + ЦД-2 (1:0,5:0,5:0,3)	58,2	53,6	42,4	28,9	22,4	18,2
5. Древесные опилки + растительные отходы + ЦД-1 (1:0,5:0,3)	50,4	34,7	24,6	22,0	18,3	17,6
6. Древесные опилки + растительные отходы + ЦД-2 (1:0,5:0,3)	50,6	34,9	30,7	24,3	23,0	20,0

Анализ показывает, что через 5 месяцев после начала эксперимента показатель готовности органического удобрения на вариантах опыта № 1 и № 5 с использованием целевой добавки (ЦД-1) составил соответственно 24,4 и 24,6. Через 7 месяцев показатель соотношения углерода к азоту на вариантах опыта № 3 и № 6 находился в пределе 24,3 % – 24,8 %, что соответствует готовности органоминерального компоста к использованию при выращивании различных лесных растений и сельскохозяйственных культур. Срок готовности компостов через 9 месяцев достигается на всех вариантах опыта.

Для получения органических удобрений большое значение имеют не только используемые ингредиенты, но и целевые добавки. Установлено, что целевая добавка на основе сырья животного происхождения (ЦД-1) оказывает наиболее эффективное влияние на степень готовности получения органических удобрений. Используемая целевая добавка (ЦД-2) в виде микробиологического препарата ускоряет процесс получения готовых органических удобрений, но в меньшей степени по сравнению с ЦД-1.

Проведенные исследования позволили установить влияние различных ингредиентов и целевых добавок на степень готовности компостов для повышения почвенного плодородия и выращивания стандартного посадочного материала. Оптимальный срок готовности компостов на основе древесной коры составляет 5–7 месяцев.

Оптимальные агрохимические показатели полученных новых органических удобрений на основе древесных опилок+коры+растительных отходов+ЦД-1 в соотношении 1:0,5:0,5:0,3 отвечают следующим требованиям: массовая доля влаги 40 % – 45 %, кислотность 4,5–6,0 рН, степень разложения не более 25 %, размер фракций от 1 до 6 мм. Оптимальные физико-химические свойства органических удобрений при выращивании лесных растений: внешний вид – рассыпчатая однородная

масса темно-серого цвета и без запаха; содержание органического вещества 60,0 % – 64,0 %; азот – 1,4 % – 1,8 %; фосфор – 1,5 % – 2,5 %; калий – 1,5 % – 2,0 %. Для повышения содержания органического вещества, азота, фосфора и калия, а также уменьшения показателя кислотности субстрата используют другие соотношения ингредиентов и целевых добавок. Данные агрохимические показатели принимаются за основу и при необходимости в зависимости от конкретно выращиваемого растения могут быть изменены путем использования различных соотношений ингредиентов и целевых добавок.

Полученные органические удобрения отвечают всем агрохимическим требованиям и могут быть использованы при выращивании различных лесных растений и сельскохозяйственных культур. Проведенные исследования показали высокую эффективность использования органических удобрений при выращивании сеянцев хвойных и лиственных пород. Установлено, что разработанные органические удобрения увеличивают число корней I, II и III порядков на 25 % – 30 %, и их суммарную длину в 1,2–1,5 раза, а также ускоряется процесс образования на корневых системах сеянцев булавидной формы микоризы до 38 %, вильчатой до 36 % и сложной кораллоподобной до 26 %.

В таблице 2 дана схема использования препарата «Экобактер» для получения органических удобрений [2].

Таблица 2 – Схема использования микробиологического препарата «Экобактер» для получения органических удобрений

Варианты опыта	Соотношение препарата к ингредиентам	Количество препарата	Способ применения
Обработка подстилки птицы	1:9	10 л на 5 м ³	1 раз в 7 дней (до устранения запаха).
Компостирование свежего помета	1:9	10 л на 4 т	Равномерно внести раствор препарата. Получение эффективного органического удобрения через 30–40 дней.
Компостирование лежалого помета	1:9	10 л на 4 т	Равномерно внести раствор препарата в компостируемую массу, обеспечив влажность 70 %.
Обработка подстилки животных	1:9	10 л на 5 м ²	1 раз в 7 дней. Устранение запахов и одновременная ферментация навоза.
Компостирование отсепарированной твердой фракции навоза (подстилочного)	1:9	10 л на 4 т	Равномерно внести раствор препарата. Получение эффективного органического удобрения через 30–40 дней.
Компостирование лежалого навоза	1:9	10 л на 4 т	Равномерно внести раствор препарата в компостируемую массу. Компостирование навоза через 40–60 дней.

Микробиологический препарат «Экобактер» может использоваться не только для получения новых органических удобрений, но и для устранения неприятных запахов сельскохозяйственного производства.

Проведенные исследования по устранению запахов буртов на основе использования микробиологического препарата «Экобактер» позволило установить, что устранение запахов буртов наступает через 8–12 дней после его использования. Признаками окончания ферментации, которое наступает через 30–40 дней, являются: однородная рассыпчатая масса, отсутствие неприятных запахов и уменьшение ферментируемой массы. Применение технологии микробиологической утилизации животноводческих отходов снимает проблемы негативного влияния свиноводческих комплексов на окружающую среду и образования вредных газов (на 70 % по аммиаку и 80 % по сероводороду).

Из рисунка 3 видно, что при применении микробиологического препарата «Экобактер» концентрация аммиака в опытной секции снизилась на 84,9 % с 58,3 мг/м³ до 8,8 мг/м³, т. е. если первоначально превышение ПДК аммиака составляло 2,9 раз, то при применении микробиологического препарата в течение 2,5 месяцев концентрация аммиака в воздухе рабочей зоны не превышала [2] ПДК ГН 2.2.51313-03 «Гигиенические нормативы. Предельно допустимые концентрации (ПДК) вредных веществ в воздухе рабочей зоны».

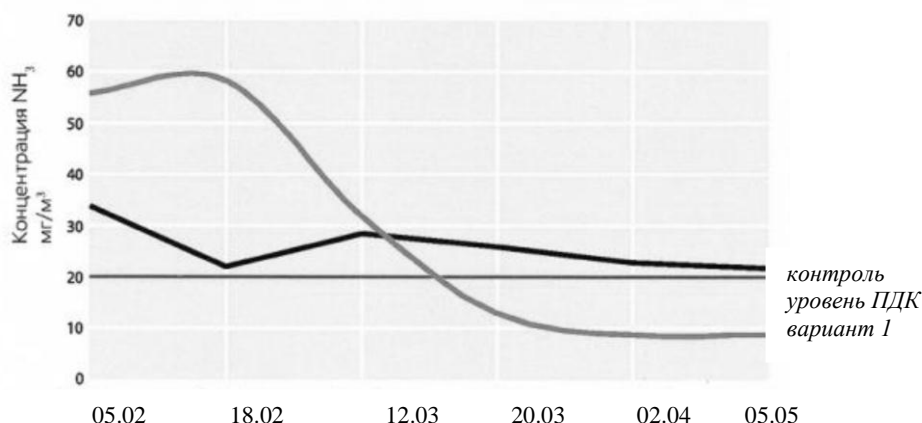

Рисунок 3 – Исследование содержания концентрации аммиака на опытных объектах

В контроле за три месяца снижение концентрации аммиака за счет механической вентиляции составляло 36,2 % по сравнению с первоначальным (с 33,9 мг/м³ до 21,6 мг/м³), однако все равно концентрация аммиака превышала уровень ПДК в 1,08 раз [2].

Исследование динамики содержания концентрации сероводорода на опытных объектах показано на рисунке 4. Опытный объект расположен в Гомельском районе, в совхозе «Восток».

В течение 2,5 месяцев произошло снижение концентрации сероводорода в опытной секции на 93,6 % с 12,6 мг/м³ до 0,8 мг/м³, т. е. если первоначально превышение ПДК сероводорода составляло 1,3 раза, что является нарушением ГН 2.2.51313-03, то при применении микробиологического препарата концентрация сероводорода в воздухе рабочей зоны не превышала нормативы [2].

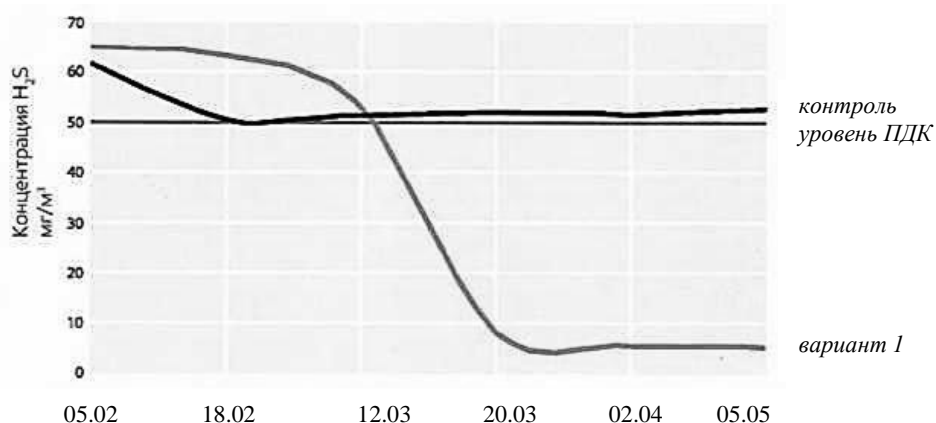

Рисунок 4 – Исследование динамики содержания концентрации сероводорода на опытном объекте

В контрольной секции за 3 месяца снижение концентрации сероводорода составило лишь 16,3 % по сравнению с первоначальным (с 12,3 мг/м³ до 10,3 мг/м³) и концентрация сероводорода на конечный период (сдачи животных) превышала уровень ПДК в 1,02 раза, что являлось нарушением ГН 2.2.51313-03 [2].

При обработке препаратом «Экобактер» лежалого помета вредные неприятные запахи исчезают вследствие образования защитного слоя на поверхности бурта, пропитанного микроорганизмами препарата «Экобактер».

В таблице 3 дана схема использования препарата «Экобактер» в животноводческих комплексах крупного рогатого скота [2].

Таблица 3 – Схема использования препарата «Экобактер» для получения компоста

Область применения	Разведение	Расход раствора препарата	Способ, сроки применения препарата, результат
Обработка подстилки КРС	19	10 л на 5 м ²	1 раз в 7 дней. Устранение запахов и одновременная ферментация навоза.
Компостирование свежего навоза	1:9	10 л на 4 т	2 раза в месяц. Устранение неприятных вредных запахов и ферментация навоза.
Компостирование лежалого навоза	1:9	10 л на 4 т	Равномерно внести раствор препарата. Получение эффективного органического удобрения через 30–40 дней.

Микробиологический препарат «Экобактер-terra» способствует производству экологически безопасной продукции и возрождению почв.

Принципиальное отличие данного препарата от других микробиологических препаратов состоит в его многокомпонентности. Отсюда – его универсальность в применении и большая эффективность: увеличивает водопроницаемость и улучшает структуру почвы; обеспечивает высокий уровень плодородия; увеличивает энергию прорастания семян и их всхожесть; увеличивает интенсивность фотосинтеза и дыхания растений; повышает урожайность сельскохозяйственных культур и выход стандартных семян лесных пород; предотвращает уплотнение верхнего слоя почвы.

Эффективность препарата «Экобактер-terra» против семенной микрофлоры и болезней проростков составляла 55 % и 45 % соответственно. Препарат заметно улучшает прорастание семян и состояние всходов, достоверно снижает поражённость ячменя корневыми и прикорневыми гнилями и обеспечивает прибавку урожая на 2,5 ц/га (21 %).

Использование микробиологического препарата для выращивания картофеля по данным ИООО «Валбрента кемикале» [2] способствует повышению урожайности и более эффективному применению удобрений. Микробиологический препарат повышает качество картофеля на 5 % – 15 %, снижает заболеваемость на 15 % – 40 % и увеличивает урожайность на 10 % – 40 %.

Кроме того, микробиологический препарат повышает на 15 % – 50 % азотфиксацию азота и способствует снижению нормы внесения удобрений до 50 % (рисунок 5).

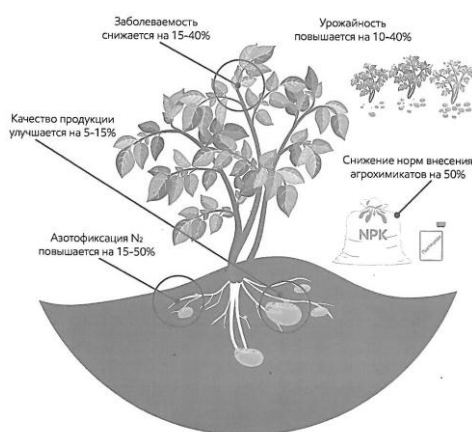

Рисунок 5 – Влияние микробиологического препарата на экономическую и экологическую эффективность выращивания картофеля

При обработке препаратом «Экобактер-terra» капусты белокочанной установлено, что заболеваемость слизистым бактериозом снизилась на 70 %, а биологическая урожайность культуры увеличилась на 20 %.

Обработка семян микробиологическим препаратом «Экобактер-terra» способствует образованию оболочки на их поверхности, подобно процессу инкрустации.

Микробиологический препарат «Экобактер-terra» применяется в виде рабочих растворов. Перед использованием емкость объемом 3000 л хорошо промыть от остатков ядохимикатов. Емкость опрыскивателя заполнить наполовину хлорированной водой (t 15 °C – 20 °C). Влить 10 гектарных доз препарата (3 л/га × 10 = 30 л/га). Емкость опрыскивателя полностью долить водой и перемешать.

Норма внесения – 300 л рабочего раствора на гектар. Микробиологический препарат «Экобактер-терра» применяется в интенсивных, ресурсосберегающих и экологических системах земледелия. Его используют на всех этапах выращивания сельскохозяйственных культур и сеянцев лесных пород: предпосевная обработка семян; опрыскивание растений в период вегетации; внесение компоста, приготовленного с применением «Экобактер-терра» [2].

Обработка семян овощных культур микробиологическим препаратом «Экобактер-терра» ускоряет их прорастание, позволяет получить выровненные всходы, а также ускоряет рост и развитие рассады. Внекорневая обработка растений препаратом повышает интенсивность фотосинтеза.

Используют микробиологический препарат «Экобактер-терра» в защитно-стимулирующих составах при обработке семян и в баковых смесях, при обработке растений по вегетации (таблица 4).

Таблица 4 – Технология применения препарата «Экобактер-терра» в закрытом грунте

Мероприятие	Сроки проведения	Расход препарата, л/га
Обработка семян	за 2–3 дня до высева	100 мл неразбавленного препарата «Экобактер-терра» влить в 10 л нехлорированной воды (t около 20 °С) и перемешать. 1 л рабочего раствора на 1 кг семян.
Подготовка почвогрунта теплицы перед посадкой рассады	за 7–10 дней до высадки рассады	100 мл неразбавленного препарата «Экобактер-терра» влить в 10 л нехлорированной воды (t около 20 °С) и перемешать. 3 л рабочего раствора на 1 м ² домика. Заделывать в почву на глубину 5–10 см.
Обработка растений в процессе вегетации	внекорневой полив, цветение, плодоношение	100 мл неразбавленного препарата «Экобактер-терра» влить в 100 л нехлорированной воды (t около 20 °С). 3 л рабочего раствора на 1 м ² .
Подготовка почвы перед посадкой растений	за 7–10 дней до высадки рассады	Разбавление препарата 1:100. В л неразбавленного препарата влить в 300 л нехлорированной воды (t около 20 °С) и перемешать. 300 л раствора равномерно внести опрыскивателем на 1 га почвы. Заделывать в почву на глубину 5–10 см.
Обработка растений в процессе вегетации	в фазу формирования	3 л неразбавленного препарата влить в 300 л нехлорированной воды (t около 20 °С) и перемешать. 300 л раствора равномерно внести опрыскивателем на 1 га посадок.

Чтобы поддерживать плодородие почвы на должном уровне, необходимо вносить дополнительные источники органического вещества.

Новые органические удобрения получены в условиях опытного лесхоза (рисунок 6).

Рисунок 6 – Опытный объект по получению новых органических удобрений с использованием микробиологического препарата

Для получения новых органических удобрений чаще всего используют отходы лесного и сельскохозяйственного производства. В лесном хозяйстве основными отходами являются древесные опилки и кора хвойных и лиственных пород. В сельскохозяйственном производстве широко используют куриный помет, солому и другое растительное сырье. Использовать чистые отходы лесного и сельского хозяйства нецелесообразно, так как их эффективность небольшая и период

разложения может составлять 5–6 лет. Например, солома, запаханная в землю, выделяет вредные вещества, так как в ней содержатся кремнийсодержащие соединения и клетчатка.

Наиболее перспективно получать органические удобрения буртовым способом с использованием отходов лесного и сельскохозяйственного производства, а также с внесением микробиологического препарата «Экобактер-терра».

Заклучение

Таким образом, проведенные многолетние исследования по использованию отечественных микробиологических препаратов при выращивании сеянцев лесных и сельскохозяйственных растений дают основание считать их наиболее перспективными на основе полученных данных биологической и экологической эффективности.

Разработанные два микробиологических препарата «Экобактер» и «Экобактер-терра» дополняют друг друга и при использовании в различных стадиях агротехнологий выращивания растений обеспечивают нормативный выход стандартных сеянцев лесных пород и позволяют получить наибольшую урожайность сельскохозяйственных культур. При использовании «Экобактер-терра» для предпосевной подготовки семян грунтовая всхожесть достигает 90 % – 99 %.

Использование микробиологического препарата для выращивания картофеля способствует повышению урожайности и более эффективному применению удобрений. Микробиологический препарат повышает качество картофеля на 5 % – 15 %, снижает заболеваемость на 15 % – 40 % и увеличивает урожайность на 10 % – 40 %. Микробиологический препарат повышает на 15 % – 50 % азотфиксацию азота и способствует снижению нормы внесения удобрений до 50 %.

Для получения новых форм органоминеральных составов с использованием отходов лесного и сельскохозяйственного производства для ускорения степени готовности компостов наиболее эффективным является использование микробиологического препарата «Экобактер». В данном препарате содержатся бактерии рода *Rhodobacter* и *Lactobacillus*, что позволяет наиболее эффективно осуществлять микробиологический процесс в компостах.

Для внекорневой обработки сеянцев лесных пород и сельскохозяйственных культур перспективным микробиологическим препаратом является «Экобактер-терра». Под влияние данного препарата улучшается рост не только надземной части растений, но и корневой системы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Технические условия ТУ ВУ 810001157.013. – 2022. Препарат микробиологический «Экобактер». – 10 с.
2. Инструкция «Микробиологический препарат «Экобактер-терра». ИООО «Валбрента кемикале». – Гомель, 2021. – 15 с.
3. Технические условия ТУ ВУ 810001157.007. – 2019. Препарат микробиологический «Экобактер-терра» ГР №056613 от 01.08.2019 г. – 10 с.
4. Методика выполнения измерений МВИ. МН 5910-2017 «Массовая концентрация аммиака в воздухе рабочей зоны. Методика выполнения измерений фотометрическим методом». – М., 2017.
5. ГОСТ 22387.2-2014. Газы горючие природные. Методы определения сероводорода и меркаптановой серы. – Взамен ГОСТ 22387.2-97 ; введ. 2015-07-01. – М. : Стандартинформ, 2015. – 40 с.

Поступила в редакцию 05.09.2022

E-mail: kopvo@mail.ru

V. V. Kopytkov, R. V. Kozko

BIOLOGICAL AND ENVIRONMENTAL EFFICIENCY THE USE OF MICROBIOLOGICAL PREPARATIONS IN GROWING PLANTS

The article presents the results of studies on the assessment of the biological and ecological efficiency of the use of microbiological preparations in the cultivation of forest and agricultural crops. It has been established that microbiological preparations have a stimulating effect for pre-sowing seed treatment, foliar treatment of plants and the production of organic fertilizers. The influence of microbiological preparations on the economic and ecological efficiency of growing plants is shown. The degree of readiness of organic fertilizers was determined when using various target additives and forestry and agriculture waste.

Keywords: microbiological preparation, seed treatment, composting, degree of readiness, waste disposal, environmental efficiency.

УДК 634*95 / 630*232.32

**В. В. Копытков¹, О. В. Кондратенко², В. В. Савченко³, В. А. Судаков⁴,
А. И. Котоликов⁵, В. Е. Рассафонов⁶**

¹Доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», заведующий сектором биорегуляции выращивания лесопосадочного материала, ГНУ «Институт леса НАН Беларуси», г. Гомель, Республика Беларусь

²Научный сотрудник, ГНУ «Институт леса НАН Беларуси», г. Гомель, Республика Беларусь

³Младший научный сотрудник, аспирант, ГНУ «Институт леса НАН Беларуси», г. Гомель, Республика Беларусь

⁴Директор Ветковского спецлесхоза, г. Ветка, Республика Беларусь

⁵Главный лесничий Ветковского спецлесхоза, г. Ветка, Республика Беларусь

⁶Лесничий Светиловичского лесничества Ветковского спецлесхоза, г. Ветка, Республика Беларусь

ОЦЕНКА БИОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ В ЗОНЕ ПЕРВООЧЕРЕДНОГО ОТСЕЛЕНИЯ

Приведены результаты исследований по оценке эффективности создания лесных культур в Ветковском спецлесхозе. Даны сравнительные результаты создания лесных культур различными методами. Установлено, что наиболее эффективными методами создания лесных культур являются посадка сеянцев с закрытой корневой системой и аэросев дражированными семенами сосны обыкновенной. Приведены результаты оценки биологической устойчивости лесных насаждений в зоне первоочередного отселения.

Ключевые слова: оценка биологической эффективности, лесные культуры, посев, посадка, обработка корневых систем, состояние насаждений.

Введение

Авария на Чернобыльской АЭС привела к значительному загрязнению территорий радионуклидами в Беларуси, России и Украине. Радиоактивное загрязнение земель лесного хозяйства и сельскохозяйственного производства способствовало сокращению ведения лесного хозяйства и выращивания сельскохозяйственной продукции [1–3].

Большое значение в настоящее время для проведения лесохозяйственных мероприятий имеет устойчивость лесных насаждений, которые расположены на землях с повышенным уровнем радиоактивного загрязнения. Методы оценки биологической устойчивости на основе шкалы категорий состояния деревьев и шкалы оценки биологической устойчивости насаждений, применяемые в настоящее время в лесном хозяйстве, дают картину объективного состояния лесных насаждений [4–8].

Создание лесных культур на землях с повышенным уровнем радиоактивного загрязнения имеет свои особенности. Основными требованиями при создании лесных культур на загрязненных радионуклидами землях являются: обеспечение безопасности людей, выполняющих работу; максимально возможное снижение повторного переноса радионуклидов из почвы с пылью и обеспечение надежности результатов проводимых работ [9].

Цель исследования – провести обследование ранее созданных лесных культур различными методами и дать оценку биологической устойчивости насаждений.

Методы и методология исследования

Изучение биологической устойчивости лесных насаждений в зоне первоочередного отселения проводили в Ветковском спецлесхозе Гомельского ГПЛХО в 2021–2022 гг. Пробные площади закладывали размером 30×20 м на ранее созданных опытных объектах. При этом по ширине они охватывали не менее 4 рядов главной породы и полную схему смешения древесных пород.

Исследования по оценке состояния лесных культур и биологической устойчивости насаждений осуществляли в зависимости от созданных лесных культур посевом и посадкой [7; 8].

Схема закладки пробных площадей в лесных культурах, созданных посевом, по вариантам опыта представлена ниже:

- 1) аэросев дражированных семян сосны обыкновенной;

- 2) аэросев обычных семян сосны обыкновенной;
- 3) автосев дражированных семян сосны обыкновенной;
- 4) автосев обычных семян сосны обыкновенной.

В Светиловичском лесничестве Ветковского спецлесхоза при создании опытных объектов посевом семян сосны обыкновенной заложено 6 пробных площадей. Схема закладки пробных площадей по вариантам опыта представлена ниже:

- 1) лесные культуры, созданные посадкой в 2007 г. с использованием однолетних сеянцев сосны обыкновенной с открытой корневой системой;
- 2) лесные культуры, созданные посадкой в 2007 г. с использованием однолетних сеянцев сосны обыкновенной с закрытой корневой системой;
- 3) лесные культуры, созданные посадкой в 2007 г. с открытой корневой системой и предпосадочной обработкой композиционным полимерным составом «Корпансил».

Анализ методов создания лесных культур позволил сделать вывод об эффективности метода их создания.

Исследования по оценке эффективности создания лесных культур на бывших сельскохозяйственных землях различными методами осуществляли подбором опытных объектов. Нами в Светиловичском лесничестве Ветковского спецлесхоза подобрано пять опытных объектов.

Объект № 1. Лесные культуры, созданные аэросевом семян сосны обыкновенной (кв. 128, пл. 42, 2 га).

Объект № 2. Лесные культуры, созданные автосевом семян сосны обыкновенной (кв. 100, пл. 27, 5 га).

Объект № 3. Лесные культуры, созданные посадкой однолетними сеянцами сосны обыкновенной (кв. 87, пл. 37, 8 га).

Объект № 4. Лесные культуры, созданные посадкой однолетними сеянцами дуба черешчатого (кв. 66, пл. 4, 3 га).

Объект № 5. Лесные культуры, созданные посадкой однолетними сеянцами дуба черешчатого (кв. 48, пл. 7, 4 га).

На этих опытных объектах заложено 11 пробных площадей.

При ведении лесного хозяйства в зонах радиоактивного загрязнения основными критериями, определяющими порядок проведения работ, являются: плотность загрязнения почв радионуклидом цезий-137 и величина эффективной дозы облучения работников. При зонировании территорий лесного фонда выделено 4 зоны: I зона с плотностью загрязнения почв цезием-137 от 1 до 5 Ки/км²; II зона – от 5 до 15 Ки/км²; III зона – от 15 до 40 Ки/км²; IV зона – 40 Ки/км² и более [9].

В таблицах 1 и 2 представлены критерии оценки состояния лесных культур в возрасте до 10 лет и до окончания 2-го класса возраста [7; 10].

В таблице 3 представлены критерии оценки биологической устойчивости насаждений [7; 11].

Таблица 1 – Критерии оценки состояния лесных культур в возрасте до 10 лет включительно [7; 10]

Виды земель, на которых созданы лесные культуры	Оценка	Показатели приживаемости несомкнувшихся лесных культур, %		Относительная полнота культур, переведенных в покрытые лесами земли с учетом естественного возобновления культивируемых пород
		однолетних и двухлетних культур	трехлетних культур и старше до перевода участков лесного фонда в покрытые лесами земли	
Все виды земель, за исключением принятых в лесной фонд сельскохозяйственных земель	Хорошие	90 и более	86 и более	0,8 и более
	удовлетворительные	25–89	25–85	0,4–0,7
	неудовлетворительные	менее 25		менее 0,4
Сельскохозяйственные земли, принятые в лесной фонд	Хорошие	86 и более	80 и более	0,8–1,0
	удовлетворительные	25–85	25–79	0,4–0,7
	неудовлетворительные	менее 25		менее 0,4

Таблица 2 – Критерии оценки состояния лесных культур в возрасте от 10 лет до окончания 2-го класса возраста [7; 10]

Оценка состояния	Полнота	Участие деревьев культивируемых пород в составе насаждения	Состояние
	Приживаемость (сохранность)		
Хорошее	0,7 и более более 70 %	7–10 единиц	без признаков повреждения и угнетения или до 10 % деревьев с указанными признаками
Удовлетворительное	0,4–0,6 70–25 %	5–6 единиц	10 % – 30 % деревьев с признаками повреждения и (или) угнетения
Неудовлетворительное	менее 0,4 менее 25 %	2–4 единицы	более 30 % деревьев с признаками повреждения и (или) угнетения

Таблица 3 – Критерии оценки биологической устойчивости насаждений [7; 11]

Показатели	Классы биологической устойчивости насаждений		
	I – биологически устойчивые	II – с нарушенной устойчивостью	III – утратившие устойчивость
Текущий отпад	В пределах естественного, происходит преимущественно за счет деревьев низших классов роста с диаметром менее среднего среднего диаметра насаждения	В два раза и более превышает величину естественного отпада и происходит за счет деревьев основного полога с диаметром, близким к среднему диаметру древостоя или более его	
Характер усыхания	Единичный, редко групповой	Преимущественно групповой, куртинный, иногда диффузный	Куртинный, диффузный или сплошной
Целостность древостоя после вырубki усыхающих и усохших деревьев	Сохраняется при незначительном снижении полноты	Сохраняется при снижении полноты не ниже предельно установленной	Не сохраняется при снижении полноты ниже установленного предела
Поврежденность, пораженность вредителями и болезнями	Отсутствует или единична	Может быть массовой	
Преобладающие категории состояния деревьев в составе живой части древостоя	Преобладают деревья без признаков ослабления	При значительной доле деревьев без признаков ослабления увеличена доля ослабленных, суховершинных и частично сухокронных деревьев	Часто преобладают ослабленные и частично сухокронные деревья, деревья без признаков ослабления составляют меньшую долю
Прочие особенности	Обычно полнота равномерная, кроны деревьев густы, прирост нормальный для данных условий и возраста, суховершинность и частичная сухокронность менее чем у 5 % деревьев, лесная среда не нарушена	Полнота часто неравномерная, крона многих деревьев изреженная прирост ослаблен, суховершинность и частичная сухокронность могут быть массовыми, лесная среда часто нарушена	

Результаты исследования и их обсуждение

По данным белорусских ученых Ю. Д. Сироткина и А. И. Праходского [8], установлено, что посев может являться одним из методов создания лесных культур. При посеве формируются более устойчивые насаждения, такая технология создания культур значительно проще, чем посадкой, она исключает необходимость выращивания посадочного материала в лесных питомниках. Однако данный метод имеет недостатки. При его использовании необходимо проводить длительный и тщательный агротехнический и лесоводственный уход за культурами. При посеве наблюдается значительно больший расход семян, чем при выращивании сеянцев и саженцев. В практике искусственного лесовосстановления от общего объема лесокультурного производства посев в настоящее время не превышает 5 % [9].

А. Н. Праходским и И. В. Соколовским [12] установлено, что рыхление почвы позволяет растениям сосны сформировать более глубокую корневую систему, способную обеспечивать культуры влагой и питательными веществами в значительно большем объеме. Исследованиями Н. И. Якимова и др. [13] установлено, что главной породой при создании лесных культур на низкобалльных сельскохозяйственных землях является сосна обыкновенная. Лучшая порода для смешения с сосной – береза повислая. При создании смешанных насаждений доля участия лиственных пород должна быть достаточной для обеспечения устойчивости культур и не должна снижать общую производительность насаждения [9].

Естественное возобновление, по данным В. К. Поджарова и П. И. Воловича [14], даже березы шло плохо из-за сильного задернения почвы. Содействие естественному возобновлению путем рыхления и минерализации почвы также малоэффективно.

Анализ литературных данных по вопросу создания лесных культур на загрязненных радионуклидами землях показывает, что данная проблема является сложной и имеет свои особенности. Земли бывшего сельхозпользования отличаются бедностью и сухостью почвы и по технологической оценке лесокультурного фонда относятся к категории «а» [9].

На пробных площадях нами проведена оценка биологической устойчивости лесных насаждений с учетом параметров радиационной обстановки; состава насаждений; полноты, характера усыхания; наличия повреждений насекомыми и болезнями; средневзвешенной категории состояния деревьев; состояния лесной среды; класса биологической устойчивости насаждения (рисунок 1).

Рисунок 1 – Обследование лесных насаждений в Светиловичском лесничестве

Анализ полученных исследований по оценке биологической устойчивости различных сосновых и дубовых насаждений показал, что все они относятся к первому классу биологической устойчивости.

Нами установлена лесоводственно-таксационная характеристика опытных лесных насаждений, которая представлена в таблице 4.

Таблица 4 – Лесоводственно-таксационная характеристика опытных объектов в Светиловичском лесничестве Ветковского спецлесхоза (по данным специалистов Ветковского спецлесхоза и Светиловичского лесничества на 2022 г.)

Квартал, выдел	Площадь, га	Состав	ТЛУ	Возраст, лет	Полнота	Средние		Запас древесины, м ³ /га
						высота, м	диаметр, см	
Объект № 1. Лесные культуры, созданные аэросевом семян сосны обыкновенной								
128/1	42,2	8С2Б	Мш, А ₂	27	0,7	11	13	85С 25Б
Объект № 2. Лесные культуры, созданные автосевом семян сосны обыкновенной								
100/8	27,5	8С2Б	Мш, А ₂	27	0,7	11	13	95С 15Б
Объект № 3. Лесные культуры, созданные посадкой однолетними сеянцами сосны обыкновенной								
87/8	31,8	6С4Б	Мш, А ₂	17	0,8	8	9	60С 40Б

Продолжение таблицы 4

Объект № 4. Лесные культуры, созданные посадкой однолетними сеянцами дуба черешчатого								
66/36	4,3	8Д2С	Ор, С ₂	27	0,7	7,9	12	85Д 25С
Объект № 5. Лесные культуры, созданные посадкой однолетними сеянцами дуба черешчатого								
148/2,3,4	7,4	8Д2Б	Ор, С ₂	12	0,6	3	3	5 Д 1Б

Полученные данные по оценке биологической устойчивости насаждений и оценки состояния лесных культур представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Оценка состояния лесных культур и биологической устойчивости насаждений на опытных объектах в Светиловичском лесничестве

Квартал, выдел	Возраст, лет	№ ПП*	Классы биологической устойчивости насаждений			Оценка состояния лесных культур		
			1	2	3	1	2	3
Объект № 1. Создание лесных культур аэросевом								
128/1	27	ПП 1 с использованием дражированных семян, %						
		1	69	13	9	65	14	8
		2	69	13	18	67	11	10
		ПП 2 с использованием обычных семян						
		3	65	19	7	68	20	5
		4	62	24	10	65	22	9
Объект № 2. Создание лесных культур автосевом								
100/8	27	ПП 3 с использованием дражированных семян						
		5	58	8	6	60	9	8
		ПП 4 с использованием обычных семян						
		6	56	10	4	58	8	10
Объект № 3. Лесные культуры, созданные посадкой однолетними сеянцами сосны обыкновенной								
87/8	17	ПП 5 посадка однолетними сеянцами сосны обыкновенной						
		7	С70	3	–	65	4	–
			Б20	2	–	18	3	–
		ПП 6 посадка однолетними сеянцами сосны обыкновенной с обработкой корневых систем составом «Жорпансил»						
		8	С72	7	2	66	10	2
			Б58	7	1	10	8	1
		ПП 7 посадка однолетними сеянцами сосны обыкновенной с закрытой корневой системой						
9	С103	9	1	98	8	1		
	Б22	2	–	25	2	–		
66/36	27	ПП 8 посадка однолетними сеянцами дуба черешчатого						
		10	58	11	23	64	12	20
148/2,3,4	18	ПП 9 посадка однолетними сеянцами дуба черешчатого						
		11	68	20	4	60	18	4

Примечание – *ПП – пробные площади.

В Светиловичском лесничестве Ветковского спецлесхоза представлена оценка биологической устойчивости растений на опытных объектах (таблица 5). Установлено, что в 128 квартале при создании лесных культур аэросевом обычными и дражированными семенами сосны обыкновенной 62 % – 69 % растений относятся к 1 классу биологической устойчивости, 13 % – 25 % – ко 2 классу и 8 % – 18 % – к 3 классу. Аналогичная закономерность прослеживается и в 100 квартале при создании лесных культур автосевом. В 87 квартале при создании лесных культур посадкой различным посадочным материалом 88 % – 96 % растений были отнесены к 1 классу биологической устойчивости, от 4 % до 11 % – ко 2 классу и 1 % – 2 % – к 3 классу биологической устойчивости насаждений.

При создании лесных культур дуба черешчатого 63 % – 74 % насаждений относятся к 1 классу, 12 % – 22 % – ко 2 классу и 4 % – 25 % – к 3 классу.

По нашим исследованиям определена оценка состояния лесных культур и класс биологической устойчивости насаждений на всех пробных площадях (таблица 6).

Таблица 6 – Основные таксационные параметры и оценка состояния лесных насаждений и класс биологической устойчивости насаждений

Код участка	Плотность загрязнения ^{137}Cs , кБк/м ²	Тип лесорастительных условий	Полнота	Средний возраст, лет	Состав насаждений	Оценка состояния лесных культур	Класс биологической устойчивости насаждений
1С	15,0–40,0	A2	0,7	27	8С2Б	хорошее	I
2С	15,0–40,0	A2	0,7	27	8С2Б	хорошее	I
3С	15,0–40,0	A3	0,7	27	8С2Б	хорошее	I
4С	15,0–40,0	A2	0,7	27	8С2Б	хорошее	I
5П	15,0–40,0	A2	0,7	27	9С1Б	хорошее	I
6П	15,0–40,0	A2	0,7	27	8С2Б	хорошее	I
7П	1,0–4,9	A2	0,9	17	6С4Б	хорошее	I
8П	1,0–4,9	A2	0,8	17	6С4Б	хорошее	I
9П	1,0–4,9	С3	0,9	17	6С4Б	хорошее	I
10Д	1,0–4,9	С2	0,7	27	8Д2С	хорошее	I
11Д	1,0–4,9	С2	0,6	12	8Д2Б	хорошее	I

Таким образом, обследование опытных объектов на 11 пробных площадях показало, что к 1 классу биологической устойчивости насаждений относятся лесные культуры, созданные аэросевом и автосевом обычными и дражированными семенами сосны обыкновенной; посадкой однолетними сеянцами сосны обыкновенной с открытой и закрытой корневыми системами, а также лесные культуры дуба черешчатого в составе насаждений 8Д2С и 8Д2Б.

Заключение

Представлена оценка биологической устойчивости растений на опытных объектах в Светиловичском лесничестве Ветковского спецлесхоза. Установлено, что при создании лесных культур аэросевом обычными и дражированными семенами сосны обыкновенной 62 % – 69 % растений относятся к 1 классу биологической устойчивости, 13 % – 25 % – ко 2 классу и 8 % – 18 % – к 3 классу. Аналогичная закономерность прослеживается и при создании лесных культур автосевом.

Обследование опытных объектов на 11 пробных площадях показало, что к 1 классу биологической устойчивости насаждений относятся лесные культуры, созданные аэросевом обычных и дражированных семян сосны обыкновенной, а также лесные культуры, которые созданы посадкой однолетними сеянцами сосны обыкновенной с открытой и закрытой корневыми системами. К 1 классу биологической устойчивости насаждений относятся лесные культуры, которые созданы автосевом с использованием обычных и дражированных семян сосны обыкновенной и лесные культуры дуба черешчатого в составе насаждений 8Д2С и 8Д2Б.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Марадудин, И. И. Основы прикладной радиэкологии леса / И. И. Марадудин, А. В. Панфилов, В. А. Шубин. – М. : ВНИИЛМ, 2001. – 224 с.
2. Влияние биолого-лесоводственных факторов на миграцию цезия-137 в лесных экосистемах / И. И. Марадудин [и др.] // Чернобыль 20 лет спустя. Стратегия восстановления и устойчивого развития пострадавших регионов : материалы междунар. конф. – Гомель : РНИУП «Институт радиологии», 2006. – С. 240–241.
3. Шевчук, В. Е. Оценка доз облучения населения при профессиональном и бытовом контакте с лесом / В. Е. Шевчук, А. И. Скрыбин. – Минск : ИЛ АНБ, 1994. – С. 118–122.
4. Оценка биологической устойчивости лесов в зонах радиоактивного загрязнения по флуктуирующей асимметрии хвои сосны обыкновенной / А. Н. Раздайковин [и др.] // Современное состояние и перспективы охраны и защиты лесов в системе устойчивого развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Гомель : ИЛ НАН Беларуси, 2013. – С. 267–271.

5. Морфогенетическая оценка биологической устойчивости лесных насаждений в условиях радиоактивного загрязнения / Д. Ю. Ромашкин [и др.] // Лесной вестник. – 2019. – Т. 23, № 2. – С. 84–91.

6. Мозолевская, Е. Г. Методы оценки влияния вредителей и болезней леса на состояние насаждений / Е. Г. Мозолевская // Методы мониторинга вредителей и болезней леса : справ. / под ред. В. К. Тузова. – М. : ФАЛХ МПР РФ, 2004. – Т. III : Болезни и вредители в лесах России. – С. 95–108.

7. Таксационно-лесостроительный справочник / М-во лесного хоз-ва Респ. Беларусь, ЛРУП «Белгослес»; сост.: М. В. Кузьменков [и др.]. – Минск : Редакция журнала «Лесное и охотничье хозяйство», 2019. – 335 с.

8. Сироткин, Ю. Д. Лесные культуры / Ю. Д. Сироткин, А. Н. Праходский. – Минск : Высш. шк., 1988. – 96 с.

9. Копытков, В. В. Ресурсосберегающие технологии выращивания посадочного материала и создания лесных культур в Беларуси с использованием композиционных материалов : дис. д-ра с.-х. наук / В. В. Копытков ; БГИТА. – Брянск, 2017. – 374 с.

10. Технические требования при лесоустройстве. Отвод и таксация лесосек в лесах Республики Беларусь : ТКП 622-2018 (33090).

11. Санитарные правила в лесах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва лесного хоз-ва Респ. Беларусь, 19 дек. 2016 г., № 79 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21631603&p1=1>. – Дата доступа: 14.08.2022.

12. Создание лесных культур на бывших сельскохозяйственных землях / А. Н. Праходский, [и др.] // Леса Европейского региона – устойчивое управление и развитие : материалы докл. междунар. науч.-практ. конф., 4–6 дек. 2002 г. – Минск : БГТУ, 2002. – Ч. 1. – С. 151–153.

13. Якимов, Н. И. Исследование продуктивности культур сосны обыкновенной на землях, вышедших из сельскохозяйственного пользования / Н. И. Якимов, А. А. Домасевич // Леса Европейского региона – устойчивое управление и развитие : материалы докл. междунар. науч.-практ. конф., 4–6 дек. 2002 г. – Минск : БГТУ, 2002. – Ч. 1. – С. 154–156.

14. Поджаров, В. К. Биологические и технологические аспекты лесовосстановления на загрязненных радионуклидами землях / В. К. Поджаров, П. И. Волович // Лес. Человек. Чернобыль. Лесные экосистемы после аварии на Чернобыльской АЭС: состояние, прогноз, реакция населения, пути реабилитации. – Гомель : ИЛ НАН Беларуси, 1999. – С. 258–278.

Поступила в редакцию 05.09.2022

E-mail: kopvo@mail.ru; sav4enko.1994@mail.ru

V. V. Kopytkov, O. V. Kondratenko, V. V. Savchenko, V. A. Sudakov,
A. I. Kotolikhov, V. E. Rassafonov

ASSESSMENT OF BIOLOGICAL STABILITY OF FOREST PLANTATIONS IN THE ZONE OF PRIORITY RESETTLEMENT

The results of research on the evaluation of the effectiveness of the creation of forest crops in the Vetkovsky special forestry are presented. Comparative results of the creation of forest crops by various methods are given. It has been established that the most effective methods of creating forest crops are planting seedlings with a closed root system and airoseeded seeds of scots pine. The results of the assessment of the biological stability of forest plantations in the zone of primary settlement are given.

Keywords: assessment of biological efficiency, forest crops, sowing, planting, treatment of root systems, the state of plantings.

УДК 612.014

И. Н. Крикало¹, Е. А. Бодяковская², Л. Н. Лаптиева³, А. В. Целуйко⁴

¹Старший преподаватель кафедры биологии и экологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат ветеринарных наук, доцент, доцент кафедры биологии и экологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

³Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры и спорта,
УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, Республика Беларусь

⁴Выпускник технолого-биологического факультета,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ФИЗИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕТЕЙ ПУБЕРТАТНОГО ВОЗРАСТА

Представлены результаты исследования физического и функционального состояния учащихся 8–9 классов. Установлен средний и низкий уровни физического состояния у 36,0 % и 2,0 % школьников соответственно. На диспансерном учете находится 22,6 % детей (III группа здоровья). В структуре школьной патологии преимущественно выявлены заболевания сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата (по 20,0 %) и органов зрения (17,3 %).

Разработана программа валеологического воспитания с целью создания условий по формированию у учащихся основ здорового образа жизни, сохранению и укреплению их здоровья, снижению заболеваемости детей и подростков.

Ключевые слова: физическое состояние, функциональное состояние, здоровье, здоровый образ жизни, подростки, школьники, заболеваемость, программа, валеологическое воспитание.

Введение

В условиях нестабильной социально-экономической ситуации в нашей стране за последние десятилетия сформировалась устойчивая негативная тенденция динамики нарушения физического и функционального состояния детей всех возрастных групп. Ежегодно возрастает частота заболеваемости детей как младшего, так и подросткового возраста, что проявляется в наличии хронических патологий, в том числе тяжелых, и приводит к увеличению числа детей-инвалидов, детской и подростковой смертности.

По данным Всемирной организации здравоохранения, основными патологиями детей пубертатного периода являются болезни органов дыхания, пищеварения, деформации позвоночника, нарушения эндокринной системы [1].

Анализ литературы показывает, что распространение патологических состояний среди школьников имеет ряд закономерностей, связанных с функциональным состоянием организма, особенностями образа жизни, факторами окружающей среды и др. За период с 2008 по 2018 год в целом по Гомельской области наблюдается рост инвалидизации детского населения (в возрасте до 18 лет). В 2018 году данный показатель составил 22,1 на 10 тыс. детей [2].

Подростковый возраст является критическим, как с медицинской, так и с социально-психологической точек зрения [3]. Выраженные негативные сдвиги в состоянии здоровья детей пубертатного возраста приводят к серьезным медико-социальным последствиям – нарушению репродуктивного здоровья, ограничению возможности получения профессионального образования, вследствие имеющихся заболеваний, а также уменьшению числа юношей, пригодных для воинской службы.

Физическое состояние здоровья подростков на данном этапе сопровождается воздействием активной физиологической перестройки организма и интенсивной социализации личности. В период наиболее выраженного роста и развития организм особенно чувствителен к воздействию социальных факторов, при этом переходный характер современного общества определяет формирование

стереотипов поведения, которые не ориентированы на сохранение и укрепление здоровья подрастающего поколения [4–6]. В связи с этим проблема сохранения, укрепления и восстановления здоровья детей пубертатного периода имеет высокую социальную значимость.

Несмотря на преобразования в деятельности амбулаторно-поликлинических учреждений за последние годы, профилактика функциональных нарушений и сохранение физического состояния детей должны осуществляться как на государственном уровне, так и в условиях учреждений образования. Анализ статистических данных за последнее десятилетие еще раз подтверждает, что существует необходимость разработки эффективных подходов к организации профилактических мер по сохранению и укреплению здоровья подростков.

Актуальность исследования обусловлена проведением комплексного анализа ряда медико-социальных показателей детей пубертатного периода, образа жизни и условий жизнедеятельности, а также необходимостью разработки программы валеологического воспитания учащихся и реализации ее в условиях учреждения образования с целью формирования у школьников основ здорового образа жизни и ценностного отношения к здоровью.

Цель исследования – определение физического и функционального состояния детей пубертатного возраста и разработка программы валеологического воспитания учащихся.

Методы и методология исследования

Исследование проводилось на базе ГУО «Средняя школа № 1 г. Калинковичи» Гомельской области. В нем приняли участие 150 школьников 8–9 классов (13–15 лет), из них – по 75 девочек и мальчиков.

Для оценки физического состояния школьников среднего возраста использованы следующие методы: антропометрия (масса тела (кг), рост (см)), измерение уровня артериального давления (мм рт. ст.) и частоты сердечных сокращений (уд/мин), определение индекса массы тела (ИМТ по А. Кетле), индекса физического состояния (ИФС по Е. А. Пироговой) [7; 8].

Для оценки функционального состояния подростков использован метод анкетирования по изучению их образа жизни (авторская анкета) и анализ медицинской документации.

Результаты исследования и их обсуждение

Для оптимизации учебного процесса и в целях совершенствования работы по укреплению здоровья учащихся, улучшения их физической работоспособности необходимы контроль и оценка их физического и функционального состояния.

Определение уровня физического состояния 150 детей 13–15 лет проводилось с помощью методики ИФС по Е. А. Пироговой. В результате исследования нами установлено, что в большинстве случаев уровень физического состояния «выше среднего» – у 39,3 % девочек и «средний» – у 36,0 % мальчиков. Высокий уровень определен только у 10,7 % девочек (рисунок 1).

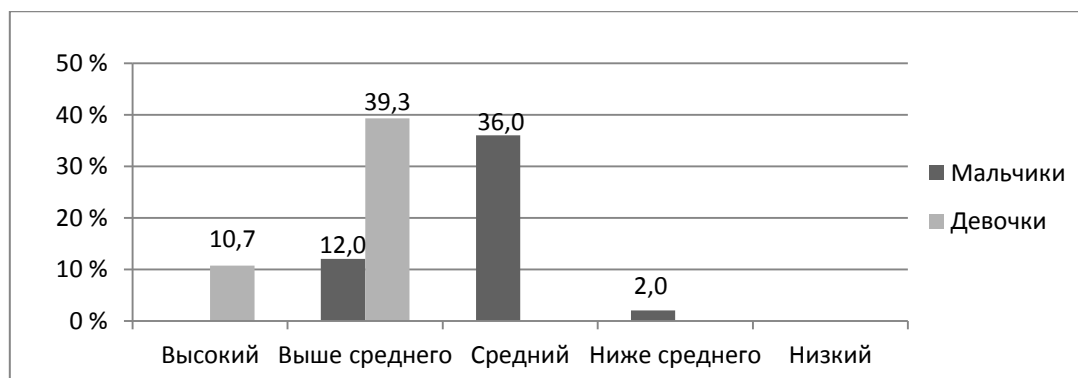

Рисунок 1 – Уровень физического состояния подростков

Сравнительная характеристика физического состояния детей 13–15 лет показала, что девочки имеют более высокий уровень развития. Максимальные функциональные возможности свидетельствуют о том, что их физическая работоспособность соответствует должным для данного возраста и пола величинам или превышает их. Очевидно, это обусловлено более ранним половым

созреванием, связанным с гормональной перестройкой организма и его развитыми адаптационными возможностями. Различия в уровнях физического состояния детей пубертатного возраста можно также объяснить высокой социальной ответственностью девочек по отношению к своему здоровью.

На уровень физического состояния влияет индекс массы тела, расчет которого проведен с помощью соответствующей методики А. Кетле. Нами установлено, что у 88,7 % детей исследуемого возраста отмечалась нормальная масса тела. Дефицит массы тела наблюдался у 7,3 % мальчиков и 2,0 % девочек. Избыточная масса тела выявлена только у девочек (2,0 %), что может быть связано с нарушениями эндокринной системы и неправильным питанием (рисунок 2).

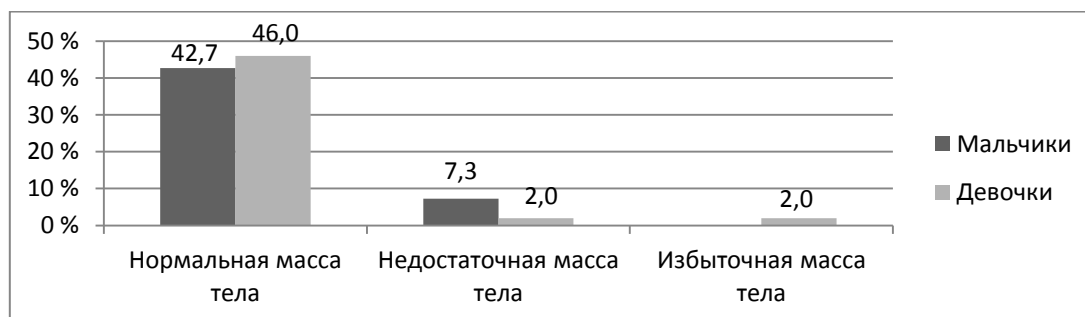

Рисунок 2 – Индекс массы тела детей 13–15 лет

Изучение функционального состояния детей подросткового возраста проводилось на основе выписок из медицинских документов. Определялось наличие заболеваемости, учтены группы здоровья детей 13–15 лет.

Установлено, что в школьной патологии встречаются в основном заболевания сердечно-сосудистой системы и опорно-двигательного аппарата (по 20,0 %), органов зрения (17,4 %). Заболевания сердечно-сосудистой системы подростков могут быть связаны с недостатком оптимальной физической нагрузки и наследственной патологией. В основном выявлены: малые аномалии развития сердца, вегетососудистая дистония. Функциональные нарушения позвоночника (кифотическая и сколиотическая осанка) в пубертатном возрасте, очевидно, связаны с еще недостаточным развитием мышц спины, особенно в сочетании с низкой двигательной активностью, часто обусловлены длительным пребыванием детей в неправильной позе за партой, столом на уроках в школе и при выполнении домашних заданий. По нашему мнению, причины заболеваний органов зрения у подростков – длительное времяпровождение за гаджетами и нарушение режима труда и отдыха. Среди офтальмологической патологии преимущественно встречалась миопия средней (слабой) степени одного (обоих) глаз (таблица 1).

Таблица 1 – Заболеваемость детей 13–15 лет

Заболевания	Мальчики n = 75, %	Девочки n = 75, %
Заболевания сердечно-сосудистой системы	25,3	14,7
Заболевания опорно-двигательного аппарата	18,7	21,3
Заболевания органов зрения	20,0	14,7
Заболевания желудочно-кишечного тракта	9,3	5,3
Заболевания органов дыхания	6,6	5,3
Заболевания эндокринной системы	1,3	6,6
Другие заболевания	8,0	12,0

Патология желудочно-кишечного тракта (желчнокаменная болезнь, хронический гастрит) выявлена у 7,3 % учащихся, что может быть следствием частого употребления «фастфуда», нарушения принципов рационального питания или злоупотребления диетами.

Болезни органов дыхания составляют 6,0 %, что, возможно, связано с частыми острыми респираторными вирусными заболеваниями, аллергическими реакциями, вредными привычками (курение). В основном встречались: бронхиальная астма, хронический тонзиллит, аллергический или вазомоторный ринит.

Патология эндокринной системы (дефицит и избыток масса тела I типа) была обнаружена у 4,0 % подростков, что связано с нарушениями гормонального фона и несбалансированностью питания.

Единичные болезни, отнесенные к «другим» и не входящие в выборку исследования, составили 10,0 %: нефрит, атопический дерматит, эпилепсия (таблица 1).

Выявлено, что доля здоровых детей составила только 21,3 %, что свидетельствует о низком уровне функционального состояния учащихся 8–9 классов.

Используя медицинскую документацию проведена сравнительная характеристика групп здоровья мальчиков и девочек 13–15 лет (рисунок 3). Выявлено, что I группу здоровья составили 20,7 % подростков. К данной группе относятся здоровые дети, а также имеющие незначительные функциональные нарушения (болеющие 1–2 раза в год острыми респираторными заболеваниями).

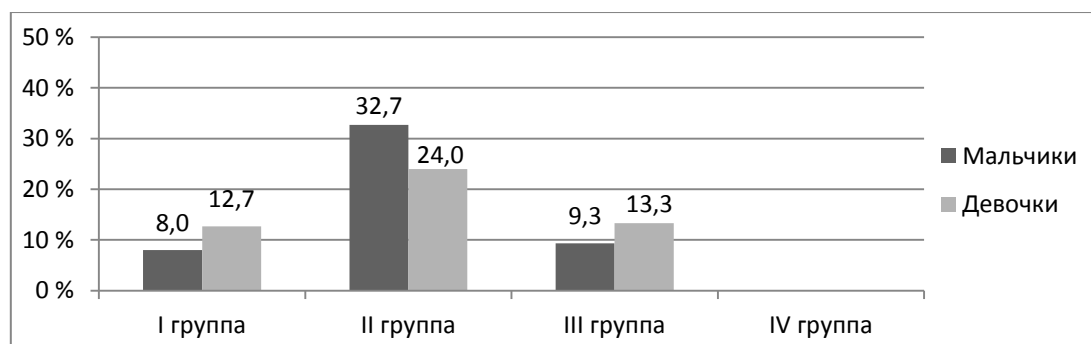

Рисунок 3 – Группы здоровья детей 13–15 лет

Установлено, что большинство учащихся (56,7 %) относится ко II группе здоровья, которую составляют дети с некоторыми морфологическими и функциональными нарушениями (болеющие острыми респираторными заболеваниями 4 и более раз в год), имеющие риск развития хронической патологии.

Определено 22,6 % детей, имеющих хронические заболевания или врожденную патологию в состоянии компенсации и субкомпенсации (III группа здоровья).

В результате исследования не выявлено детей IV группы здоровья, т. е. с наличием тяжелых хронических заболеваний или врожденной патологией в состоянии декомпенсации (рисунок 3).

Нами проведено анкетирование учащихся 8–9-х классов (75 мальчиков и 75 девочек) с целью определения возможного влияния образа жизни подростков на уровень их физического и функционального состояния.

Установлено, что большинство детей занимаются физическими упражнениями (99,3 %). Из них, занимаются на уроках физической культуры – 72,0 % дополнительно регулярно посещают спортивные секции – 27,3 % (таблица 2).

Таблица 2 – Уровень физической подготовки детей 13–15 лет

Частота занятий физическими упражнениями	Мальчики n = 75, %	Девочки n = 75, %
Регулярно посещают спортивные секции	12,0	15,3
Только на занятиях по физической культуре	38,0	34,0
Не занимаются физическими упражнениями	–	0,7

Современные подростки проводят много времени за компьютером и другими гаджетами, что, очевидно, может являться одной из основных причин нарушений органов зрения. Продолжительность работы за компьютером у детей 13–15 лет должна составлять не более 2 часов в сутки. Нами выявлено, что данные гигиенические требования не соблюдают 54,7 % учащихся. Негативное влияние на органы зрения оказывает также пользование гаджетов в ночное время, что было отмечено у 26,6 % детей.

Гигиена труда и отдыха имеет немаловажное значение для физического и функционального состояния детей. Продолжительность ночного сна у подростков должна составлять 8–9 часов,

однако, по результатам анкетирования данная норма наблюдалась только у 18,7 % детей. Установлено, что у 72,0 % подростков продолжительность сна составляет от 6 до 8 часов, что может приводить к физическим и эмоциональным переутомлениям, снижению деятельности и активности школьников в течение дня (таблица 3).

Таблица 3 – Продолжительность ночного сна детей 13–15 лет

Продолжительность ночного сна	Мальчики n = 75, %	Девочки n = 75, %
6–7 часов	20,0	19,3
7–8 часов	18,7	14,0
8–9 часов	11,3	7,4
9–10 часов	–	3,3
10–11 часов	–	6,0

Стресс является фактором риска, приводящим к возникновению заболеваний нервной, сердечно-сосудистой и других функциональных систем. Нами установлено, что подростки справляются со стрессом, преимущественно слушая музыку (46,0 %) и занимаясь в спортивных секциях (25,3 %). Употребление алкоголя и применение табачных изделий, как способ справиться со стресс-реакцией, выбрали 10,7 % респондентов. На отсутствие данного фактора риска указали 18,0 % учащихся. Учащимся также был предложен свой вариант ответа. Проводят свободное время за компьютерными играми 8,7 % школьников, 2,6 % подростков – предпочитают проводить время с друзьями, а 6,7 % респондентов указали такие варианты, как «сон», «принятие пищи».

Правильное пищевое поведение – один из принципов здорового образа жизни (ЗОЖ). Разнообразие продуктов питания (особенно быстрого приготовления), их широкая распространенность зачастую приводят к развитию заболеваний желудочно-кишечного тракта. Нами установлено, что придерживаются правильного питания 86,7 % учащихся. Среди девочек отдается предпочтение учету времени приема пищи (15,8 %), в то время как мальчики придерживаются мнения, что для этого достаточно не употреблять «фастфуд» (8,7 %). Не придерживаются принципов рационального питания 13,3 % подростков, что может негативно сказаться на функционировании их пищеварительной системы.

Изучена занятость подростков при проведении свободного времени (рисунок 4). При ответе на данный вопрос можно было выбрать несколько вариантов либо предложить собственный ответ.

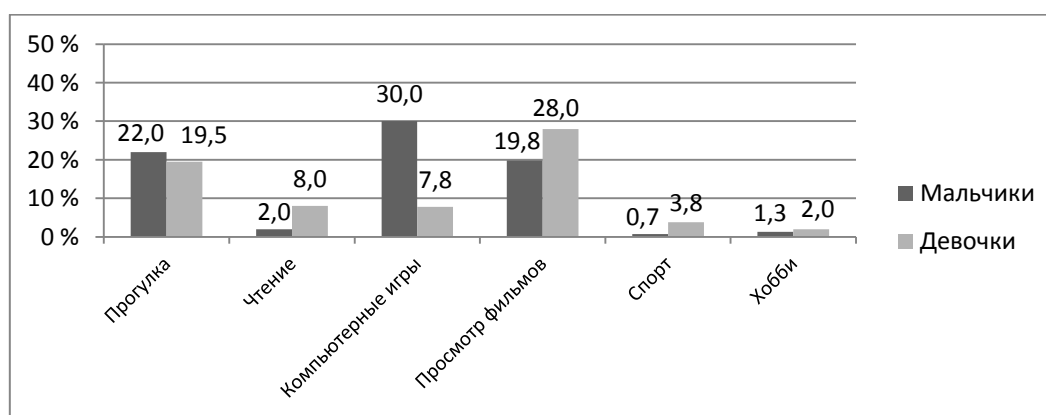

Рисунок 4 – Свободное времяпровождение детей 13–15 лет

При анкетировании нами было выявлено, что свое свободное время дети преимущественно проводят на свежем воздухе (41,5 %), за компьютерными играми (37,8 %) и видеопросмотрами (47,8 %). К сожалению, чтению книг, спорту и хобби придается малая значимость (17,8 %).

Нами изучены факторы, препятствующие поддержанию здорового образа жизни, по мнению подростков. Основными причинами являются недостаток денежных средств (56,6 %); свободного времени (22,3 %); сна (12,1 %); силы воли, мотивации (8,0 %).

Таким образом, нами выявлено, что принципов здорового образа жизни придерживаются 40,0 % учащихся. Не соблюдают принципов ЗОЖ – 20,7 %, сомневаются в своем ответе 39,3 % детей. Для улучшения физического и функционального состояния детей пубертатного периода необходимы разработка и внедрение форм и методов работы по формированию ценностного отношения к своему здоровью, а также поиска альтернативных форм занятости, способствующих укреплению здоровья подростков.

Состояние здоровья подрастающего поколения – важнейший показатель благополучия общества и государства, отражающий не только настоящую ситуацию, но и дающий точный прогноз на будущее. Укрепление физического и функционального здоровья детей должно стать одним из приоритетных направлений учебно-воспитательной работы в школе.

Общепризнанным считается тот факт, что именно образ жизни определяет здоровье человека на 50–55 %. Поэтому в современной общеобразовательной школе необходимо формирование культуры здорового и безопасного образа жизни детей и подростков.

Нами разработана **программа валеологического воспитания «Дорога к здоровью»** для учащихся 5–11 классов с учетом возрастных особенностей детей.

Разработанная программа ориентирована на формирование у учащихся чувства ответственности за сохранение и укрепление своего здоровья, расширение знаний и навыков по гигиенической культуре.

Цель программы – валеологическое воспитание и формирование у учащихся основ здорового образа жизни и ценностного отношения к здоровью.

Задачи:

- 1) формирование навыков здорового образа жизни;
- 2) развитие мотивации ведения здорового образа жизни, потребности в освоении способов сохранения и улучшения своего здоровья и здоровья окружающих людей, оказания помощи в экстремальных ситуациях;
- 3) профилактика соматических и инфекционных заболеваний;
- 4) формирование ответственности за личную безопасность жизнедеятельности.

Тематический план программы валеологического воспитания направлен на следующие возрастные категории учащихся:

1) учащиеся 5–6 классов. Цель – формирование навыков по укреплению здорового образа жизни посредством пропаганды ЗОЖ, организации мероприятий по профилактике функциональных нарушений и заболеваний;

2) учащиеся 7–8 классов. Цель – валеологическое воспитание учащихся через формирование навыков по укреплению здорового образа жизни, организацию мероприятий по профилактике наркомании, алкоголизма, табакокурения, функциональных нарушений и заболеваний;

3) учащиеся 9–11 классов. Цель – формирование культуры здорового и безопасного образа жизни учащихся, которая достигается посредством профилактики табакокурения, алкоголизма и употребления наркотических веществ, функциональных нарушений и заболеваний, антиобщественного и преступного поведения, полового просвещения учащихся.

Мероприятия представлены такими формами работы, как классные часы, беседы, конкурсные программы, викторины, агитбригады, спартакиады, тренинговые занятия. Учтено ежедневное проведение утренней гимнастики и физкультминуток на уроках.

Программа валеологического воспитания предполагает работу как с учащимися, так и с родителями. Основной формой работы с родителями являются родительские собрания, направленные на профилактику различных функциональных нарушений, заболеваний, зависимостей от психоактивных веществ, компьютера (гаджетов); половое просвещение и поведение подростков.

Программа рассчитана на учебный год, её полная версия внедрена в воспитательно-образовательный процесс ГУО «Средняя школа № 1 г. Калинковичи».

Разработанная программа валеологического воспитания может способствовать созданию условий по сохранению и укреплению здоровья учащихся; формированию сознательного отношения к своему здоровью; снижению числа учащихся, имеющих вредные привычки; улучшению физического и эмоционально-психического состояния учащихся; уменьшению заболеваемости учащихся и формированию валеологической грамотности родителей.

Заключение

1. Нами установлено, что высокий уровень физического состояния наблюдается у 10,7 % детей пубертатного периода. Уровень «выше среднего» и «средний» определен у 51,3 % и 36,0 % учащихся соответственно. Низкий уровень выявлен у 2,0 % подростков.

Нормальная масса тела наблюдается у 88,7 % учащихся. Недостаточная (дефицит) масса тела была определена у 9,3 % детей пубертатного периода. Избыточный вес выявлен у 2,0 % учащихся.

2. В структуре школьной патологии преобладают заболевания сердечно-сосудистой системы и опорно-двигательного аппарата (по 20,0 %). Заболевания органов зрения отмечаются у 17,4 % учащихся. Преимущественно дети относятся ко II группе здоровья – 56,7 %, т. е. с риском развития хронической патологии. Находятся на диспансерном учете вследствие наличия хронических болезней легкой и средней степеней тяжести – 22,6 % детей (III группа здоровья).

В результате анкетирования выявлены факторы, негативно влияющие на функциональное и физическое состояние школьников. Не соблюдают гигиенические требования работы за компьютером 54,7 % учащихся. Недостаточное пребывание на свежем воздухе и продолжительность ночного сна имеются у 58,5 % и 72,0 % подростков соответственно.

3. Разработана программа валеологического воспитания для учащихся среднего и старшего возраста, которая может способствовать созданию условий по сохранению и укреплению их здоровья; снижению заболеваемости детей и подростков; формированию валеологической грамотности родителей.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Банерджи, А. Здоровье подростков мира: второй шанс во втором десятилетии [Электронный ресурс] / А. Банерджи // Бюл. ВОЗ. – 2014. – 90 с. – Режим доступа: https://www.who.int/maternal_child_adolescent. – Дата доступа: 15.08.2022.

2. Информационно-аналитический бюллетень «Здоровье населения и окружающая среда Гомельской области в 2018 году» / ГУ «Гомельский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья»; под ред. А. А. Тарасенко. – Гомель, 2019. – Вып. 24. – 93 с.

3. Авдулова, Т. П. Психология подросткового возраста : учеб. пособие / Т. П. Авдулова. – М. : Academia, 2015. – 288 с.

4. Любека, С. В. Исследование физического состояния школьников различных групп здоровья / С. В. Любека, О. В. Юречко // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2011. – № 5 (75). – С. 80–85.

5. Функциональные резервы как интегральный показатель при оценке влияния внутришкольной среды на здоровье подростков / М. В. Шапошникова [и др.] // Профилактическая и клиническая медицина. – 2014. – № 2 (51). – С. 59–63.

6. Баранов, А. А. Состояние здоровья современных детей и подростков и роль медико-социальных факторов в его формировании / А. А. Баранов, В. Р. Кучма, Л. М. Сухарева // Вестн. Российской акад. мед. наук. – 2009. – № 5. – С. 6–10.

7. Пястолова, Н. Б. Индекс Кетле как инструмент оценки физического состояния организма / Н. Б. Пястолова // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 43–48.

8. Пирогова, Е. А. Влияние физических нагрузок на работоспособность и здоровье человека / Е. А. Пирогова, Л. Я. Иващенко, Н. П. Страпко. – Киев : Здоровье, 1986. – 151 с.

Поступила в редакцию 06.09.2022

E-mail: irinakrikalo@mail.ru; bea5555@yandex.by;
d1041@yandex.by; tenon2018@mail.ru

I. N. Krikalo, E. A. Bodiakovskaya, L. N. Laptieva, A. V. Tseluyko

PHYSICAL AND FUNCTIONAL STATUS OF CHILDREN OF PUBERTAL AGE

The results of the study of the physical and functional state of students in Grades 8–9 are presented. The average and low level of physical condition was established in 36,0 % and 2,0 % of schoolchildren respectively. There are 22,6 % of children on the dispensary account (Health group III). In the structure of school pathology the diseases of cardiovascular system, musculoskeletal system (20,0 % each) and visual organs (17,3 %) were mainly revealed.

The program of valeological education was developed to create conditions for the formation of the basics of a healthy lifestyle, preserving and strengthening their health, reducing the morbidity of children and adolescents.

Keywords: physical state, functional state, health, healthy lifestyle, adolescents, schoolchildren, morbidity, program, valeological education.

УДК 576 (476)

Н. А. Лебедев

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры биологии и экологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ВОЗРАСТНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ МЕРИСТИЧЕСКИХ И ПЛАСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ГУСТЕРЫ *BLICCA BJOERKNA* (LINNAEUS, 1758) В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. ПРИПЯТИ (В ПРЕДЕЛАХ БЕЛАРУСИ)

*Определены меристические и пластические признаки у молоди и половозрелых особей густеры *Blicca bjoerkna* (Linnaeus, 1758) в нижнем течении р. Припяти (в пределах Беларуси). Установлено отсутствие достоверных различий ($P > 0,05$) между средними значениями меристических признаков у молоди и половозрелых особей густеры. Вместе с тем коэффициенты изменчивости меристических признаков (число чешуй в $l.l.$, количество ветвистых лучей в D и A) у молоди были выше, чем у особей старших возрастных групп. Полученные данные по возрастной изменчивости меристических признаков густеры подтверждают гипотезу о более высокой степени фенетического разнообразия особей младших возрастных групп по сравнению с половозрелыми особями в одной и той же популяции рыб. Из пластических признаков у густеры в ходе онтогенеза наиболее значительным изменениям в форме тела подвергаются относительная наибольшая высота тела (увеличивается), относительный диаметр глаза (уменьшается), относительный размер заглазничного расстояния (увеличивается) при $P < 0,001$.*

Ключевые слова: *Blicca bjoerkna*, меристические и пластические признаки, река Припять, стабилизирующий отбор.

Введение

Густера *Blicca bjoerkna* (Linnaeus, 1758) является одним из наиболее распространенных видов рыб в бассейнах Северного, Балтийского, Белого, Черного и Каспийского морей [1]. В реках предпочитает участки с замедленным течением, часто держится вместе с лещом, с которым имеет сходные биологические особенности. По данным И. А. Ермолаевой и др. [2], в 2007–2009 гг. на отдельных участках р. Припяти густера принадлежала к числу доминантных видов рыб в структуре прибрежных сообществ молоди рыб. Широкое распространение этого вида во многих водоемах отмечали и другие ихтиологи [3–5]. Это делает густеру удобным объектом для проведения ихтиологических исследований.

Густера относится к бентофагам, питается личинками насекомых (хируномиды и др.), а также моллюсками, олигохетами, ракообразными и др. Ведет преимущественно оседлый образ жизни. В уловах обычно преобладают особи массой до 100–200 г, изредка встречаются более крупные экземпляры [6]. Из-за медленного темпа роста, относительно небольшой массы, костистости и пищевой конкуренции с лещом относится к малоценным видам рыб с ограниченным промысловым значением. Исследованию различных аспектов биологии густеры, включая определение морфометрических признаков, посвящены научные труды отечественных и зарубежных ихтиологов [4–8]. Половая зрелость густеры в водоемах Беларуси наступает обычно в 3–4 года при длине тела около 8–10 см, причем самцы, как правило, созревают раньше самок. Нерест порционный, начинается при температуре воды 16–17 °С, проходит в два-три приема, в мае-июне [6; 7]. В природных условиях густера образует гибриды с лещом, красноперкой, плотвой, уклейей и некоторыми другими карповыми рыбами. Нами в 2021 г. в нижнем течении р. Припяти выявлен природный гибрид красноперки и густеры, занимавший по ряду меристических признаков промежуточное положение по сравнению с родительскими видами, но имевший сходство с красноперкой в строении глоточных зубов и по количеству жаберных тычинок [9]. Белорусские ихтиологи М. В. Плюта, В. К. Ризевский и др. [10] отмечают, что с 1955 по 2007 год в реках Припять и Пина произошли гидрологические и температурные изменения, негативно отразившиеся на условиях воспроизводства рыб. По оценкам этих исследователей за анализируемый период времени средний уровень паводка существенно снизился. Причем если в начале весны различия составляют около 1,3 м, то к концу весны они уже

достигают свыше 2,1 м. Из-за изменений температурного режима по итогам многолетних наблюдений отмечаются более раннее таяние льда в реках и более быстрый прогрев воды до необходимых для нереста температур [10]. В этой связи особую актуальность приобретают исследования биологических особенностей рыб в изменившихся условиях существования. Целью работы стало определение возрастной изменчивости ряда пластических и меристических признаков густеры в нижнем течении р. Припяти (в пределах Беларуси).

Методы и методология исследования

Отловы рыб проведены в июле (половозрелые особи) и сентябре (молодь) 2021 г. в нижнем течении р. Припяти. Отлов половозрелых особей осуществлен фидерной снастью, молодь отлавливалась сачком на мелководье. Всего было отловлено и обработано 35 половозрелых (от 3 до 9 лет) и 35 неполовозрелых (0+, 1+) особей густеры. Определение морфометрических показателей и возраста (по чешуе) проведено одним оператором по общепринятым в ихтиологии методикам [11]. Из пластических признаков изучались: длина тела без хвостового плавника, длина головы, длина туловища, наибольшая и наименьшая высота тела, длина рыла, горизонтальный диаметр глаза, заглазничное расстояние. Из меристических признаков исследовали: количество лучей в спинном и анальном плавниках, формулу боковой линии, количество тычинок на первой жаберной дуге, формулу глоточных зубов. Меристические признаки у молоди густеры определены с использованием стереоскопического микроскопа Альтами ПС 0745-БИНО. Взвешивание рыб проводили на лабораторных весах Scout Pro SPS2001F. Статистическая обработка полученных данных проведена в пакете Excel. Для оценки достоверности различий средних значений меристических признаков у молоди и половозрелых особей густеры использовали критерий Стьюдента. В статье приняты следующие обозначения: \lim – минимальные и максимальные значения признака; $M \pm m$ – средняя арифметическая величина и ее ошибка; σ – среднеквадратичное отклонение; C_v – коэффициент изменчивости (вариации), %.

Результаты исследования и их обсуждение

У половозрелых особей густеры длина без С колебалась от 100 до 244 мм (в среднем 125,3 мм), масса – от 24 до 342,5 г (в среднем 52,6 г). У молоди длина без С варьировала от 44 до 69 мм (при среднем значении 54,4 мм), масса от 1,4 до 6,1 г (в среднем 3,2 г).

Данные по определению пластических признаков густеры в нижнем течении р. Припяти приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Пластические признаки молоди и половозрелых особей густеры в нижнем течении р. Припяти (сентябрь 2021)

Признак	Молодь				Половозрелые особи				По Жукову (данные для половозрелых особей, бассейн Днепра) [7]	
	\lim	$M \pm m$	σ	$C_v, \%$	\lim	$M \pm m$	σ	$C_v, \%$	\lim	$M \pm m$
Длина тела без хвостового плавника, мм	44–69	54,37±1,01	5,96	10,9	100–244	125,26±4,2	24,97	19,9	90–255	142,3±3,2
В процентах от длины тела без С										
Длина головы	21,0–28,8	25,01±0,26	1,53	6,1	20,9–25,7	23,03±0,19	1,15	5,0	21,0–26,7	23,51±0,11
Длина туловища	71,4–80,4	75,78±0,37	2,17	2,9	75,7–81,9	78,62±0,28	1,68	2,1	74,0–80,0	77,09±0,11
Наибольшая высота тела	26,7–33,3	30,67±0,28	1,64	5,3	32,4–39,7	36,88±0,29	1,74	6,5	32,0–42,0	37,33±0,21
Наименьшая высота тела	7,5–14,5	9,75±0,22	1,31	13,4	9,8–13,0	10,75±0,12	0,70	6,5	9,2–12,2	10,65±0,07
Наибольшая толщина тела	8,9–14,5	11,75±0,23	1,39	11,8	10,7–14,2	12,77±0,14	0,82	6,4	8,5–19,0	14,03±0,17

Продолжение таблицы 1

В процентах от длины головы										
Длина рыла	13,3–28,6	19,53±0,66	3,89	19,9	15,4–31,2	21,66±0,63	3,75	17,3	21,7–35,0	28,0±0,19
Диаметр глаза	30,8–41,7	37,33±0,51	2,99	8,0	26,9–40,0	32,76±0,49	2,88	8,8	20,0–37,0	29,51±0,23
Заглазничное расстояние	35,7–53,3	42,73±0,66	3,93	9,2	41,7–51,8	46,85±0,43	2,52	5,4	35,0–56,0	43,51±0,39

Сопоставление полученных данных по пластическим признакам половозрелых особей густеры в нижнем течении р. Припяти с аналогичными данными П. И. Жукова (таблица 1) показало отсутствие существенных различий между ними. Например, относительная средняя длина головы густеры в р. Припяти составила 23,03 %, по данным П. И. Жукова для бассейна Днепра – 23,51 %. Имеющиеся различия объясняются, в первую очередь, возрастной изменчивостью, а также могут быть обусловлены некоторыми экологическими особенностями условий существования. Анализ возрастной изменчивости пластических признаков показал, что с возрастом у густеры наиболее значительным изменениям в форме тела подвергаются относительная наибольшая высота тела (увеличивается), относительный размер глаз (уменьшается), относительный размер заглазничного расстояния (увеличивается) при $P < 0,001$ (таблица 1). Так, у молоди в среднем относительная наибольшая высота тела составляет 30,67 %, в старших возрастных группах соответственно – 36,88 %; относительный размер глаз у молоди составлял 37,33 %, у половозрелых особей – 32,76 %; относительная длина заглазничного расстояния у молоди – 42,73 %, у половозрелых особей – 46,85 %. Вероятнее всего быстрое увеличение в ходе онтогенеза показателя наибольшей высоты тела связано с тем, что высокоспинная рыба становится менее доступной для хищников, питающихся мелкой прогонистой рыбой (судак, жерех). П. И. Жуков [6] также отмечает, что такие рыбы, как лещ, карась, сазан, благодаря высокоспинности быстро становятся менее доступными в питании судака. Таким образом, возрастное увеличение высокоспинности в ходе онтогенеза густеры является адаптацией, существенно снижающей пресс со стороны ряда хищных рыб. В заглазничном отделе головы у рыб располагаются жаберы, обеспечивающие дыхательную функцию. С возрастом происходит быстрое увеличение массы рыбы при одновременном замедлении линейного роста, поэтому потребности организма в кислороде существенно возрастают. Этим обстоятельством, по-видимому, объясняется значительное увеличение в ходе онтогенеза заглазничного отдела головы. Также с возрастом у густеры достоверно менялись значения и других пластических признаков, но эти изменения были менее заметными. Так, с возрастом увеличивалась относительная длина рыла (у молоди в среднем 19,53 %, у половозрелых – 21,66 %), снижалась относительная длина головы: у молоди в среднем 25,01 %, у половозрелых – 23,03 %, увеличивалась относительная длина туловища: – 75,78 % (молодь) и 78,62 % (половозрелые особи) и др. Изменчивость большинства пластических признаков (относительная длина головы, длина туловища, наименьшая высота тела, наибольшая толщина тела, длина рыла, заглазничное расстояние) с возрастом снижалась. Так, если у молоди коэффициент изменчивости относительной длины головы составлял 6,1 %, то у половозрелых особей был ниже – 5,0 %; коэффициент вариации относительной длины рыла у молоди был 19,9 %, у половозрелых особей – 17,3 %. Только для двух показателей (относительный диаметр глаза и относительная наибольшая высота тела) коэффициенты изменчивости у молоди были ниже, чем у половозрелых особей. Возможно, это связано с тем, что наименьшая изменчивость обычно характерна для более значимых в функциональном отношении структур. Таким образом, наиболее существенным изменениям в ходе онтогенеза густеры подвергаются пластические признаки, имеющие наибольшее значение для выживания особи.

В целом коэффициенты изменчивости пластических признаков у половозрелых особей густеры (таблица 1) варьировали в пределах от 2,1 % (длина туловища) до 17,3 % (длина рыла) и были в основном выше изменчивости меристических признаков (таблица 2): от 2,5 % (количество чешуй в I.I.) до 7,7 % (количество тычинок на первой жаберной дуге).

Результаты определения меристических признаков молоди и взрослых особей густеры в нижнем течении р. Припяти приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Меристические признаки молодежи и взрослых особей *Blicca bjoerkna* в нижнем течении р. Припяти (в пределах Беларуси)

Признак	Молодь				Половозрелые особи			
	lim	M±m	σ	Cv, %	lim	M±m	σ	Cv, %
Количество лучей в D	D III 7–9	D III 8,0±0,06	0,34	4,3	D III 8–9	D III 8,09±0,05	0,28	3,5
Количество лучей в A	A III 19–24	A III 21,49±0,21	1,22	5,7	A III 20–24	A III 21,79±0,19	1,08	5,0
Количество чешуй в l.l.	43–50	46,97±0,30	1,76	3,7	44–49	46,57±0,20	1,17	2,5
Количество тычинок на первой жаберной дуге, шт.*	13–17	14,75±0,33	1,14	7,7	13–19	14,73±0,19	1,14	7,7

Для молодежи густеры в нижнем течении р. Припяти характерны следующие меристические признаки: D III 7–9 (в среднем 8,0±0,06); A III 19–24 (в среднем 21,49±0,21); l.l. – 43–50 (в среднем 46,97±0,30), количество тычинок на первой жаберной дуге – 13–17 (в среднем 14,75±0,33). У половозрелых особей густеры эти показатели соответственно составили: D III 8–9 (в среднем 8,09±0,05); A III 20–24 (в среднем 21,79±0,19); l.l. – 44–49 (в среднем 46,57±0,20); количество тычинок на первой жаберной дуге – 13–19 (в среднем 14,73±0,19). Глоточные зубы у исследованных нами особей были двурядные с формулой 2.5–5.2.

Разница средних значений меристических признаков у молодежи и половозрелых особей густеры недостоверна ($P > 0,05$). Однако, количество лучей в D у молодежи колебалось от 7 до 9 (таблица 2) при коэффициенте изменчивости 4,3 %, а у половозрелых – в пределах от 8 до 9 (коэффициент изменчивости составил 3,5 %). Для количества ветвистых лучей в анальном плавнике у взрослых особей коэффициент изменчивости составил 5,0 %, у молодежи также был выше – 5,7 %. Коэффициент вариации для количества чешуй в боковой линии у половозрелых особей составил 2,5 %, у молодежи был выше – 3,7 % (таблица 2). То есть для проанализированных меристических признаков (за исключением числа тычинок на первой жаберной дуге) установлено возрастное снижение коэффициента изменчивости. Коэффициент изменчивости количества тычинок на первой жаберной дуге у молодежи и у половозрелых особей был одинаковым и составил 7,7 %. Вероятнее всего это объясняется разным количеством исследованных особей (34 – у взрослых и 12 – у молодежи). На наш взгляд, полученные данные по изменчивости меристических признаков *Blicca bjoerkna* подтверждают гипотезу о более высокой степени фенетического разнообразия особей младших возрастных групп по сравнению с половозрелыми особями в одной и той же популяции рыб [12]. В процессе естественного отбора за счет элиминации менее приспособленных к сложившимся экологическим условиям вариантов происходит окончательное формирование фенетических характеристик популяции.

Общеизвестно, что внутри одной систематической группы рыб средние значения ряда меристических признаков (количество лучей в спинном и анальном плавниках, число чешуй в боковой линии, количество позвонков) возрастают с увеличением географической широты и уменьшаются в южных широтах. Причем эти признаки достаточно устойчивы, формируются на ранних этапах онтогенеза, в последующем не меняются. Данная закономерность, подтвержденная на большем количестве экспериментального материала, связана, прежде всего, с влиянием температуры воды на жизнедеятельность рыб. Повышение или понижение температуры воды вызывает изменение ее вязкости, что, в свою очередь, отражается на характеристиках движения рыб. В определенных экологических условиях под влиянием естественного отбора для популяции рыб формируется оптимальный диапазон значений меристических признаков. Вследствие разнообразных причин (изменчивость, вероятностный характер естественного отбора) часть особей в каждом поколении будет иметь выходящие за пределы сложившегося оптимума значения меристических признаков. Но под

* Количество тычинок на первой жаберной дуге у молодежи определено у 12, у половозрелых – у 34 особей.

влиянием стабилизирующей формы естественного отбора менее адаптивные отклонения от оптимальных значений элиминируются. По нашему мнению, установленное нами возрастное снижение размаха изменчивости коэффициентов вариации средних значений меристических признаков у молоди и половозрелых особей густеры свидетельствует о действии стабилизирующей формы естественного отбора. А. С. Северцов [13] также считает, что постоянство числа чешуй в боковой линии у различных подвидов шемаи поддерживается стабилизирующим отбором. Так, у подвида шемаи *Chalcalburnus chalooides schischkovi*, обитающего в реках бассейна Черного моря от Кубани до Буга, в боковой линии насчитывается 61–68 чешуй, у подвида *Chalcalburnus chalooides danubicus*, обитающего в Дунае, – 52–72 чешуи [13].

Заклучение

Анализ возрастной изменчивости пластических признаков показал, что с возрастом у густеры достоверно меняются все исследованные пластические признаки, но наиболее значительным изменениям в форме тела подвергаются относительная наибольшая высота тела (увеличивается), относительный диаметр глаз (уменьшается), относительный размер заглазничного расстояния (увеличивается) при $P < 0,001$.

Для молоди густеры *Blicca bjoerkna* (Linnaeus, 1758) в нижнем течении р. Припяти (в пределах Беларуси) характерны следующие меристические признаки: D III 7–9 (в среднем $8,0 \pm 0,06$); A III 19–24 (в среднем $21,49 \pm 0,21$); I.I. – 43–50 (в среднем $46,97 \pm 0,30$), количество тычинок на первой жаберной дуге – 13–17 (в среднем $14,75 \pm 0,33$). У половозрелых особей густеры эти показатели составили: D III 8–9 (в среднем $8,09 \pm 0,05$); A III 20–24 (в среднем $21,79 \pm 0,19$); I.I. – 44–49 (в среднем $46,57 \pm 0,20$); количество тычинок на первой жаберной дуге – 13–19 (в среднем $14,73 \pm 0,19$).

В результате проведенных исследований не выявлено достоверных различий средних значений меристических признаков у молоди и половозрелых особей густеры в нижнем течении р. Припяти (в пределах Беларуси). Вместе с тем размах и коэффициенты изменчивости исследованных меристических признаков (число чешуй в I.I., количество ветвистых лучей в D и A) у молоди были выше, чем у особей старших возрастных групп. Полученные данные свидетельствуют в пользу гипотезы о большем фенетическом разнообразии особей младших возрастных групп рыб по сравнению с половозрелыми особями. На наш взгляд, установленное возрастное снижение размаха и коэффициентов изменчивости меристических признаков у густеры в нижнем течении р. Припяти объясняется действием стабилизирующей формы естественного отбора, отсекающей менее адаптивные варианты.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kottelat, M. Handbook of European Freshwater Fishes / M. Kottelat, J. Freyhof. – Berlin, 2007. – 646 p.
2. Динамика структуры прибрежных сообществ молоди рыб рек Днепр и Припять (в пределах Беларуси) / И. А. Ермолаева [и др.] // Вопросы рыбного хозяйства Беларуси : сб. науч. тр. / РУП «Институт рыбного хозяйства» ; под общ. ред. М. М. Радько. – Минск, 2010. – Вып. 26. – 276 с.
3. Фролова, А. А. Роль карповых рыб в экосистеме Старомайнского залива Куйбышевского водохранилища / А. А. Фролова, В. А. Михеев // XXX Люблинские чтения. Современные проблемы экологии и эволюции : сб. материалов Всероссийск. (с междунар. участием) науч. конф., Ульяновск, 30–31 марта, 2017 г. – Ульяновск, 2017. – С. 372–376.
4. Абрамчук, А. В. Морфобиологическая характеристика густеры *Blicca bjoerkna* (Linnaeus, 1758) водоёмов бассейна Кубани / А. В. Абрамчук, Н. Г. Пашинова, Г. А. Москул // Водные биоресурсы и аквакультура юга России : материалы Всероссийск. науч.-практ. конф., приуроч. к 20-летию открытия в Кубанском гос. ун-те направления подготовки «Водные биоресурсы и аквакультура» / Кубанский гос. ун-т ; отв. ред. Г. А. Москул. – Краснодар, 2018. – С. 10–14.
5. Aurel, N. Ecological status of fish fauna in arms of the Danube delta (Danube Delta Biosphere Reserve, Romania) at the beginning of the third millennium / N. Aurel, Otel Vasile, Navodaru Ion // Acta zoologica bulgarica. – 2017. – 69 (3). – P. 349–360.
6. Жуков, П. И. Рыбы Беларуси / П. И. Жуков. – Минск : Наука и техника, 1965. – 415 с.
7. Пенязь, В. С. Биология рыб водоемов Белорусского Полесья / В. С. Пенязь, Т. М. Шевцова, Т. И. Нехаева. – Минск : Наука и техника, 1973. – 240 с.
8. Биологическая характеристика густеры *Blicca bjoerkna* верхней части волжского плеса Куйбышевского водохранилища / В. А. Кузнецов [и др.] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17, № 6. – С. 23–27.

9. Лебедев, Н. А. Случай естественной гибридизации красноперки *Scardinius erythrophthalmus* (L.) и густеры *Blicca bjoerkna* (L.) в нижнем течении р. Припять (в пределах Беларуси) / Н. А. Лебедев, Н. С. Науменко // Трансграничное сотрудничество в области экологической безопасности и охраны окружающей среды [Электронный ресурс] : VI междунар. науч.-практ. конф. (Гомель, 2–4 июня 2022 г.) : [материалы]. – Электрон. текст. дан. (объем 8,23 Mb). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – С. 162–166.

10. Влияние изменений уровня и температурного режимов водотоков Полесья в весенний период на воспроизводство филофильных видов рыб / М. В. Плюта [и др.] // Вопросы рыбного хозяйства Беларуси : сб. науч. тр. / РУП «Институт рыбного хозяйства». – Минск, 2010. – Вып. 26. – С. 215–227.

11. Правдин, И. Ф. Руководство по изучению рыб / И. Ф. Правдин. – М. : Пищевая промышленность, 1966. – 376 с.

12. Мироновский, А. Н. Возрастная динамика изменчивости некоторых морфологических признаков густеры *Blicca bjoerkna* низовий Терека: пример жесткого отбора? / А. Н. Мироновский, А. К. Устарбеков // Вопросы ихтиологии. – 1997. – Т. 37, № 2. – С. 224–230.

13. Северцов, А. С. Теория эволюции : учеб. для академ. бакалавриата / А. С. Северцов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2018. – 382 с.

Поступила в редакцию 15.08.2022

E-mail: lebedevna@inbox.ru

М. А. Lebedzeu

AGE VARIABILITY OF MERISTIC AND PLASTIC FEATURES OF BLICCA BJOERKNA (LINNAEUS, 1758) IN THE LOWER RIVER PRIPYAT (WITH BELARUS)

Meristic and plastic features were determined in juveniles and mature individuals of *Blicca bjoerkna* (Linnaeus, 1758) in the lower reaches of the river Pripyat (within Belarus). There were no significant differences in the average values of meristic traits in juveniles and mature individuals of the white bream. At the same time, the coefficients of variability of meristic characters (the number of scales in I.L., the number of branched rays in D and A) in juveniles were higher than in individuals of older age groups. The obtained data on the age-related variability of the meristic traits of the white bream confirm the hypothesis of a higher degree of phenetic diversity in individuals of younger age groups compared to mature individuals in the same fish population. The most significant changes in the shape of the body undergo the largest relative height of the body (increases), the relative diameter of the eye (decreases), and the relative size of the postorbital distance (increases) at $P < 0,001$ out of the plastic features in white bream during ontogenesis

Keywords: *Blicca bjoerkna*, meristic and plastic characters, the Pripyat river, stabilizing selection.

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 378.14

Н. В. Гуцко¹, С. Эрфэн²

¹Кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры физики и математики, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Магистрант кафедры педагогики и психологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

МОДЕЛИРОВАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО КУРСА «МЕТОДЫ ВЕБ-РАЗРАБОТКИ НА JAVA»

В статье рассмотрена экспериментальная модель учебного процесса с использованием электронного учебного курса по дисциплине «Методы веб-разработки на Java», обеспечивающего интерактивное образовательное взаимодействие студентов и преподавателя. Обоснованы актуальность и практическая значимость модели, приведена её структура и рассмотрено содержание основных конструктивных элементов модели.

Ключевые слова: электронный учебный курс, интерактивное обучение, модель учебного процесса с использованием электронного учебного курса.

Введение

Переход от традиционных форм обучения к формам, основанным на использовании современных образовательных технологий, предполагает системные изменения в организации учебного процесса. Во главу угла ставятся уже не знания, а деятельность по овладению знаниями. В связи с этим в последнее время публикуется ряд работ, в которых рассматриваются особенности процесса обучения на основе организации интерактивного взаимодействия участников учебного процесса. В частности, исследователями осуществляется поиск путей донесения до студента теоретического и практического материала в ходе учебного процесса, при этом в обучении акцент делается на мнение студента и его личный опыт по изучаемому вопросу, также изучаются методы, позволяющие поддерживать активность студентов на всех этапах учебного процесса. Учебный процесс, основанный на использовании современных информационных технологий обучения, подразумевает применение компьютера, мультимедиа-систем и других электронных средств и сред обучения. Однако существующие системы не позволяют преподавателям организовать интерактивное взаимодействие со студентом в ходе процесса обучения, а также координировать его учебную траекторию и проводить своевременную ее коррекцию. При этом методы, которые позволили бы организовать эффективное интерактивное обучение с использованием обучающих систем, требуют дополнительных исследований.

Таким образом, с одной стороны, существует необходимость организации интерактивного обучения на основе образовательных систем, а с другой стороны – не устранены недоработки и недостатки таких обучающих систем, что не позволяет их использовать в организации интерактивного обучения и исследовать в дальнейшем вопросы оптимизации. Целями данной статьи являются разработка и описание экспериментальной модели учебного процесса с использованием электронного учебного курса (ЭУК) по дисциплине «Методы веб-разработки на Java», обеспечивающего интерактивное образовательное взаимодействие преподавателя и студентов.

Методы и методология исследования

В основу работы положены системно-деятельностный подход, при котором обучение рассматривается с точки зрения совместной деятельности, основанной на сотрудничестве; компетентностный подход, который направлен на формирование академических, социально-личностных и профессиональных компетенций в процессе обучения; а также личностно ориентированный подход, в основу которого положены особенности развития личности обучающего и который, прежде всего, направлен на формирование умений проводить анализ собственных достижений в ходе обучения.

В работе использовались следующие методы исследования: теоретические (анализ психологической и педагогической литературы по теме исследования; сравнение, анализ, обобщение; моделирование); эмпирические (педагогический эксперимент, анкетирование); математические (количественный и качественный анализ, статистическая обработка данных).

Результаты исследования и их обсуждение

В работах В. Г. Афанасьева, Ю. К. Бабанского, В. А. Венникова, Б. А. Глинского, И. Б. Новик, Г. В. Суходольского, В. А. Штоффа рассматривается проблема моделирования. Модель представлена как педагогическая система, включающая в себя цели, содержание, способы, средства, формы и результаты педагогического процесса.

В основу моделирования педагогического процесса была положена идея организации учебного процесса с обязательным использованием электронного учебного курса, который обеспечивал бы интерактивное образовательное взаимодействие преподавателя и студентов.

Опираясь на теоретические обоснования процесса моделирования, понятие «модель» и примеры моделирования в педагогике, мы выделили следующие требования к конструкции модели учебного процесса с использованием электронного учебного курса, обеспечивающего интерактивное взаимодействие студентов и преподавателя: *целенаправленность, компонентность, этапность, управляемость*.

Целенаправленность модели обеспечивается не только за счет педагогических и психологических концепций, положенных в основу процесса конструирования, но и нормативно-правовой базы. Здесь следует отметить, прежде всего, необходимость усвоения студентами учебной деятельности в соответствии с требованиями к освоению учебной дисциплины.

Вторым требованием к модели учебного процесса на основе электронного учебного курса является *компонентность*. Компонентами разработанной модели являются: *целевой, теоретико-методологический, содержательно-технологический, критериально-диагностический*.

Целевой компонент модели содержит цель, задачи, объект и предмет модели учебного процесса.

Цель – формирование учебной самостоятельности как интегративного качества у студентов в процессе интерактивного обучения с использованием электронного учебного курса.

Задачи – формирование у студентов стремления к самостоятельной учебной деятельности и ориентирование их на взаимодействие в образовательном процессе; представление студентам компонентов учебной самостоятельности и электронного учебного курса; отработка умений и навыков самостоятельной учебной деятельности в процессе включения студентов в интерактивное обучение.

Объект – процесс интерактивного обучения.

Предмет – педагогические условия использования электронного учебного курса в учебном процессе и в ходе интерактивного взаимодействия преподавателя и студентов.

Теоретико-методологический компонент включает основную идею – использование электронного учебного курса как основы в процессе осуществления поэтапной организации интерактивного взаимодействия преподавателя и студентов при изучении учебной дисциплины «Методы веб-разработки на Java».

Опираясь на концепцию развивающего и развивающегося взаимодействия преподавателя и студентов Н. Ф. Радионовой [1], а также на результаты исследований Е. Б. Гумель [2], А. Ф. Кабирова [3], в качестве принципов организации учебного процесса нами были выбраны следующие положения:

«*совместность*» – осознание студентами процесса учения, наличие познавательной активности, принятие ими обучающих целей и задач, в связи с чем включение в учебную деятельность с позитивным отношением ко всем участникам учебного процесса;

«*равенство активностей преподавателя и студентов*» – поощрение у студентов стремления к самостоятельной деятельности на отдельных этапах учебного процесса, в частности, овладение умениями постановки целей, планирования деятельности по их достижению и реализация задач в ходе совместной деятельности;

«*субъектность*» – направленность учебной деятельности студентов на самостоятельное мышление, ориентирование в новых ситуациях, нахождение путей решения новых задач, разработка алгоритма собственных действий по достижению цели в ходе совместной деятельности, проведение анализа результатов учебной деятельности и формулирование выводов.

При составлении модели учебного процесса с использованием электронного учебного курса для организации интерактивного образовательного взаимодействия студентов и преподавателя мы основывались на принципах системно-деятельностного подхода, а также компетентностного и лично-ориентированного.

Системно-деятельностный подход, положенный в основу модели, позволяет организовать самостоятельную деятельность студентов, направленную на поиск и осмысление учебной проблемы, а также использовать интерактивные методы и формы в процессе обучения. В ходе учебного процесса также изменяется форма взаимодействия, она становится ориентированной на совместную деятельность, которая основана на сотрудничестве.

Компетентностный подход позволяет организовать действия студентов, направленные на формирование ключевых профессиональных компетенций, в частности, понимание проблемы, анализ, поиск решения, деятельность по решению проблемы и достижению результата [4].

Использование личностно ориентированного подхода находит отражение во включении студентов в учебный процесс посредством активной деятельности. При этом основное внимание уделяется рефлексии. В частности, акцент в учебном процессе делается на формировании у студентов умений проводить анализ результатов своей учебной деятельности и на его основе координировать свои дальнейшие действия.

Содержательно-технологический компонент отражает содержание этапов в соответствии с программой учебной дисциплины «Методы веб-разработки на Java» и определяет методы и формы, используемые для организации процесса интерактивного обучения, а также средства обучения, в частности, разработанный нами электронный учебный курс по дисциплине «Методы веб-разработки на Java».

Кроме базовой составляющей (блок учебно-методических материалов; блок контрольных материалов; информационный блок) электронный учебный курс по дисциплине «Методы веб-разработки на Java» обеспечивает различные варианты взаимодействия преподавателя и студентов. Электронный учебный курс имеет несложный и эффективный интерфейс, позволяющий работать с программой даже неопытному пользователю. Предусмотрены также отдельные элементы курса: «семинар», «обмен сообщениями», «комментарий», которые позволяют организовать индивидуальное и коллективное общение, обсуждение вопросов. Электронный учебный курс позволяет участникам учебного процесса обмениваться электронными файлами различных типов, вести собственные записные книжки, использовать в учебном процессе календарь событий.

Критериально-диагностический компонент содержит:

- показатели качества электронного учебного курса, используемого в учебном процессе для организации интерактивного взаимодействия студентов и преподавателя;
- уровни учебной самостоятельности (низкий, средний, высокий);
- уровни эффективности учебной деятельности студентов (необоснованно низкий, низкий, средний, высокий, необоснованно высокий);
- характеристику эффективности учебного процесса (результативность, успешность, эффективность);
- результат (сформированность у студентов учебной самостоятельности).

В результате проведения анализа определений понятия «качество» стало возможно разделить их на две основные группы [5]: характеризующие качество объекта с точки зрения его компонентов и их взаимосвязей, а также определяющие качество объекта как совокупность его характеристик, которые направлены на удовлетворение различных потребностей. В связи с этим была выбрана система показателей оценки качества сетевого электронного учебного курса, отражающая показатели качества перечисленных двух основных групп.

Для диагностики уровня сформированности учебной самостоятельности у студентов были выделены критерии и показатели, которые приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Критерии и показатели сформированности учебной самостоятельности

Критерии	Учебная деятельность	Учебная самостоятельность
<i>Мотивационный</i>	Понимание проблемы	Мотивация, целеполагание
<i>Прогностический</i>	Анализ и поиск решения	Планирование
<i>Деятельно-практический</i>	Деятельность по решению проблемы	Выполнение
<i>Аналитический</i>	Анализ результатов деятельности	Контроль
<i>Рефлексивный</i>	Оценка учебной деятельности	Самосовершенствование

Для характеристики оценки эффективности процесса обучения по трем уровням – результативность, успешность, эффективность – используются критерии эффективности учебной деятельности студента по учебной дисциплине «Методы веб-разработки на Java» [6]. Для этого необходимо отследить характер динамики показателей учебных достижений студентов (устойчивая положительная, неустойчивая преимущественно положительная, «нулевая», неустойчивая преимущественно отрицательная, устойчивая отрицательная) и уровень подготовки студентов по учебной дисциплине «Методы веб-разработки на Java» (недостаточный, обязательный, прикладной, творческий).

Третьим требованием к модели учебного процесса с использованием электронного учебного курса для организации интерактивного образовательного взаимодействия студентов и преподавателя является *этапность*. В построенной модели этапность основывается на целенаправленной совместной деятельности студентов и преподавателя. Проведя анализ исследовательских работ, нами были выделены результаты А. Ф. Кабирова [3], которые и были положены в основу последовательной поэтапной деятельности студентов. В частности, рассматривается организация следующих этапов: *ориентационный, координационный, кооперационный*.

Особенностью ориентационного этапа является его направленность на побуждение студентов к включению в учебный процесс и дальнейшее их взаимодействие со всеми участниками учебного процесса. После этого уже возможно первичное осмысление и частичное овладение студентами отдельными компонентами учебной деятельности в ходе процесса обучения. На координационном этапе деятельность студентов направлена на выработку умений и навыков по овладению компонентами учебной деятельности в ходе совместной работы с преподавателем. Данный этап направлен на овладение студентами знаниями по организации самостоятельной деятельности, направленной на определение последовательности действий в ходе выполнения учебных задач. Кооперационный этап призван отработать, закрепить навык самостоятельной учебной деятельности студентов, включающей понимание проблемы, ее анализ, поиск решения, деятельность по решению проблемы и достижению результата.

В таблице 2 рассматриваются возможности использования разработанного электронного учебного курса на всех трех этапах процесса интерактивного обучения.

Таблица 2 – Особенности организации интерактивного обучения с использованием ЭУК

Дидактические возможности ЭУК	Формы и операции учебной деятельности
1. Ориентационный этап – лекционные занятия	
Методические лекционные материалы по дисциплине	Преподаватель на этом этапе является <i>организатором</i> учебного процесса, а студент – <i>исполнителем</i> .
Презентации	
Вспомогательные видеоматериалы по темам дисциплины	Студенты частично овладевают компонентами учебной деятельности в процессе взаимодействия с преподавателем
Графическое представление информации (схемы, графики, таблицы, алгоритмы, блок-схемы и др.)	
Дополнительная литература (научная, справочная, периодические научные издания и др.)	
Входной контроль по теме (тестовые задания; контрольные вопросы)	Разбор/анализ результатов учебной деятельности
Промежуточный/итоговый контроль (тестовые задания, контрольные задания, коллоквиум; контрольные вопросы)	
Форум, чат	Консультирование преподавателем студентов; информирование; обратная связь
Видеосвязь	Проведение удаленной лекции
Календарь контрольных точек	Информирование о контрольных мероприятиях
2. Координационный этап – практические и лабораторные занятия, семинары	
Методические материалы/задания по дисциплине	Осуществляется совместная деятельность под управлением преподавателя. Студент на данном этапе является <i>соорганизатором</i> учебного процесса.
Методические рекомендации по выполнению заданий	
Видеоуроки к лабораторным занятиям	Определение студентами последовательности операций по выполнению совместной учебной деятельности
Дополнительная литература (методические разработки по темам дисциплины, справочники, сборники задач, практикумы и др.)	
Программная среда обучения	
Промежуточный/тематический контроль (тестовые задания, контрольные практические задания)	Разбор/анализ результатов учебной деятельности
Журнал оценок	

Продолжение таблицы 2

Задания повышенного уровня сложности	Перенос знания в другие учебные ситуации, умение осуществлять деятельность в сотрудничестве.
Олимпиадные задания	
Форум, чат	Консультирование преподавателем студентов; информирование; обратная связь
Видеосвязь	Проведение контроля в онлайн-режиме и др.
Календарь контрольных точек	Информирование о контрольных мероприятиях
3. Кооперационный этап – самостоятельная работа студентов	
Проектные задания	Групповое выполнение проектов студентами с консультированием со стороны преподавателя. Студенты самостоятельно выдвигают цели, планируют совместную деятельность, анализируют деятельность и вносят коррективы. Оформляют и правильно представляют результаты самостоятельной работы. На данном этапе учебного процесса студент является инициатором
Методические рекомендации по выполнению проектных заданий	
Дополнительная литература (списки литературы, рекомендованной по темам проектных заданий, справочники и др.)	
Итоговый контроль	Защита проекта – разбор/анализ результатов учебной деятельности
Форум, чат	Консультирование преподавателем студентов; информирование; обратная связь
Видеосвязь	Проведение вебинаров (защита проектов) и др.
Календарь контрольных точек	Самостоятельное планирование контрольных мероприятий

В основу деятельности преподавателя положена модель учебного процесса с использованием электронного учебного курса, обеспечивающего интерактивное взаимодействие студентов и преподавателя. При этом преподаватель не ограничен в выборе форм, методов и содержания материалов средств обучения, что, в свою очередь, отражает *управляемость* моделью учебного процесса.

В таблице 3 приводится модель учебного процесса с использованием электронного учебного курса, обеспечивающего интерактивное взаимодействие студентов и преподавателя.

Таблица 3 – Модель учебного процесса с использованием электронного учебного курса

Модель учебного процесса с использованием электронного учебного курса, обеспечивающего интерактивное взаимодействие преподавателя и студентов		
Целевой компонент		
<u>Цель</u> – формирование учебной самостоятельности как интегративного качества у студентов в процессе интерактивного обучения с использованием электронного учебного курса	<u>Задачи</u> – формирование у студентов стремления к самостоятельной учебной деятельности и ориентирование их на взаимодействие в образовательном процессе; представление студентам компонентов учебной самостоятельности и электронного учебного курса; отработка умений и навыков самостоятельной учебной деятельности в процессе включения студентов в интерактивное обучение	
Теоретико-методологический компонент		
<u>Принципы</u>	<u>Подходы</u>	
«совместность» «равенство активностей преподавателя и студентов» «субъектность»	Системно-деятельностный Компетентностный Личностно ориентированный	
Организационно-процессуальный компонент		
Этапы		
<i>Ориентационный – лекционные занятия</i>		
<i>Координационный – практические и лабораторные занятия</i>		
<i>Кооперационный – самостоятельная работа студентов</i>		
Методы обучения	Формы обучения	Средства обучения
Репродуктивные Частично-поисковые Исследовательские	Фронтальные Групповые Индивидуальные	– слово (печатное, произнесенное); – деятельность (учебная, коммуникативная, творческая, проектная); – ЭУК по дисциплине «Методы веб-разработки на Java»

Продолжение таблицы 3

Критериально-диагностический компонент				
<i>Групповые показатели качества ЭУК</i>				
I СТАДИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЭУК		II СТАДИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭУК		III СТАДИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЭУК
I.1 Структурно-целевые показатели		II.1 Дизайн-эргономические показатели		III.1 Показатели сопровождения ЭУК
I.2 Показатели, характеризующие качество контента		II.2 Технические показатели		
I.3 Показатели информационно-методического и организационного обеспечения ЭУК				
I.4 Показатели, характеризующие контролируемые функции ЭУК				
<i>Уровни учебной самостоятельности</i>				
Низкий		Средний		Высокий
<i>Уровни эффективности учебной деятельности</i>				
Необоснованно низкий	Низкий	Средний	Высокий	Необоснованно высокий
<i>Характеристика эффективности учебного процесса</i>				
Результативность		Успешность		Эффективность
<i>Результат</i>				
Сформированность у студентов в процессе интерактивного обучения с использованием электронного учебного курса учебной самостоятельности как интегрального личностного качества, которое включает понимание проблемы, ее анализ, поиск решения, деятельность по решению проблемы и достижению результата				

Предложенная нами модель реализуется на каждом этапе учебного процесса по дисциплине «Методы веб-разработки на Java» с использованием электронного учебного курса, обеспечивающего интерактивное образовательное взаимодействие преподавателя и студентов. Данная модель предполагает постоянный подбор интерактивных методов и форм обучения, использование электронного учебного курса в ходе учебного процесса по дисциплине «Методы веб-разработки на Java». На данный выбор оказывают влияние изменения позиции студента как участника учебного процесса (исполнитель, соорганизатор, инициатор) и изменения показателей учебных достижений студентов по дисциплине. Переход к более высокому кооперационному этапу осуществляется на основе анализа характера динамики показателей учебных достижений и достигнутого уровня сформированности предметных компетенций [6].

Заключение

На базе Чжэнчжоуского педагогического университета КНР была проведена опытно-экспериментальная работа среди студентов, обучающихся по направлению «Информатика и вычислительная техника», в рамках дисциплины «Методы веб-разработки на Java». Результатом констатирующего этапа стала разработка модели функционирования и организации электронного учебного курса, который обеспечивал бы требуемый уровень качества продукта и возможность его использования в процессе интерактивного обучения. А также на данном этапе были определены и охарактеризованы уровни учебной самостоятельности студентов. Далее на формирующем этапе опытно-экспериментальной работы проводилась поэтапная реализация построенной модели учебного процесса с использованием разработанного электронного учебного курса. На контрольно-оценочном этапе опытно-экспериментальной работы была проведена характеристика эффективности учебного процесса, организованного в соответствии с разработанной моделью. Результаты эксперимента показали наличие положительной динамики по формированию самостоятельной учебной деятельности студентов в процессе интерактивного обучения с использованием электронного учебного курса.

Таким образом, опытно-экспериментальная работа подтверждает, что учебный процесс с использованием электронного учебного курса, обеспечивающего интерактивное взаимодействие преподавателя и студентов, будет успешным при условии реализации модели, которая включает:

- целевой компонент, раскрывающий направление учебного процесса и требования к нему;
- теоретико-методологический компонент, который описывает принципы и подходы, положенные в основу учебного процесса (системно-деятельностный, компетентностный и личностно ориентированный);

– организационно-процессуальный компонент, в котором перечислены этапы последовательного вовлечения студентов в процесс интерактивного обучения (ориентационный, координационный, кооперационный), а также система форм и методов интерактивного обучения, средств обучения; описываются дидактические возможности ЭУК на каждом из этапов учебного процесса по дисциплине «Методы веб-разработки на Java»; содержится система контроля, предполагающая использование ЭУК;

– критериально-диагностический компонент, содержащий показатели оценки качества ЭУК и описание критериев эффективности учебной деятельности студентов, с целью выявления наиболее проблемных сторон ЭУК и дальнейшей его доработки, а также осуществления перехода к более высокому кооперационному этапу учебной деятельности.

Педагогическая значимость экспериментальной модели заключается в том, что она позволяет выделить наиболее эффективные формы, методы и средства в организации интерактивного взаимодействия студентов между собой и преподавателем в ходе учебного процесса с использованием электронного учебного курса, способствующие формированию самостоятельной учебной деятельности у студентов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Радионова, Н. Ф. Развивающее и развивающееся взаимодействие субъектов образовательного процесса: истоки становления концепции, ее сущность и развитие / Н. Ф. Радионова // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2021. – № 202. – С. 15–27.

2. Гумель, Е. Б. Особенности организации интерактивного взаимодействия студентов и преподавателя в условиях современной высшей школы [Электронный ресурс] / Е. Б. Гумель // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 6. – Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2012/06/1510>. – Дата доступа: 02.06.2022.

3. Кабиров, А. Ф. Организация взаимодействия преподавателя и студентов в инновационном процессе педагогического вуза : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / А. Ф. Кабиров. – Омск, 2006. – 180 с.

4. Ефремова, Н. Ф. Компетенции в образовании: формирование и оценивание / Н. Ф. Ефремова. – М. : Национальное образование, 2012. – С. 24.

5. Федоров, В. А. Профессионально-педагогическое образование: теория, эмпирика, практика / В. А. Федоров. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2001. – 330 с.

6. Управление эффективностью учебной деятельности студентов / Т. Н. Канашевич [и др.]. – Минск : БНТУ, 2019. – 228 с.

Поступила в редакцию 12.09.2022

E-mail: gutsko-nv@yandex.ru; xef6273@163.com

N. V. Hutsko, Xu Erfeng

MODELING OF THE EDUCATIONAL PROCESS BASED ON THE USE OF THE ELECTRONIC TRAINING COURSE «JAVA WEB DEVELOPMENT TECHNIQUES»

The article considers an experimental model of the educational process using an electronic training course in the discipline “Methods of web development in Java” which provides interactive educational engagement between students and a teacher. The relevance and practical significance of the model are substantiated, the structure of the model is given, and the content of its main structural elements is considered.

Keywords: e-learning course, interactive learning, learning process model using an e-learning course.

УДК 37.378.4

И. В. Журлова¹, К. С. Бируль²

¹Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

²Магистр педагогики, аспирант кафедры педагогики и психологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

Научный руководитель: Журлова Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье, в результате проведенного авторами исторического анализа, выделены этапы развития социального партнерства в системе образования Беларуси начиная с конца XIX в. и до наших дней на основе ведущих идей сотрудничества между различными субъектами социальной сферы.

Ключевые слова: социальное партнерство, субъекты социального партнерства, этапы развития социального партнерства в системе образования, ведущие идеи социального партнерства.

Введение

Как показывает исторический анализ педагогической теории и практики, явление социального партнерства получило признание на русских и белорусских землях во второй половине XIX в. в период увеличения социальных проблем общества и усиления роли общественности в поиске путей их решения в различных областях жизни, в том числе и в системе образования. Успешность решения этих проблем в системе образования обуславливалась взаимодействием органов государственной власти, органов управления системой образования с различными субъектами социальной сферы (социальными партнерами), в числе которых можно назвать добровольные объединения граждан, земства, представителей российского капитала, профессиональные организации (союзы) и др.

Тенденции развития системы образования в Беларуси в период конца XIX в. – первой четверти XXI в., соответствующие им ведущие образовательные идеи явились теми детерминантами, которые обусловили *цель исследования* – определить субъектов социального партнерства, а также хронологически выделить и содержательно обосновать этапы развития социального партнерства в системе образования Беларуси в период конца XIX в. – первой четверти XXI в.

Методология и методы исследования

В качестве методологической основы исследования выступила *концепция социального партнерства на межцивилизационном уровне*, рассматривающая его как формы партнерских практик субъектов гражданского общества и межсекторного взаимодействия (Т. В. Арцер, Н. И. Ларионова, М. И. Либоракина, Б. Н. Кузык, Г. В. Осипов, Ю. В. Яковец).

В исследовании использовались *исторический и логический методы*, а также *методы качественного анализа*.

Идеи социального партнерства в образовании рассматривались в работах Л. А. Леснянской, С. И. Тарарышко, В. И. Козел, Н. А. Третьяк, Т. А. Цквитария и др., однако рассмотрение этапов развития социального партнерства в образовании как на русских, так на белорусских землях в историческом аспекте пока еще не нашло в исследованиях должного отражения.

Результаты исследования и их обсуждение

В отношении сущности социального партнерства мы склонны занимать позицию, сходную с мнением С. И. Тарарышко, рассматривая его как сложный многоплановый общественный процесс, в котором взаимодействуют учреждения, организации различных сфер общества, эффективно решающие

конкретные вопросы (социальные проблемы) путем объединения ресурсов (человеческих, финансовых, материальных и других) и организационных усилий до достижения желаемого результата [1].

Проведенное исследование позволило выделить следующие этапы развития социального партнерства в системе образования Беларуси в период конца XIX в. – первой четверти XXI в.

Первый этап связан с появлением в конце XIX века многочисленных добровольных объединений граждан (обществ), занимавшихся научными, просветительскими и культурными вопросами, которые *можно рассматривать в качестве субъектов-пионеров социального партнерства в системе образования.*

Данный период знаменуется развитием движения трудовой помощи как рационального вида социального партнерства, ведущая идея которого касалась содействия самореализации через профессиональную деятельность. Реализация трудовой помощи в указанный период на белорусских и русских землях обусловила создание с помощью добровольных объединений (обществ) различных структур (мастерских, курсов и т. д.), предоставляющих желающим профессиональное образование и содействующих их трудоустройству.

Наиболее эффективную помощь оказывали мастерские, открытые при обществах. Так, Пинское еврейское женское благотворительное общество с 1897 года содержало швейную мастерскую, где женщины не только работали, но и обучали девочек 11–16 лет швейному ремеслу с целью приобретения профессиональных навыков и рабочей профессии [2].

Минское отделение Российского общества защиты женщин, открывшееся в 1901 году, организовало швейную мастерскую, школу кройки и шитья, приют на 10 мест для работниц, не имеющих жилья [3].

Узко специализированные благотворительные общества осуществляли важную функцию трудовой помощи – ремесленное образование детей. Социальное партнерство выражалось в таких видах деятельности, как содержание ремесленных мастерских или ремесленных классов для профессионального обучения детей (Шклов, Пинск, Гродно, Орша, Бобруйск, Могилев и др.), а также создание обществ, которые направляли детей в училища и гимназии и платили за их обучение (Лепель, Пружаны, Слоним, Минск, Новогрудок, Могилев и др.) [4, с. 1–18].

Как показывает анализ архивных источников, в уставах многих благотворительных обществ содержались пункты, смысл которых заключался в осуществлении функций трудовой помощи, представляющих собой формы социального партнерства в системе образования: содействие в поиске работы для не имеющих ее, приобретении материалов и инструментов для работы, организации сбыта продукции; содержание мастерских, а также обучение ремеслам желающих. Все эти и некоторые другие элементы трудовой помощи вошли в соответствующие параграфы «Примерного устава обществ пособия бедным», утвержденного Министром внутренних дел 10 июля 1897 г., и стали обязательными для деятельности создаваемых благотворительных обществ [5].

В сложившихся условиях правительство пыталось переключить общественную активность учителей на задачи взаимопомощи. С целью организации социального партнерства в системе образования передовые круги учительства создают профессиональные объединения – общества взаимопомощи, которые были открыты в губернских городах Беларуси – Витебске, Минске, Могилеве и Гродно. Они постепенно получили право открывать свои отделения в уездах [6].

В масштабах страны форма обществ взаимопомощи использовалась для более широких целей и объединения учителей и была представлена в рамках социального партнерства «государство – педагогический коллектив». Важным событием данного этапа является Всероссийский Съезд учительских обществ взаимопомощи, проходивший в Москве с 29 декабря 1902 г. по 6 января 1903 г. В качестве делегатов присутствовали около 400 учителей – представителей 76 обществ взаимопомощи, а также другие представители интеллигенции и студенчества. Учителя смело выступали за «расширение возможностей без ограничений и притеснений их внешкольной работы, активизацию деятельности народных библиотек и чтений, упразднение казенных попечителей и другое» [7, с. 34].

Второй этап развития социального партнерства в системе образования можно соотнести с первой четвертью XX в. (1905–1916 гг.)

Ведущей идеей в системе образования на начало этого периода было устранение неграмотности населения и развитие национальной школы, что также нашло отражение в рамках социального партнерства, которое на этом этапе выражается во взаимодействии государства и школы с целью подготовки учительских кадров и популяризации взаимодействия различных

структур (земских организаций, частной благотворительности) в создании школ. Второй этап знаменуется следующими событиями.

В 1906 г. вышла первая легальная белорусскоязычная газета «Наша доля», затем – «Наша нива». В них рассматриваются педагогические идеи в национально-культурном контексте силами педагогов, просветителей, писателей, таких как Я. Купала, Я. Колас, Тетка, М. Богданович, С. Полуян, В. Ластовский, К. Каганец, А. Власов и др.

Издаются материалы, составляющие содержание первых белорусских учебных книг на родном языке: «Краткая история Беларуси» В. Ластовского, «Первое чтение для деток-белорусов» Тетки, «Второе чтение для белорусских детей» Я. Коласа.

Для данного этапа характерны издание белорусскоязычных букварей, начало деятельности первого издательского белорусского товарищества в Петербурге «Заглянет солнце и в наше оконце», создание первых белорусских учительских просветительских обществ и издание ими педагогических сборников. Развивается педагогическая журналистика на страницах официального педагогического журнала «Народное образование в Виленском учебном округе». Выявляется стремление преобразовать общественно-педагогическое движение в действенную силу по возрождению белорусской культуры, образования и родного языка [8].

В этот период Министерство просвещения активно сотрудничает с *земскими организациями*. Земства не только содержали дороги, кредитные кассы, общества взаимного страхования, больницы, но и открывали школы, поддерживали многие передовые педагогические и культурно-просветительские начинания. С 1907 года большинство народных училищ в Минской, Могилевской и Витебской губерниях открывалось земствами. Успешность деятельности земств подтверждается следующими фактами.

В 1910 году в 3-х земских губерниях было открыто 391 начальное училище, в том числе: в Витебской губернии – 131, Могилевской губернии – 106, Минской губернии – 154 [9].

Все большее количество народных училищ, подведомственных Министерству народного просвещения, переходило на попечение земств.

18 марта 1911 года Министерство народного просвещения приняло распоряжение «О передаче министерских начальных училищ в распоряжение земств в губерниях Витебской, Минской и Могилевской» [10]. 8 июля 1911 года Министерство народного просвещения приняло распоряжение «О передаче земству народных училищ с землею, строениями и капиталами» [11]. Первое чрезвычайное земское собрание Минской губернии 22 августа 1911 г. приняло постановление «О передаче дела народного образования в уездах в распоряжение уездных земств» [12]. Таким образом, мы видим первые факты официального подтверждения социального партнерства в системе образования.

С 1912 года вместе с открытием новых училищ земские управы начали брать под опеку народные училища, которые субсидировались крестьянскими товариществами. К началу 1914/1915 учебного года большинство школ Министерства народного просвещения находилось на материальном содержании земств [13].

Приоритетной сферой деятельности губернских земств в области просвещения стала подготовка и повышение квалификации учителей для начальных школ. Это достигалось с помощью организации чтения публичных лекций, временных учительских курсов, проведения учительских съездов, создания учительских учебных учреждений (институтов, семинарий). При финансовой поддержке земств в Беларуси было создано 3 учительских института: в Витебске (1910), Могилеве (1913) и Минске (1914) [15].

В 1911–1914 гг. в Минской губернии уездные земства построили и запроектировали 150 школьных строений, при этом расходы на школьное строительство составили от средств земства – 50,5%; от Министерства народного просвещения – 45,9%; от крестьянских товариществ и пожертвований – 3,4% [14].

Следует также отметить, что представители российского капитала (Дементьевы, Морозовы, Боткины, Бахрушины, Хлудовы, Третьяковы, Мамонтовы и другие) в качестве частных благотворителей внесли немалый вклад в формирование социального партнерства в системе образования. Они не только поддерживали искусство, создавали благотворительные заведения для рабочих своих мануфактур (больницы, аптеки, родильные приюты, приюты для сирот, ясли, богадельни, дома призрения), но и открывали Воскресные дома, библиотеки, оплачивали стипендии для обучения в профессиональных училищах и гимназиях талантливым молодым людям. В целом их деятельность можно определить как пример благотворительности, которая сочетала меценатство и филантропию

(просвещение и социальную поддержку рабочих), направленную, в конечном счете, на предотвращение классовых конфликтов [16].

Идеей, завершающей второй этап, стало реформирование системы народного образования (1915–1916), затрагивающее вопросы содержания образования, управления и финансирования системы образования. Это был первый опыт официального соединения государственно-реформаторского, общественного, земского и благотворительно-капиталистического начал [17].

В этот период открывались различные частные и общественные образовательные учреждения – детские сады, начальные школы, гимназии, Народные университеты и т. д. Как правило, они существовали на основе частных пожертвований. Преподавание в земских школах было качественнее и интереснее, чем в министерских школах и школах духовного ведомства, т. к. в них реализовывались новые авторские идеи и методики обучения.

Реформа получила поддержку министра просвещения П. Н. Игнатъева. Она предполагала следующие нововведения: преобразование средней школы; ограничение государственного регулирования; уравнивание в правах частных учебных заведений с государственными учреждениями; освобождение земских школ от излишнего бюрократического контроля. Важным нововведением в рамках управления стало привлечение общественности к школьным делам. Были воссозданы родительские комитеты, в их обязанности входила организация кружков и экскурсий, летних занятий с отстающими учениками. В родительских комитетах были созданы комиссии, разрабатывающие программы формирования здорового образа жизни, как форма социального партнерства семьи и школы [17].

Внушительные субсидии в этот период получают школы, прежде всего, начальная; открываются кредиты, направленные на развитие образования.

«Не только пожертвования промышленников и финансистов, но и “малые” деньги российских кооператоров, потребительских и кредитных обществ стали вкладываться в дело развития образования. Причем шлейф культурно-просветительской деятельности тянулся не позади экономической кооперации, а впереди нее, – именно в сфере образования кооперативы активно группировались и объединялись» [17, с. 53–57].

Третий этап социального партнерства в системе образования можно соотнести с послереволюционным периодом, ведущей идеей которого была большевистская идеологизация системы образования. После октябрьской революции 1917 г. заместителем председателя Народного комиссариата просвещения стала Н. К. Крупская, она же возглавляла научно-педагогическую секцию Государственного Учёного Совета. С ее участием проходили педагогические съезды и конференции. Она стояла у истоков создания советской педагогики: редактировала педагогические журналы, разрабатывала основополагающие документы советской школы, занималась проблемами коммунистического и трудового воспитания, политехнического обучения, дошкольного и семейного воспитания, способствовала реализации на практике установки на идеологизацию и политизацию молодежи [18].

Одной из форм идеологизации образования выступило создание детских и молодежных общественных организаций с политическими установками в деятельности. Именно Н. К. Крупская стала одним из теоретиков и организаторов пионерского и комсомольского движения, которые целесообразно рассматривать как формы социального партнерства общественных объединений и школы в этот период. Пионерские и комсомольские ячейки выступали организаторами воспитательной работы школы, инициировали трудовые акции на фабриках и заводах, социальные акции помощи нуждающимся («тимуровское движение»), проводили школьные и внешкольные мероприятия социально-политической направленности в поддержку партии большевиков. Немалая роль принадлежала им в ликвидации неграмотности: например, пионеры и комсомольцы организовывали обучение и коллективные чтения при жилищных комитетах и т. д.

Интересным фактом социального партнерства является создание в первые годы Советской власти при местных Советах деткомиссий (Комиссий по охране интересов детей). В 1924 г. на базе деткомиссий в разных городах возникают местные организации добровольного общества «Друг детей», целью которого было оказание помощи школе и другим учреждениям и организациям по вопросам коммунистического воспитания детей. 29 октября 1931 г. Президиум ВЦИК утвердил устав Всероссийского общества «Друг детей», которым предусматривалась общественная помощь в борьбе за всеобщее, политехническое обучение, ликвидацию безнадзорности детей, широкое содействие школе не только в материальном отношении, но и в учебно-воспитательной работе, в организации яслей, детских садов, культурно-бытовых учреждений [19].

Ведущие формы социального партнерства в образовании в этот период – создание трудовых школ; идеологизация воспитания, применение бригадно-лабораторного метода (сотрудничество с фабриками и заводами) в сфере обучения, педагогическая пропаганда среди трудящихся, осуществление общественного контроля над учреждениями, ведущими работу по коммунистическому воспитанию.

Четвертый этап социального партнерства в системе образования, целесообразно соотносить с *послевоенным периодом*, начиная с 1945 г. Ведущей идеей здесь можно обозначить активизацию деятельности отраслевого профсоюза в связи с устранением последствий Великой Отечественной войны. После освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков основным делом для профсоюза стало участие в диалоге между государством и работником. В этот период времени основными задачами в рамках социального партнерства были следующие: возрождение системы образования и системы подготовки педагогических кадров; социальная и профессиональная поддержка педагогов; повышение квалификации учителей; выявление и оказание помощи детям-сиротам и др. [20].

Особое внимание профессиональные союзы учителей обращали на своевременность выплаты заработной платы, строительство жилья для педагогов, кадровое обеспечение учебных заведений, материально-техническое состояние учебных заведений, которые зачастую размещались в наемных малоприспособленных помещениях. Обкомами профсоюза принимались решения о строительстве школ методом народной стройки [21].

Пятый этап социального партнерства в системе образования можно хронологически обозначить как вторую половину XX века до 1990-х гг. Для этапа характерна идея развития социально-педагогической практики на основе активизации воспитательной работы с учащимися и их семьями, профилактики безнадзорности и правонарушительного поведения учащихся, повышения ответственности семьи за воспитание детей. В 1960-х гг. были учреждены *советы общественности по работе с детьми и подростками при домовых комитетах* в государственном жилищном фонде БССР, в которые входили представители школ, библиотек, клубов, спортивных организаций, жители микрорайонов. Отмечается активное сотрудничество учреждений системы образования со структурами системы внутренних дел, жилищно-коммунальной системой: открываются детские комнаты при домоуправлениях и жилищно-эксплуатационных конторах, которые впоследствии приобретают статус комнат школьника. Социальное партнерство в этот период делает акцент на сотрудничестве различных структур в воспитательной работе с учащимися и семьями по месту жительства [22].

Шестой этап социального партнерства в системе образования, на наш взгляд, приходится на 90-е годы XX века, когда новые политические и социально-экономические реалии, связанные с распадом СССР и появлением независимых государств, положили начало трансформационным процессам в белорусской системе образования. Ведущей идеей этапа является создание новой нормативно-правовой базы, регулирующей механизмы функционирования образовательной системы и социального партнерства с учетом новых реалий.

В числе важнейших документов, нормативно-правовых актов, определявших в этот период деятельность звеньев системы непрерывного образования, следует назвать Закон «Об образовании в Республике Беларусь» (1991), «Концепцию образования и воспитания в Беларуси», «Концепцию развития высшего образования в Республике Беларусь» (1996), «Концепцию воспитания в национальной школе», «Концепцию воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь» (1999) и другие. Так, в Законе «Об образовании в Республике Беларусь» в статье 6 отмечено, что структура Национальной системы образования включает «учреждения образования и другие организации, обеспечивающие эффективное функционирование системы образования», что указывает на факт социального партнерства в образовательной сфере [23].

В этот период идея социального партнерства закрепляется в законодательстве Республики Беларусь: в конце 1992 года в Законе «О коллективных договорах и соглашениях», в Конституции Республики Беларусь 1994 г. (статья 14), а с 15 июля 1995 г. – в Указе Президента Республики Беларусь № 278 «О развитии социального партнерства в Республике Беларусь», где социальное партнерство провозглашается одной из самых важных задач государства, делается акцент на сотрудничестве производственных структур, профессиональных союзов, комиссий по трудовым и социальным вопросам.

Седьмой этап социального партнерства в образовании современной Беларуси можно условно обозначить как первую четверть XXI века. Мы рассматриваем его как этап глобального

образования. Одной из ведущих идей этого этапа является интеграция белорусской высшей школы в единое мировое образовательное пространство, что детерминировано условиями динамичных межгосударственных интеграционных процессов в сфере образования.

Идея социального партнерства в образовании на современном этапе представлена в таком документе, как Концепция развития педагогического образования в Республике Беларусь (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13.05.2021 № 366). В Концепции раскрыты ключевые направления развития педагогического образования в Республике Беларусь: образовательная деятельность; научная деятельность; взаимодействие с организациями – заказчиками кадров; социальное партнерство. При этом в Концепции отмечено, что «социальное партнерство как одно из ключевых направлений развития педагогического образования должно реализовываться через участие социума в подготовке педагогических работников в первую очередь в области неформального и информального образования; предоставление возможности учиться в любом возрасте; академическую мобильность; взаимообогащение культур; волонтерскую и образовательную деятельность с разными слоями и категориями населения; реализацию принципа инклюзии в образовании; повышение имиджа педагогической профессии и формирование общественного мнения о ее значимости» [24, с. 26].

Идеи социального партнерства в образовании красной нитью проходят через все содержание Кодекса Республики Беларусь об образовании, вступившего в силу с 1 сентября 2022 г. в обновленной редакции [25]. В Кодексе представлены различные аспекты социального партнерства в образовании, а именно: полномочия местных исполнительных и распорядительных органов в сфере образования (ст. 103), координационные и иные советы в сфере образования (ст. 108), общественные объединения в сфере образования (ст. 109), международное сотрудничество в сфере образования (ст. 110), академическая мобильность обучающихся и преподавателей (ст. 113), образовательная деятельность учреждений образования Республики Беларусь и их филиалов на территории иностранных государств, иностранных организаций и их филиалов, международных организаций в Республике Беларусь (ст. 115), взаимодействие учреждений высшего образования с организациями-заказчиками кадров (ст. 206), учебно-методические объединения в сфере высшего образования (ст. 213), сетевая форма взаимодействия (ст. 1) и другие.

Заключение

Проведенное исследование позволило заключить, что в качестве субъектов социального партнерства в образовании как в конце XIX в., так и на современном этапе можно назвать общественные объединения граждан (сотрудничество), профессиональные союзы (кооперация), частных представителей бизнеса (инвестиции, спонсорство, благотворительность), а также образовательные, культурно-просветительские учреждения и организации, участвующие в реализации образовательных программ, использующие свои собственные ресурсы и ресурсы партнеров в целях содействия обучающимся в освоении содержания образования.

Выделение нами этапов развития социального партнерства в системе образования Беларуси в период конца XIX в. – первой четверти XXI в. обусловлено ориентацией на культурно-исторические и социально-политические условия, которые определяли на каждом этапе направления и содержание развития системы образования и соответствующие им идеи социального партнерства: содействие самореализации личности через профессиональную деятельность; устранение неграмотности населения и развитие национальной школы; реформирование системы народного образования; большевистская идеологизация системы образования; активизация деятельности отраслевого профсоюза; развитие социально-педагогической практики; создание новой нормативно-правовой базы в сфере образования и социального партнерства, интеграция белорусской высшей школы в единое мировое образовательное пространство.

В современных реалиях социальное партнерство в образовании рассматривается в рамках внедрения Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г., которая в качестве стратегической цели представляет формирование качественной системы образования, в полной мере отвечающей потребностям постиндустриальной экономики и устойчивому развитию страны. Одно из приоритетных направлений социально-экономического развития Беларуси, согласно этому документу, – укрепление интеграции между производством, наукой и системой профессионального образования. Целесообразно отметить, что обеспечение такого инновационного подхода будет возможным при усилении интеграции высшего образования, науки, производства и бизнеса.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тарарышко, С. И. Социальное партнерство в сфере дополнительного образования взрослых: опыт реализации международных проектов / С. И. Тарарышко // Современное образование Витебщины. – 2016. – № 3 (13). – С. 84–88.
2. Минская губерния // Благотворительность в России. – СПб. : Типо-лит. Ныркина, 1907. – Т. 2. – С. 14.
3. Минское отделение Российского общества защиты женщин // Трудовая помощь. – 1903. – № 6. – С. 122.
4. Благотворительность в России: сост. по высочайшему повелению Собств. Его Императ. Величества Канцелярию по учреждениям Императрицы Марии : [в 2 т.]. – СПб. : [Типо-лит. Ныркина. – 1907]. – Т. 2 : [в 2 ч.]. Ч. 1 : Губернии: Архангельская – Новгородская. – 837 с.
5. Указания и распоряжения правительства // Трудовая помощь. – 1897. – № 2. – С. 36–39.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2254. Оп. 2. Д. 685. Л. 37.
7. Паначин, Ф. Г. Учителство и революционное движение в России (XIX – нач. XX в.) : Ист.-пед. очерки / Ф. Г. Паначин. – М. : Педагогика, 1986. – 212 с.
8. Снапковская, С. В. Этноязыковая образовательная политика в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века / С. В. Снапковская // Изв. Южного Федерального ун-та. Пед. науки. – 2010. – № 8. – С. 53–68.
9. Снапкоўская, С. В. Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX ст.) : вучэб. дапам. для студэнтаў выш. навуч. устаноў / С. В. Снапкоўская. – Мінск : НІА, 2001. – 160 с.
10. Министерское распоряжение «О передаче министерских начальных училищ в распоряжение земств в губерниях Витебской, Минской и Могилевской» от 18 марта 1911 г. за № 10890 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. – 1912. – № 7. – С. 565–566.
11. Министерское распоряжение «О передаче земству народных училищ с землей, зданиями и капиталами» от 8 июля 1912 г. за № 27242 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. – 1912. – № 7. – С. 569.
12. Народное образование // Вестн. Минского губернского земства. – 1914. – № 3–4. – С. 21–29.
13. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. / М. А. Ткачоў [і інш.]. – Мінск : Народная асвета, 1985. – 464 с.
14. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2643. Оп. 1. Д. 17. Л. 288.
15. Народное образование // Вестн. Минского губернского земства. – 1914. – № 3–4. – С. 30–31.
16. Степун, Ф. А. Сочинения / Ф. А. Степун. – М. : РОССПЭН, 2000. – 998 с.
17. Цирульников, А. Новаторы из 1915-го / А. Цирульников // Знание – сила. – 1991. – № 2. – С. 45–57.
18. Богуславский, М. В. Современная стратегия модернизации российского образования: историко-педагогический контекст / М. В. Богуславский // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2014. – № 6 (91). – С. 43–47.
19. Дуброва, А. Н. Общее и дополнительное образование с 1917 по 1924 г. [Электронный ресурс] / А. Н. Дуброва // V междунар. электронная науч. конф. «Молодой ученый», 15 февр. – 31 марта 2022 г. – 2022. – Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2022/77/4501>. – Дата доступа: 27.09.2022.
20. Черняк, С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны: Историко-педагогическое исследование / С. А. Черняк. – М. : Педагогика, 1984. – 267 с.
21. Справочная книга о профсоюзах. – М. : Политиздат, 1968. – 98 с.
22. Василькова, Ю. В. Методика и опыт работы социального педагога : учеб. пособие для вузов / Ю. В. Василькова. – М. : Академия, 2004. – 245 с.
23. Об образовании : Закон Респ. Беларусь от 29 окт. 1991 г. № 1202–XII // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 50. – С. 170–195.
24. Концепция развития педагогического образования в Республике Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : приказ Министра образования Респ. Беларусь, 13 мая 2021 г., № 366. – Режим доступа: <https://www.belstu.by/news/ivr/konceptiya-razvitiya-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-respublike-belarus-na-2021-2025-gody>. – Дата доступа: 10.09.2022.

25. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г. № 243-3 : Закон Респ. Беларусь, 14 янв. 2022 г. № 154-З. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243>. – Дата доступа: 10.09.2022.

Поступила в редакцию 22.09.2022

E-mail: zvam@tut.by; birulkristina@gmail.com

I. V. Zhurlova, K. S. Birul

DEVELOPMENT OF SOCIAL PARTNERSHIP IN THE EDUCATIONAL SYSTEM OF BELARUS:
HISTORICAL ASPECT

The historical analysis was carried out by the authors in this article. The stages of development of social partnership in the educational system of Belarus starting from the end of the 19th century till the current period were highlighted. Much attention was paid to and to the cooperation between various subjects of the social sphere.

Keywords: social partnership, subjects of social partnership, stages of development of social partnership in the education system, leading ideas of social partnership.

УДК 378.016 : 53

Ж. И. Равуцкая

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и математики,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЕКТИРОВОЧНЫХ УМЕНИЙ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ФИЗИКИ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИЙ ДЕЛОВОЙ ИГРЫ

В статье определена система проектировочных умений учителя физики. Выявлено, что наиболее эффективное формирование таких умений возможно в процессе организации практико-ориентированного обучения с использованием технологий деловой игры. Представлены результаты практической работы по формированию профессиональных компетенций студентов-физиков в области методического проектирования в рамках изучения дисциплины «Методика преподавания физики».

Ключевые слова: методическое проектирование, проектировочные умения, творческое мышление, знаково-контекстное обучение, деловая игра.

Введение

Социально-экономические и научно-технические преобразования нашего общества оказывают существенное влияние на развитие сферы образования: выдвигаются новые требования к организации образовательного процесса, что обуславливает необходимость повышения качества профессиональной подготовки учителя. Современный учитель должен быть способен быстро адаптироваться к изменяющимся условиям своей деятельности, самостоятельно ставить и оптимально решать проблемы в поливариантных условиях. Высокие результаты в образовании учащихся могут быть достигнуты, если процедура повседневной подготовки учителя к занятиям будет научно обоснованной и рациональной. Этим обусловлена необходимость актуализации такой специальной сферы профессиональной деятельности педагога, как педагогическое проектирование.

Изучение проектировочной деятельности педагога и специфики форм организации учебных занятий по физике послужило основой развития идеи *методического проектирования* [1; 2]. Разработанная нами модель проектировочной деятельности учителя физики представлена в работе [1] на трех иерархических уровнях: деятельностном, действенном и операционном (рисунок 1).

Рисунок 1 – Компоненты модели проектировочной деятельности учителя физики на деятельностном уровне

Научно-методический поиск включает следующие действия: диагностика подготовки учащихся по физике и уровня их развития; определение собственных профессиональных возможностей; определение адекватной методической стратегии обучения физике.

Разработка методического проекта осуществляется на уровне учебного занятия и системы учебных занятий по теме посредством выполнения следующих действий: формулирование целей

и задач обучения физике; отбор содержания учебного материала по физике; выбор адекватных методов и методических приемов обучения физике; выбор оптимальной системы форм учебных занятий по физике.

Экспертиза методического проекта проводится в два этапа: теоретический и экспериментальный.

Каждое из выделенных действий проектировочной деятельности представлено в виде совокупности операций.

В педагогической и методической литературе неоднократно подчеркивается закономерная связь между подготовленностью педагога к учебным занятиям и эффективностью их проведения. В связи с этим возникает необходимость специальной подготовки будущего учителя физики к проектировочной деятельности, формирования у него системы проектировочных умений, которые занимают особое место среди профессионально-педагогических умений.

Цель статьи – обосновать возможность формирования проектировочных умений будущего учителя физики в процессе организации практико-ориентированного обучения с использованием технологий деловой игры.

Методы и методология исследования

Методологическую основу исследования составляют системно-конструктивный подход к анализу деятельности, идея о представлении деятельности в терминах результата, культурно-историческая концепция развития личности, теория поэтапного формирования умственных действий, психолого-педагогическая концепция контекстного обучения, культурно-праксиологический подход к анализу дидактического процесса.

Методы исследования: теоретический анализ психологической, педагогической и методической литературы; изучение нормативных документов высшей и средней школы; наблюдение и анализ учебного процесса на уроках; интервьюирование и анкетирование; психолого-педагогическое моделирование; морфологический поиск; мозговая атака; экспертиза методических произведений будущих учителей; педагогический эксперимент.

Результаты исследования и их обсуждение

Под *проектировочными умениями* понимают владение субъектом способами применения на практике усвоенных знаний по проектированию учебных занятий на основе выполнения соответствующих действий и операций.

Исходя из принципа изоморфизма [3; 4], процесс формирования проектировочных умений будет продуктивным, если построить его на основе модели проектировочной деятельности учителя. Анализ данной модели [1] позволяет создать систему проектировочных умений учителя физики (таблица 1).

Таблица 1 – Система проектировочных умений учителя физики

Проектировочные умения	Показатели
Диагностировать знания учащихся по физике и уровень их развития	Определять уровень усвоения знаний, уровень сформированности мыслительных операций, уровень развития познавательного интереса
Определять собственные профессиональные возможности	Определять уровень профессиональной деятельности, индивидуальный стиль деятельности
Определять адекватную методическую стратегию обучения физике	Осуществлять типологию учащихся по способностям к учению; выбирать методическую стратегию обучения
Формулировать цели и задачи обучения физике (на уровне учебного занятия и системы учебных занятий по теме)	Формулировать цель и задачи обучения с помощью ключевых глаголов; определять промежуточные и конечные результаты обучения; осуществлять перевод цели в тестовое задание
Отбирать содержание учебного материала по физике (на уровне учебного занятия и системы учебных занятий по теме)	Уточнять границы материала, подлежащего усвоению; проводить поэлементный анализ учебного материала темы; определять основные и вспомогательные дидактические единицы темы; разрабатывать структурно-логическую схему изучения темы; определять оптимальные способы предъявления материала; устанавливать межпредметные связи, возможные источники дополнительного материала, требуемый уровень усвоения материала; выбирать вид познавательной деятельности учащихся

Продолжение таблицы 1

Выбирать адекватные методы и методические приемы обучения физике (на уровне учебного занятия и системы учебных занятий по теме)	Определять дидактические возможности различных методов обучения физике; выбирать методы обучения, наиболее полно реализующие цель обучения с учетом особенностей класса; разрабатывать оптимальное сочетание выбранных методов; учитывать умственную работоспособность учащихся и частоту смены видов деятельности на занятии
Выбирать оптимальную систему форм учебных занятий по теме курса физики	Распределять вопросы программы по занятиям; выбирать систему форм учебных занятий с учетом отобранного материала, методов обучения и особенностей класса; анализировать выбранную систему с точки зрения оптимальности решения поставленных задач
Проводить теоретическую экспертизу методического проекта	Проводить самооценку, самоконтроль текущей педагогической деятельности
Проводить экспериментальную экспертизу методического проекта	Ставить цели и определять задачи педагогического эксперимента; определять критерии эффективности методического проекта; проводить педагогический эксперимент; анализировать, обобщать и интерпретировать полученные результаты; корректировать методический проект; формулировать выводы

Эффективное формирование системы проектировочных умений опосредуется соблюдением следующих требований.

1. В основу процесса формирования проектировочных умений должен быть положен *принцип системности*, предполагающий:

- системность содержания, то есть необходимое и достаточное знание (тезаурус), без наличия которого невозможно формирование умений;
- чередование учебно-познавательной и учебно-исследовательской деятельности, обеспечивающее алгоритм формирования профессиональных умений;
- системность контроля, приводящая к формированию способностей будущих учителей анализировать, систематизировать и прогнозировать педагогические решения [3; 4].

2. Для успешного формирования проектировочных умений необходимо *организовать обучение по III типу ориентировочной основы действия* (П. Я. Гальперин), когда преподаватель создает такие условия, при которых обучающийся самостоятельно составляет ориентировочную основу действия и действует по ней [5]. Это способствует активному участию обучаемых в выявлении структуры и рациональной последовательности выполнения отдельных операций, из которых складывается действие, а также научному обоснованию структуры действия. При таком подходе будущие учителя приобретают способность применять умения, выполнять действия в новой ситуации. Осознание научных основ выполнения отдельных действий и операций проектировочной деятельности в целом помогает будущим учителям быстрее овладеть умением данного вида.

3. При формировании проектировочных умений будущего учителя физики необходимо *ориентироваться на основные положения психолого-педагогической концепции контекстного обучения*. Знаково-контекстным (или контекстным) обучением А. А. Вербицкий назвал «такое обучение, в котором с помощью всей системы дидактических форм, методов и средств моделируется предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности специалиста, а усвоение им абстрактных знаний как знаковых систем наложено на канву этой деятельности» [6, с. 32]. Учение при таком подходе не замыкается само на себе (учиться, чтобы получить знания), а выступает той формой личностной активности, которая обеспечивает воспитание необходимых предметно-профессиональных и социальных качеств личности специалиста. Стратегическим направлением активизации обучения является не увеличение объема передаваемой информации, ее спрессовывание или ускорение процессов усвоения, а создание дидактических и психологических условий осмысленности учения, включение в него обучаемого на уровне не только интеллектуальной, но личностной и социальной активности. Совместно с преподавателем и под его педагогическим руководством будущий учитель добивается целей своего общего и профессионального развития [6].

4. Умения проявляются в деятельности, носящей ярко выраженный сознательный характер. Поэтому задача преподавателя – *организация сознательного усвоения знаний*. Необходимым условием осознанного обучения является ясное понимание целей и задач предстоящей работы.

5. Деятельность по формированию умений должна носить непрерывный, «сквозной» характер, постоянно переходить от низших уровней сформированности к высшим. Следует отметить также *интегративный характер процесса освоения деятельности*: разрыв между получением информации о действии и отработкой этого действия должен быть сведен к минимуму, а по возможности происходить параллельно. Процесс формирования умений, состоящий из отдельных шагов, будет протекать тем успешнее, чем меньше в нем перерывов, нарушений последовательности, неуправляемых моментов [3; 4].

6. В процессе формирования проектировочных умений важно *сочетание априорного и апостериорного обучения*. Априорное обучение (информационное) предполагает получение знаний в готовом виде перед выполнением деятельности, анализ полученной информации, выведение заключений. Апостериорное обучение (деятельностное) заключается в том, что учение происходит во время выполнения деятельности. Такое обучение предполагает столкновение с конфликтной ситуацией практики обучения, личную индивидуальную практику по разрешению конфликта, привлечение дополнительной информации для оценки ситуации. Взаимодополнение данных видов обучения подчеркивает адекватный баланс формирующего и развивающего компонентов обучения на всех этапах формирования проектировочных умений [3].

Анализ выделенных требований позволяет сделать вывод, что тренинги по формированию проектировочных умений целесообразно проводить в форме деловой игры. Деловая игра вносит в существующий образовательный процесс новое качество в силу следующих своих особенностей.

1. Содержание учебного материала, представленного в игровой форме, носит системный характер, в нем воссозданы структура и функциональные звенья будущей профессиональной деятельности [6]. При проведении деловой игры студенты приближаются к реальным условиям профессиональной деятельности, у них возникает потребность в знаниях и их практическом применении, что обеспечивает осмысленность учения, личностную активность студентов, возможность перехода от познавательной мотивации к профессиональной.

2. Деловая игра предполагает совокупность развивающего и обучающего эффекта, обеспечение переходов от организации и регуляции деятельности преподавателем к саморегуляции и самоорганизации деятельности самими обучающимися; обеспечивает широкие возможности употребления информации как средства регуляции квазипрофессиональной деятельности, что превращает эту информацию в знания [7].

3. При проведении деловой игры возникает ситуация не передачи информации от преподавателя студенту, а поиска новых знаний в ходе игры. В этом случае знания не оторваны от их практического применения (студенты приобретают достаточный опыт их использования), они усваиваются в контексте практических действий на их основе. Это позволяет студентам лучше понять смысл обучения, увидеть свои ошибки и оценить приобретения. Наглядность процесса поиска и получения конечного результата приводит к более глубокому пониманию учебного материала, дает возможность почувствовать уверенность в своих силах [8].

В 2019–2022 гг. формирование профессиональных компетенций студентов-физиков в области методического проектирования осуществлялось в рамках изучения дисциплины «Методика преподавания физики». Лабораторные занятия по дисциплине проводились в форме деловой игры «Проектировщик» перед прохождением студентами педагогической практики на выпускном курсе.

Объектом деловой игры являлся процесс проектирования учебных занятий по физике, характеризующийся высокой степенью методического творчества.

Цель игры имела три аспекта: дидактический, развивающий и игровой. Дидактический аспект состоял в совершенствовании знаний в области проектирования учебных занятий по физике и в овладении деятельностью проектирования. Развивающий аспект заключался в активизации творческого мышления будущих учителей физики и развитии у них умений и навыков использования различных типов коммуникаций. Игровой аспект – в разработке вариативных проектов учебных занятий по физике.

Для проведения деловой игры формировались несколько команд по четыре-шесть человек, деятельность которых носила соревновательный характер. Задача каждой команды – разработать методический проект выбранного уровня (системы учебных занятий, отдельного учебного занятия) и представить его на обсуждение участников деловой игры. Совместная деятельность в процессе игры осуществлялась в диалогических парах, на уровне малой группы и на межгрупповом уровне.

В качестве примера приведем фрагмент проекта изучения темы «Основы динамики» курса физики 9 класса [9], разработанный будущими учителями физики во время проведения деловой игры. Проект разрабатывался для учащихся, демонстрирующих различные уровни успеваемости (таблица 2) [3].

Таблиця 2 – Карта выбора адекватной методической стратегии обучения (по И. И. Цыркуну)

Уровни успеваемости учащихся	Характеристика учащихся	Методическая стратегия обучения
Продуктивный, творческий (8–10 баллов)	Сразу выделяют главное и описывают его с употреблением научных терминов, самостоятельно делают выводы, легко переносят знания в новые ситуации, достигают высокого уровня знаний программного материала за короткое время; имеют большой объем знаний, выходящих за пределы программы, развитое дивергентное мышление, могут предложить оригинальные решения задач, свободно владеют математическим аппаратом, имеют развитые экспериментальные и другие познавательные умения; способны на длительный напряженный труд, работают без побуждения учителя и взрослых	Процесс обучения целесообразно ориентировать на максимальное удовлетворение высокой познавательной потребности учащихся, так как зона актуального развития этого типа детей является очень широкой и переход в зону ближайшего развития осуществляется с минимальной помощью; ядро методической системы – культурологическое и исследовательское дидактические предписания, а также принцип привлечения неограниченного содержания
Репродуктивно-продуктивный (5–7 баллов)	Выделяют главное не сразу, склонны избегать научных терминов в активной речи, решают типовые задачи, но после ряда упражнений, тратят больше времени на изучение того же материала, чем учащиеся первой группы; не всегда выполняют задания в полном объеме; самостоятельные выводы делают при очень ясно выраженных основаниях, имеют пробелы в программных знаниях по физике и математике; способны длительно трудиться, но со средним уровнем интеллектуального напряжения; требуют систематического контроля со стороны учителя и взрослых, а также специальных побуждений к учебной деятельности	Необходимо ориентироваться на повышение уровня обучаемости учащихся, формирование у них устойчивого интереса к физике, а также познавательных умений; рецептивное, инструментальное и релаксопедическое дидактические предписания должны предшествовать в методической системе исследовательскому и культурологическому предписаниям; целесообразно использовать различные средства наглядности, подробное объяснение в среднем темпе и приемы активизации познавательной деятельности; для полного овладения программным материалом учащимся необходима непосредственная помощь
Рецептивно-репродуктивный (3–4 балла)	Имеют очень отрывочные знания по физике, ориентируются не на существенные, а на внешние признаки, не доводят выполнение задания до завершения, в их подготовке преобладает механическое заучивание и неумение применять знания в решении задач	Необходима развернутая индивидуальная помощь в отработке учащимися подробных алгоритмических предписаний с осуществлением поэлементного контроля и многократными возвратами к уже усвоенному на основе наглядности; эффективны релаксопедическое дидактическое предписание, активные методы и формы обучения; обучение целесообразно наполнить достижениями успеха

Проект системы учебных занятий по теме «Основы динамики»

Система учебных занятий для учащихся, демонстрирующих продуктивный и творческий уровни успеваемости

1. Лекция «Задачи динамики. I закон Ньютона».
2. Лекция «Взаимодействие тел. Масса тела. Сила. II закон Ньютона. III закон Ньютона».
3. Семинар-собеседование «Законы Ньютона».
4. Практикум по решению задач «Законы Ньютона».
5. Практикум по решению задач «Законы Ньютона».
6. Обобщающий семинар «Значение законов Ньютона. Принцип относительности Галилея».
7. Лекция «Деформация тел. Сила упругости. Закон Гука».
8. Семинар-собеседование по теме лекции.
9. Лабораторная работа «Проверка закона Гука».
10. Лекция «Силы трения».
11. Лабораторная работа «Измерение коэффициента трения скольжения».
12. Практикум по решению задач «Сила упругости. Силы трения».
13. Лекция «Движение тела под действием силы тяжести».
14. Лабораторная работа «Изучение движения тела, брошенного горизонтально».
15. Практикум по решению задач «Движение тела под действием силы тяжести».

16. Практикум по решению задач «Движение тела под действием силы тяжести».
17. Лекция «Закон всемирного тяготения. Вес. Невесомость и перегрузки».
18. Практикум по решению задач «Закон всемирного тяготения. Вес. Невесомость и перегрузки».
19. Обобщающий семинар «Силы в механике».
20. Практикум по решению задач «Основы динамики».
21. Практикум по решению задач «Основы динамики».
22. Контрольная работа по теме «Основы динамики».
23. Защита проектных заданий по разделу «Основы динамики».

Система учебных занятий для учащихся, демонстрирующих репродуктивно-продуктивный уровень успеваемости

1. Урок изучения нового материала «Задачи динамики. I закон Ньютона».
2. Комбинированный урок «Взаимодействие тел. Масса тела».
3. Комбинированный урок «Сила. Равнодействующая сила».
4. Урок изучения нового материала «II закон Ньютона».
5. Комбинированный урок «III закон Ньютона. Принцип относительности Галилея».
6. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Законы Ньютона» (решение задач).
7. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Законы Ньютона» (решение задач).
8. Урок изучения нового материала «Деформация тел. Сила упругости. Закон Гука».
9. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Проверка закона Гука» (лабораторная работа).
10. Комбинированный урок «Силы трения».
11. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Измерение коэффициента трения скольжения» (лабораторная работа).
12. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Сила упругости. Силы трения» (решение задач).
13. Комбинированный урок «Движение тела под действием силы тяжести».
14. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Изучение движения тела, брошенного горизонтально» (лабораторная работа).
15. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Движение тела под действием силы тяжести» (решение задач).
16. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Движение тела под действием силы тяжести» (решение задач).
17. Комбинированный урок «Закон всемирного тяготения».
18. Комбинированный урок «Вес. Невесомость и перегрузки».
19. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Закон всемирного тяготения. Вес. Невесомость и перегрузки» (решение задач).
20. Обобщающий семинар «Силы в механике».
21. Подготовка к контрольной работе по теме «Основы динамики».
22. Контрольная работа по теме «Основы динамики».
23. Защита проектных заданий по разделу «Основы динамики».

Система учебных занятий для учащихся, демонстрирующих рецептивно-репродуктивный уровень успеваемости

1. Урок изучения нового материала «Задачи динамики. I закон Ньютона».
2. Комбинированный урок «Взаимодействие тел. Масса тела».
3. Комбинированный урок «Сила. Сложение сил. Равнодействующая сила».
4. Урок изучения нового материала «II закон Ньютона».
5. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «III закон Ньютона» (решение задач).
6. Урок изучения нового материала «III закон Ньютона. Принцип относительности в механике».
7. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «III закон Ньютона. Принцип относительности в механике» (решение задач).
8. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Законы Ньютона» (решение задач).
9. Урок изучения нового материала «Деформация тел. Сила упругости. Закон Гука».
10. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Проверка закона Гука» (лабораторная работа).

11. Комбинированный урок «Силы трения».
12. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Измерение коэффициента трения скольжения» (лабораторная работа).
13. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Сила упругости. Силы трения» (решение задач).
14. Урок изучения нового материала «Движение тела под действием силы тяжести».
15. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Изучение движения тела, брошенного горизонтально» (лабораторная работа).
16. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Движение тела под действием силы тяжести» (решение задач).
17. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Движение тела под действием силы тяжести» (решение задач).
18. Урок изучения нового материала «Закон всемирного тяготения».
19. Комбинированный урок «Вес. Невесомость и перегрузки».
20. Урок совершенствования знаний, умений и навыков «Закон всемирного тяготения. Вес. Невесомость и перегрузки» (решение задач).
21. Урок обобщения и систематизации знаний «Силы в механике».
22. Подготовка к контрольной работе по теме «Основы динамики».
23. Контрольная работа по теме «Основы динамики».

Проекты отдельных учебных занятий по теме «Основы динамики»

Рассмотрим особенности организации учебных занятий по теме «Задачи динамики. I закон Ньютона» для учащихся, демонстрирующих различные уровни успеваемости (на уровне целей изучения учебных элементов темы и заданий для самоконтроля, контроля и коррекции учебных элементов) (таблицы 3–5).

Таблица 3 – Требования к лекции «Задачи динамики. I закон Ньютона» на уровне учебных элементов и целей (*уровень успеваемости учащихся – высокий (продуктивный, творческий)*)

Учебные элементы (УЭ)	Цели изучения УЭ учащимися	Задания для самоконтроля, контроля и коррекции УЭ
1. Основная задача динамики	Сформулировать основные задачи динамики.	Какие основные задачи решаются в динамике? Приведите примеры.
2. Инерция	Знать причины состояния покоя и прямолинейного равномерного движения тела. Охарактеризовать явление инерции.	Почему состояние покоя тел можно наблюдать чаще, чем их равномерное прямолинейное движение? Дайте характеристику явления инерции. Дайте характеристику движения по инерции.
3. I закон Ньютона	Знать смысл I закона Ньютона. Усвоить понятие инерциальной системы отсчета. Знать окончательную формулировку I закона Ньютона.	Каким опытом внутри закрытой каюты корабля можно установить, движется ли он равномерно и прямолинейно или покоится? Как определить, является ли выбранная система отсчета инерциальной? Обоснуйте, что система отсчета, связанная с Землей, является инерциальной. На лежащий на столе брусок поставлена гири 1 кг. Брусок сохраняет состояние покоя, хотя на него действует вес гири. Не противоречит ли это I закону Ньютона?

Таблица 4 – Требования к уроку изучения нового материала «Задачи динамики. I закон Ньютона» на уровне учебных элементов и целей (*уровень успеваемости учащихся – репродуктивно-продуктивный*)

Учебные элементы (УЭ)	Цели изучения УЭ учащимися	Задания для самоконтроля, контроля и коррекции УЭ
1. Основная задача динамики	Сформулировать основные задачи динамики.	Дайте определение задач динамики.
2. Инерция	Знать причины состояния покоя и прямолинейного равномерного движения тела. Сформулировать сущность явления инерции.	В чем причина равномерного прямолинейного движения тела? Дайте определение явления инерции. Приведите примеры движения по инерции.

Продолжение таблицы 4

3. I закон Ньютона	Сформулировать I закон Ньютона. Охарактеризовать условия выполнения I закона Ньютона. Усвоить понятие инерциальной системы отсчета.	Чем инерциальная система отсчета отличается от неинерциальной? Какими способами насаживают топор на рукоятку? Как объяснить происходящие при этом явления? Как объяснить опускание столбика ртути при встряхивании медицинского термометра?
--------------------	---	--

Таблица 5 – Требования к уроку изучения нового материала «Задачи динамики. I закон Ньютона» на уровне учебных элементов и целей (*уровень успеваемости учащихся – рецептивно-репродуктивный*)

Учебные элементы (УЭ)	Цели изучения УЭ учащимися	Задания для самоконтроля, контроля и коррекции УЭ
1. Основная задача динамики	Сформулировать основные задачи динамики.	Дайте определение задач динамики.
2. Инерция	Знать причины состояния покоя и прямолинейного равномерного движения тела. Знать сущность явления инерции.	В чем причина состояния покоя тела? В чем причина равномерного прямолинейного движения тела? Какое явление называется инерцией?
3. I закон Ньютона	Усвоить понятие инерциальной системы отсчета. Сформулировать I закон Ньютона.	Какая система отсчета называется инерциальной? Что позволяет определить I закон Ньютона?

Заключение

При проведении занятий по дисциплине «Методика преподавания физики» было выявлено, что выполнение отдельных действий по проектированию учебных занятий по физике вызывало у студентов определенные трудности. Это свидетельствовало о недостаточном уровне сформированности проектировочных умений будущих учителей.

В процессе проведения деловой игры студенты отработали следующие операции проектировочной деятельности:

- разрабатывать систему уровневых познавательных задач по теме для диагностики знаний учащихся по физике и уровня их развития;
- формулировать цели и задачи обучения физике в глагольной форме в терминах деятельности учащихся, что позволило использовать их как основу для подготовки тестовых заданий для проверки усвоения учебного материала учащимися и достижения ими поставленных целей;
- формулировать цели и разрабатывать тестовые задания по теме для учащихся, демонстрирующих различные уровни успеваемости (учитывать необходимость более детализированного формулирования целей обучения учащихся, демонстрирующих рецептивно-репродуктивный уровень успеваемости; подбирать тестовые задания с учетом уровня подготовки учащихся и зоны их ближайшего развития);
- проводить поэлементный анализ учебного материала, определять основные и вспомогательные дидактические единицы темы;
- разрабатывать структурно-логическую схему изучения темы;
- выбирать методы обучения, учитывая умственную работоспособность учащихся и частоту смены видов деятельности на занятии;
- выбирать систему форм учебных занятий по физике, учитывая характер отобранного материала и выбранные ранее методы обучения.

Проведение деловой игры способствовало совершенствованию знаний будущих учителей в области проектировании учебных занятий по физике и овладению ими деятельностью проектирования, приобретению опыта эффективного решения реальных профессиональных задач, активизации творческого мышления, повышению уровня профессиональной компетентности.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Равуцкая, Ж. И. Методические основы подготовки студентов-физиков к будущей профессиональной деятельности / Ж. И. Равуцкая // Физико-математические науки и образование: проблемы и перспективы исследований : сб. науч. тр. преподавателей физ.-мат. фак. / редкол.: И. Н. Ковальчук (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2011. – С. 173–180.

2. Равуцкая, Ж. И. Совершенствование подготовки будущего учителя физики на основе модели проектировочной деятельности / Ж. И. Равуцкая // Физическое образование: современное состояние и перспективы : материалы респ. науч.-метод. семинара, посвящ. 65-летию физ.-мат. фак. МГУ им. А. А. Кулешова, 16 окт. 2014 г. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2014. – С. 12–14.
3. Цыркун, И. И. Система инновационной подготовки специалистов гуманитарной сферы / И. И. Цыркун. – Минск : Тэхналогія, 2000. – 326 с.
4. Краевский, В. В. Проблемы научного обоснования обучения (Методологический анализ) / В. В. Краевский. – М. : Педагогика, 1977. – 264 с.
5. Талызина, Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний (психологические основы) / Н. Ф. Талызина. – М. : МГУ, 1984. – 345 с.
6. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М. : Высш. шк., 1991. – 207 с.
7. Кларин, М. В. Педагогическая технология в учебном процессе. Анализ зарубежного опыта / М. В. Кларин. – М. : Знание, 1989. – 80 с.
8. Равуцкая, Ж. И. Деловые игры в профессиональной подготовке учителя / Ж. И. Равуцкая. – Мозырь : МозГПИ им. Н. К. Крупской, 2001. – 88 с.
9. Исаченкова, Л. А. Физика : учеб. пособие для 9 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / Л. А. Исаченкова, А. А. Сокольский, Е. В. Захаревич ; под ред. А. А. Сокольского. – Минск : Нар. асвета, 2019. – 207 с.

Поступила в редакцию 15.09.2022

E-mail: gannarul@mail.ru

Zh. I. Ravutskaya

FORMATION OF DESIGN SKILLS OF A FUTURE PHYSICS TEACHER ON THE BASIS OF BUSINESS GAME TECHNOLOGIES

The author defined the system of design skills of a physics teacher in this article. It was revealed that the most effective formation of such skills was possible in the process of organizing practice-oriented training using business game technologies. The results of practical work on the formation of professional competencies of physics students in the field of methodical design as part of the study of the discipline “Methods of teaching physics” were presented.

Keywords: methodical design, design skills, creative thinking, sign-context learning, business game.

УДК [378.095 : 63] : 796.8-057.875

А. К. Сучков

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания и спорта, УО «Витебская государственная академия ветеринарной медицины», г. Витебск, Республика Беларусь

СОЗДАНИЕ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ АГРАРНОГО ПРОФИЛЯ В ГРУППАХ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ

Профессионально-прикладная физическая подготовка – педагогически направленный процесс обеспечения специализированной физической подготовленности к избранной профессиональной деятельности. Образовательный процесс в спортивном учебном отделении, где осуществляется подготовка по видам борьбы, направлен на соблюдение принципов спортивной тренировки. В статье предложен вариант интеграции указанных направлений физического воспитания обучающихся учреждений высшего образования.

Ключевые слова: физическая культура, студенты, спортивное учебное отделение, физическая подготовленность, профессионально-прикладная физическая подготовка, спортивная борьба.

Введение

Цель профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) в учреждениях высшего образования – психофизическая готовность и физическая пригодность к успешной профессиональной деятельности [1]. Профессионально-прикладное направление учебной дисциплины «Физическая культура» обеспечивает формирование у студентов знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения производственных функций в предстоящей профессиональной деятельности. Спортивное направление учебной дисциплины «Физическая культура» обеспечивает специализированные систематические занятия и участие в спортивных соревнованиях по одному из видов спорта. Учебно-тренировочные занятия студентов в спортивном учебном отделении по сути своей не отличаются от занятий в учреждениях спортивного профиля. Учебные группы формируются из числа студентов разных курсов и факультетов, показавших хорошую физическую подготовленность, с мотивацией на повышение своего спортивного мастерства в определенном виде спорта. Таким образом, обучение студентов в спортивном учебном отделении направлено на их совершенствование в одном из видов спорта (в нашем случае – борьбе) и позволяет обучающимся получать результаты от вида деятельности в условиях учебно-тренировочных занятий, контрольных испытаний, соревнований [2]. В то же время социально значимой задачей физического воспитания в учреждении высшего образования является формирование необходимого для будущей профессиональной деятельности уровня физической подготовленности студентов, который в спортивном учебном отделении достигается на основе интеграции спортивного и профессионально-прикладного направлений образовательного процесса по учебной дисциплине «Физическая культура». Для такой интеграции целесообразно применять метод моделирования – создавать модели подготовки (разделов подготовки) по видам борьбы в учреждении высшего образования, в т. ч. модель профессионально-прикладной физической подготовки. Важность интеграции подтверждает тот факт, что физическая подготовленность, двигательные умения и навыки, в том числе необходимые для успешной работы по выбранной обучающимися специальности, быстро утрачиваются после завершения обязательных занятий, если не поддерживаются самостоятельно. Кроме того, с возрастом мотивация к занятиям физическими упражнениями снижается в силу ряда причин. Профессиональному и творческому долголетию будет способствовать сформированная в спортивном учебном отделении осознанная потребность занятий спортом. В то же время изучение литературных источников по теме исследования показало, что, несмотря на всю важность ППФП, учебной дисциплине «Физическая культура» требуется гораздо большая профессиональная направленность. Так, В. И. Ильинич в своих работах говорит о том, что имеющийся в специальной литературе фрагментарный характер разработок, отсутствие комплексных научно-методических обоснований и описаний положительного опыта ППФП не способствуют решению проблем формирования физической готовности студентов к предстоящей профессиональной деятельности [3; 4]. В. А. Коледа отмечает, что многие студенты не придают значения (не осознают) тесной взаимосвязи между результатами физкультурного образования (включая принципы здорового образа жизни) и успешностью будущей профессиональной деятельности [5]. Л. И. Лубышева указывает, что

традиционное построение физического воспитания не решает в полной мере проблем целенаправленной подготовки студентов к физкультурному самообразованию и физическому самосовершенствованию, которые рассматриваются как важные составляющие профессиональной компетентности будущего специалиста [6]. Принимая во внимание приведенные положения ведущих исследователей проблем физического воспитания в высшей школе, мы на примере изучения специфики обучения в учреждениях высшего образования аграрного профиля и условий производственной деятельности специалистов агропромышленного комплекса (АПК) предлагаем один из вариантов повышения практикоориентированности учебной дисциплины «Физическая культура».

Цель исследования – разработка и апробация модели ППФП в группах борьбы, являющейся интегральной составляющей спортивного и профессионально-прикладного направлений физического воспитания обучающихся.

Методы и методология исследования

В использовании метода моделирования в педагогике существуют некоторые трудности. Во-первых, недостаточная разработанность методологических и логических основ педагогического моделирования, его понятийного аппарата, неоднозначность определений педагогических объектов. Технологии моделирования в литературных источниках в большинстве случаев представлены субъективным решением педагогической задачи либо обобщенной концепцией создания моделей. Во-вторых, многомерность, многофакторность педагогических объектов. Неоднозначны мнения о возможности моделирования сложных явлений социальной сферы, т. к. даже детально разработанная модель не может точно прогнозировать развитие объекта или взаимодействие его компонентов, следовательно, возможен конфликт полноты и валидности модели, одним из решений которого является создание определенного комплекса моделей, описывающих разные факторы функционирования и развития образовательной системы. В нашем случае мы рассматривали объект (физическое воспитание) и предмет (профессионально-прикладная физическая подготовка) исследования всесторонне, в развитии и взаимосвязи. Спортивная борьба рассматривалась как элемент образовательного процесса, являющегося, в свою очередь, составляющей физического воспитания, направленного на достижение физической готовности к профессиональной деятельности в АПК. Технологический уровень методологии представлен методами исследования: анализ и синтез, опрос, наблюдение, моделирование. Научное обоснование моделирования подготовки по видам борьбы предполагает изучение публикаций ведущих специалистов в области физического воспитания и спорта. Анализ документов позволит говорить об аутентичности и валидности модели. Опросы помогут определить влияние занятий обучающихся спортом на их последующую профессиональную деятельность. Педагогическое наблюдение создает полную картину эффективности ППФП. Исследования проводились в Витебской государственной академии ветеринарной медицины (УО ВГАВМ) и Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (УО БГСХА).

Результаты исследования и их обсуждение

Для достижения цели учебной дисциплины «Физическая культура» в учреждении высшего образования – формирования социально-личностных компетенций обучающихся, обеспечивающих целевое использование соответствующих средств физической культуры и спорта для сохранения, укрепления здоровья и подготовки к профессиональной деятельности, – модель подготовки (разделов подготовки) по видам борьбы должна создаваться на основе:

- формирования спортивных компетенций, позитивно влияющих на развитие социально-профессиональной компетентности;
- обеспечения лично ориентированного характера физического воспитания, а также возможности творческой самореализации студента (принцип гуманизации);
- усиления практикоориентированности образовательного процесса, организации самостоятельной работы обучающихся, моделирующей решение задач социально-профессиональной сферы в изменяющихся жизненных условиях (принцип компетентностного подхода);
- комплексного решения задач обучения видам борьбы и профессионально-прикладных задач, связанных с будущей социально-профессиональной деятельностью выпускника;
- повышения эффективности взаимодействия субъектов физического воспитания и повышения качества подготовки, обусловленное узкой специализацией преподавателя.

Модель подготовки по видам борьбы в учреждении высшего образования аграрного профиля мы создавали как представленный ниже комплекс взаимосвязанных последовательных этапов, на каждом из которых решался свой определенный логический круг вопросов.

Авторская схема этапов моделирования представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Схема этапов моделирования

Далее кратко прокомментируем представленные на рисунке 1 этапы моделирования подготовки по видам борьбы в учреждении высшего образования.

1. Анализ выявленных в ходе наших лонгитудных исследований проблем физического воспитания в учреждениях высшего образования, который обосновывает создание модели, показывает, что модель является не самоцелью, а средством для устранения существующих противоречий.

2. Постановка цели и определение задач подготовки по видам борьбы позволяет конкретизировать цель и задачи исследования, для решения которых требуется построение модели.

3. Формирование учебного материала практическими блоками не допускает использование модели только лишь как схематической иллюстрации к теоретическим рассуждениям.

4. Структурирование компонентов подготовки дает возможность представить всю совокупность внутренних связей процесса и увидеть «слабые места».

5. Апробация и корректировка выявляют дополнительные ресурсы и условия эффективности процесса, которые ранее не были замечены, возможности реализации модели в новых условиях.

6. Внедрение модели ППФП в образовательный процесс учреждения высшего образования в рамках курса «Физическая культура» является частью процесса моделирования и ошибочно считать, что модель – это «итог», а не инструмент исследования.

Моделируя физическое воспитание обучающихся в учреждении высшего образования, следует учитывать их желания и потребности в выборе средств, методов и форм физкультурно-спортивной деятельности (принцип гуманизации), а также специфику избранной специальности (принцип компетентностного подхода).

Принцип гуманизации обеспечивает лично ориентированный характер образовательного процесса и творческую самореализацию студента. Основываясь на этом принципе, необходимо в большей мере предоставлять учащимся право выбора вида спорта для физического совершенствования, мотивируя их тем самым к учебным занятиям и повышая качество образовательного процесса.

Компетентностный подход – это комплекс методологических, парадигмальных структурных компонентов, направленный на формирование компетентностей и компетенций, основанных на оптимальном соотношении теоретических знаний, умений, способностей, профессионально значимых и личностных качеств, обеспечивающих эффективную подготовку профессионала-специалиста, характеризующегося адекватным представлением о профессиональной деятельности [7].

Таким образом, при организации учебно-тренировочного процесса по борьбе, востребованного в учреждениях высшего образования аграрного профиля вида спорта [8; 9], следует проектировать образовательные технологии, способствующие эффективной интеграции спортивного и профессионально-прикладного направлений физического воспитания обучающихся. Для изучения и реализации таких образовательных технологий эффективным методом является метод моделирования. Моделирование помогает рассматривать и анализировать объект исследования в различных условиях. При этом интегрированная целостность и разносторонность получаемой информации дают возможность осуществлять синтетический подход в познании изучаемого объекта.

Для создания модели профессионально-прикладной физической подготовки в группах спортивной борьбы необходимо: 1) знать специфику обучения в учреждениях высшего образования аграрного профиля; 2) четко представлять условия производственной деятельности на предприятиях АПК. Далее кратко охарактеризуем эти две составляющие.

1. К специфике обучения в учреждениях высшего образования аграрного профиля следует отнести тот факт, что обучающиеся формируют профессиональные компетенции в учебно-опытных хозяйствах, ветеринарных клиниках, лабораториях, на земельных участках и других подразделениях методами, соответствующими специфике учебно-производственного объекта. Профильные кафедры проводят практическую подготовку непосредственно на различных предприятиях агропромышленного комплекса. Специфика обучения в учреждениях высшего образования также характеризуется работой с животными, работой в полевых условиях и работой с вредными для здоровья человека веществами. Исходя из этого, организация образовательного процесса предполагает обучение в малых по численности группах со своим учебным расписанием.

2. Условия производственной деятельности на предприятиях АПК требуют, как указывает Л. П. Матвеев [10], физической подготовленности к разновидностям сельскохозяйственного труда, формирующейся следующими составляющими:

- комплексная выносливость, проявляемая в динамических и статических режимах продолжительного функционирования различных мышечных групп;

- способность ориентироваться на местности и рационально распределять затраты энергии во времени;
- разнообразные двигательные навыки, в том числе навыки, способствующие умелому оперированию различными орудиями труда;
- закаленность организма по отношению к неблагоприятным метеорологическим воздействиям.

Деятельность специалистов с высшим образованием не предусматривает тяжелого физического труда, тем не менее, ряд производственных операций в сельском хозяйстве требует определенно высокого уровня физической подготовленности. Проводимые нами лонгитюдные исследования (анализ литературных источников, опрос обучающихся и выпускников УО ВГАВМ и УО БГСХА, наблюдение за учебными практиками) позволили заключить, что занятия спортивной борьбой (разделы физической, технической подготовки и профессионально-прикладной физической подготовки) позволят обучающимся учреждений высшего образования аграрного профиля физически подготовить себя к предстоящей профессиональной деятельности. В подтверждение приведем краткое сравнение профессиографических характеристик работы в сельском хозяйстве и характеристик подготовки по видам борьбы.

В условиях часто меняющихся ситуаций на производственных объектах АПК (погода, рельеф и характер местности, поведение животных и т. п.), на фоне дефицита времени, особое значение имеют процессы восприятия и переработки информации специалистом в ограниченные интервалы времени. В ходе учебно-тренировочного процесса борцов обучают быстро оценивать ситуацию, предугадывать возможные варианты ее развития, т. е. формируют навыки экстраполяции. На тренировках и соревнованиях у борцов высокое нервно-мышечное напряжение чередуется с расслаблением и восстановлением в различных временных и технических комбинациях, что способствует быстрой адаптации к меняющимся условиям. Совершенствование физических способностей и овладение техникой борьбы неразрывно связаны между собой. Высококвалифицированного борца характеризует умение владеть своим телом и соизмерять свои усилия в любой ситуации, направлять их в нужное русло. Работа в сельском хозяйстве требует проявления физических способностей в различных соотношениях, следовательно, использование тренировочных средств борьбы для формирования физической пригодности обучающихся к производственной деятельности в АПК является обоснованным. В учебно-тренировочном процессе по борьбе необходимы строгая дисциплина обучающихся, самоконтроль, индивидуальные наблюдения, фиксирование отдельных психофизических параметров. Компетентная интеграция самостоятельности, инициативы и дисциплины развивает выдержку, самообладание, способность к самооценке, организованность. Подготовка по борьбе требует от обучающегося сконцентрироваться на изучении конкретных технических действий. В связи с этим наряду с совершенствованием физических способностей тренируются память, способность к концентрации внимания, вырабатывается психофизическая устойчивость. Указанные психофизические способности являются важной составляющей успешной профессиональной деятельности ветврачей и зоотехников, работающих с животными. Работа агрономов связана с передвижениями по удаленным объектам АПК, в том числе в пешем порядке. Борцы в своей подготовке используют кроссовую, лыжную подготовку и плавание, обеспечивающие необходимый уровень развития общей выносливости. Борьба классифицируется как ациклический вид спорта. На практических занятиях применяют нагрузки различной мощности, упражнения выполняются в различных положениях и комбинациях. Ациклические движения, выполняемые в различных положениях, с различной амплитудой, с меняющейся интенсивностью и усилиями, широко представлены в производственных операциях инженеров-механиков, инженеров-гидротехников, работающих в полевых условиях. Вышеуказанное свидетельствует о том, что борьбе и работе в сельском хозяйстве, рассматриваемым в ракурсе выполнения определенных практических операций, присущи идентичные характеристики, наличие которых обуславливает эффективность решения конкретных задач. Исходя из этого, можно говорить о правомерности применения тренировочных средств борьбы для ППФП обучающихся учреждений высшего образования аграрного профиля, формирования уровня их физической подготовленности к условиям будущей производственной деятельности. Термин «физическая подготовленность» подразумевает подготовку не к труду вообще, а к конкретной трудовой деятельности. Таким образом, для каждой профессиональной деятельности необходимо определять соотношения компонентов как в комплексе «физическая подготовленность» (состояние здоровья, умения и навыки, физические качества), так и в ее составляющей «физические качества». Анализ проведенного нами анкетирования выпускников учреждений высшего образования аграрного профиля разных лет показал, что и в современных условиях развития сельскохозяйственного

производства требуется достаточно высокий уровень развития физических качеств, а наиболее важными из них являются выносливость и сила [11]. Это согласуется с мнением авторов, проводивших исследования в 80-е и 90-е годы прошлого столетия (рисунок 2).

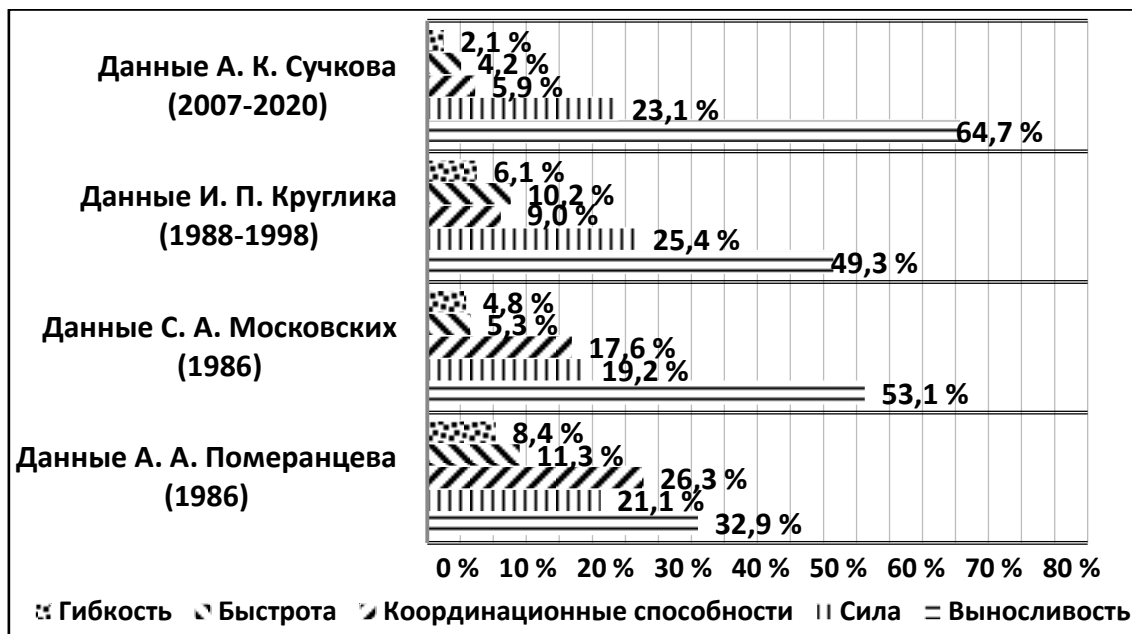

Рисунок 2 – Определение приоритетных физических качеств для работы в АПК

Таким образом, при создании модели ППФП совершенствованию вышеуказанных качеств следует отдавать приоритет. Совершенствование профессионально значимых физических качеств и необходимых двигательных навыков должно являться интегральным компонентом физической и технической подготовки борца. Это положение следует учитывать при моделировании подготовки по видам борьбы в учреждении высшего образования. В таблице 1 представим составляющие ППФП в группах борьбы.

Таблица 1 – Модель профессионально-прикладной физической подготовки в группах борьбы

Компонент	Средства совершенствования	Методические принципы
Приоритетное физическое качество – выносливость	Кроссовая подготовка, лыжная подготовка, плавание	Вариативность подготовки
Приоритетное физическое качество – сила	Силовая подготовка	Укрепление опорно-двигательного аппарата
Физические качества – быстрота, ловкость, гибкость	Общая и специальная физическая подготовка	Построение занятий с учётом специфики видов борьбы, а также зачётных требований
Способность ориентироваться на местности	Кроссовая подготовка, лыжная подготовка	Проведение занятий по пересеченной местности в лесопарковых зонах
Способность рационально распределять затраты энергии во времени	Все виды подготовки	Моделирование различных ситуаций предстоящей профессиональной деятельности
Способность оперировать различными орудиями труда в производственных операциях	Упражнения с предметами, упражнения на снарядах, упражнения на тренажерах	Подбор упражнений, использование которых даёт эффект положительного переноса навыка для последующего обучения производственным операциям в предстоящей профессиональной деятельности
Закаленность организма по отношению к неблагоприятным метеорологическим воздействиям	Кроссовая подготовка, лыжная подготовка, плавание	Проведение занятий в различных метеорологических условиях

Предлагаемая нами модель используется при организации и проведении учебно-тренировочного процесса по видам борьбы в УО ВГАВМ и УО БГСХА, начиная с 2017 г. и по настоящее время. При этом методом опроса изучается влияние занятий борьбой во время обучения студентов на их последующую профессиональную деятельность. Так, в 2022 г. было проведено анкетирование специалистов АПК разного возраста, которые, будучи студентами, в период 2017–2021 гг. занимались спортивной борьбой ($n = 109$ человек). Все опрошиваемые имели различные спортивные разряды и звания: первый – 52,3 %, кандидат в мастера спорта – 41,2 %, мастер спорта – 6,5 %. Анализ ответов респондентов дал следующие результаты. Как оказалось, 72,4 % опрошенных занимаются физкультурой и спортом, причем 24,9 % – не реже одного раза в неделю. Мотивацией к занятиям у подавляющего большинства из них является укрепление здоровья и поддержание высокой работоспособности (93,2 %). Для достижения спортивных результатов занимается спортом 6,8 %. Среди физических качеств, развиваемых при занятиях спортивной борьбой, работники АПК выделяют как приоритетные в своей профессиональной деятельности выносливость (69,1 %) и силу (21,1 %). Свое физическое состояние оценили как удовлетворительное 23,5 %, хорошее – 67,2 % и отличное – 9,3 % респондентов. Почти все они отмечают положительное влияние занятий борьбой на здоровье и работоспособность.

Заключение

Рассматривая в аспекте профессионально-прикладной физической подготовки обучающихся учреждений высшего образования аграрного профиля понятия «спорт» и «трудовая деятельность», следует отметить их явную тождественность по ряду психофизических параметров. Совершенствование в спорте и совершенствование в трудовой деятельности также имеют аналогичные принципы, требования, методики. Идентичные условия, необходимые для совершенствования двигательных умений и навыков как в спортивных дисциплинах, так и в трудовых процессах, обуславливают возможность создания моделей профессионально-прикладной физической подготовки обучающихся учреждений высшего образования для занятий в спортивных группах. Для этого следует проектировать упражнения (комплексы упражнений) как отдельные компоненты трудовых процессов с целью их интеграции в учебно-тренировочный процесс. При этом в процессе моделирования следует учитывать, что в основе такого проектирования (разработки методик ППФП) лежат две ключевые составляющие: теория переноса навыка и учение об адаптации организма человека.

Первая составляющая (теория переноса навыка) детерминирует подбор физических упражнений, способствующих положительному переносу навыка. При некорректном подборе физических упражнений возможен эффект отрицательного переноса навыка, затрудняющий (блокирующий) совершенствование профессиональной физической подготовленности обучающихся к предстоящей работе по специальности.

В комплексе с первой вторая составляющая (учение об адаптации организма человека) определяет направленность физических упражнений, поскольку при физических нагрузках в организме человека адаптационные перестройки носят направленный характер. Методика применения комплекса определенных физических упражнений при этом разрабатывается с учетом специфики как отдельных трудовых операций, так и специфики трудовой деятельности в целом. Также в процессе моделирования следует учитывать адаптационные возможности занимающихся как одно из фундаментальных свойств организма человека.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Физическая культура : типовая учебная программа для учреждений высшего образования / В. А. Коледа [и др.]. – Минск, 2017. – 33 с.
2. Сучков, А. К. Греко-римская борьба, вольная борьба, самбо, дзюдо в учебном спортивном отделении : учеб.-метод. пособие / А. К. Сучков, Е. П. Казимиров, А. А. Васильев. – Витебск : ВГАВМ, 2020. – 43 с.
3. Физическая культура студента : учеб. / под ред. В. И. Ильинича. – М. : Гардарики, 2000. – 448 с.
4. Ильинич, В. И. Физическая культура студента и жизнь : учеб. для студ. вузов по дисциплине «Физическая культура», кроме направления и специальностей в области физической культуры и спорта / В. И. Ильинич. – М. : Гардарики, 2005. – 366 с.
5. Коледа, В. А. Физическая культура в жизнедеятельности студента / В. А. Коледа, В. И. Новицкая // Ученые записки : сб. рец. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры ; редкол.: С. Б. Репкин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУФК, 2018. – Вып. 21. – 212 с.

6. Лубышева, Л. И. Спортизация в системе физического воспитания: от научной идеи к инновационной практике : моногр. / Л. И. Лубышева [и др.]. – М. : НИЦ «Теория и практика физической культуры и спорта», 2017. – 200 с.

7. Матушанский, Г. У. Методологические принципы применения компетентностного подхода в профессиональном образовании / Г. У. Матушанский, О. Р. Кудаков // Казанский педагогический журнал. – 2009. – № 11–12 (77–78). – С. 41–47.

8. Сучков, А. К. Вариативный компонент учебной дисциплины «Физическая культура» как средство повышения уровня физической подготовленности студентов различных специальностей // А. К. Сучков, В. Л. Аксенов // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та імя П. М. Машэрава. – 2015. – № 4. – С. 76–83.

9. Сучков, А. К. Моделирование образовательного процесса на основе использования вариативного компонента в учебной дисциплине «Физическая культура» // А. К. Сучков, Е. П. Казимиров, А. А. Васильев // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та імя П. М. Машэрава. – 2020. – № 4. – С. 91–97.

10. Матвеев, Л. П. Теория и методика физической культуры / Л. П. Матвеев. – М. : Физкультура и спорт, 1991. – 543 с.

11. Сучков, А. К. Особенности формирования физической подготовленности студентов к предстоящей профессиональной деятельности (на примере учреждений высшего образования аграрного профиля) / А. К. Сучков, Е. П. Казимиров // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та імя П. М. Машэрава. – 2018. – № 4. – С. 92–98.

Поступила в редакцию 25.05.2022

E-mail: 1965aks@mail.ru

A. K. Suchkov

CREATION OF A MODEL OF PROFESSIONALLY APPLIED PHYSICAL TRAINING OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF AN AGRICULTURAL PROFILE IN WRESTLING GROUPS

Professionally-applied physical training is a pedagogically directed process of providing specialized physical readiness for the chosen professional activity. The educational process in the sports training department where training in the types of wrestling is carried out, is aimed at observing the principles of sports training. The article offers a variant of integration of these components of physical education of students of higher education institutions.

Keywords: physical culture, students, sports training department, physical readiness, professionally-applied physical training, wrestling.

УДК 81'33 + 811.1/.8(072)

И. Шифрон-Борейко

Старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания русского языка как иностранного, соискатель кафедры прикладной лингвистики,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Лебединский Сергей Иванович, доктор филологических наук, профессор

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА: К ПРОБЛЕМЕ УТОЧНЕНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА И ТАКСОНОМИИ

В статье дан анализ таких проблемных моментов лингвостратегической теории, как терминологическая неоднозначность и таксономическая разбалансированность. Прослеживаются становление и развитие понятийного инструментария стратегической психолингвистики и лингводидактики, критически оцениваются дефиниции используемых в данных научных направлениях базовых терминов, выявляются причины их неоднозначности. Обобщаются и сопоставляются основные принципы и результаты разработки классификаций стратегий, утверждается, что проблема выработки единой таксономии является следствием терминологической неопределенности. В ходе проведенного исследования установлены уязвимость имплементации англоязычной терминологии и необходимость унификации подходов к использованию русских номинаций основных терминов, которые более точно дифференцируют их понятийный потенциал применительно к овладению языком, пользованию им и к проблемам обучения.

Ключевые слова: стратегическая лингводидактика, стратегии овладения языком, стратегии пользования языком, стратегии обучения.

Введение

Стратегическая лингводидактика, являющаяся мультидисциплинарной отраслью научных исследований, проводимых на стыке лингводидактики и психолингвистики, уже сегодня предлагает эффективные решения для оптимизации изучения иностранных языков (далее – ИЯ) при том, что ее научный потенциал еще полностью не раскрыт. Особенностью развития данной области исследований на постсоветском пространстве является фактическая адаптация западной терминологической и таксономической систем, тогда как у самих исследований есть отличительный почерк, демонстрирующий собственную научную традицию. Данное противоречие тем более заметно на фоне того, что в западной стратегической лингводидактике так и не был найден консенсус по многим вопросам, касавшимся понятийного инструментария, поскольку, пройдя стадию активной дискуссии и фактически бесплодных попыток нивелировать разногласия, зарубежные исследователи сосредоточились на таких векторах, как метакогнитивная саморегуляция и влияние социокультурного контекста на вариативность выбора стратегий изучения ИЯ.

Таким образом, на современном этапе развития лингвостратегической теории, на наш взгляд, проблема разграничения понятий *стратегии изучения языка, стратегии пользования языком, стратегии овладения языком, стратегии усвоения языка* так и остается нерешенной и крайне актуальной, поскольку множественность используемых номинаций делает неясным, по сути, сам предмет исследований. Целью данной статьи является уточнение базовой терминологии стратегической лингводидактики для устранения терминологической путаницы и разбалансированности существующих в зарубежной психолингвистике и лингводидактике классификаций стратегий, обусловленных разными подходами к пониманию сущности стратегий как объекта исследования и их понятийной размытостью. С учетом перспективности лингвостратегических исследований актуальность темы обусловлена необходимостью придания этому направлению терминологической стройности и непротиворечивости. Для достижения намеченной цели в исследовании были использованы описательный метод, методы критического и сравнительного анализа, а также методы обобщения и детализации.

Результаты исследования и их обсуждение

Активное становление стратегического направления исследований происходило на стыке 1980-х – 1990-х гг. При этом в течение длительного периода сохранялась терминологическая

путаниця в обозначении предмета данных исследований разными авторами: *language learning strategies* (см. Rubin (1975)), *learning behaviours* (см. M. Wesche (1977)), R. Politzer and M. McGroarty (1985)), *tactics* (см. H. Seliger (1984)), *activities* (см. H. N. Tang and Moore (1992)), *technics* (см. Stern (1992)). Д. Ларсен-Фримен и М. Лонгом было предложено прийти к консенсусу относительно термина *стратегии* в соответствии с положившей начало научному направлению как таковому работой Дж. Рубин [1, с. 199]. Таким образом, с середины 1990-х гг. термин *Language Learning Strategies* (LLS) – *стратегии изучения языка* (СИЯ) – считается окончательно утвердившимся в зарубежной лингводидактике.

С того момента, как Дж. Рубин впервые определила СИЯ как «техники и механизмы, которые используются учащимся для овладения языком» [2, с. 42], разными авторами при формулировании собственных дефиниций брались за основу разные аспекты данного феномена. Анализ источников позволяет выделить следующие проблемные точки дискуссии: 1) определение и содержание самого термина *стратегии* применительно к лингводидактике; 2) понимание предмета исследований, т. е. определение и содержание понятия *стратегии изучения языка*.

В американскую лингводидактику термин *стратегии* пришел из когнитивной психологии, в рамках которой с конца 1960-х гг. активно исследовались *learning strategies* ‘стратегии учения’. Опираясь на понятия психологии познания, Дж. Брунер писал: «Стратегия – некоторый способ приобретения, сохранения и использования информации, служащий достижению определенных целей в том смысле, что он должен привести к определенным результатам» [3, с. 136]. Психолингвисты и лингводидакты, в свою очередь, дали целый ряд собственных определений данному понятию. При этом попытки очертить феномен стратегии предпринимались не только путем выработки дефиниции, но с помощью выявления составляющих его компонентов, среди которых базовыми стали целенаправленность, проблемная ориентированность и потенциальная осознаваемость.

К. Фэрх и Г. Каспер, проводя разделение между «процессами» и «стратегиями», под первыми понимали операции, задействованные при разработке плана (процесс планирования) или при реализации плана (процесс реализации), а под вторыми – способ контроля за выполнением необходимой последовательности операций [4, с. 53, 54]. В силу закрепления озвученной узкой функции, из объекта исследований стратегий выпали такие два класса, как стратегии планирования речи и стратегии ее внешнесинтаксической реализации. Недостатки данной трактовки стратегий устранил А. Д. Коэн, с точки зрения которого, стратегии – это «некоторые мыслительные процессы, которые обучаемые осознанно выбирают, выполняя те или иные учебные задачи» [5, с. 92]. В свою очередь Дж. М. О’Мэлли и А. У. Чэмот определяли стратегии как «особенные мысли или тактики поведения, которые индивидуумы используют, чтобы помочь себе понимать, учить и сохранять новую информацию» [6, с. 1], вкладывая в это понятие когнитивные процессы, сопровождающие изучение языка. Некорректность этой трактовки состояла в том, что дефиницию термина стратегии исследователи свели к более частному понятию «тактики». Сходное понимание стратегий озвучили Д. Ричардс, Д. Платт и Г. Платт, правда, при этом они вслед за А. Д. Коэном сделали акцент на осознанности стратегий [7, с. 209]. Многих недостатков, отмеченных в приведенных выше дефинициях стратегий, удалось избежать Р. Эллису. Согласно его трактовке стратегии являются когнитивным компонентом процедурных знаний, который «включает в себя различные мыслительные процедуры, связанные с усвоением и автоматизацией новых знаний и их использованием в сочетании с другими источниками знаний для общения на иностранном языке» [8, с. 164, 165].

Лингводидактический фокус превалирует в более поздней формулировке дефиниции Дж. Рубин: «Стратегии есть любое сочетание операций, шагов, планов, процедур, применяемых студентом для облегчения получения, хранения, извлечения и использования информации» [9, с. 19]. Р. Оксфорд, однако, считает, что такое «техническое определение», базирующееся на работе J. W. Rigney (1978), не способно в полной мере отразить образовательный потенциал и суть стратегий как действий, предпринимаемых учащимися, чтобы сделать свое обучение более простым, быстрым, приносящим удовольствие, более самоуправляемым, эффективным и переносимым на новые ситуации [10, с. 8].

А. А. Залевская определяла стратегии в широком смысле как закономерности в принятии решений в ходе познавательной деятельности человека [11, с. 319]. Сходным образом определена стратегия в базовом для современных европейских лингводидактов документе «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком»: «Стратегия – это любая организованная, целенаправленная и регламентированная линия действий, выбранная индивидом для выполнения задачи, которую он или она ставит перед собой или с которой он или она сталкивается» [12, с. 10].

Если некоторые существовавшие разночтения относительно термина *стратегии* в западной лингводидактике можно считать нивелированными после принятия вышеупомянутого нормативного документа, то термин *стратегии изучения языка (language learning strategies)* оказался более уязвимым. Во-первых, в той понятийной реализации, в которой этот термин был введен в научный обиход Дж. Рубин, он по своей сути был бихевиористским. Во-вторых, при четком терминологическом разграничении понятий *language learning* 'изучение языка' и *language acquisition* 'овладение языком' термин *стратегии изучения языка* не должен был в принципе охватывать те стратегии, которыми пользуются изучающие иностранный язык в языковой среде. Вне сферы действия этого термина также остается вопрос об использовании учащимися неосознаваемых или не до конца осознаваемых стратегий, которыми они пользуются в автоматизированном режиме до того момента, пока в их речемыслительных схемах не произошел сбой. Кроме того, после выхода пионерских работ Дж. Рубин и Х. Штерна и до середины 1980-х гг. термин *стратегии* оказался более востребованным не в лингводидактике, а в психолингвистике, где широко употреблялся для исследования коммуникативных и компенсаторных механизмов (Е. Тэрн, Е. Бялысток, Н. Пулисс и др.), которые, однако, являлись стратегиями пользования, а не изучения. В свою очередь, Р. Эллис определял процедурное знание учащегося как использование стратегий переработки лингвистической информации в целях овладения и пользования иностранным языком, при том что стратегии изучения, как один из подвидов, он относил к когнитивному компоненту такого знания [8, с. 164, 165]. Путаница в терминопотреблении явилась причиной научной дискуссии, развернувшейся в публикациях К. Фэрх и Г. Каспер, Е. Бялысток и др., и в значительной мере препятствовала созданию непротиворечивой классификации стратегий.

На волне данной дискуссии возникали попытки заменить общепринятый в западной лингводидактике термин *стратегии изучения иностранного языка* термином *стратегии учащегося* [6; 8; 9]. Именно такой термин – *стратегии изучающего язык* – был озвучен в работе Г. В. Эйгера и А. А. Рапопорта применительно к новой актуальной области зарубежных исследований [13]. В первой же советской работе в рамках лингвостратегического направления исследований М. Н. Вятютнев использовал термин *стратегии усвоения языка* [14], продублировав его позже в своей монографии «Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы)» (1984), где данное понятие было рассмотрено с двух позиций – методической и психолингвистической.

Следует отметить, что термин *стратегии*, хотя и использовался в позднесоветской и постсоветской педагогике и лингводидактике в различных трактовках и применительно к разным объектам исследования, наибольшую популярность получил в исследованиях процессов восприятия и понимания речи. Кроме того, в конце 1990-х гг. А. А. Залевской был произведен критический анализ достижений зарубежных коллег и проделана большая работа по осмыслению и имплементации используемой в данной области исследований терминологии [11, с. 318–344]. Систематизировав накопленный зарубежный опыт, А. А. Залевская обозначила свою четкую позицию и разграничила понятия *стратегии овладения языком* и *стратегии пользования языком*.

В постсоветской педагогической литературе, тем не менее, оставалась вариативность в номинациях. Например, А. А. Акишина и О. Е. Каган употребляют термин *стратегии усвоения и обучения*, понимая под ними «меры, которые предпринимают сами учащиеся для того, чтобы усвоение было эффективным» [15, с. 194].

Э. Г. Азимовым и А. Н. Щукиным была предпринята попытка словарного закрепления ставших популярными понятий. В «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» нашли отражение такие термины, как *стратегия обучения*, *стратегии овладения языком* и *учебные стратегии*. Однако некоторые авторские дефиниции не вписывались в контекст терминологии, используемой в стратегической психолингвистике и лингводидактике. Так, под *стратегией обучения* авторы понимают общую концепцию обучения, которая реализуется в виде метода или группы методов [16, с. 295], то есть, понятие, не коррелирующее с терминологическим аналогом, используемым в стратегической лингводидактике. *Стратегии овладения языком* определены как «комбинации интеллектуальных приемов и усилий, которые применяются учащимися для понимания, запоминания и использования знаний о системе языка и формирования языковых навыков и умений» [16, с. 295], что в общих чертах соответствует дефинициям, используемым в лингвостратегической теории. *Учебные стратегии* Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин считают аналогом английского термина *learning strategies* и понимают под ним «действия и операции, используемые учащимися с целью получения, хранения в памяти и применения накопленной информации» [16, с. 334].

Начиная с 2000-х гг. лингвостратегическая теория начала активно развиваться и в Беларуси; уточнялся также и ее терминологический аппарат. Так, в период с 2001 по 2020 гг. белорусским исследователем С. И. Лебединским было опубликовано свыше 50 научных работ, включая докторскую диссертацию и 4 монографии, посвященных описанию стратегий понимания устной научной речи. Вслед за А. А. Залевской, исследователь оперирует терминами *стратегии овладения языком* и *стратегии пользования языком*. Под *стратегиями овладения языком* С. И. Лебединский, как и Р. Эллис, понимает «комплекс глубинных психологических процессов, посредством которых обучаемые аккумулируют новые правила иностранного языка и автоматизируют их в новых ситуациях через переработку воспринимаемого материала путем его структурного упрощения с последующим включением в индивидуальную когнитивную схему обучаемых» [17, с. 46]. С. И. Лебединский считает, что стратегии овладения языком могут быть не только ментальными, но и поведенческими: действие первых стратегий не наблюдаемо, действие вторых – наблюдаемо [17, с. 46]. Таким образом, посредством актуализации общих и индивидуальных способов реализации когнитивных программ происходит освоение языковых правил, которые создают основу для формирования речевой способности к пользованию данными правилами при порождении собственных речевых продуктов. Оптимально выработанные индивидуальные стратегии улучшают и оптимизируют процессы овладения и пользования языком, а при регулярном их использовании приводят к эффекту автоматизации. Индивидуальные стратегии основаны на выборе учащимися одного из возможных вариантов действия, направленного на оптимизацию способов усвоения языковых правил. С точки зрения А. А. Залевской, стратегии руководят навыками и координируют их [11, с. 360]. Учитывая вышеизложенное, видится правильным определить *стратегии обучения* как обучающие приемы, разработанные на основе выявленных эффективных стратегий овладения и пользования языком.

Особое место в стратегической психолингвистике и лингводидактике должно отводиться стратегиям пользования языком. Несмотря на прозрачную семантику этого термина, введенного в научный обиход А. А. Залевской, в научной литературе нами не было найдено устоявшейся, общепринятой дефиниции этого термина. Мы считаем, что *стратегии пользования языком* можно определить как комплекс стратегий, которыми пользуются обучаемые при «переводе» языковых правил и правил построения высказываний на уровень внешнего синтаксиса. Состав этого комплекса напрямую зависит от уровня владения языком и объема хранимых в памяти языковых правил.

Терминологическая нечеткость базовых понятий стала препятствием для выработки единой и непротиворечивой классификации стратегий. Суть разночтений при попытке классифицировать стратегии состоит в поиске оснований для таксономии. Наиболее авторитетные из существующих классификаций обобщенно можно представить следующим образом.

1. Деление СИЯ на прямые (непосредственно влияющие на обучение) и косвенные (косвенные либо опосредованно влияющие на обучение) [9, с. 23–27; 10, с. 17]. Наполнение данных классов имело отличия у разных исследователей и на разных этапах, но наиболее известной считается классификация Р. Оксфорд, т. е. отнесение к прямым стратегиям стратегий памяти, когнитивных и компенсаторных стратегий, а к косвенным – метакогнитивных, аффективных и социальных.

2. Принципиально иным подходом руководствуется Р. Эллис. Исходя из расшифровки составляющих процедурного знания, понимаемого как совокупность стратегий овладения и пользования языком, он выделяет социально-поведенческие стратегии, помогающие наладить и управлять взаимодействием, и когнитивные стратегии, которые делятся на

- 1) стратегии для изучения языка (интериоризации и автоматизации знаний), включающие:
 - стратегии овладения готовыми клише;
 - стратегии овладения творческой речью;
- 2) стратегии для пользования языком, включающие:
 - стратегии восприятия и продуцирования (к последним отнесены стратегии планирования и коррекции / мониторинга);
 - коммуникативные стратегии (понимались как средства преодоления незапланированно возникших затруднений, т. е., по сути, компенсаторные стратегии).

Подклассы стратегий овладения творческой речью и коммуникативные стратегии имели дальнейшее подробное членение [8, с. 167–175].

3. Деление СИЯ на три основных класса в зависимости от функции каждого класса стратегий в процессе переработки получаемых знаний: метакогнитивные, когнитивные и социально-

аффективные [6]. Последний класс стратегий (разделяемый в более поздних работах других авторов на два отдельных класса) актуализируется под воздействием социокультурного контекста и влияет на вариативность в применении стратегий.

4) Разграничение стратегий в соответствии с освоением различных видов речевой деятельности: стратегии говорения, слушания, чтения и письма [18, с. 18, 19; 19].

5) Обобщающая типология С. И. Лебединского, учитывающая как вид знания, так и вид речевой деятельности и принадлежность учащегося к определенному типу психической организации. В соответствии с этой типологией различаются 11 типов стратегий:

1. Метакогнитивные стратегии.
2. Когнитивные стратегии.
3. Аффективно-прагматические стратегии.
4. Стратегии усвоения грамматических форм и конструкций.
5. Стратегии усвоения иноязычной лексики.
6. Стратегии речепорождения и речепродуцирования.
7. Компенсаторные стратегии.
8. Коммуникативные стратегии (общие и частные).
9. Стратегии речевосприятия и речепонимания.
10. Стратегии овладения готовыми и частично модифицируемыми речевыми моделями.
11. Стратегии овладения творческой речью [17, с. 47–60].

В соответствии с рассматриваемой стратегической теорией С. И. Лебединского процесс овладения иностранным языком опирается на процедурные и декларативные знания. Когнитивные стратегии, задействуемые для интериоризации и/или автоматизации поступающих знаний о языке, стратегии продуцирования и восприятия речи, коммуникативные и компенсаторные стратегии относятся к процедурным знаниям. Метакогнитивные стратегии, система языковых конструктов и правил их комбинирования, а также анализ, систематизация и описание языкового материала представляют собой декларативные знания. Все стратегии являются прямыми [17, с. 61].

Как видно из приведенного обзора, стратегическая лингводидактика все еще находится в стадии формирования своей терминосистемы и таксономии, что вызывает как технические проблемы при проведении и описании результатов исследований, так и внешнюю критику. Нельзя, однако, не согласиться с мнением А. А. Залевской: «Признание неопределенности дефиниции понятия стратегии, трудности разграничения разных видов стратегий и недостатки используемых процедур обнаружения стратегий не снимают принципиальной значимости исследования этой проблемы, побуждая более глубоко разобраться в теоретическом аспекте того, что понимается под стратегиями, а также поставить задачу отработки методики сбора данных, их анализа и интерпретации в целях дальнейшего максимального использования в процессе обучения Я2/ИЯ тех возможностей, которые открываются через оперирование стратегиями овладения и пользования Я2 и через их перенос на новые учебные и практические ситуации» [11, с. 327, 328].

Заключение

В постсоветской лингводидактике, где лингвостратегические исследования достаточно разобщены, кажется очевидным негативный эффект имплементации англоязычной терминологии, в то время как в самой англоязычной исследовательской среде неоднозначность трактовок была в определенной мере преодолена путем максимальной генерализации на основании достаточно широкого спектра значений лексемы *learning*. Этим обусловлена, на наш взгляд, и вариативность переводов на русский язык разными авторами, каждый из которых стремился вложить понимаемый им (сообразно рамкам собственных исследований) смысл. Например, *стратегии научения* у А. А. Залевской, которые коррелируют с термином *стратегии овладения языком vs учебные стратегии* или *стратегии усвоения* у методистов. Для преодоления сложившейся проблемной ситуации необходимо осмысленное и единообразное использование исследователями русских терминов *овладение языком, усвоение языка и изучение языка*, которые более точно дифференцируют их понятийный потенциал. Видится возможным предложить следующие формулировки.

Усвоение иностранного языка – это процесс поэтапного лингвокогнитивного освоения вторичной знаковой системы посредством формирования индивидуальных глубоких репрезентационных схем и представлений о структуре, особенностях и правилах использования ИЯ

в различных ситуациях речевого общения, в ходе которого задействуются индивидуальные способы переработки языкового материала для его ментальной формализации и систематизации.

Овладение иностранным языком – это процесс поэтапного формирования иноязычных языковых навыков и речевых умений на основе усвоенных языковых структур, речевых моделей и правил их использования в речи в иноязычной лингвокультурной среде.

Изучение иностранного языка – процесс осознанного, мотивированного освоения вторичной языковой системы, предполагающий эксплицитно выраженное усвоение и использование языковых элементов и языковых правил в строго заданной образовательными рамками (учебником и/или преподавателем) последовательности.

Перед стратегической лингводидактикой сегодня стоит важнейшая задача построения теории усвоения языка и овладения иноязычной речью, а также экспериментальной верификации уже выявленных стратегий. Выстраивание непротиворечивого терминологического аппарата и таксономии – техническая необходимость, способная позитивно повлиять на дальнейшее успешное развитие данного научного направления.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Larsen-Freeman, D. An introduction to second language acquisition research / D. Larsen-Freeman, M. H. Long. – London : Routledge, 1991. – 718 p.
2. Rubin, J. What the “good language learner” can teach us / J. Rubin // TESOL Quart. – 1975. – Vol. 9, № 1. – P. 41–51.
3. Брунер, Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации / Дж. Брунер ; пер. с англ. К. И. Бабицкого. – М. : Прогресс, 1977. – 412 с.
4. Faerch, C. Processes and strategies in foreign language learning and communication / C. Faerch, G. Kasper // Interlanguage Studies Bulletin. – 1980. – Vol. 5, № 1. – P. 47–118.
5. Cohen, A. D. Using verbal reports in research on language learning / A. D. Cohen // Introspection in second language research / ed.: C. Faerch, G. Kasper. – Clevedon, 1987. – P. 82–95.
6. O'Malley, J. M. Learning strategies in second language acquisition / J. M. O'Malley, A. U. Chamot. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – XI, 260 p.
7. Richards, J. C. Longman dictionary of language teaching and applied linguistics / J. C. Richards, J. Platt, H. Platt. – Harlow : Longman, 1992. – VIII, 423 p.
8. Ellis, R. Understanding second language acquisition / R. Ellis. – Oxford : Oxford University Press, 1985. – 327 p.
9. Rubin, J. Learner strategies: theoretical assumptions, research history and typology / J. Rubin // Learner strategies in language learning / ed.: A. Wenden, J. Rubin. – Englewood Cliffs, 1987. – P. 15–30.
10. Oxford, R. L. Language learning strategies: what every teacher should know / R. L. Oxford. – New York : Newbury House, 1990. – XXII, 342 p.
11. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику : учеб. для вузов по филол. специальностям / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
12. Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment / Council of Europe ; Council for Cultural Co-operation ; Education Comm. ; Mod. Lang. Div. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – XVI, 260 p.
13. Ейгер, Г. В. Язык и личность : учеб. пособие / Г. В. Ейгер, И. А. Рапопорт. – Харьков : Харьк. гос. ун-т, 1991. – 79 с.
14. Вятютнев, М. Н. Зависимость техники обучения от стратегии усвоения (применительно к учебнику) / М. Н. Вятютнев // Русский язык за рубежом. – 1978. – № 2. – С. 42–51.
15. Акишина, А. А. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного / А. А. Акишина, О. Е. Каган. – 2-е изд. – М. : Рус. яз. курсы, 2002. – 256 с.
16. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий: теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
17. Лебединский, С. И. Стратегическая теория овладения русским языком как иностранным и стратегии обучения / С. И. Лебединский. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2019. – 422 с.
18. Maximizing study abroad through language and culture strategies: research on students, study abroad program professionals, and language instructors [Electronic resource] / A. D. Cohen [et al.]. – Minneapolis : Center for Advanced Research on Lang. Acquisition, Univ. of Minnesota, 2005. – Mode of access: <https://carla.umn.edu/maxsa/documents/MAXSAResearchReport.pdf>. – Date of access: 20.01.2022.

19. Мангус, И. Ю. Стратегия овладения языком и развития приемов познавательной деятельности как реализация когнитивного подхода в учебнике русского языка как иностранного (на примере учебников в эстонской школе) : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / И. Ю. Мангус. – М., 2001. – 339 л.

Поступила в редакцию 05.05.2022

E-mail: shifron@bsu.by; shifr-i@rambler.ru

I. Shifron-Boreiko

STRATEGIC LINGUODIDACTICS: ADDRESSING THE PROBLEM OF CLARIFYING THE CONCEPTUAL APPARATUS AND TAXONOMY

The article analyzes such problematic aspects of linguostrategic theory as terminological ambiguity and taxonomic imbalance. The formation and development of the conceptual tools of strategic psycholinguistics and linguodidactics are traced, the definitions of the basic terms used in these research directions are critically evaluated, the reasons for their ambiguity are revealed. The basic principles and results of the development of strategies classifications are summarized and compared, it is argued that the problem of developing a unified taxonomy is a consequence of terminological uncertainty. The study has revealed the vulnerability of the direct implementation of English terminology and the need to unify approaches to the use of Russian nominees for basic terms that more accurately differentiate their conceptual potential in relation to language acquisition and use and learning objectives.

Keywords: strategic linguodidactics, language acquisition strategies, language use strategies, teaching strategies.

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 811. 161.1'42'371'25:821.581-1*Ли Цинчжао

А. А. Аксёнчикова-БирюковаМагистр кафедры русского, общего и славянского языкознания,
УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»,
г. Гомель, Республика Беларусь

Научный руководитель: Коваль Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМОЦИЙ ПЕЧАЛИ, СТРАХА И ГНЕВА ПРИ ПЕРЕВОДЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ЛИ ЦИНЧЖАО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассмотрены оригинальные тексты Ли Цинчжао, в которых представлены концепты «печаль», «гнев» и «страх»; выявлены образы, символизирующие устойчивые понятия, и реализация этих смыслов в русскоязычных переводах; предпринята попытка исследовать специфику их смысловой актуализации в переводах стихотворений Ли Цинчжао на русский язык, выполненных А. Алексеевой и М. И. Басмановым.

Ключевые слова: перевод, эмоции, печаль, гнев, страх, китайский язык.

Введение

Поэзия является способом воплощения чувств определенной нации, отражением методов формирования поэтических образов, характерных для каждой национальной культуры. Поэтический перевод в лингвистике представляет собой феномен коммуникации различных лингвокультур. По мнению В. Н. Комиссарова, поэтический перевод – «языковое посредничество» между иноязычным текстом оригинала и коммуникативно равноценным ему текстом, созданным на другом языке [1]. В поэзии заложена сущность определенной национальной культуры. В связи с этим перевод поэтических текстов позволяет выявить новую информацию о культуре, обычаях и традициях других стран, а также более точно понимать культуру и язык своего народа. Следовательно, для того чтобы в полной мере постичь поэзию другого народа, необходимо исследовать его менталитет, специфику культурных традиций, а также эмоциональное настроение [2].

Перевод поэтического текста с китайского языка на русский сопряжен с некоторыми трудностями. В первую очередь это связано с основным отличием китайского иероглифического письма, «иероглиф многосторонен, он обладает множеством значений, которые употребляются в определенных контекстах, что создает сложность понимания поэтического текста» [3]. Кроме того, классическая поэзия Китая наполнена образами, символизирующими устойчивые понятия. В ней присутствуют намеки и напоминания об исторических событиях и героях. Переводчик помимо содержания стихотворения, настроения и образов, созданных в нем, также должен передать своеобразие творческой манеры поэта.

Эпоха Сун (960–1279 гг.) считается «серебряным веком» китайской поэзии. Для этого периода характерно развитие стихотворений формы *цы*, особенностью которых является то, что они создавались на мелодии известных песен и исполнялись с музыкальным сопровождением. Ли Цинчжао (1084–1155) является одним из величайших поэтов жанра *цы*. Ее творческая манера выделена в качестве самостоятельного направления И-ань *цы*. Поэзию Ли Цинчжао отличает наличие большого количества образов, символизирующих определенные понятия.

На русском языке с поэзией Ли Цинчжао можно познакомиться благодаря переводам таких поэтов, как А. Алексеева, М. И. Басманов, С. А. Торопцев, Д. Н. Голубков, Ю. М. Ключников. Все они бережно относились к оригиналам, старались придерживаться стиля и формы автора. Однако каждый, безусловно, привнес в стихотворения свое понимание, свое видение той проблемы или тех образов, которые запечатлела в своих произведениях Ли Цинчжао. Изучением переводов поэтов занималось небольшое количество исследователей. Г. В. Куликова писала об особенностях перевода М. И. Басмановым стихотворений Ли Цинчжао [4]. А. В. Калашникова рассматривала специфику переводов-интерпретаций, выполненных русскими и итальянскими переводчиками [5]. Ю. А. Сорокин изучал трудности перевода поэзии Ли Цинчжао на русский язык [6].

Актуальность исследования определяется необходимостью сопоставительного изучения семантики стихотворных текстов Ли Цинчжао и ее актуализации в русскоязычных переводах. Цель работы состоит в выявлении общего и индивидуального в содержании, структуре и образной репрезентации концептов «печаль», «гнев» и «страх» в поэтической картине мира Ли Цинчжао и переводах ее произведений на русский язык.

Методы и методология исследования

Материалом исследования послужили оригиналы стихотворения Ли Цинчжао, вербализующие концепты «печаль», «страх» и «гнев», а также их переводы на русский язык, выполненные А. Алексеевой и М. И. Басмановым [7]. В исследовании применен метод лингвостилистического анализа, позволяющий провести сопоставление текстов построчного перевода и художественного перевода на уровне значения и стилистических особенностей слов.

Результаты исследования и их обсуждение

Необходимо отметить, что для стихотворений Ли Цинчжао характерно наличие двух планов: внешнего – это те картины природы, которые видит лирическая героиня, и внутреннего – то настроение, те чувства и эмоции, которые она при этом испытывает. Волшебное дерево утун ассоциируется с Мужским началом. Согласно представлениям древних китайцев, это дерево обладает небесным животворным началом, связывая небо и землю. Именно на утуне предпочитает жить бессмертная птица 鳳凰 Фэн-хуан (Феникс), предвещающая значительные события [8, с. 667]. Феникс является эмблемой императрицы и воплощает Женское начало. Китайская пословица гласит: 家有梧桐树, 自有凤凰来 – *Если у тебя дома растет дерево утун, Феникс сам прилетит*. Таким образом, утун символизирует благородного человека, обладающего высокими моральными качествами. Помимо этого, утун олицетворяет наступившую осень, являясь символом печали, поскольку его листья опадают в начале осени. В китайском языке есть пословица: 梧桐一叶落, 天下尽知秋 – *Когда первый лист падает с дерева утун, весь мир знает, что осень наступает* [2]. Осень 秋 – это время холода и увядания, поэтому несостоявшихся ученых в древности называли 秋士 – *осенний ши* [9, с. 216], а увядших женщин – 秋娘 – *осенняя девушка* [9, с. 216]. В древнем Китае смертные приговоры приводились в исполнение, когда наступали осенние холода, чтобы ненастная погода еще больше усугубляла гнетущую атмосферу. В дальнейшем осень стала ассоциироваться с расставанием любящих людей и друзей: 一日三秋 – *один день, словно три осени* – в значении ‘грустить в разлуке’ [10, с. 511].

Утун в страхе роняет свои лепестки. Падающий лепесток символизирует быстротекущее и вечно повторяющееся время. Во власти времени находится не только природа, но и сам человек. Это явление рождает печаль в душе. Можно сказать, что страх и печаль существуют в паре вместе. Осенняя печаль присуща не только лирической героине. Она в полной мере овладевает как землей, так и небом. При этом печаль переплетается со страхом: 草际鸣蛩。 / 惊落梧桐。 / 正人间, / 天上愁浓。 – **В страхе роняет листья утун. / В мире людей и на небе. / Глубокая печаль** («行香子» – «Возжигая курения в храме») [7].

В переводе А. Алексеевой присутствует лексема *печаль*. В нем также сохранены основные образы строк – *утун, небо и земля*. Однако необходимо отметить, что переводчица в своей работе создает ощущение безысходности, добавляя эпитет *темный*. Кроме того, благодаря эпитету *бесконечная* она передает неограниченную продолжительность состояния печали. А. Алексеева переводит иероглиф 惊 ‘боязнь, страх’ словом *трепещет*. *Трепетать*, согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, значит ‘колебаться, дрожать’, а также ‘испытывать страх, боязнь’ [11, с. 421]. Переводчица указывает также и на проявление страха – трепет листьев. Однако при этом, используя наречие *слегка*, А. Алексеева подчеркивает незначительную степень проявления страха: *В траве у тропинки стрекочет сверчок, / утун, опадая, трепещет слегка, / Темны небеса и земля, / печаль бесконечная их глубока* (А. Алексеева. «Седьмой день седьмой луны») [7].

Следует отметить, что в интерпретации М. И. Басманова нет указания на страх утуна. В соответствии с «Толковым словарем русского языка» С. М. Ожегова, *вздрыгнуть* – ‘внезапно, на мгновение задрожать’ [11, с. 53]. При этом Басманов уточняет, что утун обронил лишь один желтеющий лист. Переводчик обращает внимание на то, что все вокруг охватила печаль. М. И. Басманов при переводе данных строк использует краткое причастие *подвластны* – ‘находящиеся под чьей-то властью, зависящие от чего-нибудь’. Он делает акцент на том, что как в земном, так и в неземном мирах нет ничего, кроме печали: *Где-то в траве, на меже / Громко сверчки залились. /*

Вздогнув, утун обронил / С ветки желтеющий лист... / Миры – неземной и земной – / Подвластны печали одной (М. И. Басманов. «Где-то в траве, на меже громко сверчки залились») [7].

Иней, с одной стороны, является признаком наступления зимы, с другой – символизирует приближение старости. Лирическая героиня, погружаясь в созерцание окружающей ее природы, переживающей период умирания, испытывает не только печаль, но и гнев. Негодование, следовательно, связано с завершением жизненного цикла природы и человека: 寒日萧萧上琐窗 / 梧桐应恨夜来霜. 酒阑更喜团茶苦, / 梦断偏宜瑞脑香. 秋已尽, 日犹长, 仲宣怀远更凄凉. / 不如随分尊前醉, 莫负东篱菊蕊黄. / – Морозный день, за резным окном падают листья. / Утун **негодует** в ответ на ночной иней. Вино на исходе, радость, что есть горький чай. / Проснуться помогли курительные свечи. Осень уже закончилась, дни все еще длинные, Чжун Сюань успокаивает скорбящих людей. / Не лучше ли принимать свою судьбу, выпив под хризантемами у восточной ограды («鸪天» «Куропатки в небе» «寒日萧萧上琐窗» «Холодное солнце, пустынно и стыло...») [7]. Хризантемы имеют устойчивую ассоциацию с поэтом-отшельником Тао Юаньмином. Они цветут во время сильных морозов, являются олицетворением стойкости и достоинства человека. Сочетание 东篱菊 – хризантемы у восточной ограды – цитата из стихов поэта Тао Юаньмина: 采菊东篱下悠然见南山 – Я собирал хризантемы у восточной ограды, когда взору предстала Южная гора [2]. Размышляя о жизни, лирическая героиня приходит к выводу, что необходимо спокойно относиться ко всему происходящему вокруг и смириться со своей судьбой.

В переводе А. Алексеевой сохранен образ *хризантем*, однако образ *инея* отсутствует, и, следовательно, нет указания на приближение старости лирической героини. Негодование происходит лишь вследствие наступления морозной зимы: Холодное солнце, пустынно и стыло, / открыто окно, подойду: / Утун **опадает, досаждает** словно, что ночью морозно в саду. / Хмель будто прошел, заварил я чай, / он, горький, проснуться помог, / И грезы растаяли как аромат, / свечи благовонный дымок. // Закончилась осень, увя, / последние теплые дни. / Я как Чжунсюань, вспоминая, **скорблю**: / родные края – где они? / Не следует ли **покориться судьбе**, / **забыться** за чаркой вина, / На цвет хризантем за восточным плетнем / смотреть и смотреть дотемна (А. Алексеева. «Холодное солнце, пустынно и стыло...») [7]. Лирическая героиня при этом решает *покориться судьбе* – ‘отказаться от сопротивления’, и в то же время не обращать внимание на неприятности – *забыться* – ‘впасть в задумчивость, отвлечься’ [11, с. 235].

М. И. Басманов сохраняет образы *хризантем* и *инея*. 恨 ‘негодование’ он переводит как *обида* – ‘чувство, связанное с несправедливо причиненным огорчением или оскорблением’ [11, с. 537]. Переводчик изображает реакцию на приближение морозов и старости – *насутился* – ‘нахмурился’: В оконной раме цепенеет солнце / И стынет небо бледно-голубое. / Утун **насутился** – на ночь **в обиде** / За то, что иней принесла с собою. // Проснулась я и воскурила травы – / Дымок их сладкий с жаждностью вдыхаю. / Такая жажда от вина хмельного / И так хочу я выпить чашку чая! // Немного пусть, / Но все же дни короче. / По всем приметам / Осень на исходе. / Как Чжунсюань, тем больше я страдаю, / Чем дальше мысли горестные бродят. // В вине, пожалуй, я забудусь снова, / И упрекнуть за то меня не смеют: / Я не пила еще за хризантемы, / Что у плетня восточного желтеют (М. И. Басманов. «В оконной раме цепенеет солнце...») [7]. Следует отметить отсутствие в переводе философского принятия лирической героиней предначертанной ей судьбы и наличие желания *забыться*, что может трактоваться не только как ‘задумчивость’, но и как ‘выход за границы приличия’ [11, с. 235]. В то же время лирическая героиня находит оправдание своему поведению.

Весной печаль лирической героини связана в первую очередь с одиночеством. В печали лирическая героиня испытывает боль в сердце, оно сжато. К этому чувству примешивается досада по поводу того, что весна заканчивается, таким образом, лирическая героиня испытывает сложные чувства. В данном случае можно отметить связь концептов «печаль» и «гнев»: 寂寞深闺, / 柔肠一寸愁千缕 / 惜春春去, 幾點催花雨. – Одинокая женская часть дома, в мягком сердце, словно **тысячи нитей печали**. / Досадаю, что весна уходит, сколько времени весенний дождь («点绛唇» «Жемчужно-алые губки» «寂寞深闺» «Всюду в доме моем тишина...») [7].

А. Алексеева при переводе *愁* использует лексему *тоска* – ‘то, что сжимает, опустошает’, дополняя ее глаголом *скучаю*. Состояние лирической героини, характеризующееся ощущением пустоты и сжатия, обостряется отсутствием веселья, занимательности и передается синонимами: *скука* – *тоска* – *печаль*: В покоях моих я *скучаю* одна, / **Тоска**, словно **тысяча шелковых ниточек** / в сердце мое влетена. / **Печалюсь** о том, что весна позади, / Цветы мэйхуа / срывают, **терзают** дожди (А. Алексеева. «В покоях моих я скучаю одна...») [7].

М. И. Басманов при переводе 愁 ‘печаль’ использует лексему *грусть*, которая отличается от печали более легкой степенью проявления этого состояния. И душа оплетена не крепкими шелковыми нитями, которые являются символом тоски о любимом, а паутиною, которая не обладает большой силой, и ее может развеять легкий ветерок: *Всюду в доме моем тишина, / И душа паутиною грусти / Крепко-крепко оплетена / Вот и снова уходит весна: / Лепестки под дождем облетают, / И опять я на башне одна* (М. И. Басманов. «Всюду в доме моем тишина...») [7].

Одиночество лирической героини усугубляют непрекращающиеся дождь и ветер, а также звуки флейты, ставшие причиной ее печали. *Флейта* имеет эротическую символику, олицетворяя Мужское начало. В то же время лирическая героиня размышляет о смысле жизни, ее переполняют сложные чувства: печаль, причиной которой является одиночество, и досада. Однако при этом лирическая героиня отмечает, что вдохновенье, несмотря ни на что, не покинуло ее, и мелодии по-прежнему воодушевляют на написание стихов: *从来, 知韵胜, 难堪雨藉, 不耐风揉. / 更谁家横笛, 吹动浓愁. / 莫恨香消雪减, 须信道, 扫迹难留. / 难言处, 良窗淡月, 疏影尚风流. – До сих пор рифма изящна, невозможный ветер, нестерпимый дождь. / Кроме того, чья-то флейта всколыхнула глубокую печаль. / Досадную, что закончились курительные свечи, не следует ли действительно исчезнуть, трудно остаться. / Сложно рассказать словами обо всем, в окне замечательная луна, мелодии, на которую слагают стихи жанра цы, все еще вдохновляют («满庭芳» «Благоухающий цветущий садик» «小阁藏春» «В маленький терем проникла и притаилась Весна...») [7].*

М. И. Басманов при переводе данного стихотворения 浓愁 ‘глубокая печаль’ интерпретирует как *горькие рыдания*. Лирическая героиня сетует, что не может смириться с силами природы – ветром и дождем. Следует отметить, что автор широко использует прием одушевления окружающих явлений: *лепет дождя, рыдает свирель*; использует яркие метафоры: *ткут без устали тени воздушное полотно*. Причина вдохновения лирической героини не указывается, лишь отмечается, что оно никогда не исчезнет: *Тайнами рифм и созвучий / Я овладела давно. / Но и теперь не постигну / Лепет невнятный дождя. / И примириться мне с ветром, / Видно, не суждено! / Где-то, но где – я не знаю, / Горько рыдает свирель. / Голос ее то затихнет, / То донесется в окно. / Дым от курений растает, / Не вечен из яшмы сосуд. / Что горевать об этом – / Мне уже все равно! / Жизнь в бесконечном движенье, / Все исчезает в веках. / Лишь вдохновенье не будет / Временем сметено! / Ночь несказанно прекрасна: / Свет неяркий луны... / Ткут без устали тени / Воздушное полотно* (М. И. Басманов. «В маленький терем пришла и притаилась весна...») [7].

Обращение к поэзии Ли Цинчжао показало, что в ней присутствует особый вид эмоции «печаль» – *весенняя меланхолия*, или *любовная тоска*, выражаемый биномами 春情, 伤春, в состав которых входит иероглиф 春 – *весна*. Он включает знаки *травы, солнце* и передает идею солнечного света, пробуждения природы, роста растений. По мнению китайского филолога эпохи империи Хань Сюй Шэня, с наступлением весны травы и деревья словно проталкиваются через землю. Иероглиф 春, кроме того, переводится как *любовь, жизнь*. Считается, что весной женские чувства будто толкают сердце, чтобы разбудить его от зимней спячки, и тогда всходят ростки любви. И если девушка влюблена, то о ней говорят: *有女怀春 – Девушка в груди таит весну* [12, с. 245]. Причиной данного состояния является пробуждение природы, для которого характерны рост и цветение растений.

Основу следующего стихотворения формируют лексические единицы с актуализированной семой пустоты: *конец, закончился, пуст*. Любовная тоска лирической героини возникла вследствие ее одиночества. Огонь является образом Мужского начала. Его *мерцание* – слабое свечение – символизирует призрачную надежду лирической героини на возвращение любимого. Ее душа предается несбыточным мечтаниям о встрече с ним. Иволга – это птица, связанная с женской красотой и девичьими добродетелями. Плач иволги, чье прекрасное пение должно приносить радость, усугубляет гнетущую атмосферу и выражает эмоции лирической героини – *негодование*, связанное с опустошением и одиночеством, которые она стремится не показывать окружающим. *Затаенный*, согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, ‘скрываемый от других’ [11, с. 248]: *长记海棠开后, / 正是伤春时节. / 酒阑歌罢玉尊空, / 青缸暗明灭. / 魂梦不堪幽怨, / 更一声啼鴂 – Помню, что долго яблоня цвела, / как раз в это время была **любовная тоска**. / Пирушка подходит к концу, пение закончилось, яшмовый бокал **пуст**, / огонь лампы мрачно мерцает. / Душа грезит, нельзя не быть в **затаенном негодовании** / тем более, что плачет иволга. («好事近» «Недавний праздник» «风定落花深» «С веток осыпав цветы, ветер пронесся и стих...») [7]. В данном случае можно говорить об аккорде таких чувств, испытываемых лирической героиней, как *любовная тоска* и *негодование*.*

В переводе А. Алексеевой *любовная тоска* представлена как *неизбывная тоска*, то есть тяжелая, трудно переносимая. 幽怨 – затаенное негодование интерпретируется автором как *глубокая печаль*. Таким образом, акцент делается на печальное состояние лирической героини и ее бессонницу. Крик неопределенной птицы не связан при этом с образом одинокой женщины: *Яблоня долго цвела / так ярко адели цветки... / Стала весна / порой неизбывной тоски. / Пение стихло, вино на исходе, / чаша из яшмы пуста, / Лампа горит, / вспыхнет, мигнет иногда. / Не перевозмочь мне глубокой печали / долгою ночью без сна, / Где-то вдали / вскрикнула птица одна* (А. Алексеева. «Ветер затих...»).

В Китае о бегонии существует легенда, повествующая о том, что впервые этот цветок вырос в земле, на которую пролила свои слезы влюбленная женщина. М. И. Басманов акцентирует внимание на окончании весны, считая именно это явление причиной грусти лирической героини. Негодование также интерпретируется им как грусть. Поэт создает картину всеобъемлющей грусти, поражающей даже сон лирической героини. В то же время М. И. Басманов обезличивает символизм иволги. Птица при этом не плачет, а пронзительно кричит: *Знаю, как только начнут / Бегонии дружно цвести, / Значит, расстаться с весной / Грустное время пришло. / Чаши из яшмы пуста, / Песни умолкли давно. / Свет фонаря то горит, / То исчезает на миг. / Даже во сне совладать / С грустью не суждено!.. / Где-то далеко в ночи / Птицы пронзительный крик* (М. И. Басманов. «С веток осыпав цветы, ветер пронесся и стих...») [7].

Любовная тоска лирической героини становится причиной ее страха и душевной боли. Концепты «страх» и «печаль» объединены в образном выражении, передающем всю тяжесть того эмоционального состояния, в котором она находится. Одиночество и разлука с любимым являются не только причиной внутренних переживаний лирической героини, они имеют внешнее проявление – слезы. Состояние внутреннего разрушения, в котором она находится, выражено глаголами *расколоться* – ‘разделиться на части от ударов чем-то острым’ [11, с. 235] и *разрывать* – ‘разделяться на части’ [11, с. 235]. Зачастую поэты используют образ воды, выражая свои чувства грусти и тоски. К примеру, поэт Ли Юй (937–978) написал такие известные стихотворные строки: 问君能有几多愁，恰似一江春水向东流 – *Если меня спрашивают, сколько грусти в моем сердце, / Словно, как будто весенние воды реки бегут на восток* [2]. Таким образом, вода, с которой лирическая героиня ассоциирует свои чувства, является символом печали: 世人作梅詞，下筆便俗。予試作一篇，乃知前言不妄耳。藤床紙帳朝眠起，說不盡，無佳思。沈香煙斷玉爐寒，伴我情懷如水。笛聲三弄。梅心驚破，多少春情意。/ *На плетеную лежанку сквозь бумажный балдахин проникает утро, словами не выразишь отсутствие хорошего настроения. Дым от благовоний закончился, жаровня для курений холодная, Мои чувства как вода, звучит «Песня о цветах сливы в трех куплетах», сердце боится расколоться от любовной тоски / Капает мелкий дождь, льют слезы. Человек, играющий на флейте, ушел, яшмовый терем пуст, Душа разрывается, на кого опереться? («孤雁兒» «Одинокий дикий гусь» «藤床紙帳朝眠起» «На ложе из тэна за пологом тонким...») [7].*

В работе А. Алексеевой *любовная тоска* переводится как *душевные муки*. Всю тяжесть состояния лирической героини автор передает словами *беда* – несчастье и *горе* – скорбь, глубокая печаль. Вода в данном случае символизирует остывшие чувства: *Глубокие чувства мои / теперь холодны, как вода. / Послышалась флейта, в саду – слива мэй, / чуть дрогнув, бутоны раскрылись на ней, / Насколько весной / душевные муки сильней. / По саду прошел небольшой ветерок, / он легкие тучи принес, / За каплею капля бежит, торопятся тысячи слез. Ушел, кто недавно на флейте играл, / и яшмовый терем пустой, / Кто горе разделит со мной, / как справиться с этой бедой?* (А. Алексеева. «На ложе плетеное утренний свет...») [7].

Перевод М. И. Басманова лишен трагизма, присущего переводу А. Алексеевой. Лирическая героиня плачет не от любовной тоски – причиной ее слез стали старые проблемы. Она испытывает только страх в связи со своим одиночеством. Вода характеризует интенсивность чувств, которые в настоящее время отличаются спокойствием. *Заводь* – небольшой залив с замедленным течением: *Так чувства мои, что бурлили когда-то, / Теперь словно в заводи тихой вода. / Вдруг флейты раздался призыв троекратный, / И вздрогнула мэй, все бутоны раскрыв. / Во всем этом много сокрытого смысла / И смутных предчувствий весенней поры. / Подул ветерок. Первый дождик закрапал. / И вскоре все в гуле над садом слилось. / И то, что на сердце давно наболело, / В мгновение пролилось потоками слез. / Ушел он, кто только что пробовал флейту, / Зияет покинутой башни пролет. / И страшно подумать, что вместе со мною / На верх этой башни никто не взойдет* (М. И. Басманов. «На ложе из тэна за пологом тонким...») [7].

Заклучение

В ходе исследования выявлено, что стихотворения Ли Цинчжао содержат большое количество образов, символизирующих определенные понятия. В большинстве своем поэтесса использовала образы *утуна, хризантемы, мэйхуа, флейты, огня, инея*, ассоциируемые со скоротечностью времени, одиночеством, разлукой, печалью, гневом и страхом, что связано с фактами ее биографии и происходящими историческими событиями. Исследование вариантов переводов стихотворений Ли Цинчжао показало, что поэты-переводчики большое внимание уделили пониманию образов китайской классической поэзии, но каждый из переводов отразил особенности мировоззрения переводчика. Иероглиф 愁 ‘печаль’ А. Алексеева переводит как *тоска, печаль*. М. И. Басманов переводит данный иероглиф как *печаль, грусть*. Иероглиф 恨 ‘негодовать’ А. Алексеева переводит как *досада*, М. И. Басманов – *обида*. Иероглиф 惊 ‘страх’ А. Алексеева переводит – *трепетать*, М. И. Басманов – *вздрыгнуть*. Установлено, что А. Алексеева и М. И. Басманов стремились максимально сохранить смысл стихотворений и их содержание. В переводах, выполненных М. И. Басмановым, присутствуют приемы добавления, конкретизации, которые разрушают лаконизм и символизм образности китайского оригинала.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – С. 248.
2. Чжао, Паньпань. Смысловая репрезентация поэзии Ли Бо в русскоязычных переводах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Паньпань Чжао. – Уфа, 2020. – 181 л.
3. Акулина, К. В. Проблематика художественного перевода китайской поэзии (на материале стихотворений Ли Бо) [Электронный ресурс] / К. В. Акулина // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 1332–1335. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/89/18144/>. – Дата доступа: 07.01.2022.
4. Куликова, Г. В. Солдат, дипломат, поэт, переводчик (К 95-летию М. И. Басманова) / Г. В. Куликова // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – № 5. – С. 154–161.
5. Калашникова, А. В. Переводы-интерпретации как форма рецепции инолитературного явления / А. В. Калашникова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгр. МАПРЯЛ : в 15 т. – СПб., 2015. – С. 132–137.
6. Сорокин, Ю. А. Перевод старокитайской лирики: реальность или фантом? / Ю. А. Сорокин // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 195–205.
7. Китайская поэзия Ли Цинчжао (1084–1151?) 李清照 Династия Сун [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&author_id=113. – Дата доступа: 15.01.2022.
8. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : Лань, 1999. – 416 с.
9. Сюй, Хуэй. Этимология китайских иероглифов. Сто самых красивых китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Хуэй Сюй ; пер. с кит. Д. Е. Куликова, А. А. Никитиной, А. О. Фиалковской. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 407 с.
10. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. – 596 с.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 4-е. – М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. – 944 с.
12. Сюй, Хуэй. Этимология китайских иероглифов. Сто самых важных китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Хуэй Сюй ; пер. с кит. Е. А. Кузьминой. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 423 с.

Поступила в редакцию 11.05.2022

E-mail: angelaleks99@mail.ru

A. A. Aksionchikova-Biryukova

ABOUT SOME FEATURES OF INTERPRETATION OF THE EMOTIONS OF SADNESS, FEAR AND ANGER IN THE TRANSLATION OF LI QINGZHAO'S POEMS INTO RUSSIAN

The article considers the original texts of Li Qingzhao which presents the concepts of “sadness”, “anger” and “fear”; the images which symbolize stable concepts and the realization of these meanings in the Russian translations are revealed; an attempt was made to investigate the specific features of their semantic actualization in the translations of Li Qingzhao's poems into Russian performed by A. Alekseeva and M. I. Basmanov.

Keywords: translation, emotions, sadness, anger, fear, Chinese.

УДК: 811.161.1'33

А. А. Баркович¹, В. С. Селезнева²

¹Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой информатики и прикладной лингвистики, УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь

²Аспирант кафедры информатики и прикладной лингвистики, УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Баркович Александр Аркадьевич, доктор филологических наук, доцент

ТЕРМИНЫ-КОМПОЗИТЫ КАК ЯЗЫКОВОЙ РЕСУРС ТЕКСТОВ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ

В данном исследовании представлена лингвистическая характеристика терминов-композигов в контексте их языковой функциональности в текстах банковской сферы. Исследование проведено на материале 200 текстов, в которых было идентифицировано 62 термина-композигов. Выявлен системный характер использования терминов-композигов в текстах банковской сферы, что позволило анализировать их как терминосистему. Проведенное исследование носит прикладной характер и является актуальным в аспекте совершенствования современного лингвистического инструментария.

Ключевые слова: термин-композигов, текст банковской сферы, модель, метаязык, аффиксоид, деривационное гнездо.

Введение

Актуальность исследования языковых средств сферы официально-деловой, в том числе банковской коммуникации, обусловлена высокими требованиями к корректному использованию релевантной лексики, в первую очередь, терминов. Сегодня, как никогда ранее, «...новые возможности позволяют предметно исследовать ранее практически недоступную для изучения динамику языка в контексте его реальных процессов, существенно приближая лингвистику к реальновременному измерению речи, дискурса, коммуникации» [1, с. 7]. В данном контексте в изучении сложных слов, которые традиционно были в фокусе исследования целого ряда известных ученых (например, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, А. А. Реформатского, Д. Н. Ушакова, М. Д. Степановой, Ф. Фляйшера и др.), благодаря новым возможностям, в частности, связанным с использованием компьютеров, стало возможным не только верифицировать сложившиеся представления о композигах как классе языковых единиц, но и провести углубленный лингвистический анализ статистически актуального материала. Такого рода исследование целесообразно основывать на сплошной выборке из большого массива текстов с использованием корпусных методик. Не менее важный инновационный потенциал изучения композигов – в рассмотрении возможности моделирования композигов как динамичного и постоянно пополняющегося класса единиц. Термины-композигы как *объект* данного исследования являются существенным языковым ресурсом текстов банковской сферы. *Целью* статьи является репрезентация языковой функциональности терминов-композигов в текстах банковской сферы.

Методы и методология исследования

В последнее время в связи с активной компьютеризацией коммуникации ощутимо растет интерес к метаязыковому охвату сферы практической реализации языка. Особенно актуальными являются исследования прикладного характера. Проведенное исследование выполнено в русле методологии прикладной лингвистики. Для достижения поставленной цели – наряду с использованием традиционных аналитических и описательных методов – высокой степенью релевантности характеризуются корпусная методика и методика моделирования. Так, в частности, корпусный подход к рассмотрению эмпирического материала позволяет систематизировать и обрабатывать по множеству параметров статистически значимый массив языковых фактов с учетом практики их реализации. Для проведения исследования целесообразным представляется корпусная агрегация текстов банковской сферы и их анализ с учетом имеющихся словарных баз данных – для характеристики материала и выявления новых языковых единиц. Немаловажным ресурсом данного исследования является методика моделирования, принципы которой заключаются в конструировании

языковых явлений и объективной проверке новых лингвистических моделей. Данный синтетический методологический инструментарий обеспечивает представление аргументированных выводов о специфике использования композитов на репрезентативном материале, актуализацию их типологии и создание широкой базы для углубленного изучения особенностей возникновения и использования композитов в разных стилях и жанрах языка.

Результаты исследования и их обсуждение

Особенности образования в языке сложных слов, или композитов, были предметом рассмотрения в трудах целого ряда известных ученых. Так, А. А. Реформатский отмечал, что путем сложения корневой морфемы с другой корневой часто образуются сложные слова, «... в результате чего возникает единое новое сложное слово», причем, что характерно для образования сложных слов, они образуются при сложении как полных корней, так и усеченных, а также основ и целых слов в их «грамматической форме» [2, с. 289]. Е. А. Земская констатировала, что сложным словам присуще обязательное наличие двух и более производящих основ [3, с. 180]. По мнению Е. С. Кубряковой, сложные слова получаются «... в результате сложения двух и более самостоятельных элементов языка (слов, словосочетаний, основ)» [4, с. 59]. В толковом словаре Д. Н. Ушакова дается следующая характеристика прилагательного *сложный* на примере *сложного слова*: «состоящий из нескольких частей или элементов, образованный посредством соединения, сложения частей» [5, с. 949]. Из вышеприведенных определений видно, что в метаязыковом плане трактовка сложного слова обусловлена прямым указанием на сложность его конструкции и наличие составных частей, обладающих уже сформированной значимостью.

В свою очередь, именно через специфическую сложную значимость идентифицируется терминологичность *компози́та* как специализированной лексической единицы в лингвистических словарях. Например, в «Словаре лингвистических терминов и понятий» Т. В. Жеребило это выглядит следующим образом: «Композиты (от лат. *compositio* “сочинение; составление; связывание; примирение”) – это сложные слова, имеющие особый тип словообразовательного значения, которое присуще вообще всем словам со сложной мотивирующей базой: это соединительное значение» [6, с. 193]. В данном контексте полностью обоснованным является использование термина *компози́т* как сложного слова, образованного с помощью двух и более производящих основ. При этом ударение в русском языке падает на корневую гласную букву «и» – *компози́т* [7, с. 332]. **Термин-компози́т** является термином, этимологически и структурно состоящим из двух и более компонентов, сочетающим метаязыковую значимость и *термина*, и *компози́та*. Не все компоненты композитов сохраняют лексическую самостоятельность: часть из них в современных условиях целесообразно классифицировать как аффиксоиды.

Основная задача текстов официально-делового стиля, в том числе из банковской сферы, – предельно ясно и точно довести определенную информацию до читателей. Это достигается посредством логически обоснованного языкового отражения фактического материала; исключения эмоционально окрашенных слов, разговорных выражений и грамматических конструкций, присущих художественным и публицистическим текстам; использования преимущественно однозначных лексем, желательно – терминов. Официально-деловые тексты, как правило, имеют четкую структуру, состоящую из заголовка, вводной части, основной части и заключения. Для них характерны *стереотипизация* и *клишированность* текста, в том числе на синтаксическом и лексическом уровнях. Соответственно, лексика текстов банковской сферы преимущественно терминологична, образуя терминосистему.

Тексты банковской сферы жанрово представлены, в частности, заключениями по кредитам, докладными записками, мотивированными суждениями и др. Общее количество рассмотренных в рамках данной статьи соответствующих текстов составило 200 единиц. Из данного *первичного материала* методом сплошной выборки был составлен *корпус* из 62 терминов-компози́тов: *административно-торговое помещение, банк-контрагент, бизнес-процесс, бизнес-риск, валютно-обменный; взаимосвязанный кредит, взаимовыгодный кредит, внебалансовый, внебиржевой, внеоборотный актив, внереализационные расходы, внебюджетный, выгодоприобретатель, долгосрочный актив, евроцент, единовременная задолженность, ежеквартальное поступление, ежемесячный доход, залогодатель, залогодержатель, займодавец, интернет-банк, кибер-риск, конкурентоспособность, контрагент, контрагент-заказчик, контрагент-поставщик, контрагент-покупатель, контргарантия, краткосрочная задолженность, кредитно-расчетные отношения, кредитно-финансовый, кредитодатель, кредитополучатель, кредитоспособность, купля-продажа,*

лизингодатель, макроэкономический процесс, межбанковский, микрокредит, налогообложение, общехозяйственные затраты, организация-дебитор, организация-резидент, платежеспособность, потребитель-покупатель, производственно-торговое предприятие, расчетно-кассовое обслуживание, рискдевальвационный, риск-профиль, себестоимость, среднегодовой доход, среднедневной остаток, среднеквартальный показатель, среднемесячный оборот, среднесписочная численность, стресс-тестирование, субаренда, товарооборот, финансово-хозяйственная деятельность, экономист-международник, экономист-менеджер.

Многие термины употребляются неоднократно и сочетаются с разными лексемами. Так *долгосрочный* встречается в сочетаниях *долгосрочный актив, долгосрочный кредит*, определенным образом конкретизируя временные параметры различных экономических реалий. В то же время можно констатировать, что частое использование одних и тех же терминов в различных коллокациях объясняется высокой шаблонностью содержания в текстах официально-делового стиля.

Существенной спецификой терминов-композигов является их *графическое оформление*. Так, принадлежность той или иной терминологической единицы к классу композигов может характеризоваться либо слитностью в ее написании (например, *общехозяйственный, лизингодатель*), либо наличием дефиса между составными частями единицы (например, *интернет-банк, риск-профиль*).

Важным дифференцирующим признаком при диффузии составных элементов терминов-композигов выступает характер их *интерфиксации*. В исследованном материале для соединения компонентов в составе сложной лексемы используются следующие интерфейсы:

- *-o-/-e-* при слитном написании (*платежеспособность* и др.) – 24 словоупотребления;
- *-o-/-e-* при написании с дефисом (*расчетно-кассовый* и др.) – 7 словоупотреблений;
- нулевой интерфейс при слитном написании (*контрагент* и др.) – 15 словоупотреблений;
- нулевой интерфейс при написании с дефисом (*кибер-риск* и др.) – 16 словоупотреблений.

Интерфиксация в анализируемом корпусе терминов-композигов может быть охарактеризована следующим образом. Выявлено, что в терминах-композигах, образованных соединением компонентов русскоязычного происхождения, интерфейсы продуктивно используются, например: *краткосрочный, среднегодовой* и др. При использовании иноязычных компонентов (в частности, в начале композита) интерфейс, как правило, нулевой: например: *микрокредит, бизнес-процесс*. Необходимо отметить, что иноязычные компоненты (или освоенные к настоящему времени в русском языке этимологически иноязычные компоненты) встречаются в составе многих композигов, будучи зачастую представлены «усеченными лексическими формами» иноязычных лексем [8, с. 78].

Наличие большого числа заимствований (25 % в нашем исследовании) среди терминов-композигов объясняет влияние процессов экономической глобализации. Для иноязычных терминов-композигов характерны ограниченность их функциональности в языке-реципиенте, а именно: сохранение несклоняемости (*стресс-тестирования, стресс-тестированию, стресс-тестировании*), а в отдельных случаях и неспособность к автономии.

В *частеречном* аспекте в текстах банковской сферы используются преимущественно существительные и прилагательные термины-композиты. При этом *компонентная специфика* композигов в рассматриваемом корпусе характеризуется следующими моделями (в частотном порядке):

- местоимение + существительное (*себестоимость* и др.) – 1 словоупотребление;
- наречие + существительное (*внепределительный* и др.) – 6 словоупотреблений;
- существительное + глагол (*займодавец* и др.) – 7 словоупотреблений;
- прилагательное + прилагательное (*финансово-хозяйственный* и др.) – 8 словоупотреблений;
- существительное + существительное (*экономист-международник* и др.) –

17 словоупотреблений;

- прилагательное + существительное (*конкурентоспособность* и др.) – 23 словоупотребления.

В проанализированном корпусе оказались представлены сложные слова с различными типами связи их компонентов, в частности *копулятивные* и *детерминативные* (определяющие) композиты. Копулятивные композиты состоят из двух непосредственно составляющих компонентов, которые должны принадлежать одной и той же части речи и должны быть соединены *сочинительной* связью и «... их перестановка не влечет за собой семантических изменений...» [9, с. 115]. В определяющих или детерминативных композитах один компонент *подчинен* другому и общее название понятия превращается в специальное [9, с. 115]. Так, среди отобранных в исследованных текстах банковских терминов-композигов присутствуют 18 копулятивных единиц (например, *экономист-международник* и др.) и 45 детерминативных единиц (например, *общехозяйственный* и др.).

Большинство выявленных терминов-композигов характеризуется двухкомпонентной структурой. Однако проведенный анализ позволил также идентифицировать в пяти случаях трехкомпонентную модель, при которой, например, один из составных компонентов уже является сложным словом: например, *банк-контрагент*, *контрагент-заказчик*, *контрагент-покупатель*, *контрагент-поставщик* и *экономист-международник*.

В **деривационном аспекте** оказались актуальными следующие модели.

1. Сложение с использованием полноценных **лексем** (*внебюджетный*, *контрагент-поставщик* и др.). Выявлено 24 словоупотребления.

2. Сложение с использованием **основ**. *Сложение основ* – образование производного слова путем соединения одной или нескольких основ с «опорным (последним) компонентом» [10, с. 139], равным целому слову, и предшествующим, представляющим собой «чистую основу», например *риск-профиль*, *долгосрочный* и т. д. При этом соединение частей композита происходит либо через соединительную гласную (*товарооборот* и др.) – 21 словоупотребление, либо без соединительной гласной (*стресс-тестирование* и др.) – 20 словоупотреблений.

3. Сложение с использованием **аффиксоидов**. Аффиксоид – морфема переходного типа, или «... суффиксированной или префиксированной основы», исполняющей, с одной стороны, роль суффикса или префикса, а с другой стороны, не порвавшей окончательно своих генетических и семантических связей с соответствующим корнем [11, с. 82]. Если «... аффиксы – это общее название для всякой формальной принадлежности, являющейся в слове отдельной частью, и значить, собственно, “приставка”» [12, с. 63], – то аффиксоиды образуются на базе полнозначных слов, усеченных основ. Аффиксоиды, в свою очередь, делятся на суффиксоиды и префиксоиды. В нашем корпусе встречаются композиты не только с префиксоидами (*внебюджетный*, *ежеквартальный*) – 14 словоупотреблений, но и с суффиксоидами: (*залогодатель*, *займодавец*) – 5 словоупотреблений.

Общее количество примеров, иллюстрирующих деривационную специфику терминов-композигов, объективно превышает число единиц корпуса примеров (62), так как в одних и тех же терминах-композигах встречаются компоненты разного рода. Так, в примере *внебюджетный* один компонент *вне-* – аффиксоид, а второй *-бюджетный* – является лексемой.

Существует также точка зрения, согласно которой к композитам относят (например, Фр. Миклошич, В. Ягич, М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Ф. Ф. Фортунатов и др.) также слова «приставочного» словообразования. Так, А. Х. Востоков указывает, что: «... слова, не соединенные с приставками, напр., *зрю*, *зримый*, *зрение*, называются простыми; соединенные же, напр., *обозрю*, *необозримый*, *лицезрение*, называются сложными словами» [13, с. 4]. Однако дефиниция *композига* (сложного слова) в современной интерпретации (см. выше) выглядит иначе, и к композитам относят только единицы с аффиксоидами, – соответствующая логика подтверждается и проведенным исследованием.

В статистическом плане распространенность вышеописанных деривационных моделей может быть представлена следующим образом (рисунок 1).

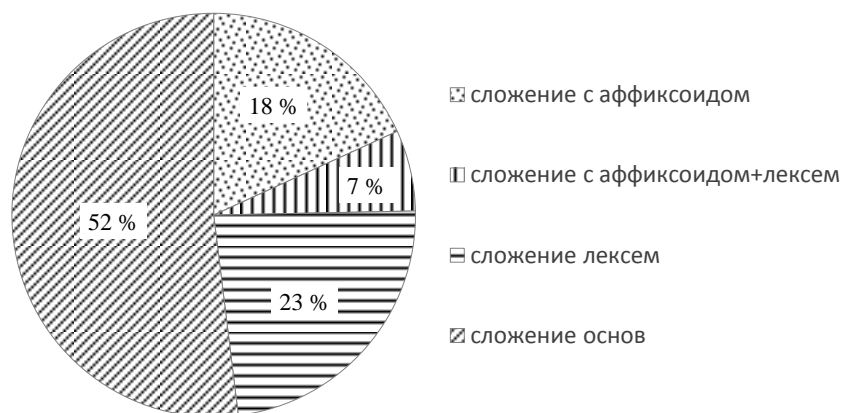

Рисунок 1 – Распределенность деривационных моделей терминов-композигов

Характерно, что большинство из выявленных компонентов терминов-композигов задействованы в соответствующих деривационных гнездах [14], в которых базовый компонент является деривантом для целого ряда производных единиц (дериватов): например, *связь* → *связанный* → *взаимосвязанный*. Данная характеристика также статистически релевантна, и деривационная активность выявленных дериватов (производных единиц) в проанализированной терминосистеме – в соответствии с их продуктивностью – может быть представлена в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Деривационная активность терминов-композигов

Деривант	Дериваты
-кредит-	кредитодатель, кредитополучатель, микрокредит, кредитоспособность, кредитно-расчетный, кредитно-финансовый
контр-	контрагент, контргарантия, банк-контрагент, контрагент-заказчик, контрагент-покупатель, контрагент-поставщик
срeдне-	среднесписочный, среднemesячный, среднeдневный, среднeквартальный, среднeгодовой
вне-	внеоборотный, внебиржевой, внереализационные, внебюджетный, внебалансовый
-риск-	риск-профиль, кибер-риск, бизнес-риски, рискдевальвационный
-эконом-	экономист-менеджер, экономист-международник, макроэкономический
-банк-	банк-контрагент, межбанковский, интернет-банк
зaлог-	залогодержатель, залогодатель
-расчет-	кредитно-расчетный, расчетно-кассовый
бизнес-	бизнес-риск, бизнес-процесс
-способность	кредитоспособность, конкурентоспособность
-датель	лизингодатель, кредитодатель
меж(ду)-	межбанковский, международник
-срок	долгосрочный, краткосрочный
еже-	ежемесячный, ежеквартальный

Как показывает анализ, наиболее активными деривантами явились *-кредит-* – 6 дериватов (производных единиц), *-контр-* – 6 дериватов и *-срeдне-* – 5 дериватов. Зачастую один и тот же деривант может входить в состав разных деривационных гнезд. Так, например, деривант *-кредит-* встретился в составе 4 словообразовательных гнезд: *-кредит-* (*кредитодатель, кредитополучатель, микрокредит, макроэкономический, кредитоспособность, кредитно-расчетный, кредитно-финансовый*); *-расчет-* (*кредитно-расчетный*); *-способность* (*кредитоспособность*); *-датель* (*кредитодатель*).

Наряду с терминосистемой композигов банковской сферы (62 вышеуказанных единицы) в проанализированных текстах, при обилии терминологии в принципе, присутствуют и термины-композигов, характерные другим сферам деятельности. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие примеры:

Необходимость внесения изменений в график погашения основного долга вызвана негативными макроэкономическими процессами, на фоне общей санитарно-эпидемиологической обстановки. Организация производит регламентные работы, смазочно-заправочные работы, контрольно-диагностические и регулировочные работы, монтажные и крепежные работы, замену агрегатов узлов и деталей, ремонт двигателей, ремонт электрооборудования, ремонт топливной аппаратуры бензиновых и дизельных двигателей. Доля рынка Гродненской области, занимаемая организацией, составляет менее 5 % (в части оказания строительных работ, аренды) и до 50 % в части выполнения работ по бестраншейной прокладке трубопроводов.

Здесь единицы *санитарно-эпидемиологический, смазочно-заправочный, контрольно-диагностический, электрооборудование, трубопровод*, разумеется, не могут быть отнесены к «банковской» терминосистеме. Однако их многочисленность свидетельствует о весьма существенном функциональном потенциале терминов-композигов как ресурса речевой практики релевантной тематики. Как показывает опыт проведенного исследования, данные единицы также целесообразно агрегировать в соответствующие терминосистемы, что позволит, в частности, проводить их автоматическую

идентификацию при распознавании речи и корректное использование при синтезе речи. Таким образом, *терминосистема* как совокупность объединенных общей семантикой и сферой использования терминов представляется важным метаязыковым инструментарием.

Заключение

В текстах банковской сферы термины-композиции используются для обеспечения лаконичности и точности текста, соблюдения языковой эргономики, свойственной деловому стилю изложения, полного и непротиворечивого описания специфики релевантной деятельности. Выявлен системный характер использования терминов-композиций в текстах банковской сферы, что позволило анализировать их как терминосистему. Полученные результаты свидетельствуют об активности деривационных процессов в русском языке, и это подтверждается массовым использованием терминов-композиций в текстах официально-делового стиля. К языковой специфике такого рода текстов следует отнести активное использование заимствований, сложных слов и терминов. Проведенное на компактном материале исследование свидетельствует о присутствии в проанализированных текстах терминов-композиций различного компонентного состава, соответствующего различным моделям. В частности, четверть выявленных языковых единиц содержат компоненты иноязычного происхождения или полностью состоят из них. Охарактеризованы релевантные деривационные модели. Наиболее употребимы в текстах банковской сферы композиции типов «существительное + существительное» – 17 словоупотреблений и «прилагательное + существительное» – 23 словоупотребления. Таким образом, термины-композиции представляют собой важный и высокоидентичный языковой ресурс текстов банковской сферы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Barkovich, A. Meta-description of derivational relations: specifics of system representation / A. Barkovich // *Mundo Slavico*. – 2018. – № 17. – P. 7–25.
2. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – Изд. 5-е, испр. – М. : Аспект-Пресс, 2018. – 536 с.
3. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 324 с.
4. Кубрякова, Е. С. Что такое словообразование / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1965. – 78 с.
5. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-пресс, 2005. – 1207 с.
6. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т. В. Жеребило. – Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2016. – 610 с.
7. Лопатин, В. В. Учебный орфографический словарь русского языка / В. В. Лопатин, О. Е. Иванова, Ю. А. Сафонова. – М. : Эксмо, 2007. – 1177 с.
8. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
9. Степанова, М. Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов и ин-тов иностр. яз. / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. – М. : Высш. шк., 1984. – 264 с.
10. Русская грамматика : [в 2 т.] / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : ИРЯ, 2005. – Т. 1 : Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / [Н. С. Авилова и др.]. – 783 с.
11. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 246 с.
12. Ушаков, Д. Н. Краткое введение в науку о языке / Д. Н. Ушаков. – Изд. 4-е. – М. : Нар. Комиссариат по просвещению, 1919. – 120 с.
13. Востоков, А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики, полнее изложенная / А. Х. Востоков. – Изд. 12-е. – СПб. : Тип. И. Глазунова, 1874. – 216 с.
14. Никитевич, А. В. Деривационное гнездо как объект и модель в теории словообразования и практике лексикографирования / А. В. Никитевич // *Slavische Wortbildung im Vergleich. Teoretische und Pragmatische Aspekte* / A. Richter, S. Mengel. – Berlin, 2014. – Bd. 12. – S. 576–589.

15. Тихонов, А. Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Тихонов. – М., 1974. – 430 л.

16. Шведова, Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка / Н. Ю. Шведова ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1970. – 767 с.

Поступила в редакцию 05.09.2022

E-mail: albark@tut.by ; kbkz222@yandex.ru

A. A. Barkovich, V. S. Selezneva

TERMS-COMPOSITES AS A LINGUISTIC RESOURCE OF TEXTS IN THE BANKING SPHERE

This study provides a linguistic characteristic of terms-composites in the context of their linguistic functionality in the texts of the banking sphere. In this research 200 texts were considered where 62 terms-composites were identified. The systematic nature of the use of terms-composites in the texts of the banking sphere was revealed, which allowed to analyze them as a terminosystem. The conducted research has an applied character and it is actual in the aspect of improving the modern linguistic tools.

Keywords: term-composite, banking text, model, metalanguage, affixoid, derivational nest.

УДК 811.161.1 ' 42

Л. А. Богданович

Магистр филологических наук, аспирант кафедры белорусской и русской филологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

Научный руководитель: Кураш Сергей Борисович, кандидат филологических наук, доцент

МОДЕЛИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ, ВКЛЮЧАЮЩИХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ, В ПОЭЗИИ И МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Филологическая терминология широко используется вне прямой референции – в поэзии и языке средств массовой информации. По результатам исследования, проведённого на материале фрагментов поэтических и массмедийных текстов, было зафиксировано около 200 филологических номинаций, вошедших в состав терминологических и оттерминологических словосочетаний.

В статье предпринята попытка анализа и систематизации моделей словосочетаний, в составе которых встречаются филологические терминологические номинации, с учётом характера синтаксической связи элементов.

Моделированию подверглись образно употреблённые составные термины, а также сочетания слов, в которых одновременно присутствуют терминологические и нетерминологические единицы. Установлено, что наиболее широко распространены словосочетания, образованные по моделям, отличительной чертой которых является частеречная принадлежность компонентов к субстантиву.

Ключевые слова: термин, филологическая терминология, поэзия, массмедийный контекст, модели словосочетаний.

Введение

Филологическая терминология по праву может считаться одной из наиболее значимых в социальном и научном плане, так как она служит средством «... познания человеком самого главного средства общения – языка» [13, с. 3]. Значимость процесса проникновения лингвистической терминологии в ненаучную сферу деятельности человека – в художественную литературу и язык СМИ – опосредована спецификой авторского мышления и умением наполнять любые языковые единицы и комбинации слов особой смысловой нагрузкой [1, с. 144].

Научное описание филологических терминов проводилось в работах В. Гумбольдта, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, Ф. Ф. Фортунатова, Р. Якобсона, К. Я. Авербуха, Ю. В. Ведерниковой, С. В. Гринёва, Д. В. Дятко, Т. К. Корниевской, С. А. Крылова, В. Д. Старичёнка, Л. Н. Уткиной и многих других учёных, чьи работы составили теоретическую основу настоящего исследования.

Методы и методология исследования

Фактическим материалом послужили филологические номинации (ФН) и их производные, зафиксированные в поэтических и массмедийных контекстах, извлечённых методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (поэтический и газетный подкорпусы). На данном этапе исследования проанализировано около 2000 контекстов с входящими в них порядка 180 филологическими номинациями, их производными и словосочетаниями, в составе которых присутствуют языковедческие терминоединицы.

Использовались такие лингвистические методы исследования, как метод сплошной выборки, контекстуального анализа, а также метод лингвистического описания на этапе систематизации и интерпретации результатов.

Результаты исследования и их обсуждение

Наибольшее количество филологических лексем было выявлено в поэтических контекстах, предположительно, по причине прямого или косвенного отношения самих авторов художественных произведений к филологии как сфере деятельности. Филологический термин, употреблённый за пределами научной сферы, служит одним из основных показателей проявления автором его лингвистической креативности (как на уровне профессиональном, так и на любительском).

По сравнению с авторами художественных произведений, авторы массмедийного направления реже прибегают к образному использованию филологических терминологических номинаций для реализации своих идей: основная цель журналиста – передача информации и воздействие на массового адресата, тогда как в поэзии слова автора «вырисовывают» в воображении каждого отдельного читателя неодинаковые, уникальные образы.

Цель исследования заключается в фиксации моделей, по которым построены терминологические словосочетания, а также словосочетания, образованные на основе филологических терминов.

Трансформационные возможности различных филологических номинаций (ФН) заложены в характеристиках слова-термина, составного термина с существительным в качестве главного слова [2, с. 12] или в оттерминологическом словосочетании. В каждом конкретном фрагменте термин реализует лишь релевантные данному контексту значения [6, с. 14], определяющие их роль и функции в неспециальной сфере деятельности.

Быть термином – значит «... функционировать в одном из специальных подязыках для обозначения общих понятий теории определённой специальной области знания или деятельности» [6, с. 6]. Данная позиция основана на утверждении Г. О. Винокура о том, что «термины – это не особые слова, а слова в особой функции» [4, с. 5]. Так, в стихотворении В. Соловьёва «Михаилу Матвеевичу <Стасюлевичу> в день чуда арх<ангела> Михаила в Хонех» термин *омоним* благодаря авторской аллюзии приобретает второй семантический план, заставляющий читателя соотносить имя адресата (Михаил Матвеевич Стасюлевич) с мифологическим событием в IV веке, чудодейственным явлением св. Архангела Михаила, которое также называется «чудом в Хонех» [11], ср.: *Недаром в Хонех натворил / Чудес Ваи омоним небесный: / Хоть не архангел Михаил – Вы также Михаил чудесный* [10].

Анализ выявленных филологических терминов в несвойственных им видах дискурса позволил сделать вывод о расширении их строго терминологических значений, «... поскольку сама завуалированность значения служит одним из факторов, актуализирующим образность» [15, с. 7]: *Не каких-то глаголов виды, / Не лексические слои, / В этих строчках мои обиды, / Мои слезы, жесты мои* (И. Елагин) [10].

В ненаучном контексте образность языковедческой терминологии формируется у адресата подсознательно: во многих случаях читатель (слушатель) неосознанно сопоставляет экспрессивные сочетания слов, в составе которых присутствуют хорошо знакомые ему филологические номинации, с их научной трактовкой, при этом подобные словосочетания сохраняют целостное значение [9, с. 11; 13, с. 684, 685]: *Нет, лично мне «прямой речью» ничего лишнего не приписали* (Михаил Зубов. Чаплин о скандале на «Эхе»: Бог благословит уничтожение некоторых людей // Московский комсомолец, 2016.08.16) [10] и пр.

Стилистический приём выражения подтекста авторы умело сочетают с использованием составных терминов вне прямой референции, напоминая семантическую целостность фразеологизма: 1) *Итак, отношение к русскому языку в бывших союзных республиках сегодня полярно противоположно – в одних (если перевести на язык грамматики) он «существительное», в других – «прилагательное», а в третьих – настоящее «страдательное причастие»* (Лариса КАФТАН, Рис. Валентина ДРУЖИНИНА. Рус, сдавайся? // Комсомольская правда, 2004.06.15); 2) *Стоя в гробу – что я могу / во имя существительное, / прилагательное, / глагол?* (Я. Сатуновский).

В первом примере угадывается аллюзия на комедию Д. Фонвизина «Недоросль».

Во втором фрагменте высказывание «во имя существительное, прилагательное, глагол» обращает читателя к молитве (Богу).

Поскольку филологическая терминология чаще всего представлена именами существительными, наиболее распространёнными в вышеупомянутых видах дискурса являются фразеобразовательные модели субстантивных конструкций: *Принцип поэтической грамматики / День минус солнце плюс оба / Полюса скрипят проселком веков* (В. Шершеневич); *Принцип синтаксического аграмматизма / Не губы и не глаза, но колонны многоточек, / Не сердце – на разорванных листиках стих!* (В. Шершеневич) [10].

К. Я. Авербух в книге «Общая теория термина» упоминает о проблеме моделирования термина и выбора оптимальных моделей для словосочетаний, включающих терминологические единицы, на примере терминосистемы химического машиностроения [1, с. 158]. В нашем исследовании речь идёт о фиксации наиболее часто встречающихся моделей словосочетаний с филологическими номинациями в поэтическом и массмедийном дискурсах.

В процессе моделирования необходимо учитывать структуру терминологических единиц в выявленных словосочетаниях, так как не все образованные по устойчиво воспроизводимым моделям словесные конструкции – термины [1, с. 158]. Зафиксированные случаи употребления ФН вне прямой референции считаем логичным распределить в отдельные группы.

Строго терминологические словосочетания: *Это вопрос из разряда «если», а сослагательное наклонение в футболе, как известно, не считается* (Лисин А. Главный тренер сборной России Гус Хиддинк: Погребняк поможет нам уже с Уэльсом // Советский спорт, 2008.09.03).

Словосочетание «сослагательное наклонение» – строго лингвистический, составной термин, имеющий целостность значения [13, с. 604]. В приведённом контексте термин переосмысливается и обозначает возможный, желательный, не существующий исход ситуации, в данной случае в спорте.

Строго терминологические словосочетания встречаются также в поэзии: <...> *я тебя назову существительным женского рода. / Я, конечно, найду в этом хламе, летящем в глаза, / надлежащий конфликт, отвечающий заданной схеме. / Так, всплывая со дна, треугольник к своей теореме прилипает навечно. Тебя надо еще доказать <...>* (А. Еременко); *Как ты войдешь, если тело закрыто на ключ, / если глагол в наклонении стоит ирреальном?* (С. Кекова); *Мотыкэ-Малхамовес считался за монарха / И любил родительного падежа* (И. Сельвинский) и др.

Словосочетания с термином/терминами в составе (оттерминологические словосочетания): *Проблемой является и то, что продюсер западного фильма сам заинтересован в том, чтобы в ленте не было брани и других рискованных сцен: получив ограничения в прокате, он моментально потеряет огромную часть тинейджерской аудитории, а значит, и понесет финансовые потери. Так что там продюсер – сам себе лучший цензор. Он чутко стреноживает <...> и лексические фантазии режиссеров. У нас рыночные механизмы в кино еще действуют слабо. Отрасль по-прежнему во многом финансируется государством, продюсеры, беря деньги на фильм у того же ФАККа, своими сбережениями не рискуют* (Павлючик Леонид. МАТУ – МАТ? // Труд-7, 2006.07) (Павлючик Леонид. МАТУ – МАТ? // Труд-7, 2006.07.28) [10].

Несмотря на то, что в выделенной комбинации слов один из компонентов является филологическим термином (лексические – от лексема), данная комбинация к строго терминологическим не относится.

Б. В. Головин затрагивает проблему свободы и связанности составного термина (неделимого терминологического словосочетания) и словосочетания с общеупотребительной и терминологической лексикой. Учёный считает природу лингвотерминологических «фразеологизмов» семантической, а в составных терминах – понятийной [5, с. 60, 61]: «сослагательное наклонение» имеет понятийную природу, а «лексические фантазии» и «словесная вольница» – семантическую.

В процессе выявления моделей словосочетаний с ФН в составе нами учитывался характер синтаксической связи компонентов словосочетаний. Так, подчинительные синтаксические отношения обозначены стрелками «→», «←» (для согласования, управления, примыкания) и указывают направление от главного слова к зависимому (синтаксический ← аграмматизм, провиснуть → на строке и пр.).

Нами установлено, что чаще всего оттерминологические словосочетания характеризуются двумя видами синтаксической связи – согласованием (*Как по касательным сомнительным, / как по сомнительным касательным, / внезапно вздрогнут в именительном, / уже притянутые дательным... / Ах, металлическим числительным / по направляющим старательным, / что время снова станет длительным / и обязательным...* (А. Еременко)) и управлением (*Неужели опять обретаешь атрибут, / потеряв предикат пререканий?* (Н. Байтов)). В ходе исследования были выявлены единичные случаи оттерминологических словосочетаний с примыканием. В качестве главной может выступать ФН, выраженная именем существительным, а зависимое слово – наречие: *Что он наткнет? – Предикат «наверно». – / Вдруг – моисеев огонь: «вероятно»: / кустики ноль-запятая-девятки... / брызжет холодное бледное пламя... / Это цветы тамариска – / или Господь в светлом зное толпится?* (Н. Байтов).

Данную ситуацию можно объяснить частеречной принадлежностью элементов филологической, в особенности языковедческой терминосистемы (преобладание субстантива). Отмечены также случаи, когда компоненты словосочетаний связаны особым типом связи, именуемым некоторыми учёными-лингвистами как падежное примыкание (Л. Л. Буланин [3, с. 5–14], П. П. Шуба [16], М. Д. Лесник [8, с. 5–35], В. Д. Старичёнок [14, с. 446, 447], Е. С. Скобликова [12, с. 7–30] и др.): *Битва слов! Значений бой! / В башне Синтаксис – разбой. / Европа сознания / В пожаре восстания. / Невзирая на пушки врагов, / Стреляющие разбитыми буквами, / Боевые слоны подсознания / Вылезают и топчутся, / словно исполинские малютки* (Н. Заболоцкий); *Среди политиков самый старый в мире*

холостяк кумиров не имел, считая, что все правители одинаковы. В 1939 году, когда пришли «совиты», отказался вступить в колхоз и был выселен на хутор **Парцелляция**. Работал на асфальтном заводе. Но добрые люди помогли вернуться в пастухи, поближе к парному молочку (Корец Марина. УМЕР САМЫЙ СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК ПЛАНЕТЫ // Труд-7, 2007.12.20) [10].

В приведённых фрагментах филологические единицы (*синтаксис*, *парцелляция*) функционируют вне научного контекста в качестве зависимых и выражены формой именительного падежа существительного в атрибутивном значении (в башне *Синтаксис* – башня *Синтаксис*, на хутор *Парцелляция* – хутор *Парцелляция*). В подобных комбинациях слов зависимые слова (*Синтаксис*, *Парцелляция*) остаются неизменяемыми.

В группе «**словосочетания – приложения**» оппозитивные отношения между элементами обозначены двунаправленной стрелкой « \leftrightarrow ». Н. В. Кожанова называет данный вид связи бисубстантивным, так как оба дополняющие друг друга компонента – имена существительные [7]. К данной группе относятся комбинации **С (термин) – С и С – С (термин)**: *Литера Р*, *буква Алеф*, *буква-мужчина* и пр.:

- *Я единственный в мире палиндром-миллиардер. От меня никуда не деться, любимые россияне!* (Титус СОВЕТОЛОГОВ 12-й. Палиндром-миллиардер // Независимая газета, 1997.10);

- *Прикрас не обновил / красильщик ни один, и я смиренно знала: / прилипчив и линюч эпитет-анилин* (Б. Ахмадулина).

При полном согласовании компонентов словосочетания главное слово грамматически определить сложно (*видение-гипербола* – *видением-гиперболой*; *орёл-инфинитив* – *об орле-инфинитиве*; *слово-решето* – *словом-решетом*; *слова-египтяне*, *буква-солдат*, *буква-миф*, *эпитет-анилин*, *пословица-кума*, *фильм-метафора* и пр.), так как обе лексемы способны изменяться одинаково.

При неполном согласовании зависимое слово уподобляется главному не по всем параметрам [13, с. 600]: отсутствует согласование по роду – хутор *Парцелляция*, *буква Алеф*, *Литера Р*, *буквочка «о»*.

Частеречная принадлежность слов-(не)терминов в комбинациях при управлении разнообразна.

Зависимое слово-термин при данном виде подчинительной связи может быть выражено субстантивом. Выявлены примеры с сильным управлением (чайнки \rightarrow *иронии*, с арабесками \rightarrow *кириллицы*, провиснуть \rightarrow на *строке*, пишу \rightarrow с *анжамбан*, назову \rightarrow *существительным женского рода* и пр.): *Езусу и музам, / лику на доске, страусу в песке, / вероломным днесь сочинясь союзом, / плачут А и Б[e], прислонясь к трубе* (Н. Горбаневская) и др.

Значительно реже филологический термин выражен наречием (*метафорически* \leftarrow показать): *Перчатки нужны были, чтобы метафорически показать: палач действует чистыми руками и выполняет волю Фемиды, а не просто убивает свинью на манер обычного мясника* (Екатерина Климушкина. Петух – любовник Сатаны // lenta.ru, 2017.12).

Помимо подчинительных отношений в терминологических и оттерминологических словосочетаниях с ФН нами был выявлен сочинительный вид связи при построении анализируемых контекстов. При сочинении компоненты сочетания грамматически равноправны и могут связываться сочинительными союзами (напр., *Каждый день в пустой гостиной он, крутя свой длинный ус, / Объяснял ей imperfectum и причастия на «us»* (Саша Черный); *А подбирать союзы да наречья; / Из мелкой сволочи вербую рать* (А. Пушкин) и пр.) или связываться бессоюзным способом (напр., *<...> теснота, она же почва / спертые до немоты / звуки речи, многоточья / скобки, скважины, кресты* (В. Кривулин) [13, с. 609; 14].

На основе указанных выше синтаксических связей выявлены наиболее типичные модели словосочетаний, в состав которых входит филологическая терминология.

Далее при описании моделей сочетаний слов, в состав которых входят образно употреблённые ФН, мы будем использовать комбинации буквенных символов, обозначающих соответствующие части речи (С – существительное, П – прилагательное, Гл – глагол, Н – наречие, предл. – предлог).

Распространёнными являются субстантивные словосочетания.

Образно употреблённые комбинации слов из группы строго терминологических (напр., *средний род, женский род, часть речи, имя существительное, сослагательное наклонение, повелительное наклонение, прямая речь, именительный/ родительный/ дательный/ винительный/ творительный падеж* и пр.) в составе модели целесообразно рассматривать как единое целое со знаменательным словом, выраженное существительным.

Были выявлены следующие модели:

1) С →^{предл.} С (термин): *Британцам в плане лингвистической политкорректности действительно не повезло. Куда легче норвежцам, финнам, китайцам, японцам, грузинам, казахам – они точно не столкнутся с аналогичными проблемами. В этих языках нет категории рода. А вот немцы с «женским родом» в политике уже разобрались. Когда в 2005 году канцлером стала Ангела Меркель. Долго решали, как ее называть, и придумали – канцлерша. К слову “kanzler” прибавился женский суффикс “in” (kanzlerin) (Жураковская Дарья. Европа осталась без «мисс» // Труд-7, 2009.03); Свободный синтаксис воспоминаний, / наплывы через точку с запятой... (Г. Семенов);*

2) С →^{предл.} С (термин) →^{предл.} С (термин): *...жалеть о команде, в которой нападающие не забивают ни единого гола (причем это совершенно логично, глядя на парагвайскую игру), я не буду. Молодцы – это да. Но без восклицательного знака. С точкой (Уткин В. Василий Уткин: Не жалко только Месси... // Советский спорт, 2010.07);*

3) С ← С (термин): *Брачный союз, о котором пойдет речь, был заключен в незапамятные времена. Несмотря на свой средний род, государство играло роль мужа, а народу – опять-таки вопреки грамматике – досталась роль жены (Ирина Медведева, Татьяна Шишова. Неудачный брак народа и государства // Независимая газета, 1997.09);*

4) С (термин) →^{предл.} С (термин): *«Занимательная грамматика»: / совершенно возможно / неопределенное наклонение / в будущем времени: / УМЕРЕТЬ (И. Чиннов);*

5) Гл → С (термин): *Если от своих близких хотите повышенной отдачи, то старайтесь больше слушать, нежели говорить, и исключите повелительное наклонение в речи (Бастрич Александра. ПОНЕДЕЛЬНИК – ДЕНЬ УДАЧНЫЙ // Труд-7, 2001.11.01); Вопрос – кем, чем?.. Люблю творительный падеж. / «Суровой нитью», / например... Творящий – свеж, / Его творительность не помпа накачала < ... > (Ю. Мориц).*

Группа оттерминологических словосочетаний является наиболее многочисленной: термины могут сочетаться со словами различных частей речи и в различной последовательности, предложным и беспредложным способом, а также возможны разнообразные трансформации слов-терминов:

1) П (термин) → С (термин): *Принцип синтаксического аграмматизма / Не губы и не глаза, но колонны многоточек, / Не сердце – на разорванных листиках стих! (В. Шершеневич);*

2) П → С (термин): *Для художественных контекстов характерно использование целых оттерминологических цепочек: внутри одного контекста словосочетания с использованием ФН могут быть образованы по разным моделям: < ... > хочешь – / новые надежи / предложу тебе? / – Предложи! / Повстречательный / есть надеж, / узнавательный / есть надеж, / полюбительный, / обнимательный, / целовательный / есть надеж. / Но они / не одни и те ж – / ождительный / и томительный, / расставательный / и мучительный, / и ревнительный / есть надеж. / У меня их / сто тысяч есть, / а в грамматике / только шесть! (С. Кирсанов);*

3) Предл. С (термин) ← Гл: *Все-таки без азбуки трудно управлять чем-либо, кроме стада баранов (Смешной губернатор // РИА Новости, 2005.04);*

4) П ← С (термин) → П: *Да и на чей положены алтарь / небесные тельцы и овны, / кто учит нас осваивать, как встарь, / чернофигурный синтаксис любовный? (Б. Кенжеев);*

5) П ← С (термин): *Оттенки мысли, мысли цвет / Вещественно и беспощадно / Кладут под душной эпитет (П. Вяземский);*

6) С → С (термин): *Самых доброжелательных может смутить ворох неточных эмоций, натянутость сравнений, приблизительность метафор, насильственный синтаксис, неумное желание сказать красиво (Ольга Тимофеева. «К Бобрыкину присела на колени». Победительница «Букера-2017» искренне удивилась свалившейся на нее награде // Новая газета, 2017.12.08);*

7) С (термин) → П: *< ... > оскалась улыбкой, прискачет туда / предикат «безразлично», высокий верблюд (Н. Байтов); Послушай, Пушкин-друг, твой слог отменно чист; / Грамматика тебя угодником считает, / И никогда твой вкус не ковыляет (В. Жуковский);*

8) Гл → С (термин): *Он – нелюдим, его не нарекли / эпитетом. О, пылкость междометья, / не восхваляй его и не груби / пугливому мгновенью междуцветья (Б. Ахмадулина); Свитер, заправленный в брюки Архаизм! Из моды лет семь назад вышел и другой ансамбль – рубашка, галстук, джемпер. (Светлана ДАНИЛОВА, Фото Анатолия ЖДАНОВА, PHOTOXPRESS и FOTOBANK. Декольте и мини-юбки сорвут работу офиса? // Комсомольская правда, 2007.07); Стоит / изумиться / рифмочек парой нам – / мы / почитаем поэта гением (В. Маяковский).*

Заклучение

Анализ собранного фактического материала позволил выявить и систематизировать словосочетания и сочетания слов, в составе которых присутствуют образно употреблённые в ненаучных фрагментах текстов терминологические филологические номинации.

Моделирование комбинаций слов производилось на основе характера синтаксической связи терминоэлементов и общеупотребительной лексики.

Выявлено, что комбинации со строго терминологическими филологическими номинациями образованы по моделям, в составе которых преобладают имена существительные, тогда как в оттерминологических комбинациях часто используются модели с прилагательным и другими частями речи в составе.

Следует отметить, что количество описанных выше моделей не является финальным и зависит главным образом от индивидуального использования автором возможностей воплощения задуманных художественных образов с привлечением для этих целей филологической терминологии.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. – М. : Изд. МГОУ, 2006. – 252 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Буланин, Л. Л. Об управлении в русском языке / Л. Л. Буланин // Труды по русской и славянской филологии XXV: Ученые записки Тартуского гос. ун-та / Тартус. гос. ун-т ; отв. ред. С. Смирнов [и др.]. – Тарту, 1975. – Вып. 375. – 160 с.
4. Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды МИФЛИ. – 1939. – Т. 5. – 420 с.
5. Головин, Б. В. О некоторых доказательствах терминированности словосочетаний / Б. В. Головин // Лексика, терминология, стили : межвуз. сб. / Горьк. ун-т. – Горький, 1973. – Вып. 2. – 143 с.
6. Еремченко, Н. В. Детерминологизация как источник обогащения номинативной системы языка : на материале современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Еремченко ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1992. – 15 с.
7. Кожанова, Н. В. Структурная характеристика немецких ремесленнических наименований профессий [Электронный ресурс] / Н. В. Кожанова // МНКО. – 2021. – № 2 (87). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnaya-harakteristika-nemetskih-remeslennicheskikh-naimenovaniy-professiy>. – Дата доступа: 16.11.2021.
8. Лесник, М. Д. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском литературном языке / М. Д. Лесник // К вопросу управления (приглагольного и приименного) / под ред. д. ф. н., проф. М. А. Соколова. – Рига, 1957. – С. 5–35.
9. Лутцева, М. В. Лексикографическое описание юридической терминологии в неспециальной сфере использования : лингвостатистическое исследование на материале произведений Дж. Гришема : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. В. Лутцева. – Ярославль, 2008. – 20 с.
10. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. – Дата доступа: 06.09.2021.
11. Русская вера [Электронный ресурс] // Старообрядческий сайт. – 2013–2022. – Режим доступа: https://ruvera.ru/articles/chudo_v_honeh. – Дата доступа: 31.05.2022.
12. Скобликова, Е. С. Согласование и управление в русском языке / Е. С. Скобликова. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.
13. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811, [1] с.
14. Современный русский литературный язык : учеб. пособие / В. Д. Стариченок [и др.] ; под ред. В. Д. Стариченка. – Минск : Выш. шк., 2012. – 591 с.
15. Шамсидинов, Х. Термины в художественной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Х. Шамсидинов. – Ташкент, 1984. – 18 с.
16. Синтаксис. Пунктуация. Стилистика / П. П. Шуба [и др.] // Современный русский язык : в 3 ч. / под общ. ред. П. П. Шубы. – Минск, 1998. – Ч. 3. – 576 с.

Поступила в редакцию 05.09.2022

E-mail: larisa.blishch@yandex.ru

L. A. Bogdanovich

MODELS OF WORD COMBINATIONS WITH PHILOLOGICAL TERMINOLOGICAL
NOMINATIONS, IN POETRY AND MASS MEDIA DISCOURSE

Philological terminology is widely used outside direct reference – in poetry and media language. According to the results of research carried out on the material of fragments of poetic and mass media texts, about 200 philological nominations were recorded, which were included in the terminological phrase combinations.

The article makes an attempt to determine uniform types of word-combinations models, which contain philological terminological nominations, taking into account the nature of syntactic connection of elements.

Figuratively used terms (composite terms), as well as word combinations that contain both terminological and non-terminological units, were subjected to modeling. It has been found that there are common word combinations formed by models, the distinguishing feature of which is the frequent belonging of components to the substantive.

Keywords: term, philological terminology, poetry, mass media context, models of terminological combinations.

УДК 811.161.1:008:2

А. А. Бувич

Кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Витебский филиал УО «Международный университет «МИТСО»», г. Витебск, Республика Беларусь

КОНЦЕПТ СПАСЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР (НА МАТЕРИАЛЕ ПСАЛТИРИ)

В статье рассматривается концепт СПАСЕНИЕ сквозь призму концептуальных метафор на материале текстов Псалтири. Материалом исследования выступают 150 псалмов Русского Синодального перевода Псалтири. В текстах Священного Писания используется целый ряд образов и метафор концепта СПАСЕНИЕ, которые взяты из разных сфер жизни человека того времени: оправдание (судебная сфера), выкуп (коммерческая), исцеление (медицинская), жертва, очищение (культурная), победа над врагом (военная), освобождение, примирение (духовная) и т. д. Вопрос спасения через призму таких понятий, как метафора, концепт, концептуальная метафора, может в значительной степени способствовать упорядочению многих богословских концепций, которые вызывают споры, установить взаимопонимание и определить сбалансированное учение о спасении.

Ключевые слова: спасение, теолингвистика, Псалтирь, христианская картина мира.

Введение

В рамках современных лингвистических исследований наблюдается повышенный интерес ученых к Библии – универсальной книге, представляющей собой величайший код человечества, истории, культуры, код языка и литературы, код бытия. Поскольку Библия трактуется как источник прецедентных феноменов, сокровищница разнообразных символов, библейские тексты представляют интерес для герменевтики, лингвокультурологии, текстологии, этнолингвистики, семиотики, теолингвистики [1] и т. д. Тексту Библии присуща своя замкнутая содержательная макроструктура, определяемая важной сверхзадачей этой книги – через нее Бог открывается людям. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления и анализа библейских текстов, без понимания которых невозможно постижение языковой картины мира христианских народов.

Центральное положение в системе христианского вероучения занимает учение о спасении. Сын Божий, Иисус Христос, пришел в мир, чтобы спасти человечество от греха. В более широком смысле спасение рассматривается как встреча человека с Богом, преображение человеческой личности: «Спасение – это всеохватывающая трансформация нашего человечества. Это причастие всей человеческой природы силе, радости и славе Божьим» [2, с. 31].

Цель данной статьи – реконструкция библейского концепта СПАСЕНИЕ с помощью концептуальных метафор, выявленных в текстах Псалтири. Уникальный интерес человечества к псалмам как к бесконечному источнику вдохновения объясняется их невероятной силой передавать человеческие мысли и чувства. Псалтирь – книга гимнов, написанных царем Давидом, является самой известной частью Священного Писания.

Методы и методология исследования

Материалом анализа послужили 150 псалмов Русского Синодального перевода Псалтири [3]. Методами исследования выступили методы описания, моделирования, приемы обобщения и интерпретационного анализа контекстов, метод сплошной выборки по текстам Псалтири.

Результаты исследования и их обсуждение

Акцентируя внимание на произведении жанровой специфики псалмов, необходимо проанализировать дефиницию псалма. Итак, прежде всего, псалмы – это размышления царя Давида о Боге и Его безграничной власти над земными народами. Псалмы – это молитвы, которые в Ветхом Завете использовались на совместном молении в Иерусалимском храме. Псалмы, в которых подчеркивается роль Бога как царя Вселенной, представляют собой отдельную жанровую группу коронационных гимнов [Пс. 47, 93, 96–99]. Псалмы-славословия Бога городу Иерусалиму и горе

Сион, которую Бог избрал местом Своего пребывания, называются «Сионские псалмы» [Пс. 46, 48, 76 и др.]. Около трети Псалтири составляют lamentации (жалобы, оплакивание) – как индивидуальные (40 псалмов), так и от всего народа [Пс. 44, 60, 74, 79 и др.]. В этих песнях выражается устойчивая вера человека в то, что молитва его будет обязательно услышана Богом. Еще один жанр – гимны благодарности [Пс. 9, 10, 18, 30 и др.]. Специфическим жанром являются «царские гимны», в центре которых – земной царь Иудеи, помазанник Божий, прообраз Иисуса Христа [Пс. 2, 18, 20, 21 и др.] [4].

В результате проведенного анализа текстов Псалтири мы установили, что самым важным концептуальным средством языка этих сакральных текстов является метафора. Библейское откровение выражается преимущественно посредством метафор и именно на их основе строятся основные богословские доктрины. Можно согласиться с Гансом Боерзмой, который утверждает, что «наша речь о Боге и о его действиях в мире ... является метафорической» [5, с. 105].

В русскоязычных источниках тема использования библейских метафор частично поднималась в исследованиях П. Шитикова, А. Десницкого, А. Сомова, А. Морозова. Среди англоязычных авторов мы имеем целый ряд исследовательских работ [6–13].

В современной лингвистике существует несколько теорий понимания природы и роли метафоры. В русле классического «субституционального» подхода метафора рассматривается как перенос обычного буквального выражения на не прямое, метафорическое. Этот подход можно назвать «эстетическим», поскольку метафора здесь играет описательную роль. В такой перспективе метафора используется как творческий способ передачи эстетического удовольствия. М. Блэк называет такой подход «сравнительным взглядом» (comparison view) и отождествляет метафору с обычным сравнением [14, с. 161]. Это направление в понимании метафоры было доминирующим почти до середины XX века.

Второй подход можно назвать «эмотивным», в русле которого основная цель использования метафоры видится в вызове у читателя или слушателя определенного эмоционального отклика.

Начиная с середины XX века в научной литературе происходит переосмысление метафоры, и благодаря работам таких исследователей, как А. Ричардса, М. Блэка, П. Рикера, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Н. Арутюновой, А. Вежибицкой и др. формируется теория концептуальной метафоры.

А. Ричардс был первым, кто обратил внимание на то, что метафоричность – это не просто одна из характеристик языка, но особенность самого мышления человека [15, с. 159]. Мы не просто общаемся с помощью метафоры, но сквозь ее призму познаем реальность. Исследователи подчеркивают, что как составная часть языка метафора имеет способность раскрывать и структурировать реальность.

Поскольку концептуальная метафора является одним из способов познания и объяснения человеком мира, она формирует концепты и связи между ними, обеспечивает обмен знаниями из разных областей. А. В. Соснин перечисляет целый ряд причин исследования концептов совместно с механизмами действия метафоры, среди которых он выделяет следующие:

1) метафора формирует концепт, а владение концептуальной системой позволяет осуществлять новые метафорические построения;

2) метафора обеспечивает связь между различными прослойками, уровнями и измерениями концепта;

3) метафора обеспечивает доступ к неочевидным уровням концепта и концептуальной системы в целом... [16, с. 157].

Таким образом, с помощью метафоры можно передать определенные значения концепта, раскрыть реалии духовного мира или внутреннего мира человеческой души. Такое понимание метафоры особенно применимо к исследованию концептов Библии, а именно концепта СПАСЕНИЕ.

В Ветхом Завете спасение, в первую очередь, относится к избранному Богом народу. Бог обещал Аврааму, что Он произведет от него великий народ и через него благословит все народы земли [Быт. 12: 1–3].

В ходе анализа текстов Псалтири мы установили, что Писание использует целый ряд образов и метафор концепта СПАСЕНИЕ, которые взяты из разных сфер жизни человека того времени: **оправдание** (судебная сфера), **выкуп** (коммерческая), **исцеление** (медицинская), **жертва**, **очищение** (культовая), **победа над врагом** (военная), **освобождение**, **примирение** (духовная) и т. д.

В Псалтири содержится много высказываний о спасении посредством Бога. По отношению к Богу библейские метафоры отражают межличностные и юридические отношения, земледельческую деятельность, животноводство, садоводство, быт человека: Бог – Отец [Пс. 67, 88], Бог – Царь [Пс. 5, 9, 23 и др.], Бог – Владыка [Пс. 21], Бог – Судья [Пс. 7, 9, 49, 74, 93], Бог – Пастырь [Пс. 22, 79], ученики Бога, народ – овцы [Пс. 78, 94, 99], неверные Богу – овцы потерянные [Пс. 118]. Слово

Божье безупречно, как серебро [Пс. 11]. Оно определяется через метафору *светильника*, освещающего жизненный путь псалмопевца: «Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей» [Пс. 118: 105]. Кроме того, голос Бога часто отождествляется с *громом* [Пс. 17: 14], который «высекает пламень огня» и «потрясает пустыню» [Пс. 28: 7, 8]. Голос Бога, загадочный и устрашающий, используется в Писании как метафора Его личности. Бог именуется *Скалой Израиля*, «крепостью народа Своего и спасительной защитой» [Пс. 27: 8], поскольку обеспечивает ему спасение. Этот смысл подчеркивается и другими аналогичными наименованиями Бога: Он есть *твердыня*, *прибежище*, *ограда*, *щит*, *каменная гора* [Пс. 17: 3, 32; 30: 4; 60: 4; 143: 2].

Из упомянутых выше и множества других метафор представляется возможным создать синтез метафорических образов концепта СПАСЕНИЕ. Обратимся к Синодальному переводу первого псалма, который является вступлением ко всей Псалтири в целом и по смысловому наполнению представляет собой закон Божий.

«1 Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей,

2 но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!

3 И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет.

4 Не так – нечестивые; но они – как прах, возметаемый ветром.

5 Потому не устоят нечестивые на суде, и грешники – в собрании праведных.

6 Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет» [Пс. 1].

Приведенный выше текст позволил нам выделить шесть концептуальных метафор, создающих образ концепта СПАСЕНИЕ:

1) свет: «...и о законе Его размышляет он день и ночь!» (ст. 2);

2) мир: «...и во всем, что он ни делает, успеет» (ст. 3);

3) вода: «И будет он как дерево, посаженное при потоках вод» (ст. 3);

4) жизнь: «...приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет (ст. 3);

5) победа: «Потому не устоят нечестивые на суде, и грешники – в собрании праведных» (ст. 5);

6) наследие: «Ибо знает Господь путь праведных» (ст. 6) [3].

Рассмотрим каждую метафору более подробно.

В первой выделенной нами метафоре *света* акцентируется момент борьбы с тьмой, ложью, смертью, небытием. Свет – это образ активной жизни человека в благочестии, мудрости, в согласии с законом Божиим. Это символ присутствия Бога. Земная жизнь противопоставляется жизни в преисподней, которая в текстах псалмов называется «страной молчания» [Пс. 93: 17]. Лексема *умолкнуть* используется для характеристики состояния грешников в аду: «...нечестивые же да посрамятся, да умолкнут в аде» [Пс. 30: 18].

Согласно библейским текстам, Сам Бог является Светом. Он транслирует Его на весь мир, зажигая души людей: «Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою» [Пс. 17: 29]. В ветхозаветных текстах метафора *свет* выступает репрезентантом концепта СПАСЕНИЕ, поскольку через Свет человек познает и принимает Истину: «Молнии Его освещают вселенную, земля видит и трепещет» [Пс. 96: 4]. Тот, кто принимает Свет Бога, его Слово, тот принимает Бога-Отца, ибо «откровение слов твоих просвещает» [Пс. 118: 130]. Бог распространяет свой Свет повсюду: «Господь отверзает очи слепым» [Пс. 145: 8]; «Во тьме восходит свет правым» [Пс. 111: 4]. Светом, который ведет израильтянина на правильный путь спасения, выступает закон Божий или *завет* [Пс. 118, 104]. Активное культивирование мудрости, то есть сохранение заветов и жизненных правил, именуемых «страхом Господним», также является источником жизни и средством очищения человека пред Богом [Пс. 18: 10; 33: 12].

Второй концептуальной метафорой образного компонента концепта СПАСЕНИЕ является метафора *мира* («...и во всем, что он ни делает, успеет»). Она опирается на концептуальную схему-образ: свобода-покой-изобилие. Автор псалмов на протяжении всех текстов активно использует элементы данной концептуальной схемы.

В первую очередь автор апеллирует к чувству свободы человека от страхов, тревог и внешних врагов: «Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью» [Пс. 120: 6]; «Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть расторгнута, и мы избавились» [Пс. 123: 7]. Это состояние соотносится с благословенной атмосферой безопасности и безмятежного покоя Рая, в котором царит мир праведности, чистоты и достоинства: «Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности» [Пс. 4: 9]; «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» [Пс. 132: 1].

Этот блаженный покой есть подражание отдыху Творца в седьмой день и выражается в учреждении субботы и ежегодных богослужебных праздников.

Спасение жизни невозможно представить без такого незаменимого природного элемента, как вода. Поэтому в первом псалме спасение уподобляется «дереву, посаженному над водой». Метафора *воды* является символом Божьего благословения и благоденствия. Воды, «которые превыше небес» [Пс. 148: 4], «великие рыбы» в бездне, которые славят Творца [Пс. 148: 7], – это образы Эдемского сада.

Вода – символ физической и духовной жизни, имеющей источник в Боге. В мессианские времена бодрящая вода имела силу очищения и исцеления, поскольку считалась проявлением Духа Божьего. Бог как вселенский садовник, орошающий Свое творение [Пс. 103: 13–16], держит под Своим всевышним контролем все воды [Пс. 28]. Однако, вода также представляет смертельную опасность и инструмент наказания Бога (см. потоп), поэтому бывает символом бездны, смерти, опасности, а также непостоянства и ничтожности. В старину существовал такой обычай, как испытания водой. Способность выжить при погружении в воду рассматривалась как знак невиновности, тогда как гибель под водой указывала на порочность человека. В нескольких псалмах испытание изображается как потоп, от которого псалмопевец должен спастись [Пс. 68: 13–16; 123: 1–5]. «Воды» и «потоки» представляют реальную опасность [Пс. 123: 4, 5]. Божьи волны захлестнули его, жалуется автор псалма [Пс. 41: 8].

Концепт СПАСЕНИЕ в текстах псалмов непосредственно связан с метафорой *жизни*: «Который приносит плод в свое время, и листья его не увядают» [Пс. 1: 3]. Жизнь имеет свое происхождение в Боге: «На Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей Ты – Бог мой» [Пс. 22: 11]. Как отмечает Дж. Лакофф, метафора «жизнь – это путь» передается через концептуальную схему «источник – путь – цель». Цель жизни – это следовать выбранному пути: «Если вы двигаетесь из источника к месту назначения по пути, то вы должны пройти через каждый пункт пути. Цели понимаются в терминах места назначения, и достижение цели понимается как движение по пути от исходного пункта в конечный пункт» [17, с. 358]. В христианстве таким конечным пунктом жизненного пути является спасение: «дабы познали на земле путь Твой, во всех народах спасение Твое» [Пс. 66: 3]. Концепт СПАСЕНИЕ в текстах псалмов реализуется через глаголы *явить*, *даровать* / *дать*: «Яви нам, Господи, милость Твою, и спасение Твое даруй нам» [Пс. 84: 8]; «Боже, Царь мой! Ты – тот же; даруй спасение Иакову» [Пс. 43: 5]. Таким образом, земная жизнь понимается как Божий дар, и наслаждение жизнью означает наслаждение Божиими дарами, которые заключаются в защите Бога [Пс. 36: 39; 60: 4; 93: 22], особой близости к Богу [Пс. 16: 11], процветании [Пс. 71: 7], душевных благах [Пс. 106: 9] и продолжительности жизни [Пс. 91: 6]. Трактовка жизни через особые отношения с Богом, с постоянным Божественным присутствием способствует преодолению смерти: «Бог для нас – Бог во спасение; во власти Господа Вседержителя врата смерти» [Пс. 67: 21]; «Господи! Ты вывел из ада душу мою и оживил меня, чтобы я не сошел в могилу» [Пс. 29: 4]. Надежда на полноту жизни у Бога и внеземную жизнь прослеживается в текстах следующих псалмов: 5, 39, 17, 21, 22, 30, 36 и др.

С метафорой *жизни* напрямую связана метафора *победы*: «Нечестивые не смогут погубить праведных, а грешники – кучки праведных» [Пс. 1: 5]. О победе говорится и в других псалмах: «Воспойте Господу новую песнь, ибо Он сотворил чудеса. Его десница и святая мышца Его доставили Ему победу» [Пс. 97: 1]. В текстах Псалтири метафора *победы* репрезентируется глаголами *сокрушить* [Пс. 67: 22; 51: 7], *низвергать* [Пс. 72: 18], *уничтожить* [Пс. 72: 20]. В некоторых случаях эти действия непосредственно нацелены на голову врага, его зубы и челюсти [Пс. 67: 22; 3: 8; 57: 7]. Метафора *победы* передается через образ поднятой руки Бога над врагами, которая является символом силы: «Рука Твоя найдет всех врагов Твоих, десница Твоя найдет ненавидящих Тебя» [Пс. 20: 9]. В результате враг оказывается *связанным*, *скованным* или *пойманным в сеть*, *узы* или *железные оковы* [Пс. 149: 8; 9: 16]. В древности на Ближнем Востоке распространенным образом победы над врагами было помещение их под ноги победителя. Этот образ свидетельствует об унижении врага (поставить ногу на кого-то значит опозорить его), о его попрании и предъявлении прав на владение им [Пс. 8: 7]. Этот образ запечатлен во многих псалмах: «Покорил нам народы и племена под ноги наши» [Пс. 46: 4]; «Седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» [Пс. 109: 1] и др.

Метафора *победы* является не только триумфом превосходящей силы, но торжеством святой, праведной, божественной любви над разрушительными силами зла, возвращением заблудшего человека на путь истинный. Торжество Бога описывается в псалмах, прославляющих царскую власть Бога [Пс. 46; 94; 95; 97; 98], а процессия Господа к Сиону отражена в повторяющемся припеве: «Поднимите,

врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!» [Пс. 23: 7, 9]. «Царь славы» описывается как «Господь крепкий и сильный, Господь, сильный в брани» [Пс. 23: 8].

Как известно, основное правило войны – «Победитель получает добычу». В текстах псалмов «военная добыча» Бога – это земля: «Бог сказал во святилище Своем: “восторжествую, разделю Сихем, и долину Сокхоф размерю. Мой Галаад, Мой Манассия, Ефрем крепость главы Моей, Иуда скипетр Мой, Моав умывальная чаша Моя; на Едома простру сапог Мой. Восклидай Мне, земля Филистимская!”» [Пс. 107: 8–10; 59: 8–10].

Однако, основная победа Бога относится скорее к победе над величайшим врагом – над смертью: «Ты избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения» [Пс. 114: 8].

В последнем стихе 1-го псалма концепт СПАСЕНИЕ репрезентируется через образ всезнающего Бога: «Ибо знает Господь путь праведных» (ст. 6). Писание учит нас, что Бог знает все о человеке с самого начала его зарождения [Пс. 138: 15]. Остановимся более подробно на значении глагола «знать» в древнееврейском языке. Согласно Словарю библейского богословия, глагол *yada* (*знать*) употребляется не только тогда, когда речь идет о получении знаний или приобретении тех или иных сведений, но и указывает на «реальное и ответственное включение себя в жизнь, вызывающее глубокие последствия. Познать кого-нибудь – значит вступить с ним в личные отношения, которые могут принимать многообразные формы и достигать разных степеней» [17, с. 404]. Следовательно, если Господь знает человека, значит, Он вступает с ним в личные отношения, например, Отца и сына, и как любящий отец оставляет своим детям наследство, так и Господь награждает Своих сыновей божественными дарами. В этом смысле концепт СПАСЕНИЕ репрезентируется через метафору *наследие*. Согласно текстам Псалтири, наследие Бога – это:

- 1) Земля обетованная [Пс. 78: 1];
- 2) Сам Бог [Пс. 72: 26; 15: 5];
- 3) народ Божий [Пс. 94: 6];
- 4) маленькие дети [Пс. 127: 3];
- 5) радость [Пс. 118: 14].

Поскольку наследие – это нечто очень ценное, следовательно, человеку нужно бережно защищать и охранять этот дар со всяким усердием.

Заключение

Таким образом, в результате исследования текстов Псалтири мы выявили шесть концептуальных метафор (*свет, мир, вода, жизнь, победа, наследие*), которые репрезентируют концепт СПАСЕНИЕ. Метафора является одной из главнейших форм концептуализации, особенно когда речь идет о концептах абстрактных или малознакомых понятий. Вопрос спасения через призму таких понятий, как метафора, концепт, концептуальная метафора, может в значительной степени способствовать упорядочению многих богословских концепций, которые вызывают споры, установить взаимопонимание и определить сбалансированное учение о спасении. По нашему мнению, только в рамках такого теоллингвистического подхода возможно сформировать целостный концепт СПАСЕНИЕ, который будет способным гармонично согласовать разнообразие библейские метафоры, описывающие спасение души человека.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Буевич, А. А. Языковая репрезентация религиозного концепта СПАСЕНИЕ в духовном коде русской православной лингвокультуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. А. Буевич. – Минск, 2016. – 30 с.

2. Каллист Диоклийский (еп.). Понимание спасения в православной традиции / (еп.) Каллист Диоклийский // Страницы : богословие, культура, образование : журнал Библейско-богословского института апостола Андрея. – М. : Библейско-богословский институт апостола Андрея, 1996. – № 3. – С. 17–37.

3. Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : канонические и неканонические. – М. : Российское Библейское Общество, 1997. – 1337 с.

4. WORLD ORT Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eleven.co.il/bible/hagiographa/13342/>. – С. 537–655. – Дата доступа: 10.08.2022.

5. Boersma, H. Violence, Hospitality, and the Cross : Reappropriating the Atonement Tradition / H. Boersma. – Michigan : Grand Rapids. Baker Academic, 2006. – 288 p.

6. Aaron, David H. *Biblical Ambiguities: Metaphor, Semantics and Divine Imagery*. Reference Library of Ancient Judaism / David H. Aaron. – Leiden : Brill, 2001. – 232 p.
7. Brettler, Marc Zvi. *God Is King: Understanding an Israelite Metaphor* / Marc Zvi. Brettler. – Sheffield : JSOT, 1989. – 240 p.
8. Feyaerts, Kurt. *The Bible through Metaphor and Translation: A Cognitive Semantic Perspective*. Religions and Discourse / Kurt Feyaerts. – New York : P. Lang, 2003. – 298 p.
9. Halvorson-Taylor, Martien A. *Enduring Exile : The Metaphorization of Exile in the Hebrew Bible* / Martien A. Halvorson-Taylor. – Leiden : Brill, 2011. – 141 p.
10. Kotzé, Zacharias. *A Cognitive Linguistic Methodology for the Study of Metaphor in the Hebrew Bible* / Zacharias Kotzé // *Journal of Northwest Semitic Languages*. – 2005. – Vol. 31, № 1. – P. 107–117.
11. Soskice, Janet Martin. *Metaphor and Religious Language* / Janet Martin Soskice. – Oxford : Oxford University Press, 1985. – 191 p.
12. Weiss, Andrea. *Figurative Language in Biblical Prose Narrative: Metaphor in the Book of Samuel* / Andrea Weiss. – Leiden : Brill, 2006. – 252 p.
13. Шитиков, П. М. Евангельский концепт «жизнь вечная» в осмыслении Ф. М. Достоевского / П. М. Шитиков, Т. Ю. Никитина // *Христианское чтение*. – 2021. – № 4. – С. 31–43.
14. Блэк, М. Метафора / М. Блэк ; пер. с англ. М. А. Дмитривской // *Теория метафоры* / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 153–172.
15. Ричардс, А. Философия риторики / А. Ричардс ; пер. с англ. М. А. Дмитривской // *Теория метафоры* / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 153–172.
16. Соснин, А. В. Когнитивная метафора как средство формирования концепта / А. В. Соснин // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2017. – Т. 9, № 1. – Ч. 1. – С. 156–163.
17. Лакофф, Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении* / Дж. Лакофф. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Поступила в редакцию 07.09.2022

E-mail: gatuska@gmail.com

A. A. Buyevich

THE CONCEPT *SALVATION* THROUGH THE PRISM OF CONCEPTUAL METAPHORS (ON THE MATERIAL OF THE PSALTER)

The article examines the concept of *SALVATION* through the prism of conceptual metaphors based on the Psalms' texts. The research material is based on 150 psalms of the Russian Synodal translation of the Psalter. The texts of the Holy Scriptures use a number of images and metaphors of the *SALVATION* concept, which are taken from different areas of a person's life of that time: justification (judicial sphere), ransom (commercial), healing (medical), sacrifice, purification (cult), victory over the enemy (military), liberation, reconciliation (spiritual), etc. The issue of salvation through the prism of such concepts as metaphor, concept, conceptual metaphor can greatly contribute to streamlining many theological concepts that cause controversy, establish mutual understanding and determine a balanced doctrine of salvation.

Keywords: salvation, theolinguistics, Psalter, Christian picture of the world.

УДК 811.112.2

Ж. В. Гриб

Преподаватель кафедры иностранных языков и МПИЯ, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

**ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА»
В МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ**

В статье рассматриваются основные причины, ведущие к образованию «ложных друзей переводчика» в музыкальной терминологии русского и немецкого языков. Такие слова могут быть родственными по происхождению, а могут иметь случайное сходство. В процессе заимствования термина языком-реципиентом могут перениматься не все значения слова, межъязыковые соответствия могут также развиваться различными путями, что приводит к расхождениям в лексическом значении и появлению «ложных друзей».

Ключевые слова: «ложные друзья» переводчика, интернационализмы, квазинтернациональная лексика, заимствование, лексическое значение, межъязыковые соответствия, терминология, язык, интерференция, коммуникативная неудача, омоним.

Введение

Каждый переводчик обязательно сталкивается с такими парами слов, которые при внешнем фонологическом сходстве имеют различное лексическое значение. На проблему перевода таких слов обращали внимание уже в XVII веке, а детальное и системное изучение началось в 1928 году. Ученые-лингвисты М. Кесслер и Ж. Дерконьи в своем совместном труде «Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais» ввели специальный термин «faux amis du traducteur», который в переводе на русский звучит как «ложные друзья переводчика». Кальки с французского языка закрепились также и в других языках: «false friends of a translator» (англ.), «falsche Freunde» (нем.), «falso amigo» (исп.) и др.

Под термином «ложные друзья переводчика» М. Кесслер и Ж. Дерконьи понимали слова-корреляты из разных языков, которые при внешнем сходстве в современных языках имеют различное значение, хотя зачастую и обладают общим происхождением. В своей работе они обратили внимание на две группы «ложных друзей переводчика»: 1) полностью ложные – слова, которые графически подобны, но расходятся семантически и 2) частично ложные – слова, которые обладают подобной орфографией и схожей (хотя бы частично) семантикой [1].

Особого внимания заслуживает «Словарь “ложных друзей переводчика”» К. Г. М. Готлиба, который проанализировал около 400 лексических единиц, взятых из русского и немецкого языков. В предисловии к Словарю он дает такое определение «ложных друзей»: «...небольшая группа русских и немецких слов, аналогичных или близких по звучанию и буквенному составу, но не совпадающих по значению и употреблению» [2, с. 9].

Словарь отличается своеобразной структурой. Если русско-немецкие корреляты совпадают в своем значении или лишь немного отличаются стилистически, то словарная статья состоит только из русско-немецкой части. Если значения расходятся, то статья состоит из двух частей: русско-немецкой и немецко-русской.

В зависимости от этих расхождений автор выделяет 4 типа «ложных друзей»: 1) слова, обозначающие различные предметы; 2) слова, различающиеся лишь оттенками значений; 3) слова, отличающиеся стилистической окраской; 4) слова, которые могут служить эквивалентами при переводе только в некоторых словосочетаниях или сложных словах [2, с. 10, 11].

Л. П. Гикал полагает возможным использование термина «квазинтернациональная лексика». Она считает, что этот термин наиболее подходит для слов-коррелятов различных языков, которые внешне похожи друг на друга, но имеют различия в семантике [3].

Пришедшая из латинского языка приставка *quasi-* ('якобы', 'как будто') придает значение 'мнимый', 'ненастоящий', тем самым делается акцент на том, что слова якобы являются интернационализмами [3, с. 14–27]. Л. П. Гикал положила в основу своей классификации семантические

отношения между парами слов и разделила «квазиинтернациональную лексику» на две группы: 1) слова с несовпадениями во всех значениях и 2) слова, которые обладают частичным несовпадением семантики.

На основе имеющейся литературы можно сделать вывод, что к «**ложным друзьям переводчика**» можно отнести слова-корреляты из разных языков, которые имеют разной степени семантические расхождения: от полного несоответствия до расхождения лишь в лексической, семантической и синтаксической сочетаемости. Иначе говоря, «ложными друзьями» можно считать любые межъязыковые соответствия, которые ведут к интерференционным ошибкам и могут стать причиной коммуникативной неудачи.

Цель нашей работы – выявление причин возникновения «ложных друзей переводчика» в немецкой и русской музыкальной терминологии.

Как и любая терминологическая лексика, термины музыкальной сферы чаще всего однозначны в профессиональной области своего применения и лишены экспрессивной окраски, т. е. каждому конкретному термину соответствует определенная реалья. Но термины в последнее время выходят за рамки профессиональных сфер употребления и проникают в общеупотребительную лексику, а также благодаря схожим принципам наименования попадают в терминологию других областей науки и искусства, что может привести к ошибкам при переводе соответствующей литературы.

Методы и методология исследования

Нами использованы следующие *методы*: анализ и синтез теоретического материала, описательный и сопоставительный методы, метод обобщения.

Исследование велось на материале этимологических и толковых онлайн-словарей. Электронный ресурс «Этимологические онлайн-словари русского языка» включает в себя 4 этимологических словаря русского языка: Г. А. Крылова, А. В. Семёнова, Л. В. Успенского, М. Р. Фасмера и Н. М. Шанского [4]. В электронный ресурс «Толковые онлайн-словари русского языка» вошли словари В. И. Даля, А. П. Евгеньевой, Т. Ф. Ефремовой, С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова [5]. В основу электронного ресурса «Duden» положен орфографический словарь немецкого языка, опубликованный Конрадом Дуденом. В словарь внесены изменения, принятые после реформы орфографии немецкого языка 1996 года. Он содержит также современные сведения о происхождении и значениях немецких слов [6].

Результаты исследования и их обсуждение

В процессе работы над текстом на переводчика возлагается повышенная ответственность, так как ошибки при переводе могут стать причиной не только коммуникативной ошибки, но и принести материальный и моральный ущерб. Говоря о «ложных друзьях переводчика», обычно приводят примеры из общеупотребительной лексики. Межъязыковая омонимия в музыкальной терминологии – явление неизученное, а потому требующее детального рассмотрения, так как данная категория слов может вызвать трудности перевода даже у опытных переводчиков.

Для сбора межъязыковых соответствий омонимичного характера в музыкальной терминологии нами была использована методика сплошной выборки из Словаря К. Г. М. Готлиба, при этом имеющаяся информация актуализировалась при помощи современных толковых словарей, а также корректировалась благодаря беседам с немецкими и белорусскими специалистами в области музыки. Обращение к этимологическим немецким и русским словарям помогло определить причины возникновения межъязыковых омонимов.

В конце XVIII в. из французского языка параллельно были заимствованы русским и немецким языками слова **автограф** – *Autograph*. Французское *autographe*, в свою очередь, произошло от греческих корней *autos* 'сам' и *graphō* 'пишу' и дословно имело значение 'собственноручная подпись', что является общим для обоих языков. Этими же словами обозначают также и авторский рукописный текст. Но для таких значений в немецком лучше использовать слово *das Autogramm*: *Könnte ich bitte ein Autogramm bekommen?* – Можно, пожалуйста, автограф? Под словом *Autograph* в немецком понимают 'официальный документ, собственноручно подписанный известной личностью'. В данном случае будут контекстуальные расхождения с русским языком.

Слова **антракт** – *Entreakt* заимствованы из французского *entr'acte* (*entr* 'между' + *act* 'действие'). Так назывался перерыв между действиями пьесы для отдыха актеров и зрителей, что сохранилось и в современных языках. Немецкое *Entreakt* обладает более широким объемом значений

по сравнению с русским *антракт*. В немецком под этим словом понимают также самостоятельное музыкальное произведение в промежутке между актами оперы или пьесы. В русском языке для выражения данного понятия во избежание недопонимания надо добавить еще одно уточняющее слово – *музыкальный антракт*. То есть, в данном контексте они могут служить эквивалентами при переводе на русский язык только в соответствующем словосочетании.

Корелляты *аранжировать* – *arrangieren* заимствованы из французского *arranger* – 'приводить в порядок'. В современных языках под этими словами понимают переложение музыкального произведения по сравнению с оригиналом, гармонизацию и инструментовку мелодии. В XIX веке также существовало значение 'устраивать что-нибудь', которое постепенно исчезло из современного русского, но сохранилось в немецком: Auf der Terrasse wurde eine grüne Nische arrangiert. – На террасе оформлена зеленая ниша. В немецком *arrangieren* можно употребить в значении 'устраивать = договариваться' и в значении 'устраивать = организовывать': Das ließe sich arrangieren. Ich habe begonnen, meine Ehe zu arrangieren.

Таким образом, объем значений немецкого *arrangieren* намного шире, чем русского *аранжировать*. Слова заимствовались параллельно, при этом в русский язык вошли не все значения из французского (аранжировать, устраивать, организовывать), более того в процессе развития русского языка одно из значений утратилось.

Русское слово *артист* по разным данным было заимствовано из французского или из немецкого языков (*der Artist*), куда пришло из латинского: *artista* – 'ремесло, занятие; искусство, наука'. Под этим словом понимают всех деятелей искусства: актеров, певцов, музыкантов и т. д. Переводом на немецкий будет слово *der Künstler*: Verdienter Künstler – заслуженный артист. Для каждого из представителей мира искусства в немецком есть свои эквиваленты: оперный артист – *der Opernsänger*, артистка балета – *die Balletttänzerin*, артист кино – *der Schauspieler* и др. Немецкому *Artist* переводом будут *художник*; *артист цирка, вальете*. *Артистом* в русском языке в переносном смысле могут называть также человека, который обладает высоким мастерством в какой-либо области: *артист = мастер (der Meister)*. Упражнения на мастерство исполнителей в цирке и вальете в немецком также передаются словом *Artist*: *Artistenstück* – трюк в цирке. В данном сложном существительном эквивалента в русском языке со словом *артист* не будет.

Слова *дирижировать* – *dirigieren* заимствованы из французского, в который пришли из латинского. Французское *diriger* в русском языке сузилось от первоначального 'управлять' до значения 'управлять хором, оркестром': ein Orchester dirigieren – дирижировать оркестром.

В немецком языке помимо этого значения сохранилось более широкое понятие глагола *dirigieren* 'управлять = контролировать ход чего-либо; управлять = вести к определенной цели через инструкции': Der Polizist dirigiert den Verkehr. – Полицейский руководит движением.

Таким образом, из примеров можно сделать вывод, что объем значений этих слов в обоих языках не совпадает, и при переводе на русский в некоторых случаях более уместными будут слова *управлять, руководить, вести*.

Русское слово *камертон* было заимствовано из немецкого, где *der Kammerton* буквально означает 'комнатный звук'. Этим словом в русском обозначается инструмент, который применяется для настройки музыкальных инструментов для фиксации и воспроизведения эталонной высоты звука. Кстати, сам такой эталонный звук также называется *камертон*. В немецком стальной предмет в виде вытянутой U-образной формы с ручкой называется *die Stimmgabel*, а фиксированный тон, по которому настраиваются музыкальные инструменты, – *der Kammerton*.

После заимствования в русском языке произошел перенос наименования самого звука на инструмент, который его производит. Это привело к тому, что слова *камертон* – *Kammerton* могут стать «ложными друзьями» при переводе.

Слово *das Klavier* в XVII–XVIII веках было широко распространено в Германии и в землях, на которые распространялось ее культурное влияние: Австрии, Швейцарии, Дании, Швеции и др. Под словом понимались все клавишные музыкальные инструменты – клавикорд, клавесин, орган, фортепиано и их разновидности. С этим же значением слово *клавир* заимствовалось и русским языком, но в ходе развития языка данное значение устарело, хотя развилось другое, не свойственное немецкому языку, – 'переложение оперной или симфонической партитуры для пения в сопровождении фортепьяно': клавир «Пиковой дамы».

В конце XVIII в. вместе с *клавиром* из немецкого языка также заимствовано и слово *клавиатура*, где *Klavatur* – собирательное существительное, обозначающее ряд клавишей на музыкальных инструментах. В русском языке это слово расширило свое значение и обозначает

также совокупность клавишей в различных механизмах, в таких случаях слово на немецкий переводится как *die Tastatur*. Немецкое *Klavatur* обладает также значением, которое не присутствует в русском. Им можно выразить 'разнообразие, широкий спектр возможностей, форм чего-либо': *die Klaviatur der Gefühle* – палитра (разнообразие) эмоций.

В середине XIX в. из немецкого в русский приходит слово **концертмейстер**, состоящее из двух слов (**Konzertmeister** = Konzert + Meister) и обозначающее первого скрипача в оркестре, который берет на себя сольные партии и иногда заменяет дирижера. В русском языке слово развило еще одно значение – 'пианист-аккомпаниатор'. В данном случае в качестве эквивалента перевода служит немецкое *der Korrepetitor*. Таким образом, объем значений слова **концертмейстер** в русском языке шире, чем в немецком.

В начале XVIII в. из французского языка было заимствовано слово *marche* (производное от *marcher* – 'идти, ступать'). Объем значений слов-коррелятов **марш** – **Marsch** в русском и немецком языках также не совпадает. Существует ряд общих значений, в числе которых 'музыкальное произведение в четком размеренном ритме': *der Parademarsch* – торжественный марш. Расхождением в значении является русское *лестничный марш*, что соответствует немецкому *der Treppenlauf*. Словом *der Marsch* в немецком языке называют также болотистую почву, низменность за дамбами на побережье Северного моря. Но это наименование является омонимом к исследуемому нами слову, восходящему своими корнями к латинскому *marcus* – 'молот'. В данном примере имеет место случайное совпадение в звучании.

Термин **Musikant** пришел в немецкий язык из греческого *μουσική* через латинский *mūsicus* и был заимствован русским языком в эпоху Петра I. В русском под словом **музыкант** понимается человек, который профессионально занимается музыкой или играет на каком-либо музыкальном инструменте. В немецком языке в данном значении при переводе более уместно слово *der Musiker*, а *der Musikant* – это инструменталист, который играет по определенному поводу, например, на танцах или во время шествий. Несмотря на то, что слова *der Musiker* и *der Musikant* имеют общий корень и суффиксы, отвечающие за образование наименований профессий или названий лиц, сфера их употребления различается.

Слово **пауза** заимствовалось из немецкого (**die Pause**) со значением 'кратковременное прекращение деятельности, предназначенной для отдыха', так как в латинском *pausa* означает 'остановка, задержка': *Pause bei einem Ausflug mit dem Fahrrad* – пауза в поездке на велосипеде; *(eine) Pause machen* – сделать перерыв; *eine halbe Pause* – ½ часть такта в музыкальном произведении, не наполненная тонами. В немецком словом **die Pause** обозначают также школьную перемену, перерыв на обед (*Mittagspause*), перекур (*Zigarettenpause*), а также рассмотренный выше **антракт**. Это можно объяснить тем, что при заимствовании термина русским языком были переняты не все существующие в немецком значения.

Французское слово *passage* пришло из итальянского *passaggio* и буквально означает 'проход, переход'. Русским и немецким языками оно заимствовалось из французского параллельно (**пассаж** – **Passage**), что привело к некоторому расхождению в объемах значений. Так, общими являются: 1) крытая короткая торговая улица для пешеходов, соединяющая две улицы; 2) очень быстрое последовательное чередование нот от высоких к низким или наоборот в сольной инструментальной или вокальной музыке; 3) в верховой езде форма рыси, при которой поднятые диагональные пары ног дольше остаются в подвешенном состоянии; 4) отдельное место в книге (в современном русском языке устарело). Устаревшим в русском языке также является значение 'неожиданное происшествие, неожиданный, странный оборот дела'.

В немецком языке существует значение 'проход', где словами-синонимами выступают *das Durchgehen* и *das Durchfahren*: *dem Schiff wurde die Passage verwehrt* – судну было отказано в проходе. Также словом *Passage* в немецком называют звезду, пересекающую (проходящую) меридиан. Эти значения наиболее близки к изначальному французскому варианту.

Заключение

Таким образом, «ложные друзья переводчика» в музыкальной терминологии могут быть родственными по происхождению, а могут иметь случайное сходство. Большинство музыкальных заимствований пришли в XVII–XVIII веках из французского и итальянского языков. Эти языки являются родственными немецкому и русскому и долгое время контактировали друг с другом, что привело к большому количеству заимствований. В большинстве случаев слово без проблем перенимается из другого языка, что ведет к появлению интернациональной лексики, легко переводимой носителями языка. Но так как слова заимствовались параллельно и не всегда

в полном объеме значений, это в конечном счете привело к появлению «ложных друзей» – квазиинтернациональной лексики. Заимствованный музыкальный термин, адаптируясь в языке, начинает жить собственной жизнью, «обрастая» новыми значениями, что также приводит к расхождениям в лексическом значении межъязыковых соответствий.

Проанализированные нами примеры говорят о том, что специфические особенности сочетаемости слов, а также их внутренняя форма требуют к себе пристального внимания, что поможет избежать коммуникативных неудач, а также покажет общие закономерности лексического развития «ложных друзей переводчика».

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Koessler, M. Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais (Conseil aux traducteurs) / M. Koessler, J. Derocquigny. – Paris : Vuibert, 1928. – 387 p.
2. Готлиб, К. Г. М. Словарь «ложных друзей переводчика» (русско-немецкий и немецко-русский) / К. Г. М. Готлиб. – М. : Рус. яз., 1985. – 160 с.
3. Гикал, Л. П. Квазиинтернациональная лексика как результат межъязыковой асимметрии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. П. Гикал ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 27 с.
4. Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology>. – Дата доступа: 14.02.2022.
5. Толковые онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory>. – Дата доступа: 14.02.2022.
6. Duden [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: <https://www.duden.de/bedeutungen>. – Zugriffsdatum: 14.02.2022.

Поступила в редакцию 21.02.2022

E-mail: jeannag@list.ru

Z. V. Hryb

THE REASONS FOR THE EMERGENCE OF “FALSE FRIENDS OF THE TRANSLATOR” IN THE MUSICAL TERMINOLOGY OF THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

The article deals with the main reasons leading to the formation of “false friends of the translator” in the musical terminology of the Russian and German languages. Such words may be related by origin, or they may have an accidental similarity. In the process of borrowing the term by the recipient language, not all meanings of the word may be adopted, and interlanguage correspondences may develop in various ways, what leads to discrepancies in lexical meaning and the appearance of “false friends”.

Keywords: translator's “false friends”, internationalisms, quasi-international vocabulary, borrowing, lexical meaning, interlanguage correspondences, terminology, language, interference, communicative failure, homonym.

УДК 811.161.3'42(043.3)

В. П. Дзігадзюк

Выкладчык кафедры замежных моў і методыкі выкладання замежных моў, УА «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна», г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь

РЭТРАСПЕКЦЫЯ Ў МАСТАЦКАЙ ПРОЗЕ УЛАДЗІМІРА ГНІЛАМЁДАВА

У артыкуле даследуецца тыпа- і відаўтварэнне рэтраспекцыі ў мастацкім тэксце, вылучаюцца кампазіцыйна-тэкставая і адсылачная рэтраспекцыя, кантактны і дыстантны яе віды, паказваюцца адносіны паміж рэтраспектыўна абумоўленымі структурамі – тоеснасці, уключэння; прыёмы кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі – супастаўляльны, інфармацыйна-дапаўняльны, параўнальны і інш.

Ключавыя словы: катэгорыя рэтраспекцыі, форма дыскантынуума, віды рэтраспекцыі, рэтраспектыўныя адносіны, рэтраспектыўна абумоўленыя кампаненты, мастацкі тэкст.

Уводзіны

Шырокае функцыянаванне тэкставых катэгорый патрабуе комплекснага і ўсебаковага іх вывучэння ў мастацкіх тэкстах розных жанраў. Значны дыяпазон сродкаў і спосабаў іх рэпрэзентацыі з'яўляецца ключавым момантам пры іх кваліфікацыі і сістэматызацыі, а навуковы кірунак даследавання мовы мастацкага тэксту становіцца адным з прыярытэтных у сучасным мовазнаўстве.

Актуальным пытаннем сучаснай лінгвістыкі з'яўляецца вывучэнне тэкставай катэгорыі рэтраспекцыі. У гісторыі мовазнаўства названая праблема аналізавалася ў межах розных лінгвістычных напрамкаў, кваліфікацыя яе ажыццяўлялася з улікам тэарэтычных асноў і метадалагічных прынцыпаў канкрэтнай лінгвістычнай школы.

У межах *структурнага напрамку* з'явілася магчымасць разгледзець мадэляванне часавых адносін у мастацкім тэксце і вылучыць іх асаблівасці, якія праяўляюцца ў мнагамернасці, абарачальнасці, бесперапыннасці і дыскрэтнасці, суб'ектыўнасці, нелінейнасці [1–4]. Далейшыя даследаванні ў гэтай галіне засноўваліся на вызначэнні тэкставых катэгорый рознага парадку: мадальнасці, кагезіі, прасторы і інш. [4–7]. Аднымі з метадалагічных прынцыпаў катэгарыяльнага падыходу выступаюць функцыянальны стыль тэксту і пэўнае ўспрыманне змястоўна-канцэптуальнай інфармацыі, што дазволіла вылучыць 10 тэкставых катэгорый, рэтраспекцыю ў прыватнасці [5].

На аснове метадалагічных прынцыпаў *семантычнага напрамку* аб'ектам даследавання выступаюць экспліцытная і імпліцытная маркіроўка катэгорыі, план выражэння і план зместу формы дыскантынуума. Дадзены падыход дазволіў вылучыць кампазіцыйна-тэкставую (затэкставую) і адсылачную (унутрытэкставую) рэтраспекцыю на аснове пазіцыі падзеі ў тэксце, канкрэтызаваную і кампаратыўную рэтраспекцыю па крытэрыі наяўнасці параўнання паміж рэтраспектыўнай і сюжэтнай адзінкамі [8–11].

У межах названага падыходу вызначэнне тэкставай катэгорыі разглядалася і з улікам сюжэтна-кампазіцыйных асаблівасцей мастацкага тэксту, што дазволіла вылучыць аб'ектыўна-аўтарскі і суб'ектыўна-чытацкі віды рэтраспекцыі, якія абумоўлены лінгвістычнымі і псіхалінгвістычнымі асаблівасцямі; кантактную і дыстантную формы рэтраспекцыі на аснове дыстанцыйнага размяшчэння ўзаемаабумоўленых рэтраспектыўных адзінак [5; 8; 9; 11; 12].

Як бачна, катэгорыя рэтраспекцыі актыўна даследавалася ў мовазнаўстве. Пры гэтым застаюцца не вывучанымі пытанні тыпа- і відаўтварэння, маркіроўкі названай катэгорыі, адносін і прыёмаў яе актуалізацыі. У беларускім мовазнаўстве падобнае даследаванне не праводзілася, таму актуальнасць абумоўлена прыналежнасцю яго да перспектыўнага і новага напрамку ў мовазнаўстве – лінгвістыкі тэксту, адсутнасцю ў лінгвістычнай літаратуры апісання прыёмаў, маркераў фарміравання рэтраспектыўнай прасторы; патрэбай вызначыць адносіны паміж рэтраспектыўна абумоўленымі структурамі.

Мэта даследавання – вызначыць тыпа- і відаўтварэнне рэтраспекцыі на матэрыяле твораў У. Гніламёдава.

Метады і метадалогія даследавання

Метадалагічнай асновай вызначэння і апісання тыпа- і відаўтварэння рэтраспекцыі выступаюць структурны, функцыянальны і семантычны напрамкі ў мовазнаўстве, у межах якіх выкарыстоўваюцца наступныя метады: апісальны, дыстрыбутыўны, метада кампанентнага аналізу.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Рэтраспекцыя ўяўляе сабой складаную тэкставую структуру, якая характарызуецца мнагамернасцю часавых планаў і іх перапляценнем у сюжэце мастацкага твора, што абумоўлена складанасцю інтэграцыі рэтраспектыўных структур у паслядоўным разгортванні падзей апавядання. Традыцыйна выдзяляюць два тыпы рэтраспекцыі – адсылачную і кампазіцыйна-тэкставую.

Пад *адсылачнай рэтраспекцыяй* разумеецца пераход да падзей, якія ўжо былі раней згаданы ў межах твора з мэтай пераасэнсоўвання і акцэнтацыі пэўных момантаў у сюжэце твора. Дадзены тып катэгорыі ўключае два кампаненты – рэтраспектыўны і перадрэтраспектыўны. У працэсе функцыянавання рэтраспектыўных тэкстасструктур фарміруюцца розныя віды адносін – тоеснасці і ўключэння. Іх тыпалогія залежыць ад характару ўзаемадачынненняў дзеянняў, што прадстаўлены ў рэтраспектыўнай і перадрэтраспектыўнай частках. Адсылачная рэтраспекцыя рэалізуецца спосабам прамога або ўскоснага паўтору фрагмента тэксту, характарызуецца кантактнай або дыстантнай дыстрыбуцыяй.

У гістарычнай прозе У. Гніламёдава назіраецца значная колькасць рэтраспектыўных структур, паміж якімі ўсталёўваюцца *адносіны тоеснасці*. Для іх характэрна поўная зместавая ідэнтычнасць рэтраспектыўнай і перадрэтраспектыўнай частак. Напрыклад, кампаненты *можна выпісаць літаратуру... недазволенаю, нелегальную – была на руках нелегальная літаратура* ілюструюць поўную сэнсавую ідэнтычнасць рэтраспектыўных структур: [– Скажы вам, толькі паміж намі: я ведаю адрас, на якім *можна выпісаць літаратуру... <...> – Ну, тую, недазволенаю, нелегальную*] [13, с. 60]; <...> *Прыехаў у вучылішча інспектар. <...> Асабліва насцярожыліся, вядома, тыя, у каго была на руках нелегальная літаратура* [13, с. 62]. Пры гэтым рэалізацыя падзей ажыццяўляецца ў межах адной сюжэтнай лініі, што таксама характэрна для адносін тоеснасці.

Адносіны тоеснасці ўсталёўваюцца паміж канструкцыямі, дзе назіраюцца лексічная дублетнасць або сінанімія. Паўтор рэпрэзентатыўных кампанентаў спрыяе ідэнтыфікацыі рэтраспектыўнага і перадрэтраспектыўнага дзеянняў: [– *А хіба не бачыш, як ён (Міхаль) мяжу абрэзаў?*] [13, с. 11]. <...> – *Можга, хоць вы дапаможаце – надта сусед мяне крыўдзіць, і ніякай управы на яго няма, – Ясё апусціў галаву. <...> – Кужаль, Міхаль... Абараў!..* [13, с. 26]. Наяўнасць дубліруемага кампанента ў перадрэтраспектыўнай і рэтраспектыўнай частках *мяжу абрэзаў і абараў* абумоўлівае тоеснасць структур.

Выяўлены выпадкі, калі спосаб рэпрэзентацыі рэтраспектыўных адносін тоеснасці з'яўляецца імпліцытным. Такі спосаб магчымы тады, калі зместавая тоеснасць фарміруецца на аснове лагічных адносін паміж рэтраспектыўнымі і перадрэтраспектыўнымі кампанентамі – частка *Кірыла спрабаваў супакоіць суседа (Ясё) і У Кірылы ... не выходзіла з галавы ўчарашняя сварка з Ясем* з'яўляюцца тоеснымі на аснове таго, што *спрабаваў супакоіць* дубліруе (учарашняя) *сварка*: [*Прадчуваючы нядобрае, Кірыла спрабаваў супакоіць суседа. – Ясё, гэта, наверх мне, таго, здалося табе! – Я вас ведаю: сёння абаралі, заўтра абкосіце! – Дык там жа цэлы рад бульбы быў. Павінен я яго выраць ці не? – развёў рукамі Міхаль*] [13, с. 11]. <...> *У Кірылы разам з гэтымі думкамі не выходзіла з галавы ўчарашняя сварка з Ясем* [13, с. 14].

Рэтраспектыўны план у мастацкім тэксце рэпрэзентуецца з дапамогай рознаўзроўневых моўных адзінак – лексіка-граматычных і сінтаксічных, кантактным і дыстантным спосабамі. Моўная рэпрэзентацыя адсылачнай рэтраспекцыі падразумявае ўключэнне лексем са значэннем указання на час, лексічнага паўтору кампанентаў і сінанімію: [*Цяпер Амерыка засталася ўжо ззаду, у мінулым. З Лібавы да Брэста, а адтуль да Лышчыцаў Лявонка ехаў як і тады, калі накіроўваўся ў Амерыку, цягніком*] [13, с. 2]. <...> *Пераказалі аб прыездзе пляменніка (Лявонкі) дзядзьку Хведару, якога ў Кужалёў чакала яшчэ адна справа: збіраліся калоць парсюка* [14, с. 9].

Цікавым з'яўляецца дыстантны спосаб размяшчэння рэтраспектыўных структур, калі перадрэтраспектыўны і рэтраспектыўны кампаненты знаходзяцца ў межах розных твораў – трылогіі: [*На пахаванне швагра прыехаў Марылін малодшы брат Хведар – невысокі, плячысты дзядзюк, апрануты ў дамацканую світку і зрэбныя парткі, у ботах*] [13, с. 67]. <...> *Назаўтра дзядзькавы сані ўжо стаялі на панадворку. Дзядзька Хведар – такі ж, як сем гадоў назад: шырокі ў плячах, дужы, пракідкі. У добрым кажуху, чыста паголены, ён выглядаў, як заўсёды, вясёлым і ўпэўненым у сабе* [14, с. 9].

Рэтраспектыўная прастора можа быць шматкампанентнай і змяшчаць тры і больш часткі. У такіх выпадках рэтраспектыўны план фарміруецца з дапамогай лексічнай дублетнасці і сінаніміі – *кніжачкі-брашуры, дэмакрат – кнігі, дэмакраты*, рэпрэзентацыя ж адносін тоеснасці ажыццяўляецца шляхам указання на дзеянні, якія выконваў персанаж – Лявонка: [*Лявонка аднёс скрутак у свой пакойчык і з хваляваннем разгарнуў. Там былі тоненькія кніжачкі-брашуры: «Женщина и социализм» Аўгуста Бебеля, ... і іншыя. <...> Чытаў усю ноч, паабяцаўшы сплаціць гаспадыні за спаленую газу. <...> – Дзякуй! – хлопец (Лявонка) памаўчаў. – Скажыце, калі ласка, што такое дэмакрат? <...> Нохім доўга крактаў ... і паглядзеў на Малку. <...> – Дэмакраты – гэта палітыкі, – растлумачыла яна больш мужу, чым Лявонку. <...>]* [13, с. 60, 61]. <...> *Лявонка ўспомніў дэмакратаў, пра якіх казаў Нохім, і кнігі, якія чытаў, калі вучыўся ў Камянцы* [13, с. 111]. Рэтраспектыўны змест фарміруецца ў дадзеным выпадку экспліцытным спосабам: *дэмакратаў, пра якіх казаў Нохім; кнігі, якія чытаў, калі вучыўся ў Камянцы*, – гэта ўспомніў Лявонка.

Рэтраспектыўныя адносіны ўключэння ў мастацкім тэксце характарызуюцца тым, што намер ажыццяўлення дзеяння і яго рэалізацыя суадносяцца не ў поўным аб'ёме, а часткова. Рэтраспектыўныя і перадрэтраспектыўныя падзеі могуць кваліфікавацца як рода-відавныя або цэлае – частка: [*Орлік пакіраваў у двор да знаёмага местачкоўца яўрэя Нохіма, які займаўся шавецтвам ... <...> Шавец Нохім, у якога кватараваў Лявонка, быў неблагім чалавекам, але ўвесь час занятым сваёй справай*] [13, с. 16, 30]. <...> – *Вялікі горад. А я адзін час у Камянцы жыў, у Нохіма. – Лявонка ўспомніў свой першы прыезд з дзедам Кірылам да шаўца Нохіма і жыццё ў яго. Даўно гэта было! У якім-небудзь 1904-м...* [14, с. 3]. У дадзеным выпадку сэнсавае напаўненне паняццяў *ўспомніў свой першы прыезд... да шаўца Нохіма ... і жыццё ў яго – пакіраваў у двор да... яўрэя Нохіма; Шавец Нохім, у якога кватараваў Лявонка*, суадносіцца як агульнае і канкрэтнае на аснове таго, што агульнае жыццё ўключае мноства канкрэтных усё, што адбылося ў жыцці Лявонкі, калі ён кватараваў у Нохіма. Таму мэтазгодна кваліфікаваць такія адносіны рэалізацыі рэтраспекцыі як уключэнне.

У ходзе даследавання вызначана, што рэтраспектыўны кампанент часам звужае сэнс перадрэтраспектыўнага. Напрыклад, у структурах *Тое, што адбылося ў крэпасці і на воз да яго ўскочыў малады, стройны хлопец; чалавек гаварыў горача; натоўп захваляваўся; натоўп заварушыўся, пачаў разб'ягацца* рэтраспекцыя на аснове адносін уключэння рэалізуецца спосабам звужэння аб'ёму паняццяў і суадносіцца як агульнае і канкрэтнае *што адбылося – ускочыў малады, стройны хлопец, ... гаварыў горача, натоўп заварушыўся, пачаў разб'ягацца*. Пры гэтым агульная частка носіць абагульняльны характар: [*Аднойчы пад вечар, у суботу, калі завяршаўся працоўны тыдзень, на воз да яго (Лявонкі) ускочыў малады, стройны хлопец у мультановай касаваротцы без пояса. Гэта здарылася ў самой крэпасці... <...> Натоўп захваляваўся, чалавечыя твары пабляднелі ад здзіўлення і жаху. – Мы павінны скінуць самадзяржаўе! Усіх памешчыкаў і капіталістаў! <...> Чалавек гаварыў горача, імкнуўся пераканаць сваіх слухачоў... <...> – Паліцыя! Паліцыя! – пачулася побач. Натоўп заварушыўся, пачаў разб'ягацца*] [13, с. 111]. <...> *У галаве (Лявонкі) пульсавала думка: «Забрадзілі дробеджы. Ёсць усё ж такі нейкая сіла!» Тое, што адбылося ў крэпасці, неяк п'яніла, прымушала па-новаму адчуваць жыццё* [13, с. 112].

Адметнасць адносін уключэння заключаецца ў тым, што рэтраспектыўна абумоўленыя канструкцыі набываюць патрэбнае значэнне тэмпаральнасці выключна ў кантэксце ў сукупнасці з лексіка-семантычнай маркіроўкай. У прыкладзе [*Убачыўшы людзей, (Кузёмка) пасур'эзнеў, падыйшоў бліжэй і неяк незадаволена, нават злосна пазіраючы на іх, невядома за што напракнуў: – Стайце?! А вунь у двары кажучы – дваццатае сталецца пачалося! Дваццатае!*] [13, с. 1]. <...> *Звычайна Лявонка ўсё пачулае расказаў дома. Ён і цяпер паімчаўся дадому – пераказаць Кузёмкаву навіну бацькам, сямейнікам* [13, с. 4] выразна выяўляюцца дзве рэтраспектыўныя часткі, якія фарміруюць парадак падзей у тэмпаральнай прасторы мастацкага твора.

Імпліцытны спосаб рэпрэзентацыі рэтраспекцыі прадугледжвае адсутнасць структурна маркіраванай перадрэтраспектыўнай часткі, што абумоўлена сюжэтнымі асаблівасцямі твора. Рэтраспектыўны план можа ахопліваць не толькі канкрэтную падзею, сітуацыю, момант з гісторыі персанажа, але і пэўны перыяд з яго жыцця. Падобны спосаб рэалізацыі рэтраспектыўных адносін уключэння вызначаецца як імпліцытны: *Лявонка мацаваўся да апошняй мінуты, стрымліваючы слёзы, але, калі абняў маці, сяцёр, не стрымаўся, заплакаў. Тэя таксама плакалі наўзрыд. <...> Невыказна шкада было пакідаць яе (Ганну) і ўсё, з чым даводзілася расставацца* [13, с. 126]. Як бачна з прыкладу, частка *ўсё, з чым даводзілася расставацца*, набывае абагульняльнае значэнне і ўключае імпліцытна ўсе падзеі ў жыцці персанажа, што адбыліся з ім да ад'езду ў Амерыку.

Дыстрыбуцыя рэтраспектыўных кампанентаў можа быць кантактнай і дыстантнай, што залежыць ад іх часовай адлегласці. Напрыклад, кантактна рэтраспекцыя ўключэння рэалізуецца з дапамогай азначальнага займенніка *ўсё* і адмоўнага займенніка *нічога*, якія абагульняюць рэтраспектыўную інфармацыю: *З думак не выходзіў успамін пра Ганну. Расстанне з ёю ён (Лявонка) перажываў асабліва балюча. Успамінаў, як яна лагодна называла яго «Кужалёк». Як яна там? <...> Узяў чысты аркуш і зверху вывеў: «Дарагая Ганначка!» Напісаць ліст каханай дзяўчыне не проста і не лёгка. Успомнілася ўсё, ён нават адчуў яе пах, як быццам яна была побач* [13, с. 142], лексічных адзінак з аналагічнай функцыяй: *[Музыкі аціхлі, моладзь разыходзілася. Толькі за сталом сядзела тая самая кампанія. Лявонка падсеў, і ўсе ўбачылі, што ён ужо добра-такі асалавеў. – Ну што, у карты згуляем? – Трахімка дастаў з кішэні калоду зашмальцаваных карт. <...> Кампанія працягвала гульні, а Лявонка, з пустымі кішэнямі выйшаў на вуліцу]* [13, с. 104]. *<...> Трахім здаровы, гаматны, а ты шчуплы проціў яго, ты столькі не вып'еші... – Кірыла ўжо, відаць, ведаў падрабязнасці ўчарашняга вечара* [13, с. 105]. Адсылочная рэтраспекцыя ў такіх выпадках кваліфікуецца як імпліцытная. Пры гэтым пераход у прастору мінулага можа сэнсавы суправаджацца рознымі лексемамі са значэннем часу, што экспліцыруе часавыя значэнні ў тэксце.

Відавочна, што вылучаюцца два віды адносін паміж рэтраспектыўнай і перадрэтраспектыўнай часткамі – тоеснасці і ўключэння. На аснове дадзеных адносін адсылочная рэтраспекцыя рэалізуецца дыстантным і кантактным спосабамі. Вылучаны маркеры рэтраспекцыі на розных лексіка-граматычных узроўнях.

Відаўтварэнне *кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі* абумоўлена характарам перадрэтраспектыўнай інфармацыі і ўяўляе сабой новыя факты аб мінулым, што ў сюжэце твора не згадваліся. Улічваючы колькасны склад кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі – аднакампанентны – і асаблівасці маркіроўкі, выдзяляюцца прыёмы яе рэпрэзентацыі – інфармацыйнае дапаўненне фактаў, супастаўленне і параўнанне падзей, прыём прамой актуалізацыі мінулых падзей, прычынна-выніковыя адносіны. Вызначэнне прыёмаў рэтраспекцыі абумоўлена адносінамі паміж умоўна і фактычна выражанай інфармацыяй. Напрыклад, рэтраспекцыя супастаўлення падзей рэалізуецца на аснове супастаўлення падзей, фактаў мінулага да інфармацыі, якая адносіцца да кропкі адліку: *З кожным прадметам была звязана часцінка яго (Лявонкі) душы, усё будзіла ўспаміны. На стале стаяла лустэрка ў драўлянай аправе і з такой жа драўлянай ножкай. Раней гэтага не было – падраслі дзяўчаты* [14, с. 5]. Інфармацыйна-дапаўняльная рэтраспекцыя ўводзіцца ў сюжэт твора як дадатковая інфармацыя, якая ўдакладняе рэтраспектыўны час, маркіраваны базавымі сродкамі. Такія кампаненты выкарыстоўваюцца як маркеры-канкрэтызатары вектара часовай накіраванасці, як дадатковыя звесткі з мінулага: *Кірыла раскажаў, як аднойчы, гадоў з дзесяць таму, у Прусцы зніклі коні – у Дармідонта Хлябіча і Рамана Гальяша. «Падкраліся ноччу, – абураўся Дармідонт, – нячутна вывелі з канюшні і – памінай як звалі...»* [13, с. 85]. Рэтраспекцыя прамой актуалізацыі мінулых падзей рэпрэзентуецца з дапамогай *лексічных адзінак рэтраспектыўнага значэння з семай памяць*: *Страшна было і Лявонку. Ён успомніў, як едучы некалі з дзедом Кірылам у Камянец, на Бабіцкай гары іх разам з возам раптам падняло ўверх, да самых сонечных промняў* [13, с. 129]. Выяўлена, што рэтраспектыўны план можа ажыццяўляцца на аснове параўнання падзей: *У сенях і ў хаце аднак пахла не так, як калісьці, калі тут жылі яны – Кужалі. Знік водар зёлкаў, якія некалі збірала і сушыла Марыля, развешваючы на сценах, замест іх усталяваўся пах кавальскага жалеззя, якое валялася па кутках. Але ўсё тая ж гліняная падлога, даўно не беленья, шэрыя сцены, падбітая дошкамі столь* [15, с. 5] або змяшчаць прычыну ажыццяўлення або нерэалізацыі дзеянняў, падзей сучаснасці: *Кужалі таксама мусілі выходзіць на працу, бо **вінаватыя былі Падгурскаму. Вясно Кірыла ўзяў у пана пару мяшкоў бульбы (не хапала пасадзіць), і трэба было адрабляць ці сплываць грашыма*** [13, с. 118].

Маркерамі кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі выступаюць сродкі *лексіка-граматычныя*: лексемны з указаннем на час (прыслоўі, прыметнікі): *Цімоша зняў кватэру – такую ж каморку, як і ў Лявонкі, – непадалёк. Час ад часу наведваўся. Сёння ён прыйшоў, ведаючы, што ўчора ў земляка была пэйда – так яны называлі дзень зарплаты* [13, с. 188], словазлучэнні (назоўнік з назоўнікам, лічэбнікам, займеннікам): *Пазамінулым летам, калі Лявонка пасвіў авечак, з ім быў выпадак. Пасвячы авечак – не пасядзіш. Яны таго і глядзяць, каб у шкоду дзе ўлезці* [13, с. 15]; *марфалагічныя*: формаўтваральная часціца *бывала*: *Прускавец ведаў: Бруклінскі мост – у Нью-Йорку, **нядаўна пабудаваны*** [13, с. 202], часавыя формы дзеяслова: *Забег Цімоша Хлябіч. <...> З арміі ён **уцёк**, калі адступалі з Берасця да Баранавіч, і апынуўся дома. Жанаты. Жонку ўзяў з пушчы – лясунку Хрысію – прыгожую і ўладную дзяўчыну* [15, с. 9].

Заклучэнне

Такім чынам, у ходзе праведзенага даследавання намі вызначаны тыпы рэтраспекцыі – адсылачны і кампазіцыйна-тэкставы, фарміраванне якіх абумоўлена колькасным складам кампанентаў формы дыскантынуума. Аналіз функцыянавання рэтраспекцыі ў тэксце беларускага мастацкага твора дазволіў вылучыць наступныя віды, адносіны і прыёмы катэгорыі. Адсылачны тып рэтраспекцыі рэалізуецца кантактным і дыстантным спосабамі на аснове адносін уключэння і тоеснасці; кампазіцыйна-тэкставы – фарміруецца з дапамогай прыёмаў – інфармацыйнага дапаўнення фактаў, супастаўлення і параўнання падзей. Відавочна, катэгорыя рэтраспекцыі з’яўляецца цікавым праяўленнем мастацкага тэксту, яе вывучэнне адкрывае новыя перспектывы ў даследаванні працэсаў тэкстаўтварэння.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев // Избр. работы : в 3 т. – Л., 1987. – Т. 1 : Развитие русской литературы X–XVII веков. Поэтика древнерусской литературы. – С. 260–654.
2. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 278 с.
3. Золотова, Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста / Г. А. Золотова // Вопр. языкознания. – 2002. – № 3. – С. 8–29.
4. Тураева, З. Я. Лингвистика текста: текст: структура и семантика : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 126 с.
5. Гальперин, И. Р. Ретроспекция и проспекция в тексте / И. Р. Гальперин // Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; отв. ред. Г. В. Степанов. – 9-е. изд. – М., 2016. – С. 105–113.
6. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхрон.-сопостав. очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 168 с.
7. Мышкина, Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики / Н. Л. Мышкина. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 152 с.
8. Брускова, Н. В. Категории ретроспекции и проспекции в художественном тексте: на материале немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Брускова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1983. – 22 с.
9. Федорова, Л. Н. Категория ретроспекции в художественном тексте: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Н. Федорова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1982. – 21 с.
10. Тивьяева, И. В. Ретроспективные сверхфразовые единства: формы и функции: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Тивьяева ; Воронеж. гос. ун-т. – Тула, 2007. – 19 с.
11. Чиговская-Назарова, Я. А. Textoобразующие категории проспекции и ретроспекции в научном тексте (сравнительно с художественным) / Я. А. Чиговская-Назарова // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и заруб. филология. – 2009. – № 6. – С. 31–34.
12. Антипова, Д. Д. Категории ретроспекции и проспекции в научном тексте: на материале английской лингвистической литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д. Д. Антипова ; Моск. гос. ин-т иностр. яз. – М., 1988. – 23 с.
13. Гніламедаў, У. Уліс з Прускі : раман / У. Гніламедаў. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 382 с.
14. Гніламедаў, У. Расія : раман / У. Гніламедаў. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 672 с.
15. Гніламедаў, У. Вяртанне : раман / У. Гніламедаў. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 429 с.

Паступіў у рэдакцыю 20.09.2022

E-mail: valya.digadyuk@mail.ru

V. P. Digadyuk

RETROSPECTION IN VLADIMIR GNILOMEDOV'S PROSE

The article examines the question of the type and speciation of retrospection in a literary text. Compositional-textual and reference retrospection is distinguished, as well as its contact and distant types. The relations between retrospectively conditioned structures such as identity, inclusion are determined; techniques of compositional-textual retrospection such as comparative, informational-complementary, comparative, etc. are revealed.

Keywords: category of retrospection, form of discontinuum, types of retrospection, retrospective relations, retrospectively conditioned components, literary text.

УДК 811.161.1'373.611

И. О. Ковалевич

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и МПИЯ, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ТИПИЧНОСТЬ И УНИКАЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА

В настоящей статье исследуется категория окказиональности с учётом продуктивности типов и моделей словопроизводства, выявляются структурные, семантические и функционально-прагматические особенности типовых и нетиповых окказионализмов.

Ключевые слова: окказионализм, потенциальное слово, сфера речи, словообразовательный тип, словообразовательная модель, продуктивность, регулярность, контаминация, рэтимологизация, образность.

Введение

Основу речевой деятельности человека составляет творчество, одним из проявлением которого является окказиональная деривация. Причины создания окказионализмов могут быть разные и определяться такими факторами, как уровень его речевой компетенции, направление профессиональной деятельности, сфера общения и др. Новые слова продуцируются по разнообразным словообразовательным типам и моделям, отличающимся по степени продуктивности: это могут быть как высокопродуктивные словообразовательные типы, так и единичные модели, отсутствующие в языковом узусе.

Исходя из этого, учёные не могут прийти к единому мнению относительно статуса окказионализма. Так, ряд учёных (Ю. Н. Антюфеева, Е. А. Земская, Н. В. Титова, Э. И. Ханпира, П. В. Царёв и др.) для обозначения новых дериватов, образованных по высокопродуктивным словообразовательным типам и моделям без каких-либо явных нарушений, вводят понятие «потенциальное слово». Подобные слова, по мнению исследователей, раскрывают потенциальные возможности языка и реально могут появиться при первой же необходимости [1, с. 228]. Так называемые потенциальные слова менее зависимы от контекста, т. к. их значение может быть выведено из семантики составляющих их морфем [2, с. 21]. Основанием для разграничения двух отмеченных лексических категорий, согласно Н. В. Титовой, является их соответствие / несоответствие нормам, соотносимым с разными языковыми уровнями [3, с. 10].

Мы вслед за такими учеными, как В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Д. Б. Масленников, Е. В. Сенько, Н. И. Фельдман, Н. В. Шабович и др., не считаем целесообразным выделять две отдельные категории лексических единиц, т. к. и те, и другие характеризуются новизной, свежестью, оригинальностью в отношении словарного запаса конкретного языка. Из анализа словарных статей вытекает следующее определение понятия «потенциальное слово» – слово, которое имеет большие шансы на то, чтобы прочно войти в узус. Следует отметить, что степень регулярности словообразовательной модели, по которой было образовано слово, не всегда выступает определяющим фактором, как на это указывают Е. А. Земская, Э. И. Ханпира, П. В. Царёв и др. В качестве подобных факторов могут выступать большой авторитет и широкая известность автора слова, актуальность информации, которую данное слово передает, особая экспрессия нового деривата и др.: *канцелярит* К. И. Чуковского (ср.: бронхит, плеврит, артрит), *свистопляска* М. П. Погодина, *небосклон* И. И. Мартынова, *отсебятина* К. П. Брюллова и др. И, наоборот, по определённым стилистическим причинам отмеченные Е. А. Земской еще более полувека назад слова типа *возражатель*, *ломатель дров* и т. п. так и остаются за пределами узального словоупотребления [1, с. 230].

Мы предлагаем рассматривать окказиональные слова достаточно широко, относя к данной категории все лексические единицы, созданные для решения конкретной коммуникативной задачи. Так называемые потенциальные слова мы включаем в разряд окказионализмов, отличительной характеристикой которых является образование по моделям, формально не выпадающим из группы языковых, но так или иначе связанным с отступлением от языковых норм сочетаемости морфем, между которыми обнаруживаются известные семантические и стилистические расхождения.

Нецелесообразность разграничения окказиональных и потенциальных слов не исключает возможность разграничения новообразований по степени окказиональности. При этом степень окказиональности деривата не всегда обуславливается степенью продуктивности и регулярности словообразовательного типа [4, с. 18].

Целью настоящей статьи является исследование категории окказиональности с учётом регулярности и продуктивности типов и моделей словопроизводства, выявление структурных, семантических и функционально-прагматических особенностей типовых и нетиповых окказионализмов.

Методы и методология исследования

Настоящее исследование выполнено в рамках деятельностного подхода в лингвистике, основанного на принципе антропоцентризма, который предполагает изучение речевых явлений с учетом человеческого фактора (Т. М. Дридзе, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, Б. А. Серебрянников и др.). Использовались следующие методы: морфемный и словообразовательный анализ, семантический анализ, дискурсивный анализ, сравнительно-сопоставительный метод. Материалом для исследования послужили окказиональные слова из речи детей¹ и взрослых, извлечённые методом сплошной выборки из устных высказываний информантов в процессе непосредственного речевого общения и из материалов интернет-переписки, публицистических текстов, в частности газетных статей ведущих российских и русскоязычных белорусских изданий за период с 2008 по 2022 г., поэтических произведений преимущественно второй половины XX – начала XXI века.

Результаты исследования и их обсуждение

Речевая сфера определяет правила словоупотребления и, следовательно, словообразования и характеризуется своим набором словообразовательных средств для производства новых слов, хотя пересечения возможны. Использование словообразовательного типа высокой продуктивности приводит к созданию серийных окказионализмов, объединяющихся в открытые ряды. Так, например, для сферы разговорной речи характерно производство отглагольных субстантивов со значением орудия совершения действия. В качестве наиболее продуктивного форманта выступает суффикс *-лк-*: подобные дериваты характеризуют как речь детей, так и речь взрослых: (из речи детей) *Бабушка/ это процеживалка?* (5 л.); *Закудри меня на кудрилку// А теперь раскудривай!* (6 л.); *Где эта/ как её/ чистилка... для обуви?* (о губке для обуви) (11 л.); *Дай щёлкалку// Ну для грецких орехов* (11 л.); а также *заводилка* (4 г.), *измерялка* (4 г. 4 м.), *завивалка* (5 л. 3 м.), *брызгалка* (5 л. 9 м.), *ровнялка* (6 л. 7 м.), *пахалка* (7 л. 2 м.), *протыкалка* (11 л. 3 м.) и др.; (из разговорной речи взрослых) *крутилка*, *дымелка* (о сигарете), *таскалка* (о курсоре), *размешивалка*, *слушалка* (о стетоскопе), *тыкалка* (о пульте), *чавкалка* (о вантузе), *блудилка* (о навигаторе), *шурдыкалка* (о тёрке для моркови по-корейски) и др.

Данные дериваты образованы по высокопродуктивному словообразовательному типу и, согласно А. Земской и др., относятся к категории потенциальных слов. Однако их востребованность языковым узусом является маловероятной. Прежде всего, большинство из них выступают в качестве синонимов общепринятых слов: *процеживалка* – *дурилаг*, *протыкалка* – *шампур*, *щёлкалка* – *орехокол* и др. Кроме того, на наш взгляд, в качестве одного из препятствий вхождения данных единиц в языковой узус выступает их чрезмерная разговорность, степень которой увеличивается в случае использования в качестве производящей базы стилистически сниженных единиц (ср. *тыкать*), звукоподражательных слов, которые могут отсутствовать в языке, например, *шурдыкать*. Как правило, данные единицы акцентируют неосновной функциональный признак объекта и зачастую выступают в качестве средств характеристики. Так, в окказионализме *блудилка* отчётливо проявляются тропеические качества. Он выступает в качестве лексического оксюморона, т. к. основан на полном противопоставлении двух понятийных областей: навигатор как прибор, предназначенный для ориентирования в пространстве, выполняет совершенно иную функцию – помогает заблудиться.

Формант *-лк-* активно используется коммуникантами в повседневном общении для производства отглагольных агентивов, которые характеризуют лицо по выполняемому действию: (из речи детей) *Я пугалка/ я вас напугаю!* (5 г. 4 м.), А: *Яра/ это моя коляска!* – Б: *Кричалка!* – А: *Сама кричалка!* (5 л. 5 м.); *Мама/ ты забывалка и непомнилка!* (5 л. 6 м.); (из разговорной речи

¹ Материалы для исследования детских окказионализмов были получены в результате личного общения с детьми дошкольного и школьного возраста, бесед с их родителями и педагогами, а также из интернет-ресурсов, посвящённых вопросам речевого развития детей и особенностям их воспитания в целом (<http://det.org.ru>; <https://deti.mail.ru> и др.).

взрослых) *Да ты **выступалка!*** (говорящий высоко оценивает способность собеседника выступать перед публикой); *Пусть выбрасывает **выбрасывалка!***; *Кто здесь цапает? Это ты **цапалка?***; А: *Я родила ребеночка [хомячка. – И. К.]*// – Б: *Я тебе сейчас рожду/ **рожалка!***; а также ***пряталка, терялка, бродилка, обещалка*** и др. Подобные дериваты нередко выступают в качестве своеобразных «обзывалок» и характеризуются ярко выраженным налетом «детскости».

Для разговорной речи также является характерным употребление отсустантивных агентивов, образованных посредством суффиксов *-ник* или *-ниц-*. Подобные новообразования выражают значение пристрастия, увлечённости, приверженности. В детской речи в качестве производящих основ выступают, как правило, имена существительные, обозначающие продукты питания: *Я и **крабница!*** и *колбасница* (т. е. люблю и то и другое); *Я **чайник!*** а ты ***сырник!*** (т. е. я люблю чай, а ты – сыр), а также *молоковница, виношник, корочница* (примеры С. Н. Цейтлин) [5, с. 248]. Однако встречаются дериваты, мотивированные субстантивами других семантических групп: *Мама/ смотри/ какой я **ветник!*** (6 л. 8 м.) (тот, кто любит лазать по веткам); *Даник собачник/ а я **котник!*** (7 л.); ***Бабушник** я! Бабушку люблю!* (последний пример С. Н. Цейтлин) [5, с. 248].

В речи взрослых окказионализмы данного типа мотивируются самыми разными субстантивами и обозначают пристрастие лица к виду или породе домашнего животного, разновидности или марке транспортного средства, продуктам питания, месту времяпрепровождения и т. д.: *Ведь я совсем не опытный **бульдोजник** и у нас постоянно возникают 1000-и вопросов...*; а также ***чихуашник, шиншиллятник, персятник, дворняжник*** и др.: *Эй/ **колбасник!** может хватить уже колбасу таскать?*; а также ***семечник, кефирник, арбузник*** и др.: *У меня нет личного авто// Я **автобусник** и **трамвайник!***; а также ***фурник, камазник, джипник, жигульник*** и др.: *Я не **пляжник!*** // *Я **барник!*** // *Там **тенёк/ пиво/ музыка!***; а также ***магазинница, туалетница*** и др. Данные новообразования вряд ли претендуют на вхождение в языковой узус по причине их выраженной шаблонности и чрезмерной серийности, обусловленными в том числе и гипонимизацией производящей базы словообразовательного типа. Так, например, наименование лица по породе животного либо марке автомобиля, с точки зрения языкового узуса, противоречит одному из принципов развития языковой системы – принципу лингвистической экономии (ср.: *собачник, кошачник*). Подобные ряды окказиональных дериватов характеризуются открытостью и могут быть продолжены при необходимости. В речи взрослых новообразования данного типа могут характеризоваться семантической двуплановостью и развивать дополнительные оценочные коннотации: ***хомячник*** (о человеке, увлекающемся коллекционированием), ***помидорник*** (о представителях южной национальности либо о человеке с повадками и вкусами провинциала).

Степень окказиональности усиливается за счёт расширения производящей базы словообразовательных типов. Так, например, в сфере окказионального словотворчества прослеживается тенденция производства дериватов со значением невзрослости, образованных посредством форманта *-онок* (*-ат- / -ят-* во мн. ч.). Для детей является показательной характеристика объектов по принципу «большой – маленький», что приводит к появлению таких новообразований, как ***Богинёнок, гловарёнок, рыбёнок, крокодилёнок, бабочата.*** В речи взрослых подобные дериваты, как правило, сохраняют налёт «детскости» и употребляются в отношении близких людей либо домашних питомцев: ***лгунёнок, обжирёнок, подлизёнок, ябедёнок, трусёнок*** (от *трус*), ***монстрёнок, паскудёнок*** и т. д. Наблюдается расширение производящей базы за счёт имён существительных, называющих породы животных (чаще кошек и собак): ***овчарёнок*** (о щенке овчарки), ***пекинёнок*** (о щенке пекинеса), ***москвичоночек*** (о щенке московской сторожевой), ***чихуашонок, персёнок, бульдожонок, сиамянок*** (о сиамской кошке), ***джунгарёнок*** (о хомяке) и т. д. Продуктивность выше отмеченных дериватов в разговорной речи объясняется высокой регулярностью данной словообразовательной модели в языковом узусе и её открытостью. Однако вхождению дериватов типа ***овчарёнок, персёнок*** в языковой узус препятствует их ярко выраженная разговорность как результат уже упомянутой гипонимизации производящей базы.

Генерализация словообразовательного типа за счёт включения в производящую базу неодушевлённых существительных создаёт определённый стилистический эффект – олицетворение неживых объектов: (из речи детей): *Жили-были танк и **тантёнок!*** (2 г. 5 м.); *Если из рыбиной икры вылупляются маленькие рыбки/ то из кабачковой должны вылупиться маленькие **кабачата!*** (4 г.); *А что/ у апельсина тоже **апельсинёнок** рождается?* (6 л. 4 м.) *Это **гриб!*** а рядом/ ***грибочонок!*** (9 л.); *Может/ эта ракушка родила **ракушат** своих?* (10 л. 1 м.) [6, с. 251] и др.; (из разговорной речи взрослых): *Посмотри/ какие **арбузята** выросли!*; А: *Мы с малой ещё посадили декоративную тыкву, растёт буйно все семена взошли...* – Б: *Декоративную – это типа **карафоньки?***.. *Маленькие*

такие **тыквата**² и др.; (из поэзии) *А рядом шалун лопушонок / Так сильно-пресильно шуришал, / Что маме и папе / Несносный ребёнок / Всё время работать мешал...* (Н. Матвеева); *Им деревянным брюхом не согреть, / Не вывести птенцов – зелёных вербена...* (С. Есенин); *Пирог с капустой. Сугроб с девицей. / Та с карапузом – и всё визжат. / Дрожат антенки, как зад со шприцем. / Слепые шпарт, как ясновидцы, – / Жалко маленьких сугробят...* (А. Вознесенский) и др.

Тропеическая образность характеризует также субстантивы со значением женскости либо агентивы со значением принадлежности, мотивированные основами неодушевленных имён существительных: (из детской речи) *Нож/ ножсixa и ножонок*// (4 г.); *А где лунанина мама?* (3 г.); (из разговорной речи взрослых) *Куда ты положил машинино колесо?*; (из поэзии) *В незаоблачной некоей области, / где совсем в облаках не парят, / с топором топориха безоблачно / выпускали на свет топорят* (В. Стрелец); а также *деревнина дочка* (Е. Евтушенко), *стройкин сын* (Е. Евтушенко), *тучкины штучки* (В. Маяковский), *скрипкина речь* (В. Маяковский).

Для публицистики и поэзии является показательным употребление абстрактных субстантивов. Так, публицистические тексты содержат большое количество новообразований с формантами *-цин-* и *-аци-*. Подобные дериваты мотивируются, как правило, именами собственными (имена политиков, актёров, музыкальных исполнителей и др.) и выражают негативные коннотации: *саакашвилизация* (Литературная газета, 2008), *сердюковицина* (Аргументы и факты, 2013), *киркоровицина* (о стиле исполнения в музыке) (Московский комсомолец, 2010), *При умеренном употреблении Куценко вполне возможен на экране – но тотальная «куценкизация» экрана становится невыносимой...* (Т. Москвина) и др. Следует отметить, что языковой узус содержит подобные дериваты (ср.: *аракчеевицина*), однако их доля невелика в общей группе дериватов, произведенных по указанным выше словообразовательным типам. Маленькая вероятность вхождения подобных новообразований в язык объясняется рядом экстралингвистических факторов: важность и новизна политического либо социального события либо явления, его новизна, масштаб, степень известности самого лица и др. Чтобы войти в историю таким образом, человек должен чем-то прославиться, быть своего рода новатором в определённой сфере, продемонстрировать некие уникальные качества.

Выше были рассмотрены окказиональные слова, произведённые по существующим в языковом узусе словообразовательным типам с возможным расширением границ производящей базы за счёт включения в неё лексических единиц других лексико-семантических групп. Однако окказиональное словотворчество довольно часто выходит за рамки принятого и допустимого и приводит к созданию новых, уникальных по своей природе словообразовательных моделей. Примером тому служат сверхгенерализованные модели, появившиеся в результате скрещивания / совмещения двух и более узусных моделей. Так, окказионализмы типа *навитаминиться, насарафаниться, напонадиться, налореалиться, надонджуаниться* и др. образуются по сверхгенерализованной модели: (из речи детей) *Мама, спасибо! Я наелась/ напилась, навитаминилась*// (ср.: наелась витаминов) (3 г.); (из разговорной речи взрослых) *Я купила себе тени/ те/ лореалевские// Завтра уже налореалюсь и буду вся такая разлореаленная*// Словообразовательная модель *на-* + *S* + *-и(-ть)* + *-ся* является результатом совмещения таких моделей, как *на-* + *V* *-ся* и *S* + *-и(-ть)*. Происходит трансформация глагольного словосочетания, где зависимое слово обозначает объект направленного на него действия и выступает в качестве мотивирующей основы окказионализма. Глагольная сема замещается на субстантивную, несущую основную семантическую нагрузку. По сверхгенерализованным моделям созданы также и следующие глагольные дериваты: (из речи детей) *Мама, я уже закиндерилась!* (3 г.); *Заглаголила ты меня!* (после проверки знания выученных глаголов) (8 л.); А: *Съела?* – Б: *Сфиникачила*// (ср.: съела финики) (12–13 л.); (из разговорной речи взрослых) *Ты весь в адидасе// Где так заадидасился?*; *Что это ты так расчучелилась?* (нарядилась, подобно чучелу) и др.; (из поэзии) *Народы, / живишие, вьямясь в нужду, / притершишь / Уралу ко льду, / ворвались в дверь, / идя на штурм...* (В. Маяковский); *Ему лишь взмедведиться может такое...* (В. Маяковский); *В смокинг виштопорен...* (В. Маяковский) и др. Поэтическим новообразованиям присуща особая образность, характеризующая поэтическую речь в целом. Так, например, нужда уподобляется яме, в которую падает человек. Падение в яму символизирует понижение его социального статуса.

Интересной тенденцией является производство окказионализмов по модели конкретного слова. Подобные новообразования характеризуются ярко выраженной экспрессией и образностью, т. к. совмещают две понятийные области. Производство окказионализмов по единичным образцам

² При цитировании материалов из интернет-переписки сохраняются речевые, орфографические и пунктуационные особенности первоисточников.

характерно как для речи детей, так и речи взрослых: (из речи детей) *Пойдём скорее/ уже недалеко// Вот пешеходный переход/ перебегаем здесь через дорогу// – Мам/ перепутала ты/ ну это же/переход/ а не перебегом//* (3 г.); *Сейчас свитер наденем/ просовывай руки в рукава// – А потом наденем штаны и ноги в ногава//* (4 г.); *Смотри/ а там снежочница//* (о песочнице покрытой снегом) (4 г. 3 м.); *Это не пришелец/ а прилетелец//* (7 л.); (из разговорной речи взрослых) *Домовёнок завёлся у тебя / вернее гаражонок// У меня в гараже давным-давно живёт//*. Подобные новообразования наиболее показательны для публицистической и художественной речи: **Трубопожатие** крепкое: *Владимир Путин заверил Сильвио Берлускони, что в угоду Украине Россия от South Stream не откажется...* (Коммерсантъ, 2010); **Окладоискатели**: *зарплаты банкиров обгоняют инфляцию...* (Коммерсантъ, 2010); **Система пожароудушения**: *спасательная автоматика в банке случайно погубила сотрудника и отравила ещё девять...* (Коммерсантъ, 2010); **Лас Крымас**. *Игорный бизнес может стать частью особой экономической зоны (ОЭЗ), которую предлагается создать в Крыму* (РБК, 2014); *Лесная живопись / Плетней ты кривопись...* (Л. Мартынов).

Довольно часто основу производства дериватов по модели конкретного слова составляет тенденция к выражению семантической полярности. В этом случае один из компонентов узуального слова заменяется на семантически контрастирующий: (из детской речи) *Это уже не новости/ это старости//* (5 л.); *Вероника/ ты что ешь в сухомятку? – Потому что не хочу есть в мокромятку//*; а также *молодёжь – стародёжь* (5 л.), *сухофрукты – мокрофрукты* (6 л.), *глухой – слухой* (10 л. 7 м.); (из поэзии) *Никак придумать не могу / Смехоточивые репризы...* (А. Межиров) (ср.: *слезоточивый*). Интересным примером является преобразование узуального топонима *Ростов-на-Дону*: **Ростов-на-верху**: *Ростовчане вышли в лидеры первенства* (Коммерсантъ, 2014). В данном случае учитывается географическое положение города, который расположен ближе к устью реки Дон, т. е. внизу реки. Окказионализм **Ростов-на-верху** символизирует победу ростовской команды в спортивном соревновании и повышение рейтинга в турнирной таблице.

Основу подобного преобразования может составлять реэтимологизация, когда по-новому выстраиваются отношения словообразовательной производности, в результате чего слово фонетически изменяется в сторону сближения с мотивирующим при сохранении понятийного тождества: (из детской речи) *мамонт – папонт* (2–3 г.), *белая сирень – бирень* (5 л.) (ср.: *сирень* нем. *Sirene*, *Syringe* от лат. *synginx*, *syngina* – «трубка»), *художник – хорошник* (5 л.), *балбес – умнес* (5 л. 5 м.), *папоротник – маморотник* (7 л.), *подмышка – подкошка* (8 л.); (из публицистики) *В России будет изобретён аналог айпада. Он будет называться «ай-невпапад»* (от англ. *pad* – блокнот) (М. Задорнов), *Интернет – интерДА* (Литературная газета, 2014) и др.

Зафиксированы также случаи, когда модель единичного слова проявляет сравнительную продуктивность. Например, по образцу узуального слова *главнокомандующий* были созданы следующие публицистические окказионализмы: *верховный главноиграющий* (Коммерсантъ, 2015), *верховный главноуспокаивающий* (Московский комсомолец, 2012), *верховный главноосматривающий* (Коммерсантъ, 2015) и др.

В сфере разговорной речи продуцирование подобных рядов возможно в рамках одного контекста, что приобретает форму совместной языковой игры: (из речи детей) А: *Масло/ в маслёнке/ а сахар/ в сахарнице//* – Б: *Маслёнка/ нет такого//* – А: *Есть//* – Б: *Тогда чай / в чайнке/ вода/ в водёнке/ мороженое/ морожёнке//* – А: *А голова/ в головёнке//* (5 л.; 11 л. 9 м.); (из разговорной речи взрослых) А: *Срочно женюсь или усыновлюсь.* – Б: *Вас, просто из вредности, могу только удочерить...* – А: *А уплемянить?* – В: *Лучше уматерить да и дело с концом...* – А: *Ну, хоть увнучить... увнучатить...* – В: *Да уж хоть ужсучить, и то хорошо. Лишь бы согласилась.* – Г: *Возьмите уж его, а то он так и до Жучки дойдет...* (ср.: *удочерить*).

Уникальными по структуре и значению являются контаминированные окказионализмы, которые представляют собой результат скрещивания двух лексических единиц. Основу контаминации может составлять и реэтимологизация. Если для детей является показательным совмещение лексических единиц, относящихся к одной предметной области, то взрослые могут выстраивать довольно сложные семантические отношения: (из речи детей) **жираблюд** (жираф + верблюд) (3 г.), **пиндюк** (пингвин + индюк) (3 г.), **фонары** (фонарь + фары) (3 г. 5 м.), **безумительно** (безумно + изумительно) (4 г. 2 м.), **безбардак** (беспорядок + бардак) (4 г.), **средельник** (среда + понедельник) (5 л.) и др.; (из разговорной речи взрослых) **гдеьги** (где + деньги), **крысота** (крыса + красота), **закоферичневеть** (закоричневеть + кофе); (из публицистики) **Федеральный санкцлер**: *Ангела Меркель не дала своей санкции на новые экономические меры против России* (Коммерсантъ, 2014) (санкции + канцлер); **Школьников снова обьЕГЭрили** (Мир новостей, 2013) (обьегорить + ЕГЭ); *Это бизнеса инкассается* (Коммерсантъ, 2022) (инкассация + касаться); **VK устримился**

на платформы (Коммерсантъ, 2022) (устреми́ться + стрим в значении ‘Интернет-трансляция в режиме реального времени’); *Нам это без НАТОбности* (Коммерсантъ, 2022); (из поэзии) *Всё запрограммировал Гуру Урагана. / Чёрный урагангел, помилуй нас!..* (А. Вознесенский) (ураган + ангел); *В яйцах ворочались, выдупляясь, страхусы...* (А. Вознесенский) (страх + страус); *Я не был только протестом. / Протест мой звучал как тест. / Я был Твоим архитектором. / Пора возвращаться в текст...* (А. Вознесенский) (архитектор + текст); *Пошёл лизать я раны в лизолятор...* (В. Высоцкий) (лизать + изолятор) и др. Как видно из представленных примеров, приёмы контаминации могут быть самые разнообразные: телескопия (ср.: *зденьги, урагангел*), наложение с усечением одной либо двух основ (*средельник, санкилер*), вставка одной из мотивирующих основ (*закоферечниветь*) либо единичных звуков (*крысота, страхус*), замена одного из звуков (*НАТОбность*) и др. Скрещиваться также могут слова разных языков: *Пусть кURLычат они, улетая, / на бескрайнем трубят миру – / три журавлика вечной стаи – / W / w / w / ru...* (А. Вознесенский).

Заключение

Таким образом, окказиональное словотворчество всегда уникально и ситуативно, хотя и подчиняется законам словообразования и словоупотребления конкретной речевой сферы, что обуславливает создание так называемых «шаблонных» окказионализмов. При этом окказионализмы, созданные по продуктивным моделям, несмотря на свою некоторую шаблонность и однотипность, нисколько не утрачивают эффект необычности и новизны. Их отсутствие в языковом узусе обуславливается комплексом лингвистических и экстралингвистических факторов: нежелательный стилистический эффект, например, ярко выраженная разговорность или детскость, чрезмерная гипонимизация производящей базы, выделение несвойственного либо второстепенного признака объекта для создания комического эффекта, наличие узуального синонима, недостаточное распространение явления, недостаточная известность создателя слова и др. Многие из них развивают дополнительные коннотации и семантическую двуплановость (ср.: *блудилка*). Будучи не воспроизведенными, а созданными в рамках конкретной ситуации, подобные дериваты основываются на сугубо индивидуальных ассоциациях. Окказионализмы, созданные по уникальным, единичным моделям, характеризуются наивысшей степенью экспрессии и образности. Помимо структурной уникальности, они характеризуются семантической многоплановостью и создают сложные художественные образы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.
2. Царёв, П. В. Потенциальная лексика в современном английском языке / П. В. Царев // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 1. – С. 20–26.
3. Титова, Н. В. Семантика и поэтическая функция окказиональных слов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Титова ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2006. – 23 с.
4. Ковалевич, И. О. Русское окказиональное словопроизводство в речи детей и взрослых (сравнительно-сопоставительный аспект) / И. О. Ковалевич, О. И. Ревуцкий. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2017. – 182 с.
5. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : Знак, 2009. – 364 с.
6. Харченко, В. К. Словарь современного детского языка : ок. 10 000 слов : свыше 15 000 высказываний / В. К. Харченко. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 637 с.

Поступила в редакцию 16.12.2021

E-mail: irina_kovalevich@list.ru

I. O. Kovalevich

TYPICALITY AND UNIQUENESS IN THE SPHERE OF OCCASIONAL WORD PRODUCTION

The article is the study of the category of occasionality from the point of view of productivity of word-formation types and models. Structural, semantic and functional-pragmatic features of typical and non-typical occasionalisms are revealed.

Keywords: occasionalism, potential word, sphere of speech, word-formation type, word-formation model, productivity, blending, reetymologization, figurativeness.

УДК 398.3(=16):398.3(=581)

В. И. Коваль

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

МАГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЛЕДЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И КИТАЙЦЕВ

В статье в сопоставительно-типологическом аспекте рассматриваются свойственные восточным славянам и китайцам архаичные представления о магических свойствах человеческого следа. Отмечается наличие в традиционных верованиях восточнославянских народов комплекса представлений двух родов: во-первых, о возможности вредоносных магических действий с использованием следа как аналога самого человека; во-вторых, отношение к следу, оставленному на камне христианским персонажем, как к источнику исцеления. Показано, что в народной культуре китайцев наступление женщиной на след, оставленный на земле мифическим существом, является причиной зачатия и рождения культурного героя.

Ключевые слова: след, вредоносная магия, ритуал, след на камне, культурный герой, чудесное рождение.

Введение

Известный английский этнолог Джеймс Джордж Фрэйзер в своем классическом труде «Золотая ветвь» сформулировал важное положение о двух видах магического мышления, основанного на убежденности в возможности влияния на окружающую действительность с помощью тех или иных действий или мыслей: о симпатической и контагиозной магии. В первом случае исполнитель (участник) магического ритуала исходит из того, что «подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину»; в соответствии со вторым подходом, «вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают действовать на расстоянии после прекращения прямого контакта». При этом, как отмечает исследователь, «маг делает вывод, что все то, что он продельывает с предметом, окажет воздействие и на личность, которая была с этим предметом в соприкосновении» [1, с. 49, 50]. Используя современную общепринятую терминологию, можно сказать, что принципиальное отличие метонимии от метафоры, основанной на сходстве предметов и явлений, заключается в «сопричастности», смежности конкретных предметов или отвлеченных понятий. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, метонимия представляет собой такой механизм речи, при котором происходит перенос с одного объекта на другой предмет, «ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [2, с. 300]. Справедливо замечено, что метонимия, как и метафора, основана на «принципе фиктивности», в соответствии с которым «рассматривать метонимичную форму выражения как буквальную невозможно, поскольку это не согласуется со здравым смыслом» [3, с. 17]. Вместе с тем метонимический способ мышления нельзя не учитывать при анализе многочисленных собственно языковых и внеязыковых явлений.

Частным проявлением метонимии считается синекдоха, основанная на перенесении наименования с части на целое и наоборот. «Классическим» воплощением синекдохи в сфере народной духовной культуры может считаться «следовая магия», поскольку в данном случае часть – след, оставленный на какой-либо поверхности человеком или мифическим существом, воспринимается как целое – сам человек или мифическое существо.

Цель данной работы заключается в выявлении сходств и различий в магических представлениях о человеческом следе в славянской и китайской традиционных культурах.

Сакрализация человеческого следа (отпечатка ноги) широко распространена в традиционных верованиях разных народов, что убедительно проиллюстрировано в названной работе Дж. Дж. Фрэзера [1, с. 49, 50]. Славяне также считали, что след, оставленный человеком, может являться объектом магических действий (порчи, целительства, любовной ворожбы), поскольку он «представляется неотделимым от самого субъекта, его символическим заместителем, аналогично тени и отражению

в воде» [4, с. 39]. В китайской культурной традиции соответствующие представления связаны в основном с одухотворением следов культурных героев и мифических существ.

Методы и методология исследования

Методологической основой работы является принципиально важное положение не только о возможности, «предположительности», но и о естественности славянско-китайских сопоставлений в сфере традиционной культуры. Один из основоположников российской и советской синологии академик В. М. Алексеев по этому поводу замечал: «Искони твердят, что “Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и никогда не сойтись двойне” и что Китай особенно специфичен, так что сравнительный этюд синоведа обычно-де бесплоден. Однако да будет разрешено мне заявить принципиально, что никаких ограничений сравнительный этюд не знает и не должен знать, ибо как существуют, например, двуязычные словари для всех без исключения языков, так могут и должны существовать всякие другие параллели» [5, с. 352]. В работе использованы описательный и сопоставительный методы, а также метод анализа и синтеза.

Результаты исследования и их обсуждение

1. «Следовая магия» у восточных славян проявляется в нескольких сферах.

1.1. Вредоносная деятельность, которая в редких случаях ограничивается лишь желанием субъекта ритуального действия досадить, доставить неприятность человеку. Сравн. русский диалектный фразеологизм *подбирать следы* ‘вредить (идя вслед за рыбаком)’, который иллюстрируется соответствующей информацией: «В понедельник всякий ловец старается не выходить на лов первым, поскольку последующие следы подбирают, отчего не бывает удачного лова» [6, с. 338].

Этот же фразеологизм в говорах западной Брянщины используется для обозначения далеко не безобидных, а откровенно вредоносных намерений ведьмы. Так, в сообщении жительницы села Верещаки Новозыбковского городского округа содержится информация об особом магическом приеме – втыкании иголок в след, оставленный человеком: *Ат нас к баби ни идите: баба цуолак панатыркывала в зямлю, наколите. И слет падбярэць ваш, и ноуи у вас аткажатъ* [7, с. 71]. На этой же территории (село Новые Бобовичи) зафиксирован следующий не менее радикальный прием «порчи на след»: *Вот человек прашол на пяску. Ти босый, ти абутый ты, який ты идеи. И если я враждую на тябе (хоть ты и вабутый прайшоу), я пясочек тэй сабирала – и у платочик у тый. И кали вот хто умрэ, укинуть у магилу. И тэй чялавец памрэ* [7, с. 80]. В статье «Ведьма», помещенной в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», прямо указывается на локализацию именно на Брянщине поверья о том, что «ведьма вынимает за человеком его след и подкладывает в чей-нибудь гроб» [8, с. 298].

Как правило, магическое воздействие на след ставит целью причинение ущерба здоровью человеку. Сравн. замечание Дж. Дж. Фрэзера: «По всему миру распространено поверье, согласно которому, повредив следы, вы наносите вред оставившим их ногам. <...> Туземцы в Юго-Восточной Австралии верят, что они могут, положив на отпечатки ног острые куски кварца, стекла, кости или древесного угля, сделать человека хромым. <...> У мекленбуржцев считается, что, если вы вгоните гвоздь (иногда требуется, чтобы этот гвоздь был выдернут из гроба) в оставленный человеком след, тот охромеет» [1, с. 49]. В русской этнокультурной традиции «чары на след» заключаются в измерении следа человека каким-либо предметом (веревочкой, лучиной) с последующим его сжиганием или замуравливанием (замазыванием) в печи, из-за чего у заклинаемого «пропадают ноги», то есть появляется болезнь ног [9, с. 408]. У белорусов «вынимание следа» осуществлялось путем собирания земли из следа, зашивания ее в мешочке и высушивания. «Логика» этого магического действия заключалась в следующем: «Так должен иссохнуть человек, чей след был вынут» [10, с. 169]. Сравн. также рус. *вынимать след* ‘магическое действие, которое, по суеверным представлениям, должно нанести ущерб здоровью того лица, против которого это действие направлено’ [11, с. 522]. Императивная конструкция *На леший след иди!*, употребляющаяся для выражения пренебрежения к кому-либо, желания избавиться от кого-либо [12, с. 33], связана с представлениями о том, что человек, наступивший на след лешего или перешедший его след, собьется с пути [13, с. 198]. Сходное поверье известно сербам: «Лесник – дух, живущий в лесу, способный к оборотничеству. Если человек попадет на след этого духа, то заболит» [9, с. 108].

Наиболее радикальная «порча на след» преследовала цель умерщвления жертвы. Судя по тому, что подобные злокозненные действия рассматривались в российских судебно-следственных

делах XVII века, можно говорить об устойчивости и распространенности такого приема колдовства. Сравн.: «Дворцовая мастерица Дарья Ламанова жженый своей рубашки пепел сыпала на след государыни царицы и великой княгини Евдокии Лукьяновны» [15, с. 103]. Обряд заклęcia с помощью мака, проводившийся для физического устранения соперника (соперницы), также предполагал воздействие на след: «Мак надо было смешать с песком следа левой ноги и бросить в полночь во двор закливаемого, произнеся: *Пусть разобьется на мелкий мак тот, кто нас разлучил!*» [16, с. 304]. В книге польского этнографа и фольклориста Чеслава Петкевича «Народная культура Речицкого Полесья» приводится подробное описание белорусского заклęcia с использованием земли со следа жертвы: «Нужно незаметно взять со следа проклинаемого немного земли и, рассыпая ее на наибольшем пространстве, произнести проклятие: *Штоб ты сваімі паганымі лапамі больш не таптаў святое земляккі, да штоб ена тебе ніколі не прыняла ў сваё мацерынскае лано, да развей тебе вецер на ўсяму свету, і згінь-прападзі твой нечысты след на век векоў!*» [17, с. 219].

1.2. В любовной магии, представляющей собой совокупность «привораживающих» приемов, также нередко использовалось «чарование на след». Дж. Дж. Фрэнгер, в частности, писал: «У южных славян девушка берет землю из-под следов своего возлюбленного и наполняет ею цветочный горшок. Она сажает в него бархатцы – цветы, которые считаются неувядающими. Она верит, что, подобно тому как растут, цветут и не увядают эти золотистые цветы, будет неувядающей и любовь ее милого. Предполагается, что любовные чары действуют на юношу через посредство земли, по которой он ступал» [1, с. 49].

В древнерусской былине «Добрыня и Маринка» злая колдунья Марина Игнатьевна, стремясь приворожить Добрыню, сжигает взятые из-под его ног следы и произносит заклęcie-приворот: *Сколь жарко дрова разгораются, / Со темя следами молодецкими, / Разгорелось бы сердце молодецкое / У молода Добрыни Никитича* [18, с. 25]. Известная в Украине девичья «ворожба по следу» выглядит более романтично, хотя она становится причиной душевного расстройства молодого человека: «Ворожба по следу довольно обычна в Малороссии, и в народных песнях она занимает видное место. Так, в одной песне юноша, полюбив девушку, подозревает, что она дала ему приворотного зелья. Девушка отвечает ему: *Ой я ж тобі, мой миленькій, зілья не давала, / Слідок брала, к сердцю клала, що вірно кохала*. В другой украинской песне девушка говорит парню, что она его действительно приворожила таким образом: *Я із-під тебе землю брала, / До сердця клала, тебе чаровала*. Результаты чарования оказались такими, что парубок не может жить без очаровавшей его дивчины, и «вечера ему не мила, и робота не мила» [19, с. 584].

1.3. В сфере традиционной целительной практики восточным славянам известно магическое использование следа, оставленного на твердой поверхности христианскими святыми. Среди богородичных икон известна икона Почаевской Божьей Матери, в нижней части которой изображен камень с отпечатком человеческого следа. Согласно легенде, след на камне оставлен Богородицей, явившейся монахам в г. Почаеве Тернопольской области Украины. Вода, собирающаяся от дождей в этом углублении, используется верующими для исцеления больных глаз [20, с. 135].

В народной легенде, которую в начале XX века изложил этнограф С. В. Максимов, рассказывается о северорусском камне-следовике, на котором оставила след св. Параскева Пятница, убегавшая от домогательств дьявола: «Это – тот камень, на который уперлась стопою Пятница, чтобы быстро вскочить на дерево, и оставила тут глубокий след стопы своей. Вода, скапливающаяся здесь, признается народом за слезы праведницы, плачущей о людских прегрешениях. Эта вода врачует от всяких болезней, преимущественно глазных» [21, с. 276]. На поверхности камня, находящегося в Вологодской области, неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря, видно углубление в виде отпечатка ноги. Считается, что этот след оставил основатель монастыря – святой Кирилл. Согласно местному поверью, «если разуться, встать босой ногой на след Кирилла и задумать желание, то оно обязательно сбудется» [22, с. 229]. На камне, находящемся у д. Старые Дороги в Минской области, сохранился отчетливый след человеческой ноги 37-го размера, который местные жители воспринимают как отпечаток ноги Божьей Матери, наделившей камень-следовик чудодейственной силой. «Считается, что если приложить ногу к отпечатку, болезни через некоторое время отступят» [23, с. 135].

2. В традиционной китайской культуре «следовая магия» проявляется специфично, хотя в определенной мере она соотносится с восточнославянскими этнокультурными представлениями.

2.1. Известное восточным славянам поверье об излечении вследствие прикосновения ног к следу, оставленному на камне христианскими персонажами, может быть рассмотрено как типологическая параллель к архаичным верованиям китайцев о чудесном зачатии девушки / женщины после вступления ею в след мифического персонажа. Так, Сыма Цянь в своих «Исторических записках»

приводил легенду о необычном рождении культурного героя Фу-си (Пао-си) (伏羲) – мифического первопредка китайцев – его матерью Хуа-суй: «Она ступила в след великана у озера Лэйцзэ, после чего родила Фу-си», который «имел тело змеи и голову человека» и «обладал совершенными добродетелями» [24, с. 345]. В книге «Мифы Древнего Китая» находим более детальное, почти художественное описание этого события: «Однажды Хуа-суй отправилась на восток погулять к красивому, заросшему травой и деревьями огромному Озеру грома – Лэйцзэ и увидела на берегу след ног какого-то великана. Удивилась и шутки ради наступила на этот след. Ступила и тотчас почувствовала какое-то волнение, после чего она забеременела и родила мальчика, которого назвала Фуси» [25, с. 43]. Согласно древнекитайскому преданию, Цзян Ююань (姜嫄), мать культурного героя Хоу-цзи (后稷) – Государя-просо, который считается покровителем земледелия и наследником полумифического Желтого императора (黃帝), зачала сына, наступив на след великана [26, с. 701]. По мнению Б. Л. Рифтина, «след великана в первобытном мышлении ассоциировался со следами представителей верхнего небесного мира или его владыки» [27, с. 659].

По одной из легенд, великий китайский мудрец Конфуций был зачат после того, как его мать прошла по следам единорога – цилиня, появление которого «несло с собой умиротворенность и процветание, было знаком предстоящего рождения мудреца» [28, с. 702]. Эти представления, по мнению Н. А. Сомкиной, могут быть «связаны с фаллической символикой цилиня, свойственной единорогам и в западной культуре» [29, с. 80]. Китайский единорог цилинь занимает третье место в четверке «благовещих» животных и, подобно фениксу, представляет собой единение двух начал, пяти элементов, пяти доблестей и пяти символических цветов. Само слово *цилинь* (麒麟) отражает гармоничное единство начал «ян» и «инь», поскольку оно «истолковывается как соединение двух понятий: *ци* – единорог-самец и *линь* – единорог-самка» [28, с. 702].

2.2. Восприятие следа как символического аналога человека, характерное для восточнославянской вредоносной магии, выявляется и в китайском ритуале обнаружения вора по оставленному им следу: «В Китае, в Гуанси и Гуандуне, существует до сих пор следующий обычай: если вор, убегающий из обворованного им дома, запечатлел следы своих ног, то пострадавшие зовут опытного бонзу, который забивает в место, на котором оставлен след, бамбуковый кол и, сосредоточившись, внушает беглецу неотразимое желание вернуться к месту преступления» [30, с. 65].

Описанное ритуально-магическое действие в своей основной «логической схеме» напоминает сходные представления европейцев, не имеющие, однако, отношения к «следовой магии»: «Жители Пруссии говорили, что, если вы не можете поймать вора, нет ничего лучшего, как взять одежду, которую тот потерял во время бегства: если вы ее изрядно поколотите, вор заболит» [1, с. 48].

Заключение

Приведенный материал иллюстрирует сохранение в традиционном сознании восточных славян и китайцев устойчивых представлений о следе человека как магическом объекте. В восточнославянской традиции след в основном осмысливается как воплощение самого человека, как предмет, используемый для вредоносного воздействия на заклиняемого. Китайские поверья о магических свойствах следа соотносятся с верой восточных славян в целительные свойства камней-следовиков и выражаются в мотиве чудесного зачатия после наступления на след, оставленный мифическим персонажем.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фрээр, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование религии и магии ; пер. с англ. / Дж. Дж. Фрээр. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1983. – 703 с.
2. Аругюнова, Н. Д. Метонимия / Н. Д. Аругюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 300–301.
3. Авдеенко, И. А. Символ и метонимия / И. А. Авдеенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – Ч. 2, № 6 (24). – С. 16–18.
4. Плотникова, А. А. След / А. А. Плотникова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. – Т. 5. – С. 39–42.
5. Алексеев, В. М. Римлянин Гораций и китаец Ли Цзи о поэтическом мастерстве / В. М. Алексеев // Труды по китайской литературе : в 2 кн. / [сост. М. В. Баньковская ; отв. ред. Б. Л. Рифтин]. – М. : Вост. лит., 2002. – Кн. 1. – С. 345–384.
6. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – СПб. : Наука, 1992. – Вып. 27 : Печенки – Поделывать. – 400 с.

7. Пронченко, С. М. В мире живого народного слова Брянского края. Книга для филолога / С. М. Пронченко, М. А. Мухина. – М. : Издательство «Спутник +», 2021. – 228 с.
8. Виноградова, Л. Н. Ведьма / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 1. – С. 297–301.
9. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – М. : Автор, 1992. – 607 с.
10. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно, 1895. – 187 с.
11. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссоветского. – М. : Наука, 1969. – 612 с.
12. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – СПб. : Наука, 1981. – Вып. 17 : Леснокаменный – Масоеничать. – 383 с.
13. Будовская, Е. Э. Блуждать / Е. Э. Будовская // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 197–199.
14. Левкиевская, Е. Е. Леший / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. – Т. 3. – С. 104–109.
15. Елеонская, Е. Н. Сказка, колдовство и заговор в России : сб. тр. / Е. Н. Елеонская ; вступ. ст. и сост. Л. Н. Виноградовой ; подготовка текста и коммент. Л. Н. Виноградовой, Н. А. Пшеницыной / Е. Н. Елеонская. – М. : Издательство «Индрик», 1994. – 272 с.
16. Судник, Т. М. Мак в растительном коде основного мифа / Т. М. Судник, Т. В. Цивьян // Балто-славянские исследования 1980. – М. : Наука, 1981. – С. 300–317.
17. Pietkiewicz, Czesław. Kultura ludowa Polesia Rzeczyckiego / Czesław Pietkiewicz. – Warszawa : Towarzystwo naukowe Warszawskie, 1938. – 459 s.
18. Потebня, А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. О связи некоторых представлений в языке. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. О Доле и сродных с нею существах / А. А. Потebня. – 2-е изд. – Харьков, 1914. – 243 с.
19. Сумцов, Н. Ф. Культурные переживания / Н. Ф. Сумцов // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. – 1889. – Т. XXVII. – С. 582–603.
20. Платонов, Е. В. Почитаемые камни в православной традиции на северо-западе России / Е. В. Платонов // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 3. – С. 130–144.
21. Нечистая, неведомая и крестная сила. Сочинение С. В. Максимова. – СПб., 1903. – 529 с.
22. Доисторическая Европа. «Следовики» и «чашечники» // Доисторическая Европа / авт.-сост.: Н. Н. Непомнящий, Н. В. Кривцов. – М. : Вече, 2004. – 256 с.
23. Дучыц, Л. У. Камяні-следавікі Беларусі / Л. У. Дучыц [и др.] // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1996. – № 9. – С. 133–141.
24. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Цянь Сыма ; пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина ; под общ. ред. Р. В. Вяткина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Вост. лит., 2001. – Т. 1. – 415 с.
25. Юань Кэ. Мифы древнего Китая / Кэ Юань ; пер. с кит., послесловие Б. Л. Рифтина. Худож. Л. П. Сычев. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 527 с.
26. Рифтин, Б. Л. Дзянь Юань / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. / Ин-т Дальнего Востока ; гл. ред. М. Л. Титаренко. – М. : Вост. лит., 2006. – Т. 2 : Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – 2007. – С. 701.
27. Рифтин, Б. Л. Хоу-цзи / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. / Ин-т Дальнего Востока ; гл. ред. М. Л. Титаренко. – М. : Вост. лит., 2006. – Т. 2 : Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – 2007. – С. 659–660.
28. Рифтин, Б. Л. Цилинь / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. / Ин-т Дальнего Востока ; гл. ред. М. Л. Титаренко. – М. : Вост. лит., 2006. – Т. 2 : Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – 2007. – С. 702.
29. Сомкина, Н. А. Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений / Н. А. Сомкина // Вестн. СПбГУ. Сер. 13. – 2009. – Вып. 2. – С. 77–86.

30. Ветухов, А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли) / А. В. Ветухов. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1907. – Вып. I–II. – 529 с.

Поступила в редакцию 16.05.2022

E-mail: vlad-kov@mail.ru

V. I. Koval

MAGICAL IDEAS ABOUT THE TRACE
IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE EASTERN SLAVS AND THE CHINESE

In this article the archaic ideas peculiar to the Eastern Slavs and the Chinese about the magical properties of the human footprint are considered, in a comparative and typological aspect. It is noted that in the traditional beliefs of the East Slavic peoples there is a complex of ideas of two kinds: firstly, about the possibility of malicious magical actions using the trace as an analogue of the person himself; secondly, the attitude to the trace left on the stone by a Christian character as a source of healing. It is shown that in the Chinese folk culture, a woman's attack on a trace was left on Earth by a mythical creature and it is the reason for the conception and birth of a cultural hero.

Keywords: trace, malicious magic, ritual, trace on a stone, cultural hero, miraculous birth.

УДК 811.581'367.3

А. Ю. Москалёва

Аспирант кафедры теории и практики китайского языка, УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель: Гордей Александр Николаевич, доктор филологических наук, профессор

РОЛЬ МОРФЕМЫ 得 В КИТАЙСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В статье рассматривается роль морфемы 得 в китайском предложении, приводятся критерии разграничения синтаксических конструкций, содержащих данный знак. Особое внимание уделено функционированию модальных операторов 得 и 不 в составе инкорпоративного комплекса китайских предикативов. В исследовании проанализирована равнозначность употребления инкорпоративного комплекса, включающего модальные операторы, и его комбинаций с модальным ёгеном 能 néng 'мочь' и отрицательной формой 不能 bù néng 'не мочь'.

Ключевые слова: морфема 得, инкорпоративный комплекс, модальный оператор, ёген, критерии разграничения, знак алфавита синтаксиса.

Введение

В своей работе «Избранные труды по языкознанию» немецкий филолог и один из основоположников теоретической лингвистики Вильгельм фон Гумбольдт отмечал: «Если причислять к системе инкорпорирования, как то в принципе и следует делать, все случаи стяжения элементов, способных образовать самостоятельное предложение, в одну словоформу, то примеры инкорпорирования найдутся даже в языках, вообще говоря, чуждых этой системе» [1, с. 154]. Как раз к таким языкам относится китайский, которому наиболее характерна аппликация, подразумевающая нанизывание корневых морфем. Однако среди изобилия случаев сложения языковых знаков, в китайском языке нашлось место и для инкорпорации¹. Наличие фактов инкорпорации подтверждается функционированием в нем такого синтаксического целого, как инкорпоративный комплекс [2].

Инкорпоративный комплекс представляет собой упорядоченный набор китайских предикативов, который может обозначать как физический фрагмент модели мира 站起来 *zhàn qilai* 'встать', так и информационный 想起来 *xiǎng qilai* 'вспомнить' [3]. Ранее нами уже была рассмотрена его способность инкорпорировать главные и второстепенные члены предложения в роли сказуемого. В ходе анализа теоретических источников и сравнения примеров, взятых их корпуса текстов, нам удалось выявить тенденцию включения дополнения и обстоятельства места в состав инкорпоративного комплекса².

Помимо различных членов предложения, данное синтаксическое целое также способно инкорпорировать модальные операторы возможности (得 *de*) и невозможности (不 *bu*) осуществления процесса. Однозначной точки зрения относительно толкования изучаемого языкового явления на сегодняшний день не сформировано. В некоторых работах отечественных и зарубежных лингвистов высказывается мнение, что сочетание языковых знаков типа 看得出来 *kàn de chūlai* 'суметь рассмотреть' можно определить как комплемент вероятности или же 可能补语 *kěnéng bǔyǔ* [4]. Наряду с упомянутыми определениями также встречается трактовка модальных операторов как инфиксов при глагольных модификаторах сложного дополнительного члена направления движения [5]. Однако в ходе настоящего исследования мы рассматриваем это

¹ Под инкорпорацией понимается продуктивный способ образования слова или особого рода синтагматической единицы, путем сочетания примыкающих друг к другу корней, совокупность которых оформляется служебными элементами. См.: Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.

² Москалёва, А. Ю. Внешняя комбинаторика инкорпоративного комплекса китайских предикативов на уровне предложения / А. Ю. Москалёва // Сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов / сост. С. В. Анцух ; под общ. ред. В. Г. Шадурского. – Минск : Четыре четверти, 2020. – Вып. 25. – С. 414–416.

явление сквозь призму комбинаторной семантики как инкорпоративный комплекс, включающий модальный оператор, и вместо частей речи используем в качестве языковых категорий части языка (тайгены и ёгены³) [6].

На первый взгляд, употребление инкорпоративного комплекса, включающего модальный оператор, не вызывает трудностей, однако стоит обратить внимание на то, что морфема 得 может не только выступать в роли модального оператора, но и играть иные роли в китайском предложении. Цель данной статьи – выявить специфику функционирования морфемы 得 в рамках инкорпоративного комплекса китайских предикативов и китайского предложения в целом, а также определить критерии разграничения визуально схожих синтаксических конструкций, которые содержат морфему 得. Помимо этого, перед нами стоит цель установить, присутствуют ли семантические и синтаксические отличия между передачей модального оттенка возможности посредством инкорпоративного комплекса, включающего модальный оператор, и посредством сочетания комплекса с модальными ёгеном 能 néng ‘мочь’ и его отрицательной формой 不能 bù néng ‘не мочь’. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена как её недостаточной изученностью, так и практической необходимостью использования полученных результатов в преподавании синтаксиса китайского языка с опорой на сознательно-практический метод обучения.

Методы и методология исследования

Исследование, представленное в настоящей статье, выполнено в русле комбинаторной семантики А. Н. Гордея. Материалом послужили примеры из оригинальных текстов, представленных в лингвистическом корпусе китайского языка Пекинского университета языка и культуры [7]. В ходе работы использованы следующие методы исследования: описательный, сопоставительный, комбинаторный.

Результаты исследования и их обсуждение

Для описания процесса включения модальных операторов в состав инкорпоративного комплекса предикативов и особенностей функционирования данной синтагмы китайского языка необходимо сравнить оба типа комплексов, способных обозначать как физический, так и информационный процессы. Механизм включения модальных операторов в состав инкорпоративных комплексов представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Инкорпоративные комплексы китайских предикативов, включающие модальные операторы 得 и 不

Тип и значение инкорпоративного комплекса	Возможность осуществления процесса	Невозможность осуществления процесса
Физический процесс	他可能爬得上去吗? <i>Tā kěnéng pá de shàngqu ma?</i> ‘Сможет ли он взобраться наверх?’	这么高我爬不上去! <i>Zhème gāo wǒ pá bu shàngqu</i> ‘Я не могу взобраться так высоко!’
Информационный процесс	她脸上的表情你看得出来吗? <i>Tā liǎn shàng de biǎoqíng nǐ kàn de chūlai ma?</i> ‘Ты можешь разглядеть ее выражение лица?’	她笑了没有, 我看得出来。 <i>Zhèxiē hànzi wǒ kàn bu chūlai.</i> ‘Я не разглядел, улыбнулась ли она’

Представив в виде таблицы примеры инкорпоративных комплексов, обозначающих как физический, так и информационный процессы, мы можем отметить аналогичность механизма инкорпорирования модальных операторов 得 и 不. Данный процесс можно наглядно передать посредством следующей схемы:

³ Ёген (от яп. 用言 – подвижное слово) – часть языка, обозначающая признак индивида. Важным различительным признаком ёгенов является степень. Ёгены первой степени обозначают признак индивида. В инкорпоративном комплексе китайских предикативов знаком в роли актуализатора (т. е. знаком, обозначающим основной процесс) будет выступать переменный ёген первой степени. Тайген (от яп. 体言 – стабильное слово) – часть языка, обозначающая признак индивида. См.: Гордей, А. Н. Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, 28 марта 2008 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – С. 19–24.

看	+	得/不	+	出来	=	看得出来 / 看不出来
актуализатор		модальный оператор		модификатор		инкорпоративный комплекс
kàn 'смотреть'		de/bu 'мочь/ не мочь'		со значением восприятия		kàn de chūlai / kàn bù chūlai 'мочь/ не мочь разглядеть'

При этом стоит отметить, что инкорпорирование модального оператора 不 *bu* доминирует над инкорпорированием модального оператора 得 *de*, который преимущественно употребляется в вопросительных предложениях [8; с. 158]. Кроме того, допускается свертка модального оператора 得 *de* при трансформации вопросов общего типа: 我说的话你听出来听不出来? *Wǒ shuō de huà nǐ tīng chūlai tīng bu chūlai* 'Ты разобрал, что я сказал?'

Включение в состав инкорпоративного комплекса модального оператора 不 *bu* является стандартной процедурой, в то время как с модальным оператором 得 *de* ситуация не всегда однозначна. Как упоминалось ранее, в устном и письменном китайском языке активно употребляются некоторые синтаксические конструкции с морфемой 得 *de*, которые в своей структуре также имеют сочетание «переменный ёген первой степени + морфема 得 *de*». Ввиду схожего строения данные элементы языка могут быть ошибочно приняты за инкорпоративный комплекс. Одним из таких примеров может служить употребление постпозитивного обстоятельства образа действия:

- 她的口音很重, 但英语说得很快。 *Tā de kǒuyīn hěn zhòng, dàn yīngyǔ shuō dé hěn liúli.* 'У нее сильный акцент, но она очень бегло говорит по-английски';
- 中国的电视现在商业化路子已经走得很快了。 *Zhōngguó de diànshì xiànzài shāngyè huà lùzi yǐjīng zǒu dé hěn kuài.* 'Коммерциализация телевидения в Китае уже идет очень быстро'.

В данных случаях морфема 得 *de* является знаком алфавита синтаксиса языка⁴, а не модальным оператором.

Вместо глагольного модификатора, обозначающего ориентацию процесса в пространстве относительно локуса или наблюдателя, в данных случаях за знаком алфавита синтаксиса 得 *de* следуют постоянные ёгены 流利 *liúli* 'беглый', 快 *kuài* 'быстрый', передающие оценочные оттенки значения. Существует также очевидное отличие с точки зрения семантики: инкорпоративный комплекс обозначает потенциально возможный результат процесса, в то время как постпозитивное обстоятельство образа действия указывает на свойство процесса.

Наряду с обстоятельством образа действия некоторые сходства с инкорпоративным комплексом в своей структуре имеет еще одно языковое явление, которое китайские лингвисты традиционно называют 状态补语 *zhuàngtài bǔyǔ* или же 情态补语 *qíngtài bǔyǔ*. В терминологии динамического синтаксиса в рамках комбинаторной семантики его принято определять как обстоятельство результата [9]. Рассмотрим несколько примеров:

- 他感动得流下了眼泪。 *Tā gǎndòng de liúxiàle yǎnlèi.* 'Он был тронут до слез';
- 母亲已经病得没有一点气力说话了。 *Mǔqīn yǐjīng bìng de méiyǒu yīdiǎn qìlì shuōhuàle.* 'Мать уже настолько больна, что у нее нет сил говорить'.

В данных примерах компонент, следующий за сочетанием переменного ёгена и морфемой 得 *de*, описывает состояние индивида, передавая то, насколько выражен его признак. Как правило, этот компонент представлен в виде предикативной синтагмы.

С точки зрения структуры и выражаемого значения, наиболее приближенным к изучаемому нами синтаксическому целому является сочетание переменных ёгенов первой степени с результативными морфемами типа 完 *wán* 'завершать', 好 *hǎo* 'сделать хорошо, как следует', 见 *jiàn* 'воспринимать', 懂 *dǒng* 'понимать', 错 *cuò* 'ошибаться' и др. Например:

- 你大学的同学我差不多都记得住。 *Nǐ dàxué de tóngxué wǒ chàbùduō dōu jìde zhù.* 'Я помню почти всех, с кем ты вместе учился в университете';
- 我的家乡话我很多都听不懂。 *Wǒ de jiāxiāng huà wǒ hěnduō dōu tīng bu dǒng.* 'Я не понимаю большую часть своего родного диалекта'.

Приведенные примеры демонстрируют, что сочетаниям переменных ёгенов первой степени с результативными морфемами также свойственно инкорпорирование модальных операторов 得 *de* и

⁴ Гордей, А. Н. Теоретический грамматика восточных языков : лекционный курс / А. Н. Гордей. – Электрон. дан. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

不 *bu*. Более того, они также передают значения возможности или невозможности осуществления процесса. Наглядно отразим все критерии разграничения описанных выше синтаксических конструкций в таблице 2.

Таблица 2 – Критерии разграничения синтаксических конструкций, содержащих морфему 得

Языковые явления и критерии их разграничения	Инкорпоративный комплекс ёгенов	Обстоятельство образа действия	Обстоятельство результата	Комбинация ёгена с результивной морфемой
Количество компонентов в составе	3	3	3	3
Первый компонент	Переменный ёген первой степени	Переменный ёген первой степени	Переменный ёген первой степени	Переменный ёген первой степени
Роль знака 得 <i>de</i>	Модальный оператор	Знак алфавита синтаксиса	Знак алфавита синтаксиса	Модальный оператор
Третий компонент	Глагольные модификаторы	Постоянный ёген	Предикативная синтагма	Результивная морфема
Значение комбинации знаков	Возможность/невозможность осуществления процесса	Оценка процесса	Состояние индивида, степень выраженности признака процесса	Возможность/невозможность достижения результата

Из данного сравнительного анализа видно, что выделенные синтаксические конструкции передают разное значение, при этом имея в своей структуре 3 компонента, первым из которых является переменный ёген первой степени. Морфема 得 *de* имеет свойство выступать в разных ролях, присоединяя к себе разнообразные элементы языка. С точки зрения структуры и семантики, наиболее приближенной к инкорпоративному комплексу китайских предикативов оказалась комбинация ёгена с результивной морфемой, поскольку обнаружены совпадения по 4 из 5 параметров. Результат проведенного анализа свидетельствует о необходимости учитывать в процессе преподавания китайского языка как иностранного выявленные в ходе исследования нюансы, обращая особое внимание на роль морфемы 得 в предложении, а также на сходства и различия описанных нами конструкций.

Как известно, инкорпоративный комплекс предикативов, включающий модальные операторы 得 *de* или 不 *bu*, является одним из способов передачи модального оттенка возможности, однако в этих целях также часто используются сочетания модального ёгена 能 *néng* ‘мочь’ и 不能 *bùnéng* ‘не мочь’ с переменными ёгенами первой степени. Возникает вопрос, являются ли оба описанные выше способа передачи модального оттенка возможности идентичными с точки зрения выражаемых ими значений. Рассмотрим следующие примеры:

- 我们要满足戏迷的要求, 又要尽量让别的观众也能看下去。 *Wǒmen yào mǎnzú xìmí de yāoqiú, yòu yào jǐnliàng ràng bié de guānzhòng yě néng kàn xiàqù.* ‘Мы должны удовлетворить требования любителей театра, а также приложить все усилия, чтобы и другие зрители смогли продолжить просмотр’;

- 有不少人围观, 但我实在不太看得下去, 也不想看。 *Yǒu bù shǎo rén wéiguān, dàn wǒ shízài bù tài kàn dé xiàqù, yě bùxiǎng kàn.* ‘Было немало людей, которые стояли вокруг и смотрели, но я действительно не мог продолжать смотреть, да и не хотел’.

Приведенные примеры демонстрируют, что оба сочетания передают значение возможности осуществления процесса и являются взаимозаменяемыми в данном контексте. Однако в случае с отрицательной формой данные конструкции не будут синонимичными по смыслу:

- 我也这么问了她来着, 可她说她不能说出来。 *Wǒ yě zhème wènle tā lái zhe, kě tā shuō tā bùnéng shuō chūlai.* ‘Я тоже спросил у неё об этом, но она говорит, что не может сказать’;

- 没想到两人竟在这种情况下重逢, 他们一句话也说不出。 *Méi xiǎngdào liǎng rén jìng zài zhè zhǒng qíngkuàng xià chóngféng, tāmen yījù huà yě shuō bu chūlai.* ‘Неожиданно эти два человека снова встретились при таких обстоятельствах, они не могли вымолвить ни слова’.

Как показывают примеры, в первом случае подразумевается невозможность сказать, обусловленная отсутствием разрешения на совершение данного действия. Во втором высказывании инкорпоративным комплексом выражено значение отсутствия реальной возможности осуществить процесс. Данный контраст значений еще лучше прослеживается в инкорпоративном комплексе, обозначающем физический, а не информационный фрагмент модели мира:

• 北京铺了不少绿地, 但人们不能走进去。 *Běijīng pù liǎo bù shǎo lǜdì, dàn rénmen bùnéng zǒu jìnqù*. ‘В Пекине множество зеленых насаждений, но люди туда не могут заходить (=им запрещено заходить)’;

• 她家里门户森严, 任何男人在白天走不进去。 *Tā jiālǐ ménhù sēnyán, rènhé nánrén zài báitiān zǒu bù jìnqù*. ‘Вход ее дома под надежной защитой, ни один мужчина днем не может туда войти’ (=не представляется возможным войти).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что процесс инкорпорирования модальных операторов 得 *de* и 不 *bu* в состав инкорпоративного комплекса ёгенов происходит следующим образом: модальный оператор включается в центр синтаксического целого между знаком-актуализатором и модификатором-актуализатором⁵. Сравнение визуально схожих синтаксических конструкций, содержащих морфему 得, позволяет установить 5 критериев их разграничения. Критерием отличия инкорпоративного комплекса ёгенов от обстоятельства образа действия и обстоятельства результата можно считать несовпадение роли морфемы 得, поскольку, включаясь в инкорпоративный комплекс, он является модальным оператором, а в составе обстоятельств – знаком алфавита синтаксиса. Тем не менее, главное отличие заключается в выражаемых конструкциями значениях: обстоятельство образа действия и обстоятельство результата выражают значения оценки процесса и состояния индивида соответственно, в отличие от инкорпоративного комплекса с модальным оператором, призванного выражать возможность или невозможность осуществления процесса. По результатам сравнительного анализа наиболее схожими в плане структуры и семантики оказались два языковых явления: инкорпоративный комплекс ёгенов и сочетание переменного ёгена с результативными морфемами. Они оба в своем составе имеют модальный оператор и способны выражать идентичный смысл.

Помимо этого, удалось установить, что употребление сочетания инкорпоративного комплекса с модальным ёгеном 能 *néng* ‘мочь’ полностью равнозначно употреблению такого же комплекса, включающего модальный оператор 得 *de*. Однако в случае с отрицательным значением ситуация противоположна: комбинация комплекса с 不能 *bùnéng* ‘не мочь’ имеет смысловой оттенок запрета, в то время как инкорпоративный комплекс с модальным оператором 不 *bu* выражает невозможность совершения действия. Выявленный факт говорит о том, что данные словосочетания не являются взаимозаменяемыми.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гумбольдт, Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт ; пер. с нем. ; под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 396 с.
2. Гордей, А. Н. Теоретический грамматика восточных языков : лекционный курс [Электронный ресурс] / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Гордей, А. Н. Китайский язык : учеб. программа / А. Н. Гордей. – Минск : БГУ, 2002. – 13 с.
4. 陆俭明主编, 杨玉玲主编. 现代汉语语法答问 / 陆俭明主编, 杨玉玲主编. – 北京 : 北京大学出版社, 2011. – 292页.
5. Карпека, Д. А. Глагол и грамматические категории предикатов в современном китайском языке / Д. А. Карпека. – СПб. : Восточный экспресс, 2017. – 385 с.
6. Гордей, А. Н. Семантический синтаксис и комбинаторная семантика / А. Н. Гордей // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы). – Минск, 2006. – Ч. 2. – С. 9–13.
7. 语料库 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bcc.blcu.edu.cn>. – Дата доступа: 05.04.2022.

⁵ Гордей, А. Н. Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка) / А. Н. Гордей // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации. – Гродно, 2007. – Ч. 2. – С. 349–358.

8. Яхонтов, С. Е. Категория глагола в китайском языке / С. Е. Яхонтов. – Л. : Из-во Ленинградского ун-та, 1957. – 179 с.

9. Гордей, А. Н. Динамический синтаксис в семантическом представлении / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе / ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина». – Рязань : Редакц.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2017. – Вып. 4 (43). – С. 26–34.

Поступила в редакцию 16.05.2022

E-mail: alesya.moskalevaa@gmail.com

A. Y. Moskaliova

THE ROLE OF THE MORPHEME 得 IN A CHINESE SENTENCE

The article is centered on the role of the morpheme 得 in a Chinese sentence and provides differentiation criteria of the syntactic constructions containing this morpheme. Special attention is paid to the functioning of the modal operators 得 and 不 as a part of the incorporative complex of the Chinese predicates. The study analyzes the equivalence of using the incorporative complex, which includes modal operators, and its combinations with the modal yogen 能 néng ‘to be able’ and the negative form 不能 bù néng ‘not to be able’.

Keywords: morpheme 得, incorporation, incorporative complex, modal operator, yogen, differentiation criteria.

УДК 811.161.1'373.2:821.161.1-21Гремина

И. М. Петрачкова

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, УО «Гомельский государственный медицинский университет», г. Гомель, Республика Беларусь

**СУГГЕСТИВНОСТЬ ПОЭТОНИМОВ В ДРАМЕ-РЕМЕЙКЕ
ЕЛЁНЫ АНАТОЛЬЕВНЫ ГРЕМИНОЙ «ДЕЛО КОРНЕТА О-ВА»**

Статья посвящена исследованию имен собственных, функционирующих в драме конца XX века «Дело корнета О-ва» Е. А. Греминой. Определяются основные критерии такого явления, как суггестивность у проприальных единиц, характерного для пьес современного театра. На основе качественных и количественных параметров прослеживается взаимосвязь между суггестивностью имён и воплощением авторской концепции, раскрытием глубинных, непосредственно не наблюдаемых смыслов номинаций, представляющих собой совокупность интер- и внутритекстовых отношений и процессов.

Ключевые слова: проприальная единица, оним, суггестивность, ономапоэтическое пространство, модификат, поэтоним, прецедентное имя.

Введение

Язык произведений театрального искусства конца XX века, в том числе его ономастикон, является лакуной, которая требует своего детального и глубокого исследования. Начиная уже с 60-х годов прошлого столетия, литературная ономастика довольно скрупулезно рассматривает поэтонимы, которые функционируют как в прозаических, так и драматургических творениях русских писателей-классиков (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Д. И. Фонвизина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А. Н. Островского и др.). Проприальное пространство же драматургии второй половины XX века по-прежнему не находится в поле зрения лингвистов. К тому же отметим, что и сами пьесы этого временного периода весьма поверхностно изучаются нашими современниками в рамках школьных и вузовских программ по литературе. Между тем драматургия – тот пласт русской словесности, который чаще всего представлен на суд широкому зрителю, будь то театр или кинематограф. «Театр силен непосредственным контактом со зрительской аудиторией, являющейся сотворцом той эмоционально-нравственной атмосферы, которая рождается во время спектакля. Эта духовная связь возникает благодаря слову, звучащему со сцены. Вот почему современность предъявляет высокий счет драматургии, требуя от нее не просто тематической злободневности, но прежде глубинного высокохудожественного постижения жизни», – подчеркивает исследователь современной русской драмы М. И. Громова [1, с. 4, 5].

Бесспорно, в театральных пьесах значимо каждое слово, в том числе особая смысловая нагрузка ложится и на проприальные единицы, присутствующие в тексте, большинство из которых обладают суггестивными возможностями. Писатель, создавая пьесу (в отличие от прозаического произведения), достаточно ограничен в средствах характеристики того или иного персонажа, выражения своего отношения к происходящим событиям, героям и их поступкам, передачи авторской концепции. И поэтому имя собственное (далее ИС) здесь весьма нагружено в смысловом и идейно-философском отношении, поскольку оно наряду с короткими авторскими ремарками, речевой характеристикой героев, их поведением на сцене несет в себе огромный характеристический, семантико-эстетический, историко-культурный и эмоциональный потенциал.

Многочисленные работы по проблемам литературных имен современных белорусских ученых, таких как В. В. Шура, А. Ф. Рогалева, О. А. Лещинской, И. Э. Ратниковой, А. М. Мезенко, Е. Ю. Муратовой, А. Н. Дервяго, Т. П. Слесаревой, О. В. Шевериновой, С. Ф. Бут-Гусаим и других, свидетельствуют о важности и ценности для нынешней науки комплексных изысканий по ономапоэтике [об этом подробнее: 2, с. 66]. Актуальность нашего исследования, во-первых, состоит в том, что данная статья затрагивает новый материал в изучении литературной ономастики – своеобразии ономапоэтических единиц современной русской драматургии, выбор которых обусловлен тем или иным творческим методом, избранным мастером слова, и, во-вторых,

отсутствием работ по поэтонимологии, где бы исследовались непосредственно суггестивные возможности ИС, функционирующего в текстовом корпусе художественного произведения.

В переломный период 1980–90-х гг., в эпоху социальных и ментальных преобразований, в том числе и в русском театральном искусстве, наблюдается стремление авторов к творческому эксперименту по созданию условных ситуаций и миров, моделированию оригинальных драматургических разработок, соответствующих этому времени. Так возникают два направления в развитии драматургии: постмодернистское (О. Богаев, Д. Липскеров, Н. Коляда, Н. Садур и др.) и противоположная постмодернизму тенденция – попытка (но тоже новая, авангардная!) следовать русской классической традиции. Это пьесы рубежа веков Е. Греминой и М. Угарова, в которых доминируют ностальгически светлые воспоминания по далекому, идиллически прекрасному прошлому, поэтому они принадлежат к жанру так называемой «ностальгической» драмы и имеют историческую направленность. Объектом исследования в нашей статье стала одна из таких пьес – драма-ремейк Е. Греминой «Дело корнета О-ва», написанная в 1992 году. Предметом изучения в работе являются отобранные методом сплошной выборки все ИС, имеющиеся в художественном контексте (ХК) авангардной пьесы драматурга. Цель исследования – установление суггестивности у проприальных единиц как в узком, так и самом широком смысле понимания этой дефиниции. Нами выявлено и проанализировано свыше 80 ИС, не считая варианты их употребления. Достаточно необычная и сложная структура произведения требует уточнения роли суггестивных ономапоэтических средств, выбор которых экспонирует их органичное влечение в поэтику драматургии писателя, отражает стилистику того художественного метода, в контексте которого Е. Гремина своевременно осуществляла реформирование русского театрального искусства, а также дает возможность постигнуть авторскую концепцию созданного произведения.

Методы и методология исследования

Статья отражает результаты применения системного подхода к классификации ИС, функционирующих в драматургическом тексте, раскрывает дескриптивный, структурно-семантический, лингвокультурологический, парадигматический, прагматический аспекты их анализа. Для отражения и накопления объективной, достоверной информации при описании и классификации ИС нами используется метод количественных подсчетов. Дескриптивный (приемы наблюдения, интерпретации, обобщения) и сравнительно-сопоставительный подходы к изучению всех выявленных ИС поэтонимосферы современной русской драмы позволяют обнаружить в творчестве отдельно взятого автора, работающего в определенном жанровом направлении, проприальные единицы и раскрыть их суггестивность в текстовом корпусе драмы-ремейка.

Результаты исследования и их обсуждение

Ономапоэтическое пространство драмы отличается органичным использованием Е. Греминой реального именованного для воссоздания «правды жизни», укрепления веры читателя / зрителя в происходящие события, обладающего в ХК суггестивностью (от англ. *suggestive* – «указывающий», «намекающий на», т. е. наводящий на размышления [3, с. 1063]). Оним называется суггестивным, если он заставляет усиленно работать воображение читателя / зрителя, вызывает яркие эмоциональные переживания, раскрывает новое миропонимание или обновляет старое в пределах художественного пространства пьесы. Мастер слова таким образом с помощью схожего, «намекающего» ИС осуществляет определенный ассоциативный эксперимент, когда выбор номинации указывает на какого-либо уже узнаваемого, хорошо известного «героя-симулякра» с целью изображения и характеристики подобного нового действующего лица или явления в определенных условиях ХК. Все это свидетельствует о дивергентном сознании драматурга, а именно применении метода творческого мышления для решения завуалированных проблем и задач, выражения мастером слова своего авторского видения, реализации основной концепции произведения. Как правило, в произведениях современной драматургии философский подтекст глубоко сокрыт и основательно завуалирован. В поиске множества решений его проявления, прочтения писатель может прибегать к такому ономапоэтическому средству, как выбор суггестивного ИС, способного наводить на мысли и ассоциации, а также обладающего определенным завуалированным семантическим дифференциалом, в целях трансляции драматургом своей индивидуально-авторской концепции.

Понятие суггестивности применительно к проприальным единицам, на наш взгляд, может рассматриваться как в узком, так и широком смысле. В узком понимании этой дефиниции

к суггестивным поэтонимам относятся только те, которые обозначают известных литературных, мифологических персонажей, исторических деятелей прошлого. Это так называемые прецедентные имена (ПИ), или же аллюзивные онимы-переключки, а также широко известные «фоновые» ИС (топонимы, порейонимы, прагматонимы, хрононимы и проч.). Данные номинации могут указывать, намекать на ассоциации, связанные с раскрытием филологического либо социально-исторического контекстов. Однако понятие суггестивности применительно к литературным поэтонимам, по нашим наблюдениям, гораздо шире. Ею в ХК обладает также и ряд индивидуально-авторских имен. В качестве критерия таких возможностей проприальной единицы выступает запрограммированный писателем подтекст, раскрывающий так называемый второй, а иногда и третий план литературного произведения, служащий непосредственно для воплощения идейно-философского замысла драматурга. Благодаря созданию и использованию подобных имен возникает феномен подсказывания, внушения читателю или зрителю намеченных мастером слова идей, взглядов, убеждений, эмоций, настроений и прочих завуалированных эффектов, предназначенных реализовать индивидуально-авторскую задумку. Проявление суггестивных возможностей ИС, безусловно, будет зависеть от уровня эрудиции, осведомленности и образованности, творческого мышления читательской / зрительской аудитории, в сознании которой в результате эффекта внушения могут возникнуть соответствующие ассоциативные коды, позволяющие «вычерпать» из поэтонима заложенный в него драматургом замысел. Но, с другой стороны, в восприятии читателя / зрителя любое ИС из ХК способно обретать субъективный смысл через механизм его «раскодирования», порой совсем не связанный с авторским видением или воплощением идейно-философской доктрины. У каждого может возникнуть собственное понимание онима (информационное, эмоционально-экспрессивное, коннотативное, семантическое, индифферентное и под.), базирующееся на имеющихся социально устоявшихся трактовках. В этой связи речь идет лишь о многочисленных прагматических значениях номинации, а не её суггестивных возможностях.

Пьеса-ремейк является наиболее ярким образцом, содержащим проприальные единицы с суггестивным потенциалом. Именно в 90-е годы XX столетия Е. Гремина активно обращается к классике, создает современные версии хорошо знакомых сюжетов. Возникают ремейки и пьесы, написанные «вокруг» известных произведений или исторических событий. Уже сам заголовок драмы, идеоним «Дело корнета О-ва», – главное ИС – достаточно красноречиво демонстрирует свою суггестивность, прямо указывая, намекая читателю / зрителю на классическое творение И. Бунина, формируя при этом догадку относительно сюжета и темы пьесы. Драма «Дело корнета О-ва» есть ремейк любовного детектива И. Бунина «Дело корнета Елагина». Современный русский драматург довольно свободно обходится с текстом-первоисточником. Заимствуя у классика сюжетную ситуацию (убийство провинциальной актрисы ее любовником, гусарским корнетом, при попытке двойного самоубийства), Е. Гремина домысливает ее и идет дальше: герои пьесы, пристав Кастелли вместе с кухаркой актрисы Лукерьей, находясь в эмиграции в Париже 1927 года, вспоминают подробности скандального дела. Причем главным обвиняемым выступает в драме не несчастный убийца-корнет, как это было в бунинской повести, а «представитель закона» – придуманный автором пристав следственных дел Кастелли, который, как выясняется, был мужем актрисы и стал главной причиной ее самоубийства.

Драма имеет свою парадигму проприальных единиц и наполнена антропоэтонимами (37 %): *индивидуально-авторскими* (ИАИ) – 14 единиц, не считая варианты имен, *прецедентными* (аллюзивными) именами (ПИ) – их 16; а также «фоновыми» номинациями – 50 онимов (63 % ИС). К ИАИ относится класс *автологически* (от *автология* – самословие, т. е. «употребление в поэтическом произведении слов и выражений в их прямом, непосредственном значении» [6, с. 7]) значимых ИС. Это *контекстуальный* антропоэтоним *Корнет* – отапеллятивное имя (ср. *корнет* – «первый офицерский чин кавалерии и войска пограничной стражи дореволюционной русской армии, соответствовавший подпоручик в пехоте, а также офицер в этом чине» [9, с. 105]), образованное посредством онимизации, у которого заглавная буква указывает на то, что он возведен в ранг значимого. Данное название в ХК указывает на социальную принадлежность героя, его род деятельности. Использование такой неаппеллятивной лексики – характерное явление для произведений драматургии и названия персонажей без имени. Все остальные ИАИ, а также ПИ принадлежат к классу *металогически* значимых ИС (*металогия* – выходящий за пределы речи, логики, «употребление в поэтическом произведении слов и выражений в их переносном значении, образом или фигуральном» [6, с. 155]), т. е. они опосредованно, косвенно, метафорически характеризуют персонаж [подробнее: 2, с. 70]. Некоторые из суггестивных ИАИ созвучны по своей

структурной модели с номинациями классической повести И. Бунина «Дело корнета Елагина». Автором создана целая система ИАИ, их вариантов (гипокористик – *Анеля, Мика*, аугментативов – *Сашура*, деминутивов – *Лукерьюшка*), усеченных форм, произносимых на французский манер (*Алекс, Софи, Зизи*). Антропонимы у Е. Греминой весьма узнаваемы: само личное имя *Александр О-в* (корнет С-го гусарского полка) / *Александр / Алекс / Сашура* / апеллатив *Корнет* (у Бунина – *Сашка / Александр Михайлович Елагин*), сочетание апеллатива и фамилии (*корнет О-в и корнет Елагин*), структурная модель фамилии актрисы провинциального театра – *Анна В-ская* по строению тождественна ониму героини детектива И. Бунина – *Мария Сосновская*. Оба автора активно используют модификаты личных имен в зависимости от коммуникативных ситуаций (*Анна / Анеля / Анета и Мария / Маши / Маня*). У Е. Греминой и И. Бунина прослеживается сходство модели фамилий польского происхождения, присвоенных главным героям, на – *ская*, что подтверждается ХК пьесы и повести. Так, актриса *Анна В-ская* неоднократно упоминает о Варшаве (польской столице) [5, с. 192], о том, что она католичка [5, с. 201], прочие детали явно указывают на национальность героини: «Я же актриса, я полька, и вот я открыто живу с русским офицером! Как мне теперь показаться в Варшаве?» [5, с. 203]. Судьбы бунинской героини и героини Е. Греминой похожи. Анна заявляет: «Ты знаешь, из какого ада удалось мне вырваться, что я пережила. <...> Я была сирота, маменька бросила нас, папеньку должны были судить – за растрату казенных денег, <...> но папенька застрелился... Я осталась одна... И тогда...» [5, с. 203]. В тексте И. Бунина находим знакомые мотивы: «Сосновская была чистокровная полька. <...> Отец ее был незначительный чиновник, покончивший жизнь самоубийством, когда ей было всего три года. Мать долго вдовела, потом опять вышла замуж, и опять за мелкого чиновника, и опять скоро стала вдовой...» [4, с. 12, 13]. Фамилия корнета – *О-в* – подчеркивает принадлежность персонажа к русской национальности, а также демонстрирует типичность героя пьесы. По принципу бинарной оппозиции «новый город» – «старый город» создан в современной драме один из «фоновых» ИС – *урбаноним*, указывающий на место, где происходит кульминация действия (убийство актрисы), – *Новгородская улица* (ср. у И. Бунина – *улица Староградская*). Другие авторские ИС, пожалуй, не вызывают ассоциаций в плане номинации, но обрисовывают схожих персонажей: *Лукерья / Лукерьюшка / Луиза Каstellи* (кухарка) – (у И. Бунина – это две героини: *Антонина Кованько*, горничная *Сосновской*, и ее кухарка, *Ванда Линевиц* [4]), *Антон Федорович / Каstellи / Антон Федорович Каstellи* (пристав следственных дел) – (у И. Бунина – прокурор без имени), *Кумиров-Бельведерский* (антрепренер) – (в «Деле корнета Елагина» – два героя: артист *Стракун* и артист *Лисовский*), генерал *Пытавин* – (у классика – генерал *Коновицын*), *Кручина-Орлов* (прапрадед корнета О-ва, генерал-аншеф), *Софи* (кузина), кокетка *Зизи*, *Михаил Ч-в* (поручик Лейб-гвардии Конного полка) / *Мика* также имеют своих прототипов в бунинском сюжете.

Отметим, что у Е. Греминой суггестивны антропонимы не только сюжетных, но и внесюжетных (лишь упоминаемых в ХК) персонажей. Это фамилия антрепренера («содержателя частного зрелищного предприятия (театра, цирка и т. п.) в капиталистических странах» [8, с. 41]) – *Кумиров-Бельведерский* (ср. *кумир* – «перен. Тот, кто (или то, что) является предметом обожания, восторженного поклонения» [9, с. 149], *бельведер* (от лат. *bellus visum* – прекрасный вид) – «вышка, надстройка над домом или небольшая отдельная постройка на возвышенном месте, откуда открывается вид на окружающее пространство» [8, с. 78]). Поэтоним, во-первых, соотносится с родом деятельности персонажа (он является кумиром публики и актеров, поскольку имеет непосредственное отношение к театральной богеме), а во-вторых, антрепренер проходит свидетелем по делу Корнета: «ЛУКЕРЬЯ. Есть свидетели, антрепренер *Кумиров-Бельведерский* из суфлерской будки (косвенно возникает ассоциативная связь с лексемой *бельведер* (место, с которого все хорошо видно. – И.П.) все-все видел, все-все слышал» [5, с. 192]). Оним, присвоенный генералу *Пытавину*, металогически значим, опосредованно указывает на род деятельности и намекает на потенциальный характер персонажа (ср. глагол *пытать* – «подвергать пытке» [10, с. 569], т. е. подвергать кого-либо физическому насилию, истязанию, применяемому при допросе обвиняемого с целью получения от него каких-либо сведений, показаний). Выбор ёмкой в семантико-стилистическом отношении фамилии предка, а именно прадеда корнета О-ва, генерала-аншефа *Кручины-Орлова* ассоциируется с именем фаворита Екатерины II, графа Григория Орлова, который в конце жизни из-за страданий, связанных со смертью своей любимой молодой жены Екатерины Зиновьевой, помешался рассудком и вскоре умер. Используя двойной антропоним, одна из частей которого отчетливо соотносится с апеллативом *кручина* – «народно-поэтич. грусть, печаль, тоска» [9, с. 140], драматург, скорее всего, имеет в виду вышеназванный автобиографический факт

из жизни реального исторического лица генерала Григория Орлова. Кроме того, из исторических источников известно, что в 1764 году именно Григорий Орлов был произведён в генерал-аншефы, т. е. получил высший генеральский чин, который существовал в Российском государстве XVIII века. Присвоение двойной фамилии внесюжетному персонажу свидетельствует о глубокой осведомленности драматурга относительно судьбоносных фактов, касающихся биографии известных деятелей прошлого, скрупулезной работе Е. Греминой при выборе имени с историческими документами, а также делает драму реалистичной и одновременно раскрывает родословную главного действующего лица – корнета О-ва, его принадлежность к военной династии. Ненавязчивое привлечение в ХК документальных фактов – та особенность драматурга, которая уже в начале XXI века приведет Е. Гремину к созданию нового художественного направления в современной драматургии «Театра. дос».

Еще одним проявлением суггестивности онимов в ХК при наречении персонажей и места действия в пьесе является использование их завуалированной формы: корнет *О-в*, актриса *В-ская*, поручик Лейб-гвардии Конного полка *Михаил Ч-в*, уездный *город С.* Так драматург следует традиции А. Чехова, о чем свидетельствует ХК этого и других произведений писателя [7, с. 133].

ПИ и словоупотребления с ними, на наш взгляд, подразделяются на две группы: денотативные и коннотативные, дифференциация которых обусловлена раскрытием социально-исторического или же филологического контекстов [об этом подробнее: 7, с. 133, 134]. К денотативным принадлежит ПИ, которые мастер слова использует в качестве собственно *узальных* ИС с целью отразить историко-культурный фон, хронотоп в произведении (реалионимы *Колчак, Румянцев-Задунайский, Александр Николаевич (царь), граф Толстой, Ренуар с Деги, Бодаяр, Мамонт Дальский, Шиллер, Диоген*), а также дать характеристику персонажу. Так, сам *Корнет*, говоря о себе и оправдываясь перед Лукерьей, замечает, что он «рукоприкладством» не занимается: «Я, Лукерья, графу *Толстому* в Ясную Поляну писал... <...> ... я толстовец в душе» [5, с. 191]. Коннотативные же ПИ могут выступать в качестве экспликаторов идиоматических смыслов, например, в форме *ономастических метафор* («КАСТЕЛЛИ. Пьяница-гусар в припадке животной ревности <...> Вот голые факты, и ни один *Плевако!*») [5, с. 196] – в значении «хороший адвокат», *ономастических метонимий* («КОРНЕТ. Я читал. *Спенсера* и *Ницше* собирался читать...») [5, с. 209] – имеются в виду труды этих философов) и др.

Исследованию «фоновых» номинаций в ономапозитике не уделялось, на наш взгляд, должного внимания при исследовании ХК литературного произведения. Между тем эта группа ИС весьма многочисленна и значима (напомним, в исследуемой драме их 63 %). Данные онимы порой могут выступать в качестве изобразительного средства – ономастической детали. Вкрапление «фоновых» ИС воспроизводит подробности предметного мира (обстановку, местоположение, интерьер), наглядно-образно представляет и характеризует персонажей (их окружение, интересы, увлечения). Все это создает эффект реальности, материальности художественного бытия. Ономастические единицы, введенные автором в ХК, являются источниками и экспликаторами разного рода суггестивной информации – автобиографической, историко-культурной, мифопоэтической, хронотопической и т. д. Для драмы Е. Греминой характерно присутствие «фоновых» онимов с ярко выраженной исторической отнесенностью, что еще раз подтверждает тезис о принадлежности пьесы автора к «ностальгической» драме. Исходя из парадигматического подхода к исследованию «фоновых» ИС, в ХК произведения активно употребляются разные виды топонимов: гидроним *Азовское море*, хоронимы *Белева, Жиздра, Ясная Поляна, Россия / Отечество, Франция*, их разновидность (полисонимы) *Париж, уездный город С., Москва, Рим, Аустерлиц, Севастополь, Петергоф, Варшава, Петербург, Рига, Радом, Вильно, Житомир, Ижевск, Лион, Константинополь, Царьгород*, урбанонимы (адрес в Париже) *рю де Шассе, Новгородская улица*; библеизм *Мать Божья*; астроним *Русское Затмение*, зооним (лошади) гнедой *Ятаган*; эргонимы *Астрономическое общество, ресторан «Масленица русс», отряд «Синяя блуза», Лейб-гвардия, Конный полк, Японская кампания, Николаевское училище, Ижевский пединститут, выставка Салонов*; геортонимы *День Ангела, Новый год, Масленица*, прагматоним *револьвер Лехоше / Лифоше / револьвер системы Русский Лифоше*; хрононимы *Первая мировая война, Век Науки, Век Философии, Век Свободы*, идеонимы «*Дело корнета О-ва*», «*У жизни в лапах*» и др. В ХК идет явное противопоставление русской топонимической лексики, геортонимов, эргонимов и французских номинаций. Бинарная оппозиция «свой – чужой» служит замыслу драматурга, передает ностальгическое настроение русских эмигрантов, находящихся во *Франции*, вдали от *России / Отечества* при переосмыслении ими пережитых некогда на родине событий. Пристав Кастелли, став эмигрантом и проживая в Париже, открыто демонстрирует свое пренебрежение ко всему французскому: «Ну и город! Что за город! Верно говорят: плохо здесь человеку. Темный, грязный, низменный город. <...>

Обожаю здесь бросать бумажки. Пачкать этот проклятый город. Нет уж верно говорят: гаже *Парижа* – только *Рим*» [5, с. 189, 190]. И вместе с тем ностальгирует по России: «...Я ненавижу этот французский язык. Одно это носовое подвывание, это щебетание протivoестественное. А ведь учил когда-то французский, <...> все это было, было, в *Петергофе* при *Александре Николаевиче* светлой памяти» [5, с. 190]; «... Я сам по матери немец, по одной бабке француз, в *Петергофе* родился. <...> И *Крым* и *Рим* повидали, как говорится <...> это же наш, наш *Константинополь*! Наш исконный город. Наши князья еще в десятом веке... «Твой щит на вратах *Царьграда*» ... Знаешь, о чем это? *Царьгород*! Понимаешь, наш *Царьгород*! Все профукали, а тебе и невдомек!» [5, с. 199]. Вспоминают Лукерья и Каstellи и русскую *Масленицу* «с битками» [5, с. 199]. Вся сюжетная ситуация в пьесе прочитывается как предзнаменование глобальных катастроф, поскольку люди ждут солнечного затмения (*Русского Затмения*), назначенного на август 1914-го. Это не позволяет читателю / зрителю забыть, какая катастрофа начнется в августе 1914-го (начало Первой мировой войны) и чем она закончится. Астроним *Русское Затмение* выступает в качестве символа зловещих для России перемен.

«Фоновые» онимы часто воспроизводят факты биографии героев пьесы. Например, пристав Каstellи, оказывая психологическое воздействие на Корнета, саркастично упрекает его в случившемся, намекая на утраченные перспективы и утерянную возможность сделать блестящую карьеру: «И – мальчишка-корнет, аристократишка, такая семья, и *Николаевское училище*... А?» [5, с. 197]. Актриса Анна В-ская, по словам Лукерьи, увидев в карете «электрические фонарики сами собой горят, барышня прямо в восторг пришли. Как в *Варшаве*, мол, барышня в ладошки хлопала даже» [5, с. 192]. Данный полисоним не только указывает на польское происхождение героини, но и ее ностальгию по родине, радость от каких-то самых обычных вещей, напоминающих ей о доме.

Заключение

Таким образом, в переходный период становления русской драматургии Е. Гремина обращается к чужому сюжету, используя при этом комплекс суггестивных ономапоэтических средств, позволяющих четко соотносить основных героев драмы с известным классическим сюжетом: подбор идентичных и схожих по структуре ИС, а также их вариантов, следование чеховской традиции при номинации персонажей, применение узуальных реалионимов для воссоздания историко-культурного фона, фактов биографии, а также автологически и металогически значимых ИС для исчерпывающей обрисовки героев драмы, ПИ, эксплицирующих идиоматические и паремиологические смыслы. Ономапоэтические «фонные» единицы также участвуют в передаче авторского замысла, способствуют формированию содержательно-смысловой структуры художественного произведения, взаимодействуют с другими компонентами текста, играют роль ключевых элементов в драме. Автор, используя «фонные» ИС, стремится, прежде всего, к эмоциональному воздействию на читателей / зрителей, создает определенные ассоциативные ряды, пытается отразить пространство и время изображаемых событий, воспроизвести совершенно уникальный, особенный хронотоп, одновременно подчеркивающий замкнутость и в то же время безграничность мира драматургических героев.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Громова, М. И. Русская современная драматургия : учеб. пособие / М. И. Громова. – М. : Издательство «ФЛИНТА», 2013. – 442 с.
2. Петрачкова, И. М. Своеобразие онимических средств в драматургических текстах театра абсурда Дмитрия Липскерова / И. М. Петрачкова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2021. – № 1. – С. 64–76.
3. Англо-русский учебный словарь Collins COBUILD : в 2 т. – М. : Астрель : АСТ, 2006. – Т. 2 : M–Z. – 1500, [4] с.
4. Бунин, И. А. Дело корнета Елагина [Электронный ресурс] / И. А. Бунин // Собр. соч. : в 6 т. – М. : Художественная литература, 1988. – Т. 4. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/>. – Дата доступа: 27.11.2021.
5. Гремина, Е. А. Дело корнета О-ва / Е. А. Гремина, М. Ю. Угаров // Пьесы и тексты : в 2 т. – М. : ООО «Новое литературное обозрение», 2019. – Т. I. – С. 189–216.
6. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.

7. Петрачкова, И. М. Антропонимы в «ностальгической» драме Елены Анатольевны Греминой «Сахалинская жена»: структурно-семантический, полевой и прагматический аспекты / И. М. Петрачкова // Науч. и произв.-практический журн. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Изв. – 2021. – № 4 (127). – С. 129–137.

8. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1 : А–Й. – 696 с.

9. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1986. – Т. 2 : К–О. – 736 с.

10. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1987. – Т. 3 : П–Р. – 752 с.

Поступила в редакцию 28.03.2022

E-mail: innamihail@mail.ru

I. M. Petrachkova

SUGGESTIVITY OF POETONYMS IN THE DRAMA-REMAKE
BY HELENA ANATOLYEVNA GREMINA “CASE OF CORNET O-VA”

The article is devoted to the study of proper names, functioning in the drama of the late twentieth century “The Case of the Cornet O-va” by H. A. Gremina. The main criteria for such a phenomenon as the suggestiveness of proprietorial units, which is a characteristic of modern theater plays, are determined. On the basis of qualitative and quantitative parameters, there is a relationship between the suggestiveness of names and the embodiment of the author's concept, the disclosure of deep, not directly observable meanings of nominations, which are a combination of inter- and intra-text relations and processes.

Keywords: proprietorial unit, onym, suggestiveness, onomapoetic space, modifier, poetonym, precedent name.

УДК 81'255.4

Е. А. Ревуцкая

Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры белорусского языка и литературы УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД КАК СОТВОРЧЕСТВО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ВАЛЕРИЯ АКОПОВА ИЗ МАРИИ ПАВЛИКОВСКОЙ-ЯСНОЖЕВСКОЙ)

В статье сообщаются результаты изучения поэтического перевода как сотворчества с автором на примере концептуальной метафоры ГОРОД – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО в поэтических циклах «Париж» (Paryż, 1929) и «Дома в городе» (Kamienice, 1932) польской поэтессы Марии Павликовской-Ясножевской (1891–1945) в переводе поэта и художника Валерия Аكوпова (1939–2020). Цель исследования – выявление языковой образности, определяющей своеобразие переводческого толкования оригинальной концептуальной метафоры. Сопоставление оригинальной метафоры с ее русским переводом позволило показать, что образность, созданная переводчиком, обогащает толкование оригинального поэтического текста.

Ключевые слова: поэтический перевод, концептуальная метафора, языковая образность, Мария Павликовская-Ясножевская, Валерий Аковоп.

Введение

В современной лингвистике наиболее результативным признается такой анализ художественного текста, при котором ни один его элемент не считается случайным, даже если предстает «как функция от иных обстоятельств замысла»: следует полагать, что «выбор [каждого элемента] свободен и потому значим» [1]. Поэтому сегодня, во многом благодаря достижениям когнитивных направлений в науке о языке, в центре внимания исследователей оказывается не словарное значение слова, но итог интерпретирующей деятельности субъекта познания. Представляя собой «отклик на предшествующий языковой опыт человека», познание «расширяет значение [слова], оставляя возможности для сотворчества, домысливания» [2, с. 152]. Это определяет актуальность когнитивного анализа художественного перевода, требующего не только пристального внимания к значению, но и особой чуткости к ассоциативной атмосфере, окружающей каждое слово.

В свою очередь, по мысли авторитетного теоретика перевода М. Балляра, перевод непременно существует в множественности – множественности толкования и письма, поскольку за переводческой деятельностью стоит человек со своим восприятием мира [3, с. 18]. Когнитивный анализ поэтического текста выполняется в методологических рамках теории концептуальных и образных схем и моделей (Е. Семино, К. Аренс), когнитивной поэтики (М. Фримен, И. А. Тарасова), но сопоставление оригинала и перевода является менее разработанным направлением в когнитивных исследованиях языка. В этих условиях изучение переводческой образности как продукта «воплощенного» мышления становится насущной задачей когнитивного переводоведения. Наконец, когнитивное обоснование метафоры не как оборота речи, но как варианта мысли позволяет рассматривать метафорическую модель как единицу не только познания, но и творчества. Это обуславливает цель статьи – выявление языковой образности, определяющей специфику переводческого толкования концептуальной метафоры ГОРОД – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО в поэтических циклах «Париж» (Paryż, 1929) и «Дома в городе» (Kamienice, 1932) польской поэтессы Марии Павликовской-Ясножевской (1891–1945) в переводе поэта и художника Валерия Аكوпова (1939–2020).

Методы и методология исследования

Методологическую основу исследования составляет теория литературных универсалий (З. Ковечеш), к числу которых следует относить концептуальную метафору ГОРОД – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО. При этом, как известно, установление концептуальной метафорической модели возможно лишь на базе выявленной языковой образности (Е. Семино). Поэтому сопоставительный анализ оригинальных поэтических текстов и их русских переводов выполнен согласно универсальной процедуре идентификации метафоры (Дж. Г. Стейн), позволившей определить

образные словоупотребления. Универсальный метод идентификации метафоры опирается на данные толковых словарей и требует пошагового анализа контекстуального значения всех знаменательных слов текста перевода. Контекстуальное значение слова сравнивается при этом с его базовым словарным значением. В качестве справочных словарей были использованы Новый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [4] и Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [5]. Поставленная цель обусловила сочетание универсальной процедуры идентификации метафоры с приемами сопоставительного, контекстуального и культурологического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное исследование показало, что богатый языковой, культурный, эмоциональный опыт переводчика – основа «сотворчества» с автором. Пейзажист и литератор Валерий Акопов (1939–2020) был поэтом и художником города, сохранившим в рисунках и очерках старый Киев. В одном из интервью он объяснял, что «старые дома замышлялись, росли, существовали и умирали» [6], не делая различия между душой города и душой человека. Действительно, его «Сантиментальные прогулки по старому Киеву» по своей метафоричности ближе поэзии, нежели эссеистике. Главный герой книги – старый город – обретает сознание, а дома и улицы живут и чувствуют наравне с горожанином, постигающим их «характер»: «Я стою в самом верху Андреевского спуска... Тротуар уползает от меня на четвереньках в неглубокую тень... Передо мной, закрывая перспективу, тесно сбежались дома: они перегородили улицу, почему-то не желая пускать меня на Подол, но я упрямо продолжаю двигаться вперед и вниз, и их сомкнутые ряды нехотя ползут в сторону... Навстречу мне выбегают два деревянных домика. Первый из них, резной и с крыльчком, с балконом на деревянных столбах – от природы немного застенчив; он потупляется и слегка отворачивает лицо. Второй весь ноздреват от старости и костист. Он держится прямо из последних сил...» [7, с. 48, 49].

Автор очерка уподобляет город своему спутнику: по Андреевскому спуску, «взявшись за руки, осторожно спускаются вниз двух-трехэтажные дома» [7, с. 51], а исчезнувший Фроловский переулок шагает с рассказчиком в ногу, «переводя дыхание в промежутках» [7, с. 71]. Поэт и художник, Акопов «внемлет» истории города с особой чуткостью. Так, в его оригинальных стихах память и устремления обретает Днепропетровск 50-х годов прошлого столетия: «Вчерашний мир, и день позавчерашний. / Приметы ископаемого быта. / Возносится до блеклого зенита / кирпичный столб водонапорной башни» [8]. Поэтому среди его переводов из Марии Павликовской-Ясножевской (1891–1945) особую исследовательскую ценность представляют «Дома в городе» (1932).

Мария Павликовская-Ясножевская – выдающаяся европейская поэтесса XX столетия, но, по мысли Владимира Британишского, «поэтесса очень польская, более того – очень краковская» [9, с. 3]. В «Домах в городе» она показывает иной Краков – не древнюю столицу Польши и центр светской и культурной жизни межвоенного двадцатилетия, но город «консервативный, ханжеский, мещанский» [9, с. 8]. Обретающие человеческий облик дома – ни кто иной, как краковские обыватели:

(1) *Kominy: wieże krótkie, dymiące, bez wiary – / Rynny: przewlekle blachy, w których czas się pluszcze, / i balkon: smętne gniazdo dla chorych i starych, / wyścielone wilgocią, przystrojone bluszczem* [11, s. 4]. ‘Короткие дымные трубы – как башни без цели и склада. / И труб водосточных корыта, где плещутся дни и недели. / И грустные гнезда балконов, пристанище старых и слабых, / с чугунной могильной решеткой, с подкладкой из плесневой цвели’ [9, с. 78].

Критики-современники Павликовской-Ясножевской отмечают стремление поэтессы постичь «тайну уничтожения, распада, исчезновения» – в ней заключен смысл ее поэтических исканий, поскольку «нет бытия, если нет смерти» [10, с. 157]. Краковские дома слепы («стекло незрячие бельма»), их окна уподоблены невидящим глазам покойных (*martwe oczy* ‘мертвые глаза’).

Обратим внимание на то, что стих в глазах Акопова-художника был равноценен «таинственно-живому» рисунку тушью и пером, но не фотографии – «жизни, обращенной в камень» [6]. Поэтому, одушевляя городские дома, переводчик верен смыслу, но не букве оригинала:

(2) *Na gankach krzywi Żydzi z worami się wloką, / jęczą: handel! i kaszłą w zzieleniałej sieni. – Noc latarnię księżycą podnosi wysoko / i świeci w martwe oczy nieboskich kamienic* [11, s. 4]. ‘Кривые евреи с мешками пронзительно стонут: торговля! – / и кашлем заходятся резким, вползая в прогнившие сени; / ночь лампу луны поднимает и светит на ржавые кровли, / на стекло незрячие бельма, на черные плиты ступеней’ [9, с. 79].

Но разбор следующей строфы показывает, что в переводе город может быть «одушевлен» даже в большей мере, нежели в оригинале. Дома мещан уподоблены сфинксам – «безголовым»

(Павликовская-Ясножевская), но также «немым» и «жалким» (Акопов). Концепт краковского дома расширяется благодаря точным эпитетам переводчика:

(3) *Wśród tych myśli zwapniałych, / tych sfinksów bez głowy, / wiosna niepostrzeżenie jawi się i znika, / deszczem się tylko znacząc / ciężkim, jowiszowym, / którego złoto chłoną cytryny śmietnika* [11, s. 4, 5]. ‘Среди этих **сфинксов** кирпичных, / **немых, безголовых и жалких**, / весна проявляется смутно, как призрак без формы и веса, / дождем обозначившись только, / грохочущим ливнем Зевеса, / чье золото **жадно глотают лимонные корки** на свалке’ [9, с. 79].

Осмысление мещанского дома как живого существа – дряхлого старца – становится в переводе следующей строфы еще более объемным по своему содержанию, нежели в оригинале:

(4) *Migotały spojrzenia nieśmiałe, zawile, / trzech pięter jak trzech starców, wśród zgorzenia troski* [11, s. 5]. ‘И **три этажа**, как три старца, **глазели мучительно-плотски, / скрывающая бессильную жажду брезгливой, нахмуренной миной**’ [9, с. 80].

Если «дома в городе» наделяются плотью и кровью, то горожане, напротив, получают в поэтическом воображении Павликовской-Ясножевской черты зверей, птиц, морских чудищ. Так, в четвертой части цикла «Париж» (1929) подобный облик обретают жрицы любви и студенты – и те, и другие являются символами французской столицы не в поэтическом, но в обыденном сознании:

(5) *W wyspaną na trotuar gorącą kawiarnię, / tłum ponurych studentów wpływa jak rój gacków. / Wśród niezmiernych przestrzeni, / oświetlonych marnie, / ćmy nocne, z twarzą w futrze, błędzą po omacku* [12, s. 3]. ‘Как **рой мышей летучих**, спешат **студенты** влиться / в кафе на тротуаре, светящееся теплым. / А **мотыльки ночные**, / с белилами на лицах, / блуждают в беспредельном пространстве полутемном’ [9, с. 72].

В двенадцатой и тринадцатой частях рассказчица обращается к своей героине – «маленькой рыбка», испугавшейся «акул и сепий». Рассказчица советует плыть туда, «где ниже волна, где меньше мера», возвращаться в родную Польшу – «под сень широкой, зеленошумной липы»:

(6) *Z falujących bulwarów patrzą oczy lśniące. / Czy chcesz wpaść sepij w ręce? / Zbratać się z polipem? / Jeśli nie, to uciekaj po francuskiej łące / do domu, pod szeroką, pod szumiącą lipę... / Płyń daleko, gdzie życie ciasne jest i ciche, / mała rybko, zgubiona wśród rekinów mnóstwa* [12, s. 6]. ‘Хотите на бульварах и в переулках узких / со **спрутом** побрататься, / подладиться к **полипу**? / Ах, если нет, бегите вы по лугам французским / домой, под сень широкой, зеленошумной липы. / Плыви туда, где ниже волна, где меньше мера, / ты, **маленькая рыбка** среди **акул и сепий**’ [9, с. 74].

Перевод Акопова, множащий число морских чудищ, помогает прочесть творческий замысел поэтессы, желавшей подчеркнуть «земную хищность» жителей большого, чужого города, где лирической героине «все дорого и чуждо, как крокодила кожа» [9, с. 73–75]. В то время как горожане предстают опасными хищниками, обитатели мира иного – утопленницы Сены и химеры Собора Парижской Богоматери – оказываются в седьмой части не столько символами французской столицы, сколько живыми существами, на протяжении уже нескольких столетий охраняющими «памяти ворота»:

(7) *Topielice Sekwany gwizdzą „Hallelujah“, / nowy fox-trott, na falach huśtane łagodnie. / Na Notre Dame demony pod niebem warują, / i patrzą w dół na Paryż* [12, s. 4]. ‘**Утопленник** на зыби трясется в ритм фокстрота, / **химеры** на соборе несут под небом стражу, / как сна иероглифы, как памяти ворота, / и смотрят вниз на город’ [9, с. 73].

Париж «ревущих двадцатых» – шумный, многолюдный, не похожий на родной Краков – уподоблен в девятой части муравейнику:

(8) *Czarną, pośpieszną, smutną, nieważną hordą, / tratuje mnie tłum ludzi, / brzydki jak mrowisko* [12, s. 5]. ‘Толпа на тротуарах толчется зло и тупо, / рекламы пламенеют / на небе цвета вишни’ [9, с. 73].

Образ города-муравейника, тем не менее, не сохраняется в переводе, оказываясь менее существенным, нежели представленное в шестой части видение чужого города как «беспредельного пространства», пустоты, неизвестности:

(9) *Na Place de la Concorde, w obszarze nirwany, / tysiąc latarni płonie pogrzebowem złotem. / Jak obcy anioł, wiezie mnie szofer nieznany, / przez pustkę, / przez to wszystko co będzie i potem...* [12, s. 4]. ‘На площади Согласья, в районе **тмы и тайны**, вечерней позолотой огни горят вполсилы. / Везет, как чуждый ангел, меня шофер случайный / сквозь **пустоту**, сквозь что-то, / что будет и что было...’ [9, с. 72].

При этом время осмысляется рассказчицей как пространство, которое лирическая героиня пересекает в автомобиле – шофер-ангел везет ее «сквозь пустоту, сквозь что-то, что будет и что было». Отметим, что перевод, в противовес оригиналу, включает в «пространство времени»

не только неведомое грядущее, но также бурное прошлое незнакомого города, явленное лирической героине «в районе тьмы и тайны» – на площади Согласия. Изменение субъектно-объектных отношений предполагает не только становление города как живого существа, но и пространственный характер образа лирической героини как «мельчайшей из вселенных». Такое осмысление образа героини, кроме того, соединяет в себе временное и пространственное измерения. Так, в третьей части поиск значений снов в купленном у букинистов любовном соннике заранее обречен на неудачу, поскольку сердце – метонимический символ души – «сжалось, как выдох»:

(10) *Z ciężkiem sercem pójdę brzegiem Sekwany – / kupię w kramikach sztychy i sennik miłosny, / lecz znaczenia snów moich, / wczoraj pożegnanych, / nie znajdę w nim* [12, s. 3]. 'Куплю с тяжелым сердцем и сжавшимся как выдох, / я сонник в темной лавке на набережной Сены, / но снов моих значенье, / **вчера еще забытых**, / я не найду' [9, с. 75].

В переводе Акопова магазинчик на набережной Сены оказывается «темной лавкой», где уже не найти стихов, а можно лишь попробовать поискать толкования снов о любви. Кроме того, в тексте Акопова можно выявить не только знаки разлада лирической героини с атмосферой чужого и вместе с тем завораживающего города, но и приметы рассогласования идентичностей героини и рассказчицы. Так, четырнадцатая часть представляет собой пример камеи – неожиданного и краткого появления автора в «кадре» собственного произведения:

(11) *W „Aubert Palace“, w „Gaumont“, w „Paramount“, w „Cameo“ / pary wciąż się całują. / Któż to mógł przewidzieć? / Muzyka dyryguje. Ja jedna, o wstydzie, / samotnym tym profilem świecę jak kameę* [12, s. 4]. 'В ночных кинотеатрах не смотрят на экраны; / целуются в «Гомоне», в «Паласе» и в «**Камее**». / Кто это мог предвидеть? / Лишь я одна – как странно! – / маячу одиноко в пустых рядах скамеек' [9, с. 74, 75].

В переводе камея как появление автора оказывается «замаскированной» избирательностью переводческого осмысления, отсылающего к знаменитому кинозалу на Больших Бульварах и к собственно становлению «седьмого искусства» (цикл «Париж» создан в год прихода на французские экраны звукового кино). Не позволяя рассказчице «появиться в кадре», переводчик сосредотачивается на одиночестве лирической героини, чей профиль более не уподоблен камее, но лишь белеет «в пустых рядах скамеек». В переводе же последней – семнадцатой – части отождествление человека с миром природы переходит от уровня сравнения на уровень синестезии, в котором взгляды прохожих – уколы веток шиповника, а весенние листья – платья юных парижанок:

(12) *A wokoło czarne oczy, gorące rozkazy, / i wiosna prostą ścieżką prowadzącą w trans* [12, s. 8]. 'А все вокруг пылает и плавится как в топке: / **глаз черные уколы и юных листьев шелест**' [9, с. 75].

Заключение

Таким образом, концептуальная метафора ГОРОД – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО была установлена в оригинальных текстах Акопова – эссе [7] и поэзии [8]. Константный характер данной образной модели предопределяет и смысловое развитие, которое она получает в переводах из Марии Павликовской-Ясножевской. Так, смысловое развитие анализируемой концептуальной метафоры выявлено в 8 из 12 разобранных выше фрагментах поэтического перевода. 5 случаев смыслового развития из 8 представлены собственно метафорическими словоупотреблениями (1; 2; 3; 4; 7), 2 – метонимией (10; 11), 1 – синестезией (12). Эти данные позволяют заключить, что пространство Парижа более мифологизировано, пространство Кракова более консервативно в переводах Акопова, нежели в оригинальных поэтических текстах Павликовской-Ясножевской. Мифологизация Парижа как «чужого» пространства соплагается не только с приверженностью переводчика городу-собеседнику в оригинальных очерках и стихах, но и со значимостью дихотомии «родной город – чужой город», отражающей замысел поэтессы.

Смысловое развитие оригинальной концептуальной метафоры ГОРОД – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО в поэтическом переводе находит свое объяснение в специфике художественного мировосприятия поэта-переводчика. Данный вывод является новым по сравнению с традиционным представлением о переводе как о тексте, тождественном и равноценном оригиналу. Кроме того, сделанный вывод может развивать альтернативное направление в переводоведении, обоснованное еще в 1929 году Борхесом и оспаривающее тезис о неизбежности переводческих потерь [13; 14]. Проанализированные переводческие решения, сохраняющие оригинальную концептуальную проекцию, верны оригинальному осмыслению городского пространства, вместе с тем расширяя читательское толкование города как субъекта, взаимодействующего с лирической героиней.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зельдович, Г. Грамматическая гипербола Марины Цветаевой, грамматическая литота Бориса Пастернака: поэзия глазами лингвиста [Электронный ресурс] / Г. Зельдович, Ю. Пионтковская // Text only. – 2009. – Вып. 28 (1). – Режим доступа: <http://textonly.ru/case/?article=28976&issue=28>. – Дата доступа: 12.02.2002.
2. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Ин-т народов России ; под общ. ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 147–165.
3. Ballard, M. L'unité de traduction, revue et corrigée / M. Ballard // Вестн. ИГЛУ. Сер. Филология. – 2008. – № 4 (4). – С. 17–22.
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/>. – Дата доступа: 12.02.2022.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1992. – Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar/>. – Дата доступа: 12.02.2022.
6. Ермаченкова, Е. Старый Киев Валерия Акопова [Электронный ресурс] / Е. Ермаченкова // День. – 2007. – 16 нояб. – Режим доступа: <https://day.kyiv.ua/ru/article/kultura/staryy-kiev-valeriya-akopova>. – Дата доступа: 12.02.2022.
7. Акопов, В. Подол. Сантиментальные прогулки по Старому Киеву / В. Акопов. – Вильнюс–Киев, 1991. – 87 с.
8. Акопов, В. Из-за черты [Электронный ресурс] / В. Акопов // Хрещатик. – 2017. – Вып. 76 (2). – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2017/2/iz-za-cherty.html>. – Дата доступа: 12.02.2022.
9. Павликовская-Ясножевская, М. Стихи / М. Павликовская-Ясножевская : пер. с пол. / сост. и предисл. В. Британишского. – М. : Художественная литература, 1987. – 144 с.
10. Кулаковский, С. Мария Павликовская / С. Кулаковский // Современные польские поэты в очерках Сергея Кулаковского и в переводах Михаила Хороманского. – Берлин : Петрополис, 1929. – С. 155–159.
11. Pawlikowska-Jasnorzewska, M. Surowy jedwab / M. Pawlikowska Jasnorzewska. – Warszawa : Księgarnia F. Hoesicka, 1932. – 28 s.
12. Pawlikowska-Jasnorzewska, M. Paryż / M. Pawlikowska-Jasnorzewska. – Warszawa : Księgarnia F. Hoesicka, 1929. – 34 s.
13. Borges, J. L. Dos maneras de traducir / J. L. Borges // Textos recobrados 1919–1929. – Buenos Aires : Emecé ediciones, 1997. – P. 256–259.
14. Gabastou, A. Des vertus de l'infidélité en traduction / A. Gabastou // Le Magazine Littéraire. – 2012. – № 520. – P. 74–75.

Поступила в редакцию 19.04.2022

E-mail: alena.revutskaya@tut.by

A. A. Revutskaya

POETRY TRANSLATION AS CO-CREATION: A CASE STUDY OF MARIA PAWLIKOWSKA-JASNORZEWSKA'S POETRY TRANSLATED BY VALERY AKOPOV

The article investigates poetry translation as co-creation studying the case of the conceptual metaphor CITY IS A HUMAN in “Paryż” (1929) and “Kamienice” (1932) created by the Polish lyric poet Maria Pawlikowska-Jasnorzewska (1891–1945) and translated by the poet and artist Valery Akopov (1939–2020). The article aims at revealing the linguistic figurativeness determining the translator's interpretation of the original conceptual metaphor. Comparing the original metaphor to its Russian translations, the article shows that the translator's figurativeness enriches the interpretation of the original poetic text.

Keywords: poetry translation, conceptual metaphor, linguistic figurativeness, Maria Pawlikowska-Jasnorzewska, Valery Akopov.

УДК 811.162.1'42'25:929*Б. Шварцман-Чарнота

Г. В. Сериков

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры довузовской подготовки и профориентации, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

ВОЗВРАТНЫЕ МОДЕЛИ В ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ Б. ШВАРЦМАН-ЧАРНОТЫ

*В статье выявляются предпосылки употребления и построения возвратных моделей в переводном тексте Беллы Шварцман-Чарноты, как глагольных, так и именных, зафиксированных в её авторизованном переводе романа Григория Кановича «Парк евреев» с русского языка на польский; вводятся понятия «интродуктор» и «жесткая постпозиционная структура» для одной из моделей возвратного глагола. В статье отражена частотность употребления возвратных форм, построенных по моделям контактной и дистактной пре- и постпозиции энклитики *się*, отмечается её относительно свободное и связанное место в структуре фразы и предложения, выделяются подтипы модели с дистактной препозицией, акцентируется внимание на возвратных существительных и способах их перевода на польский язык с русского.*

Ключевые слова: бивалентность, дистактная постпозиция, интродуктор, контактная постпозиция, энклитика, контактная препозиция, дистактная препозиция, возвратное местоимение, возвратные глаголы, жесткая постпозиционная структура.

Введение

Одной из особенностей современной польской грамматики является широкое функционирование возвратных моделей с разнообразными комбинациями возвратного местоимения *się* в их структуре, обусловленными относительно свободным функционированием данной энклитики в устной и письменной речи поляков, в частности, раздельным написанием её с соответствующими глаголами. В контексте анализа возвратных глагольных и именных моделей польского языка, о которых была речь в одной из предыдущих публикаций [1], нельзя обойти вниманием особенности перевода последних с русского языка на польский. Одним из очередных источников тематического исследования является перевод романа Григория Кановича «Парк евреев» [2] с русского языка на польский известной варшавской переводчицей еврейского происхождения Беллой Шварцман-Чарнотой, родившейся в Узбекистане и усвоившей в качестве первого (родного) языка идиш и только позже – русский и польский соответственно, выбравшей местом постоянного проживания Польшу [3].

Данный перевод Беллы Шварцман-Чарноты [4] следует отнести к разряду авторизованных переводов, который она выполняла весьма вольно, часто игнорируя и опуская некоторые фрагменты, трудно поддающиеся точному художественному переводу с русского языка на польский человеком, для которого польский язык не является родным. С этой точки зрения весьма любопытным представляется построение (употребление, выбор) переводчицей возвратных моделей с традиционно постпозиционным и относительно свободным местом энклитики *się*. Следует отметить также, что русскоязычные соответствия, приведённые в иллюстрационном материале настоящего исследования после польскоязычных примеров, являются фрагментами исходного русскоязычного авторского текста Г. Кановича, а не точным переводом автора статьи.

Цель данного исследования – установление наиболее частотных возвратных моделей в польском переводе русскоязычного текста, выявление предпосылок и закономерностей построения указанных аналитических моделей в речи переводчика, не являющегося природным носителем польского языка.

Методология исследования опирается на научную обработку языкового материала с использованием описательного, компаративного и статистического методов.

Результаты исследования и их обсуждение

Энклитическая форма местоимения *себя* – *ся*, издревле известная истории славянских языков и превратившаяся в возвратную частицу, или постфикс *-ся* (*тыć się* → *мыться*, *uśmiechać się* →

улыбаться, *zachwycić się* → *восхищаться* и др.), до последнего времени используется в польском языке наряду с полной формой в качестве полноправного возвратного местоимения, занимающего в синтаксическом отрезке определённое место, обусловленное традициями построения устной фразы и некоторыми правилами оформления её на письме. В исследуемом произведении объемом 304 стр. выявлено 1943 возвратные модели с местоимением *się*, т. е. в среднем на 1 стр. приходится 6,39 данных конструкций. Контактная глагольная модель «**V + się**» (**V** – от *lat. verbum* ‘глагол’), как наиболее частотная и традиционная в польском синтаксисе вообще, является самой распространённой и в исследуемом тексте, она использована в переводе 1234 раза, т. е. составляет 63,51 % всех употреблений.

Для наглядности представим частотность употребления всех выявленных конструкций в таблице 1.

Таблица 1 – Частотность употребления моделей

Модель	Количество раз	%
Контактная постпозиция « V + się »	1234	63,51
Контактная препозиция « się + V »	330	16,98
Дистактная препозиция « się + n¹ + V »	135	6,94
Причастия	71	3,65
Дистактная постпозиция « V + n¹ + się »	49	2,52
Деепричастия	49	2,52
Дистактная препозиция « się + n¹ + n² + V »	37	1,90
Возвратные существительные	16	0,82
Бивалентные	16	0,82
Дистактная препозиция: « się + n¹ + n² + n³ + V »	9	0,46
Дистактная препозиция: « się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + V »	1	0,05

Наиболее распространённая модель контактной постпозиции «**V + się**» реализуется в данном переводном тексте [4] в сочетаниях с глаголами, употреблёнными в разных временах и наклонениях со следующими значениями:

1) ‘казаться’: *wyda się ważna* [4, с. 171] – *так уж важна* [2, с. 420]; *wydaje się* [4, с. 15] – /нет в оригинале/ [2, с. 277]; *wydaje się* [4, с. 21] – *кажется* [2, с. 282]; *wydaje się bardziej pociągające* [4, с. 289] – *кажется притягательней* [2, с. 529] и т. п., всего **38** случаев;

2) ‘бояться’ / ‘не бояться’ / ‘опасаться’: *bali się służby wojskowej* [4, с. 320] – *боявшиеся воинской службы* [2, с. 559]; *bał się Chazina* [4, с. 195] – *опасался Хазина* [2, с. 442]; *bał się na nią spojrzeć* [4, с. 79] – *боялся поднять на неё глаза* [2, с. 336] и т. п., всего **25** случаев;

3) ‘стараться’: *stara się przekrzyczeć* [4, с. 309] – *перекрикивает* [2, с. 548]; *staraj się zasypiać* [4, с. 193] – *засыпай при свете* [2, с. 440]; *staral się domyślić* [4, с. 44] – *силится угадать* [2, с. 303]; *staral się je odrzucić* [4, с. 238] – *старался отбросить* [2, с. 482] и т. п., всего **23** случая;

4) ‘появляться’ / ‘возникать’: *pojawi się ogromny берет* [4, с. 128] – *появится необъятный берет* [2, с. 380]; *pojawi się przed wiosną* [4, с. 192] – *до весны не появится* [2, с. 439]; *pojawi się tutaj* [4, с. 160] – *появится сюда* [2, с. 409]; *pojawią się w twoich myślach* [4, с. 21] – *приходит тебе на ум* [2, с. 282] и т. п., всего **21** случай;

5) ‘удастся’ / ‘не удастся’: *da się coś odczytać* [4, с. 313] – *можно ли вычесть* [2, с. 552]; *da się naprawić* [4, с. 159] – *всё восстановится* [2, с. 409]; *dał się słyszeć sygnał* [4, с. 248] – *прозвучал сигнал* [2, с. 492]; *nie da się dobrać klucza* [4, с. 25] – *ключа не подберёшь* [2, с. 286] и т. п., всего **18** случаев.

Модель обратной комбинации, т. е. контактной препозиции «**się + V**» встречается в рассматриваемом переводном произведении [4] в 330 эпизодах, или в 3,7 раза реже, чем контактной постпозиции «**V + się**». Это глаголы со значениями:

1) 'творилось', 'случилось': *co się działo* [4, с. 93] – что происходило [2, с. 349]; *co się dzieje* [4, с. 76] – что творится [2, с. 333]; *co się dzieje ze światem* [4, с. 179] – что творится с миром [2, с. 427]; *co się stało* [4, с. 109] – что случилось [2, с. 364] и т. п., всего **13** случаев. (Как можно заметить, в вышеприведённых примерах интродуктором (от *лат.* *introductor* 'вводящий'), т. е. вводной, «начинающей» лексемой в данной модели является местоимение *co* 'что');

2) глаголы со значением 'бояться' (*bać się*) в модели «*się + V*» представлены немногочисленными (5 случаями) против 25 употреблений в модели «*V + się*» (см. выше): *ja się bałam* [4, с. 30] – я боялась [2, с. 291]; *ja się boję* [4, с. 58] – мне страшно [2, с. 318]; *jakbyś się bał, że nie wrócę* [4, с. 318] – будто боишься, что не вернусь [2, с. 557]; *śmierci się boisz* [4, с. 234] – смерти боишься [2, с. 478]; *tak się bałam* [4, с. 266] – но я боялась [2, с. 509].

Интродукторами для конструкции «*się + V*» в анализируемом переводе также являются:

1) глагол *chcieć* 'хотеть': *chciał się dowiedzieć* [4, с. 269] – ему хотелось узнать [2, с. 511]; *chciał się wdać w rozmowę* [4, с. 111] – разведёт тары-бары [2, с. 365]; *chciał się zasłużyć* [4, с. 102] – желавший выслужиться [2, с. 357] и др.;

2) наречия *gdzie* 'где', *gdy* 'когда': *gdy się spotkamy* [4, с. 161] – когда встретимся [2, с. 411]; *gdzie czas się zatrzymał* [4, с. 99] – где время остановилось [2, с. 354]; *gdzie się nauczył* [4, с. 181] – научившим его [2, с. 430] и др.;

3) наречие *jak* 'как': *jak się da* [4, с. 197] – как угодно [2, с. 444]; *jak się nazywa* [4, с. 146] – как её зовут [2, с. 398]; *jak się odbiera kotce kocięta* [4, с. 229] – отняла, как котят у кошки [2, с. 474]; *jak się okazuje* [4, с. 185] – оказывается, ... [2, с. 434].

Модель дистактной препозиции с одним делимитером (разделителем) **n** реализуется в данном произведении моделью «*się + n¹ + V*» в 135 случаях. В качестве делимитера **n¹** в таких моделях выступает как частица *nie* 'нет', которая встречается в указанной модели 80 раз, т. е. в 59,25 % случаев, так и различные односложные лексемы в количестве 32. Это конструкции следующего типа: *czy ci się nie wydaje* [4, с. 304] – тебе не кажется [2, с. 543]; *czy coś się nie stało* [4, с. 89] – как бы чего не натворила [2, с. 345]; *czy nikogo się nie zabija* [4, с. 289] – разве не убивают [2, с. 529]; *już się nie da* [4, с. 180] – может, и не удастся [2, с. 429]; *już się nie rozstanie* [4, с. 169] – теперь не расстанется [2, с. 419] и мн. другие. Среди односложных лексем, кроме частицы *nie*, выступающих в качестве делимитеров, в исследуемом переводе встречаются также многочисленные наречия, существительные и местоимения: (*stąd* 'отсюда', *tam* 'там', *już* 'уже', *go* 'его', *tak* 'так', *tu* 'здесь' и др.): *chcę się stąd wyrwać* [4, с. 28] – хочется отсюда вырваться [2, с. 289]; *chciałby się tam osiedlić* [4, с. 183] – попросился бы в поселенцы [2, с. 432]; *co się już stało* [4, с. 289] – что свершилось [2, с. 529]; *czasem nawet się go radzili* [4, с. 129] – порой даже советовались с ним [2, с. 381]; *czego się tak boisz* [4, с. 112] – чего ты так боишься [2, с. 366]; *czym się tu przejmować* [4, с. 157] – чего он волнуется [2, с. 407] и мн. другие.

Таким образом, односложные делимитеры в модели «*się + n¹ + V*» наиболее многочисленны и, выступая в 112 случаях из 135, составляют 82,96 % употреблений.

Двусложные делимитеры встречаются в названной выше модели 18 раз, или 13,33 %: *co już tu się nieraz zdarzało* [4, с. 84] – как это не раз с ним бывало [2, с. 341]; *czemu mi się taka trafila* [4, с. 149] – надо же, чтобы такая мне попала [2, с. 400]; *do tej pory się tego wstydzi* [4, с. 72] – до сих пор стыдится поступка [2, с. 329]; *gdzie się oni podziali* [4, с. 174] – куда все девались [2, с. 424]; *gdzie się teraz znajduje* [4, с. 170] – где он сейчас [2, с. 419]; *jak mi się nieraz zdawało* [4, с. 221] – как не раз ему казалось [2, с. 466]; *jak się wówczas mawiało* [4, с. 80] – как тогда говорили [2, с. 337]; *jak to się teraz mówi* [4, с. 227] – как сейчас говорят [2, с. 472] и мн. другие.

Трёхсложные делимитеры в модели «*się + n¹ + V*» встречаются ещё реже (5 эпизодов, или же 3,7 %): *co się dopiero stanie* [4, с. 289] – что ещё свершится [2, с. 529]; *coś się niechcący wyrwało* [4, с. 253] – что-то непроизвольно вырвалось [2, с. 496]; *jakbyś się dopiero urodził* [4, с. 159] – только сегодня родился [2, с. 408]; *po którym się czasami przechadzał* [4, с. 181] – по которому он иногда прогуливался [2, с. 430]; *jak się Iczakowi wydało* [4, с. 22] – как Ицхаку показалось [2, с. 284]. Интродукторами в речевых отрезках, включающих модель «*się + n¹ + V*», т. е. словами, выступающими непосредственно перед *się*, являются:

1) союз *ale* 'но': *ale się nie obrażał* [4, с. 100] – но не сердился [2, с. 355]; *ale się nie obudził* [4, с. 218] – но не проснулся [2, с. 464]; *ale się nie rozebrał* [4, с. 246] – но не разделся [2, с. 490]; *ale się nie spieszyła* [4, с. 23] – но она не спешила [2, с. 284];

2) местоимения *co* 'что', *coś* 'что-то': *już tu się nieraz zdarzało* [4, с. 84] – как это не раз с ним бывало [2, с. 341]; *co się dopiero stanie* [4, с. 289] – что ещё свершится [2, с. 529]; *co się już stało*

[4, с. 289] – *что свершилось* [2, с. 529]; *coś się niechcący wyrwało* [4, с. 253] – *что-то непринуждённо вырвалось* [2, с. 496];

3) наречия *gdy* ‘когда’ и *gdzie* ‘где’: *gdy się go słucha* [4, с. 15] – *слушать его* [2, с. 277]; *gdy się nie pojawiali* [4, с. 224] – *их отсутствие* [2, с. 469]; *gdzie się oni podziali* [4, с. 174] – *куда все девались* [2, с. 424]; *gdzie się tak spieszysz* [4, с. 302] – *ты куда торопишься* [2, с. 542];

4) наречие *jak* ‘как’: *jak się Icchakowi wydało* [4, с. 22] – *как Ицхаку показалось* [2, с. 284]; *jak się pan miewa* [4, с. 21] – *як сон маш* [2, с. 282]; *jak się pan miewa* [4, с. 268] – *как поживаете* [2, с. 511]; *jak się wówczas mawiało* [4, с. 80] – *как тогда говорили* [2, с. 337]; *jak to się teraz mówią* [4, с. 227] – *как сейчас говорят* [2, с. 472];

5) местоимения *nic* ‘ничего’ и *nikt* ‘никто’: *nic się nie działo* [4, с. 305, 306] – *не было ни гроша* [2, с. 545]; *nic się nie narodzi* [4, с. 194] – *ничего не родится* [2, с. 441]; *nic się nie zdarzyło* [4, с. 134] – *ничего не было* [2, с. 385]; *nic się nie zmieni* [4, с. 314] – *ничего не изменится* [2, с. 552]; *nic się nie zmieniłaś* [4, с. 52] – *ты нисколько не изменилась* [2, с. 311].

Как видно, наречия *gdy* ‘когда’, *gdzie* ‘где’ и *jak* ‘как’ выступают интродукторами как в контактной препозиционной модели «*się + V*», так и в препозиционной дистактной «*się + n¹ + V*».

Меньшим количеством примеров (38) представлена модель «*się + n¹ + n² + V*», в которой хотя уже и не наблюдается каких-либо закономерностей относительно интродуктора, предстоящего местоимению *się*, однако отмечается привязка последнего к глаголам со значением ‘случиться’, поскольку этот глагол является собственно возвратным, который без *się* и *-ся* не употребляется ни в польском, ни в русском языках соответственно. Обратимся к примерам: *co się jeszcze nie zdarzyło* [4, с. 85] – *чего не было раньше* [2, с. 342]; *dawniej mu się to nie zdarzało* [4, с. 162] – *раньше с ним такого не бывало* [2, с. 411]; *może się przecież różnie zdarzyć* [4, с. 176] – *мало ли что произойдёт* [2, с. 425]; *nic się jeszcze nie zdarzyło* [4, с. 292] – *ничего не произошло* [2, с. 533]. По той же причине дистактная препозиция характерна и для безличных глаголов *stało się*, *odbyło się* со значением ‘случилось’, ‘произошло’: *żeby mu się nic nie stało* [4, с. 14] – *чтобы с ним ничего не случилось* [2, с. 275]; *jak się to wszystko odbyło* [4, с. 276] – *как всё произошло* [2, с. 519]. Учитывая особенность собственно возвратных глаголов, которые не употребляются без возвратного местоимения *się* (а в русском – без постфикса *-ся*), можно утверждать, что количество делимитеров в дистактной препозиционной модели может быть и большим, поскольку структурная и смысловая привязка *się* к соответствующему глаголу очень сильна, и такой глагол вообще мыслится исключительно как возвратный. Например, выражение *może się przecież różnie zdarzyć*, соответствующее модели «*się + n¹ + n² + V*», потенциально можно развить, добавляя некоторое количество произвольных делимитеров между возвратным элементом и глаголом.

Дистактная препозиция в модели «*się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + V*» отражена в переводном тексте единожды: *kiedy się za nim, jeszcze siedemdziesięcioletnim, oglądały młodki* [4, с. 26] – *когда на него, даже семидесятилетнего, заглядывались молодухи* [2, с. 287]. Такая ситуация, как видно, возможна благодаря употреблению автором оригинала (и переводчицей) вводной конструкции, которая могла бы быть, впрочем, и более развитой.

Модель «*V + n¹ + się*», отражающая дистактную постпозицию энклитики, представлена в переводном тексте более чем в 25 раз меньшим количеством примеров по сравнению с рассмотренной выше моделью «*V + się*» (49 раз против 1234 соответственно). В качестве делимитера здесь выступают в большинстве случаев односложные лексемы, а именно: энклитические и полные формы личных местоимений в дательном падеже: *mu* (← *jemu*), *im*, *ci* (← *tobie*). Глаголы, образующие эту модель, имеют значение ‘казаться’ и выступают в формах настоящего или будущего времени: *wydają im się występami* [4, с. 29] – *кажущаяся сейчас им греховной* [2, с. 290]; *wydaje ci się, że...* [4, с. 239] – *вы думаете, мне...* [2, с. 483]; *wydaje mi się, że...* [4, с. 261] – *сдаётся мне, что...* [2, с. 504]; *zdawało mu się, że...* [4, с. 242] – *ему мерещилось, будто...* [2, с. 486] и подобные.

В указанных примерах обращает на себя внимание также и тот факт, что разнообразные смысловые оттенки русских глаголов со значением ‘казаться’ не передаются точным польским переводом, что ещё раз подтверждает лексическую спаянность компонентов в выражениях типа *wydaje mi się, że...*. Не поднимая вопрос о точности и художественности перевода, мы можем утверждать другое: глаголы *казаться* и *удаться* наиболее привычны (статичны) и чаще всего реализуемы в модели «*V + n¹ + się*».

Ещё одна причина, которая обуславливает использование данной модели, заключается в том, что она используется в речи поляков для создания безличных конструкций типа *wydawało mu się*,

udalo mi się. Тем не менее в одном из польских академических справочных изданий утверждается, что возвратное местоимение *się* если и употребляется «после глагола, то непосредственно после него» [5, с. 197]. Однако, как показывает фактический материал исследования, модель «**V + n¹ + się**» в живом польском языке реализуется с упомянутыми глаголами и односложными делимитерами довольно часто, причём *się* успевает произвестись заодно с началом фразы, как раз перед дыхательной паузой.

Как видим, увеличение количества делимитеров в препозиционных конструкциях между возвратным местоимением *się* и глаголом обратно пропорционально количеству таких конструкций (таблица 1). Если, например, модель дистактной препозиции «**się + n¹ + V**» реализуется 135 раз, то уже чуть усложнённая модель «**się + n¹ + n² + V**» – 37 раз. Это говорит об устойчивости и большей частотности тех моделей, где глагол находится дистанционно ближе к возвратному местоимению. Устойчивость же модели «**się + n¹ + n² + V**» обуславливается функционированием в её составе безличных глаголов со значением стихийного действия и как можно более фонетически короткими – одно- и двусложными – делимитерами: *dawniej mi się to nie zdarzało* [4, с. 162] – *раньше с ним такого не бывало* [2, с. 411]; *jak się to wszystko odbyło* [4, с. 276] – *как всё произошло* [2, с. 519] *żeby mi się nic nie stało* [4, с. 14] – *чтобы с ним ничего не случилось* [2, с. 275] и мн. др.

Дистактная препозиция с большим количеством делимитеров в анализируемом переводном тексте представлена всего лишь в 9 случаях моделью «**się + n¹ + n² + n³ + V**». Это конструкции типа: *nikt się do nich nie przyczepi* [4, с. 98] – *не придерёшься* [2, с. 353]; *proszę się na mnie nie gniewać* [4, с. 135] – *вы на меня не сердитесь* [2, с. 387]; *czego to on się o nich nie nasłuchał* [4, с. 202] – *чего только он не наслушался от них* [2, с. 449]; *ja się go nigdy nie bałem* [4, с. 228] – *я её никогда не боялся* [2, с. 472]; *możesz się nawet do mnie przeprowadzić* [4, с. 235] – *можешь совсем ко мне переселиться* [2, с. 480]; *inaczej się od niego nie odczepisz* [4, с. 241] – *иначе от него не отвяжешься* [2, с. 485].

Возвратные причастия в 69 из 71 случаев представлены в исследуемом тексте контактной постпозицией «**RP + się**» (от лат. *recurrens participio* ‘возвратное причастие’): *bawiących się bez opieki* [4, с. 255] – *беспризорных мальцов* [2, с. 497]; *budzących się z zimowego odrętwienia* [4, с. 295] – *очнувшимся от зимнего обморока* [2, с. 535]; *bujającą się pod sufitem kołyskę* [4, с. 75] – *плывущую под потолком люльку* [2, с. 332] и мн. др.

Единичными случаями представлены следующие модели с контактной препозицией причастия «**się + RP**»: *nie wiadomo skąd się biorących* [4, с. 259] – *невесть откуда взявшихся* [2, с. 502] и дистактной постпозицией «**RP + n¹ + się**»: *wydających im się teraz dobrymi uczynkami* [4, с. 29] – *кажущиеся им сейчас добродетелью* [2, с. 290].

Из общего количества (49) возвратных деепричастий большинство (40) является конструкциями с деепричастиями несовершенного вида (НСВ) и только 9 – деепричастиями совершенного вида (СВ) единственной контактной постпозиционной моделью «**RG + się**» (**RG** – от лат. *reflexivum gerundium* ‘возвратное деепричастие’).

Среди деепричастий НСВ преобладают те, что образованы от глаголов НСВ со значениями:

1) ‘бояться’: *bojąc się uszkodzić protezę* [4, с. 176] – *боясь повредить протезы* [2, с. 425]; *bojąc się zaszkodzić* [4, с. 198] – *боясь повредить* [2, с. 445];

2) ‘оглядываться’, ‘смотреть’: *nie oglądając się* [4, с. 201] – *не оглядываясь* [2, с. 448]; *nie oglądając się na nic* [4, с. 308] – *безоглядно* [2, с. 547]; *oglądając się na przedział* [4, с. 151] – *оглядываясь на купе* [2, с. 402]; *wpatrując się w oszkloną Jerozolimę* [4, с. 238] – *впившись в застеклённый Иерусалим* [2, с. 482];

3) ‘стараться’: *starając się nie podrażnić* [4, с. 177] – *стараясь не задеть* [2, с. 426]; *starając się nie urazić* [4, с. 233] – *стараясь не уязвить* [2, с. 478]; *starając się odciągnąć* [4, с. 229] – *стараясь отвлечь* [2, с. 474].

Деепричастия СВ, образованные от глаголов СВ при помощи суффикса *-wszy*, представлены немногочисленными примерами, из которых повторяется только производная форма от глагола СВ *doczekać się* ‘дождаться’: *nie doczekawszy się Natana* [4, с. 84] – *не дождавшись Натана* [2, с. 341]; *nie doczekawszy się odpowiedzi* [4, с. 253] – *не удостоив ответа* [2, с. 496] и некоторые др.

Таким образом, для деепричастий СВ и НСВ характерна исключительно контактная постпозиционная модель «**RG + się**», характеризующаяся жёсткой компонентной спаянностью, хотя отмечается и одна бивалентная модель «**RG¹ + się + n¹ + n² + n³ + RG²**»: *wspierając się na kuli i oglądając raz po raz* [4, с. 305] – *припадая на дёревяшку и всё время оглядываясь* [2, с. 545].

Возвратные существительные (**NR** – от *лат. nomen reflexivum* ‘возвратное существительное’) отражены в данном переводном тексте 16 случаями. Эта контактная модель «**NR + się**» реализуется при помощи отглагольных абстрактных и полуабстрактных существительных среднего рода. Компоненты данной модели переводятся на русский язык инфинитивами, существительными или возвратными глаголами [1, с. 152]. Обратимся к примерам: *całkowite wycofanie się* [4, с. 56] – полное отступление [2, с. 315]; *do wykroczenia się od odpowiedzi* [4, с. 205] – ускользнуть от ответа [2, с. 451]; *miotanie się wprawiało go w udrękę* [4, с. 97] – метания иссушали его душу [2, с. 352]; *nie było w jego słowach popisowywania się* [4, с. 261] – не было в его словах показного мужества [2, с. 504] и др.

Бивалентные конструкции, характерные для глаголов (выявлено 14 случаев, когда один **się** «обслуживает» два глагола, делая их возвратными), являют собой самые различные комбинации относительно позиции **się**, которые описываются следующими моделями:

1) «**V¹ + się + n¹ + V²**»: *rozpadło się i rozsypało* [4, с. 9] – всё дробилось и рассыпалось [2, с. 271]; *to łączyły się, to rozplywały* [4, с. 18] – то соединялись, то расплывались [2, с. 279] и др.;

2) «**V¹ + się + V²**»: *boję się, boję* [4, с. 319] – боюсь, боюсь [2, с. 557]; *domknęły się, połączyły ze sobą, zlały w jedno* [4, с. 89] – сомкнулись, соединились, слились [2, с. 345] и др.;

3) «**się + V¹ + n¹ + V²**»: *jak się kręcą i wiercą* [4, с. 73] – крутятся-вертятся [2, с. 330]; *można się ogolić i ostrzyć* [4, с. 74] – можно побриться и постричься [2, с. 331] и др.;

4) «**się + V¹ + V²**»: *trzeba by się umyć, przebrać, odprościć* [4, с. 274] – надо бы умыться, переодеться, отдохнуть [2, с. 516];

5) «**się + V¹ + n¹ + n² + V²**»: *gdzie się kończy rzeka, a zaczyna niebo* [4, с. 6] – где река, а где небо [2, с. 268];

6) «**się + V¹ + n¹ + n² + n³ + n⁴ + V²**»: *co się zdarzyło i to, co jeszcze wydarzy* [4, с. 110] – что случилось и то, что ещё случится [2, с. 365];

7) «**się + n¹ + V¹ + n² + n³ + n⁴ + V²**»: *od nich się wszystko zaczynało i na nich kończyło* [4, с. 44] – ими всё начиналось и ими всё кончалось [2, с. 303].

Среди анализируемого материала нами выявлен также 21 случай контактной препозиции «**V + się.(!)**». По отношению к общему количеству эпизодов модели «**V + się**» (1234) модель абсолютного конца предложения «**V + się.(!)**» составляет 1,70 % и представлена примерами типа: *boję się* [4, с. 304] – просто страшно [2, с. 544]; *łąćcie się!* [4, с. 172] – объединяйтесь! [2, с. 421]; *odezwij się!* [4, с. 104] – отзовитесь! [2, с. 359] и др. Жёсткая постпозиционная структура «**V + się.(!)**» характерна для побудительных конструкций, а также для слов-предложений типа *poddaję się* [4, с. 110] – сдаюсь [2, с. 364]. Подобная постпозиция обусловлена краткостью фразы, невозможностью передвинуть **się** в препозицию, необходимостью создания определённой экспрессивной окраски.

Заключение

Учитывая все выявленные в исследованном тексте возвратные конструкции, включая глаголы, причастия, деепричастия и существительные, следует сказать, что среди них доминирует постпозиционное контактное употребление **się**: всего 1367 конструкций, соответствующих модели «**V + się**», что составляет 70,35 % случаев. В энциклопедии «Польский язык в таблицах» относительно позиции возвратного местоимения **się** отмечается следующее: «порядок относительно свободный, однако не всегда после глагола» [5, с. 197], т. е. в нашем случае в 29,65 % употреблений **się** занимает относительно «своего» возвратного глагола какую-либо иную позицию. Как оказалось, жёсткой компонентной спаянностью или жёсткой постпозиционной структурой в польском языке характеризуются возвратные деепричастия «**RG + się**» и возвратные глаголы в повелительном наклонении. Модель контактной постпозиции стабильно поддерживается также безличными конструкциями, содержащими глаголы *казаться, бояться, стараться, появляться, удасться*. Устойчивость же моделей с несколькими делимитерами объясняется вхождением в её состав как безличных глаголов со значением стихийного действия, так и более фонетически короткими (одно- и двусложными) делимитерами. Для конструкции «**się + V**» в исследовании выявлены интродукторы, которыми являются различные глаголы, наречия, местоимения, предикаты и существительные, включая имена собственные.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сериков, Г. В. Категория возвратности в польском языке / Г. В. Сериков // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманитарные науки: история, филология, философия. – 2022. – № 1 (130). – С. 148–153.

2. Канович, Г. Парк евреев : роман / Г. Канович // Избранные сочинения : в 5 т. – Вильнюс : Tyto alba, 2014. – Т. 4. – С. 265–561.
3. Белла Шварцман-Чарнота [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruwiki.press/pl/Bella_Szwarcman_Czarnota. – Дата доступа: 22.04.2022.
4. Kanowicz, G. Park niepotrzebnych Żydów / G. Kanowicz : z języka rosyjskiego przełożyła Bella Szwarcman-Czarnota. – Sejny : Pogranicze, 2005. – 325 s.
5. Język polski : encyklopedia w tabelach / pod red. W. Mizerskiego. – Warszawa : Adamant, 2000. – 511 s. : tab.

Поступила в редакцию 11.05.2022

E-mail: gserikov@internet.ru

G. V. Serikov

REFLEXIVE GRAMMAR STRUCTURES IN POLISH TRANSLATION
B. SCHWARTZMAN-CZARNOTA

The article reveals the grammar context for the use and production of reflexive pronouns and constructions in the translations of Bella Schwartzman-Charnota, both verbal and nominal, that can be found in her authorized translation from Russian into Polish of Grigory Kanovich's novel "The Park of the Jews"; the concepts of "an introducer" and "rigid postpositional structure" are introduced for one of the models of reflexive verbs. The article notes the frequency of use of reflexive forms built on the models of contact and distact pre- and postposition placement of the clitic "się". Special attention is given to its relatively independent and connected position in phrases and clauses. Subtypes of the model with distact prepositional construction are identified. The research focuses on reflexive nouns and ways of their translation into Polish from Russian.

Keywords: bivalence, distact postposition, introducer, contact postposition, introducer, clitic, contact preposition, distact preposition, reflexive pronoun, reflexive verbs, rigid postpositional structure.

УДК 811.161.3'373

А. В. Солахаў

Кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры спецыяльнай педагогікі і метадых дашкольнай і пачатковай адукацыі, УА «Мазырскі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна», г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь

**УТВАРЭННЕ ІНДЫВІДУАЛЬНА-АЎТАРСКІХ
НЕАЛАГІЗМАЎ-НАЗОЎНІКАЎ З СУФІКСАМІ -ЕЦ (-ЭЦ, -АЦ) І -Ц-А**

У артыкуле на матэрыяле беларускіх мастацкіх тэкстаў 2-й паловы XX пачатку XXI ст. разглядаецца ўтварэнне індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў-назоўнікаў з суфіксамі -ец (-эц, -ац) і -ц-а. Большасць з гэтых неалагізмаў-назоўнікаў утвараецца ў адпаведнасці з існуючымі ў літаратурнай мове словаўтваральнымі тыпамі. Для іх утварэння часцей за ўсё выкарыстоўваецца суфіксацыя. Дэрываты матывуюцца назоўнікамі, прыметнікамі і дзеясловамі і ўжываюцца пераважна са значэннем асобы, выконваючы, як правіла, характарыстычную функцыю.

Ключавыя словы: індывідуальна-аўтарскія неалагізмы-назоўнікі, суфікс, словаўтваральны тып, значэнне, утваральнае слова, функцыі, словаўтваральныя і лексічныя сінонімы.

Уводзіны

Назоўнікі з суфіксам *-ец* былі вядомы ўжо старабеларускай мове і ўтвараліся ад асноў назоўнікаў і прыметнікаў. У гэты перыяд суфікс *-ец* адзначаецца таксама ў складзе складаных слоў з другім іменным кампанентам [1, с. 72, 73].

У сучаснай беларускай літаратурнай мове назоўнікі з суфіксамі *-ец (-эц, -ац)* утвараюцца ад назоўнікаў, прыметнікаў і дзеясловаў суфіксальным [2, § 388, с. 234], прэфіксальна-суфіксальным [2, § 556, с. 281] і суфіксальна-складаным [2, § 608, с. 290, 291; § 616, с. 292] спосабамі. Дэрываты з суфіксамі *-ец (-эц, -ац)* ужываюцца для абазначэння асобы або неадушаўлёных прадметаў.

Назоўнікі з сінанімічным суфіксам *-ц-а* ўтвараюцца ад дзеясловаў і служаць для абазначэння асоб паводле іх дзеяння [2, § 389, с. 235].

У мове беларускіх мастацкіх твораў 2-й паловы XX – пачатку XXI ст. нярэдка адзначаюцца індывідуальна-аўтарскія назоўнікі як з суфіксам *-ец (-эц, -ац)*, так і з суфіксам *-ц-а*. Аднак яны яшчэ не разглядаліся даследчыкамі.

Мэта артыкула – прааналізаваць структурна-семантычныя асаблівасці індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў-назоўнікаў з суфіксамі *-ец (-эц, -ац)*, *-ц-а* і іх словаўтваральную актыўнасць у мове беларускіх мастацкіх твораў 2-й паловы XX – пачатку XXI ст.

Метады і метадалогія даследавання

Метадалогія даследавання грунтуецца на навуковым палажэнні аб узаемасувязі і ўзаемаабумоўленасці тэорыі і практыкі ў пазнанні моўных фактаў.

Пры пошуку індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў (ІАН) аўтар карыстаўся метадам суцэльнай выбаркі індывідуальна-аўтарскага лексічнага матэрыялу. Пры аналізе фактычнага матэрыялу выкарыстоўваюцца апісальны і параўнальна-супастаўляльны метады, метады інтэрпрэтацыі.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Фактычны матэрыял з беларускіх мастацкіх твораў 2-й паловы XX – пачатку XXI ст. сведчыць, што індывідуальна-аўтарскія назоўнікі з суфіксам *-ец (-эц, -ац)* часцей за ўсё з'яўляюцца назвамі асоб і ўтвараюцца па наступных словаўтваральных тыпах:

а) **аснова назоўніка + суфікс -ец = назоўнік** са значэннем 'асоба паводле адносін да таго, што названа ўтваральным словам – аддзеяслоўным назоўнікам на *-нне*'. Утварэнне гэтых ІАН адбываецца ў формах множнага ліку і ўскосных склонаў адзіночнага ліку, але пачатковая форма лёгка ўстанаўліваецца: *супраціўленец* 'той, хто аказвае супраціўленне каму-небудзь': *Раней былі непраціўленцы, / Цяпер усюды – / Супраціўленцы* [3, с. 417]; *паяднанец* 'той, хто імкнецца да паяднання каго-небудзь з кім-небудзь або чаго-небудзь з чым-небудзь': *Ці не сутнасць твая, чалавек, быць у свеце / Ёсць паяднанцам* [4, с. 93]; *старанец* 'той, хто працяляе старанне ў чым-небудзь':

Ён [сусед] б'е, не помнячы нічога. / Вядома, біць дыван – не ткаць. / І ўжо за пылам і самога / Яго, старанца, не відаць [4, с. 101]; **сустраканец** 'той, хто сустракае каго-н.': *А сустраканцы, значыць галадранцы, / Неганаровы, незбыткоўны люд, / У п'янай прывітальнай ліхаманцы / Крычалі: «Наш кароль, наш бацька люб...»* [4, с. 117]. ІАН **сустраканец** утвораны з адхіленнем ад моўнага тыпу, праз ступень: *сустракаць* → [сустраканне] → *сустраканец*;

б) **аснова назоўніка + суфікс -ец = назоўнік** са значэннем 'паслядоўнік або прыхільнік таго, хто названы ўтваральным словам', якія паслядоўна ўтвараюцца ў формах множнага ліку з морфам **-ц-**: **брэжнеўцы** 'паслядоўнікі або прыхільнікі Брэжнева': *Не мікра – макра нам клімат патрэбны здаровы, каб чалавек шанаваўся, прырода, матуліна мова, каб нашы хлопцы хадзілі зямлёю зялёнай сваёю, не палівалі ніколі афганскія камні крывёю, каб сталіністам і брэжнеўцам шлях быў закрыты да ўлады, каб да народа імкнуліся лідэры ўсе за парадай* [5, с. 153]; **берыеўцы** 'паслядоўнікі або прыхільнікі Берыя', **сталінцы** 'паслядоўнікі або прыхільнікі Сталіна': *На пенсіі, як на праталінцы / Пражорлівыя груганы, / Сыцеюць берыеўцы, сталінцы – / Хлусні крываваыя паны* [6, т. 2, с. 71]. Пры далучэнні морфа **-ц-** да асновы на **-j-** паміж імі ўзнік інтэрфікс [eʏ]: *Беры[j-a] + [eʏ]ц-ы*. Тып аказіянальны;

в) **аснова назоўніка + суфікс -ов|ец [-|ёв|ец, -|ав|ец] = назоўнік** са значэннем 'асоба або прадмет паводле адметнай якасці, названай утваральным словам': **аглаблёвец** 'высокі і худы чалавек, падобны на аглоблю': *Бяжыць малады аглаблёвец / З хваткай старою Бэндэ* [7, с. 60]; **гандлёвец** 'той, хто займаецца гандлем': *Прышлі на свет / у тутэйшы край / браты, каб трымацца / хоць з большага ў годзе: / першы пісар, / другі аратай, / трэці гандлёвец, / чацвёрты злодзеі* [8, с. 197]. Паміж утваральнай асновай і суфіксам у адзначаных наватворах узнікае інтэрфікс **-ёв-**. ІАН **гандлёвец** знаходзіцца ў сінанімічных адносінах з нарматыўным назоўнікам *гандляр*.

Іншыя такія субстантывы першапачаткова ўтвараюцца ў формах множнага ліку з морфам **-ц-**: **калгасаўцы** 'члены калгаса; калгаснікі': *Куды было падзецца старшыні калгаса – хіба ў школе вучацца чужыя, не ягоных калгасаўцаў, дзеці?* [9, с. 17]; **талакоўцы** 'удзельнікі талакі': *Вечарам, па вяртанні з Дварцоў, скончыўшы разгрузку, талакоўцы паселі за збіты з дошак стол* [10, с. 286]. У іх паміж утваральнай асновай і суфіксам адзначаюцца інтэрфіксы **-оў-**, **-аў-**. Тып аказіянальны;

г) **аснова якаснага прыметніка + суфікс -ец = назоўнік** са значэннем 'асоба паводле адметнай якасці, што названа ўтваральным словам': **аднаклапатлівец** 'той, хто працягвае клапатлівасць пра аднаго': *Чаго мне быць валачомнай датклівіцай / Каля статкаў аднаклапатліўцаў тваіх?* [11, с. 143]; **глумлівец** 'той, хто глуміць што-небудзь': *Я і ў неба руку дацягну да ратая, / А глумліўцу і зблізку рукі не падам* [4, с. 83]; **жартлівец** 'той, хто жартуе з каго-небудзь': *І вось аднойчы ў смутак вечаровы / Жартлівец з крыламі аведаў боль... / Не ведаў птах, што мера ёсць на словы – / На крыкі, песні і насмешак соль* [12, с. 78]; **крыклівец** 'крыклівы чалавек; крыкун': *У крыкліўца свая філасофія: / Там дзе хочаць бяры, а давай. / А дугі ж навакол перасохлыя, / Іх цураецца нават трава* [7, с. 105]; **праніклівец** 'праніклівы чалавек': *Я знаў заўжды, што ты мне станеш жонкай, / Яшчэ з маленства сніў пра гэта ў сне, / Бо я лічуся пранікліўцам тонкім, – / Не па натуре верхглядства мне* [13, с. 50]; **пыхлівец** 'пыхлівы чалавек': *...Многім пыхліўцам верыў, / Як брыдкае качаня, / І ў сэрца наўныя дзверы / Бясклопатна адчыняў* [14, т. 1, с. 320]; **справядлівец** 'справядлівы чалавек': *Справядлівец у ружовых фарбах, / хто міністрам цябе прызначаў* [15, с. 51]; **цнатлівец** 'цнатлівы чалавек': *Сталі ўсе цнатліўцы распуснымі, / як патрапілі ў віражы* [16, с. 97]; **ясназорац** 'ясны, як зара': *Партыйны з'езд. З'езд камуністаў-творцаў. / Дзе веліч – ад імя народных сіл. / Дзе голас – гэта заклік ясназорац* [17, т. 1, с. 422]. Утваральнымі выступаюць прыметнікі з суфіксам **-лів-**. Толькі ў адным выпадку ў якасці ўтваральнага адзначаецца прыметнік-кампазіт *ясназоры*;

д) **аснова дзеепрыметніка залежнага стану прошлага часу з суфіксам -н- / -ан- [-ен-] або аддзеяслоўнага прыметніка + суфікс -ец = назоўнік** са значэннем 'асоба або прадмет паводле працэсуальнай прыметы, названай утваральным словам': **неслухмянец** 'неслухмяны чалавек; неслух': *І я, неслухмянец і вісус, / Не крыўдзіў у пушчы ніколі: / Ніводнае дрэва – у лесе, / Ніводнае птушкі – у полі* [7, с. 43]. Суфікс **-ец** выступае таксама ў выглядзе морфа **-ц-**, утвараючы формы множнага ліку: **лузаныцы** 'лузаны арэх; лузан': *...Мы голыя, як лузаныцы* [18, с. 23]; **таркаванцы** 'дранікі, прыгатаваныя з таркаванай бульбы': *Бульбяныя дранікі – / Не мае абраннікі. / З-за аднае назвы / Не цяплю абразы, / А яшчэ ж і дзеруны – / У рот не лезуць яны. / Другая справа – таркаванцы, / Натаркаваныя на тарцы* [19, с. 124].

Пры ўтварэнні ІАН-назоўнікаў ад дзеесловаў, калі ІАН набываюць форму ўскоснага склону адзіночнага ліку або форму множнага ліку, у большасці выпадкаў нельга дакладна вызначыць

іх пачатковую форму – форму назоўнага склону адзіночнага ліку і адпаведна суфікс – *-ец* (-эц, -ац) або *-ца*, паколькі і адзін суфікс, і другі маюць аднолькавы морф – *-ц-*, а значэнне ўтвораных пры дапамозе гэтых суфіксаў слоў супадае – ‘асоба – выканаўца дзеяння, названага ўтваральным словам’: **ашчадцы** ‘людзі, якія ашчаджаюць грошы’: *З учэпістай хваткай нязменнаю / Ашчадцы партыйных кас / Паходжваюць бізнесменамі / На фоне жабрацкіх мас* [20, с. 164]; **даганяўцы** ‘тыя, якія даганяюць каго-небудзь’: *А парсюк даў такога дзеркача, што ўся група даганяўцаў адстала ад яго метраў на дзесяць* [21, с. 65]; **змовец** або **змоўца** ‘ўдзельнік змовы; змоўнік’: *Каб ішэціла ў рулетку, / Як змоўцу ў адкрыці, / Удачу-сегалетку / Бяры, / Як цыгарэтку, – / Раз’юшана круці!* [22, с. 260]; **паглумцы** ‘тыя, хто здольны паглуміць што-небудзь’: *Рыфмаплётаў, / што словы кідаюць на вецер, – / Іх судзіце. Паглумцы – яны* [14, т. 1, с. 332]; **прадаўцы** ‘тыя, хто «прадае» каго-небудзь; здраднікі»: *Я ведаю толькі прадаўцаў, – / Іх ззяя аб згубе крычыць* [14, т. 1, с. 295]; **прасіўцы** ‘тыя, якія просяць што-небудзь’: **Прасіўцаў гнаў з хаты** [10, с. 288]; **ратовец** або **ратоўца** ‘той, хто ратуе каго-н. або што-н.; ратавальнік’: *Чалавек, сваёй нацы сын, / Будзь, як сын, яе годнасці варты. / І душы яе, і красы / Будзь ратоўцам і вернаю вартай* [7, с. 3]. У назоўніку *прасіўцы* паміж асновай і морфам *-ц-* узнік інтэрфікс *-іў-* [*прос-яць* + *-|іў|ц-ы*]. У нарматыўнай мове некаторым з гэтых ІАН адпавядаюць словаўтваральныя і лексічныя сінонімы: *змоўнік, здраднікі, ратавальнік*.

Дакладна пра ІАН-назоўнікі з суфіксам *-ца* можна гаварыць толькі ў тых выпадках, калі яны ўжываюцца ў форме назоўнага склону адзіночнага ліку: **афармоўца** ‘той, хто афармляе што-небудзь; афарміцель’: *Рыгор [не слухае, бо хоча выгаварыцца]. Ты шкадуеш мне нават гэтае нішто – бо я хто? У тваіх вачах? Няўдачнік. «Мазіла». Афармоўца сталовых, бібліятэк, ДК...* [23, с. 26]; **забаронца** ‘той, хто забараняе што-небудзь каму-небудзь’: *Не, не абаронца ты, а забаронца* [24, с. 48]; **пагубца** ‘той, хто здольны пагубіць каго-небудзь або што-небудзь’: *Я – вінаваты самы, / Самы пагубца галоўны, / Перад табою, хата, што засталася бясплоўнай* [25, с. 11].

У мастацкіх тэкстах 2-й паловы ХХ – пачатку ХХІ ст. адзначаюцца і прэфіксальна-суфіксальныя ўтварэнні: **нехацімец** ‘прадмет, які не хоча зрушыцца з месца’ [*не-* + *хаце[ць]* + *-|ім|ец*]: *Ён доўга абкопваў корч, перабіваў лапатай карэнне, што ішло ў бакі, падважваў, рваў і нарэшыце, ухапіўшыся аберуч, выцягнуў-такі наравістага нехацімца* [10, с. 112]; **няверцы** ‘людзі, якія не вераць у Бога; няверуючыя’ [*ня-* + *вер/ы/[ць]* + *-ц-ы*]: *Блукаюць цені, / як летуценні... / на душах нашых – / вернікаў і няверцаў...* [26, с. 8].

Дэсуфіксацыяй + суфіксацыяй утвараюцца ІАН-назоўнікі ад прыметнікаў шляхам выдалення з утваральнай асновы суфікса *-н-*, далучэння да яе морфа *-ца-* і набыцця наватворам словаўтваральнага значэння ‘асоба або жывая істота паводле адметнай якасці, што названа ўтваральным словам’: **легкадумец** ‘легкадумны чалавек; легкадум’: *Апомнішся – і сам сябе / Аблаеш моўчкі легкадумцам. / Плыве, віруецца натоўп* [14, т. 1, с. 111]; **наівец** ‘наіўны чалавек’: *Згубіў я вас, перабудоўшчыкі, / Наіўцы, / Лёсавыратоўшчыкі...* [7, с. 9]; **неразумец** ‘неразумныя жывёлы’: *... Чатыры капыткі ласіных, чыста-мёртвых, / Прасіліся дарогу не заплямаць. / І адпусціць ваўчыцу да жывой бярогі, / Дзе неразумцы [вывадак сямёрын!], / Галодныя, скуголілі на чорны месяц...* [12, с. 160]; **паслядоўцы** ‘паслядоўныя прыхільнікі каго-небудзь; паслядоўнікі’: *Але ёсць Міхась і яго паслядоўцы, / Што змалку пякуцца пра роднае слоўца* [27, с. 50]; **фешэнебельцы** ‘людзі, якія жывуць у фешэнебельных будынках’: *Блукаюць цені, / як летуценні... / Па гасцінцах – / гандляроў і вандроўнікаў, / на гарадах – фешэнебельцаў і бяздомнікаў...* [26, с. 8]; **хлебадайцы** ‘хлебадайныя працаўнікі’: *Залевы іх сякуць. / І спёка паліць. / І крывіда незаслужаная джаліць. / І сіцілля. / І быццам бы нясмелыя. / Яны – майстры. / І хлебадайцы ўмелыя* [28, с. 13].

Асобныя ІАН-назоўнікі з морфам *-ц-* могуць утварацца дэпостфіксацыяй + суфіксацыяй са значэннем ‘асоба – выканаўца дзеяння, названага ўтваральным словам’: **адцуранцы** [*адцура[ць]* + *-|н|ц-ы*]: *... Вось выйду на людзі – і ранішнім золатам / Слоў родных засыпяць мяне адцуранцы* [29, с. 36].

Імпазіцыяй + суфіксацыяй утвораны ІАН **півец** ‘той, хто п’е піва’ [*пі[ць]* + *пів-а* + *-ец*]: *Здзьмухнуць іх [вос] з пенай – / Адляцецца ж цяжка: / А можна, злым піўцам не ўсё адно?* [18, с. 39].

Складаныя ІАН-назоўнікі, утвораныя асноваскладаннем + суфіксацыяй, маюць значэнне ‘адушаўлены або неадушаўлены прадмет, які ўтварае дзеянне, названае асновай дзеяслова і ўдакладненай першай асновай – назоўнікам’ і могуць выступаць:

а) з суфіксам *-ец* (-эц, -ац): **дубінаносец** ‘той, хто носіць дубіну; міліцыянер’: *Калі наўзбоч плыве дубінаносец / З кабурам важкім на крутым сцягне* [30, с. 22]; **правазмаганец** ‘той, хто змагаецца за правы’: *І, вярнуўшыся ад нас у Амерыку, – / мы ўпэўнены, – / возьмеце добра за рогі / Усіх, хто Вас водзіць за нос, / абцягаючы правазмаганца вянок* [17, т. 2, с. 393]; **рыбаловец** ‘той, хто ловіць рыбу; рыбаловы; тут: шукальнікі шчасця’: *Гэй вы, хлопцы рыбалоўцы, / Закідайце невады!*

[17, т. 1, с. 445]; *Пад якім жа лепшым сузор'ем можна нарадзіцца рыбалоўцу?! [31, с. 16]; Маладыя хлопцы, ішчасця рыбалоўцы, / Як у рэчку сетку, кідаюць мне слоўцы: / Ой, каго-кагосьці клікала ты ў госці? [32, с. 105];*

б) з суфіксам *-ц-а*: *маціпрадаўцы* 'той, хто прадае маці': *Спытай усіх – як на сканчэнні свету: / «Маціпрадаўцы альбо сыны?» [14, т. 1, с. 283]; пакутацерпца* 'той, хто церпіць пакуты': *Душы, што боль упадабае, / Захоцацца загаварыць / Як на духу / З другой пакутацерпцай... [11, с. 407].*

Пры асноваскладанні + суфіксацыі першым кампанентам можа выступаць аснова займенніка. Так, напрыклад, утвораны ІАН-назоўнік *самаўладзец* 'той, хто мае ўладу для самога сябе': – *Чэзнуць самаўладцы, троны і кароны, / Дынамітам пахне часу бег шалёны, / І крычаць прарокі, магі, хіраманты, / Што планета хутка разляціцца ў транты [33, с. 311].*

Асноваскладаннем + дэпостфіксацыяй + суфіксацыяй утвораны ІАН-назоўнік *цераборац* 'прадмет, які борацца з церай': *Свечкі, ўдзячныя цераборцу агню, хацелі годна / Подых ягоны / Узвысіць у чысціню / Пальцамі голымі, / Але нашча згарэлі ў полымі [34, с. 305].*

У састаўных кампазітах кампанент з суфіксам *-эц* або *-ц-а* ўтвараецца ў працэсе словаўтваральнага акта. Вылучаецца некалькі спосабаў утварэння такіх складаных слоў:

а) словакладанне + суфіксацыя:

– з суфіксам *-эц*: *пясок-шчырэц* 'пясок, які шчыруе': *Жыве не спіць / Таемны свет начны / Ён абстрае зрок, пачуці, гукі / І час, нібы пясок-шчырэц рачны, / Даверліва даецца нам у рукі [33, с. 128];*

– з суфіксам *-ц-а*: *боль-зняверца* 'боль, які знявервае што-небудзь': *Няхай маўчым, / Няхай крычым – / Душу зняверыць боль-зняверца [11, с. 407];*

б) асноваскладанне + суфіксацыя + словакладанне: *ахвярагубцы-груганы* 'груганы, якія губяць жыццё сваёй ахвяры': *Харчы / У груганой законныя, / За чорны спіс паслуг яны. / Таксама, / Як харчы, / Казённыя / хвярагубцы-груганы [6, т. 2, с. 72].*

Два кампаненты састаўнога назоўніка *самадзяржаўцы-самазаржаўцы* з'яўляюцца індывідуальна-аўтарскімі: *Самадзяржаўцы-самазаржаўцы / Зялёныя ўсе [22, с. 281].* Спосаб можна вызначыць як асноваскладанне + суфіксацыя + імпазіцыя + словакладанне: *сам* + *-а-* + *дзяржав[а]* + *-ц[ы]* + *самадзяржаўцы* + *заржа[ць]*.

Заклучэнне

Большасць з прааналізаваных неалагізмаў-назоўнікаў утвараецца ў адпаведнасці з існуючымі ў літаратурнай мове словаўтваральнымі тыпамі. Для іх утварэння часцей за ўсё выкарыстоўваецца суфіксацыя, радзей – дэсуфіксацыя + суфіксацыя, прэфіксацыя + суфіксацыя, дэпостфіксацыя + суфіксацыя, імпазіцыя + суфіксацыя, асноваскладанне + суфіксацыя, асноваскладанне + суфіксацыя + імпазіцыя + словакладанне. Дэрываты матывуюцца назоўнікамі, прыметнікамі і дзеясловамі і валодаюць экспрэсіўна-ацэначным адценнем. Называючы асобу, яны адначасова выказваюць і адносіны да яе. Некаторыя з прааналізаваных ІАН маюць словаўтваральныя і лексічныя адпаведнікі ў нарматыўнай мове.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Хохлачэва, В. Н. Словообразование существительных со значением лица / В. Н. Хохлачэва // Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв. – М. : Наука, 1974. – С. 10–102.
2. Беларуская граматыка : у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1 : Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 431 с.
3. Панчанка, П. Выбранае : вершы, паэма / П. Панчанка ; прадм. Р. Барадулiна. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 542 с.
4. Камейша, К. Кубак блакіту : вершы і паэма / К. Камейша. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 190 с.
5. Жуковіч, В. А. Разняволенне : лірыка, публіцыстыка, гумар / В. А. Жуковіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 238 с.
6. Барадулiн, Р. Збор твораў : у 5 т. / Р. Барадулiн. – Мінск : Маст. літ., 1996. – Т. 1 : Вершы / прадм. В. Сёмухі. – 479 с. ; Т. 2 : Вершы. – 1998. – 382 с.
7. Камейша, К. Лінія лёсу : вершы / К. Камейша. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 126 с.
8. Бічэль-Загнетава, Д. Снапок : выбраныя вершы / Д. Бічэль-Загнетава. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 446 с.
9. Капыловіч, І. І. Правінцыялка : аповесць / І. І. Капыловіч // Полымя. – 2013. – № 10. – С. 3–54.
10. Гніламёдаў, У. Вайна : раман / У. Гніламёдаў. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 626 с.

11. Барадулін, Р. Ксты / Р. Барадулін. – 3-е выд., дапаўн. – Мінск : Рым.-катал. парафія св. Сымона і св. Алены, 2009. – 528 с.
12. Аколава, В. Вяртанне ў заўтра : лірыка / В. Аколава. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 238 с.
13. Юрчанка, Г. Парнаскія ўхабы : пародыі, эпіграмы / Г. Юрчанка. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 128 с., іл.
14. Зуёнак, В. Выбраныя творы : у 2 т. / В. Зуёнак. – Мінск : Маст. літ., 1996–1998. – Т. 1 : Гронка цішыні: выбр. вершы / прадм. Р. Барадуліна. – 446 с. ; Т. 2 : Пяцірэчча: кніга паэм. – 319 с.
15. Крупенька, Я. М. Жыццём прысягаю : вершы і пераклады / Я. М. Крупенька ; прадм. М. Федзюковіча. – Мінск : Маст. літ., 2002. – 175 с.
16. Макаль, П. Твар і душа : кн. паэзіі / П. Макаль. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 174 с.
17. Кірэнка, К. Збор твораў : у 3 т. / К. Кірэнка. – Мінск : Маст. літ., 1986–1988. – Т. 1 : Вершы, паэмы, 1939–1962. – 1986. – 494 с. ; Т. 2 : Вершы, паэмы, 1962–1981. – 1987. – 495 с.
18. Чарняўскі, М. У трох соснах... : сатыра, гумар, лірыка / М. Чарняўскі. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 111 с.
19. Вітка, В. Дзеці і мова / В. Вітка // Полымя. – 1993. – № 10. – С. 114–128.
20. Зуёнак, В. Письмы з гэтага свету : вершы / В. Зуёнак. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 174 с.
21. Корбут, В. Я. Байкі дзядзькі Лапатуна : гумар, сатыра / В. Я. Корбут. – Мінск : І. П. Логінаў, 2010. – 80 с.
22. Барадулін, Р. Вечалле : кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 336 с.
23. Федарэнка, А. М. Багаты кватарант : п'еса ў трох актах / А. М. Федарэнка // Беларуская драматургія. – Мінск : Беларус. навука, 1997. – Вып. 4 / М-ва культуры Рэсп. Беларусь ; «Гэатральная творчасць» ; уклад. В. Валадзько, А. Сабалеўскі ; рэдкал.: А. Сабалеўскі (адк. рэд.) [і інш.] ; прадм. А. Сабалеўскага. – С. 10–53.
24. Грахоўскі, С. І радасць і боль : вершы і паэма / С. Грахоўскі. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 79 с.
25. Зуёнак, В. Вызначэнне : вершы / В. Зуёнак. – Мінск : Юнацтва, 1987. – 167 с.
26. Рагаўцоў, В. І. Сутонне : вершы / В. І. Рагаўцоў ; [маст. А. Шычко]. – Мінск : Полымя, 1995. – 31 с. – (Бібліятэка часопіса «Малодосць»; 7 [85]).
27. Верамейчык, У. Ліхаўня / У. Верамейчык. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 80 с.
28. Вольскі, А. Наваселле дрэў : вершы і паэма / А. Вольскі. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 125 с.
29. Зуёнак, В. Вершы / В. Зуёнак // Малодосць. – 2000. – № 6. – С. 37–40.
30. Майсеенка, А. Навальнічныя вёрсты : вершы, паэма / А. Майсеенка ; прадм. А. Письмянкова. – Мінск : Маст. літ., 2002. – 119 с.
31. Сіўчыкаў, У. М. Гульня ў тастамант : апавяданні, п'есы / У. М. Сіўчыкаў. – Мінск : Юнацтва, 1992. – 108 с.
32. Аколава, В. Случарыны : кн. паэзіі / В. Аколава. – Мінск : Полымя, 1994. – 432 с.
33. Грачанікаў, А. Выбранае : вершы і паэмы / А. Грачанікаў. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 381 с.
34. Барадулін, Р. Трэба дома бываць часцей... : выбр. старонкі лірыкі / Р. Барадулін ; прадм. В. Быкава. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 352 с.

Паступіў у рэдакцыю 19.10.2022

E-mail: solakhau@yandex.ru

A. V. Solakhau

FORMATION OF INDIVIDUAL AUTHOR'S NEOLOGISMS-NOUNS WITH SUFFIXES -ЕЦ (-ЭЦ, -АЦ) AND -Ц-А

The article examines the formation of individual author's neologisms-nouns with suffixes *-ец* (*-эц, -ац*) and *-ц-а*. based on the material of Belarusian literary texts of the 2nd half of the XX-beginning of the XXI century. Most of these neologisms-nouns are formed in accordance with the word-formation types existing in the literary language. For their formation, suffixation is used more often. Derivatives are motivated by nouns, adjectives and verbs and are used primarily with the meaning of a person, performing, as a rule, a characteristic function.

Keywords: individual author's neologisms-nouns, suffix, word-formation type, meaning, forming word, functions, word-formation and lexical synonyms.

УДК 81'373.611:811.161.1

Ю. Р. Третьякова

Аспирант кафедры русской филологии, УО «Гродненский
государственный университет им. Я. Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь
Научный руководитель: Никитевич Алексей Васильевич, доктор филологических наук, профессор

**ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ ЭМОТИВОВ КАК
ТЕМАТИЧЕСКОГО КЛАССА СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Превалирование антропоцентрических тенденций в различных отраслях науки обуславливает пристальный интерес исследователей-лингвистов к эмоционально-волевой сфере личности, реализующей себя посредством эмотивной лексики в том числе, которая непосредственно соотносится с носителем языка и содержит информацию о человеке как индивидууме с собственным опытом и отношением к миру.

В статье оценивается деривационный потенциал глагольных эмотивов как отдельного лексико-семантического разряда слов с точки зрения квантитативно-качественного наполнения их словообразовательных гнезд.

Автор, исследовав комплексные деривационные конструкции, отмечает разветвленные словообразовательные парадигмы и многоступенчатые цепочки, свидетельствующие о высоких деривационных возможностях эмотивной лексики.

В статье описываются типы словообразовательной семантики, свойственной глагольной деривации, приводятся данные о степени полноты реализаций словообразовательных типов, в связи с чем в исследовании делается вывод о сверхпродуктивности эмотивной лексики ввиду специфики ее семантики.

Ключевые слова: деривационный потенциал, эмотивная лексика, словообразовательное значение, словообразовательный тип, способ словообразования.

Введение

История развития современного общества характеризуется доминированием индивидуально-личностного над социальным. Индивидуализм как философское мировоззрение представляет новый тип человека – идиоцентрика [1], сосредоточенного на собственных убеждениях, чувствах и эмоциях и предпочитающего персональную свободу в противовес успешной межличностной коммуникации. В связи с подобной общественной ситуацией антропоцентрическая установка исследования проникает и укореняется в различных научных сферах, в том числе в языкознании, где реализуется посредством интереса к изучению эмоций как сферы субъективной и, как следствие, детально характеризующей носителя языка.

Эмоции обладают некоторой повсеместностью, сопровождая человека по мере получения им личного опыта на протяжении всей жизни, в субъективном восприятии мира, вне которого субъект некоторого переживания не существует. Таким образом, особенность эмотивной лексики в сопоставлении с другими тематическими группами в ее непосредственной отнесенности к носителю языка, по этой причине единицы с семой 'эмоция' содержат информацию о человеке как индивидууме со свойственной ему самобытностью. Подобная неразрывность с носителем языка и обуславливает актуальность изучения данных лексических единиц.

Разъясним, что именно в рамках исследования мы будем понимать под эмотивной лексикой. Учитывая семемную структуру значения слова, где одни компоненты занимают ядерную позицию (интенционал), представляя собой фундамент плана содержания лексической единицы, другие – периферийную (импликационал) [2, с. 60], включая значимые семантические компоненты дополнительного содержания, отметим, что в качестве объекта исследования выступили лексемы, обнаружившие в своем семантическом поле компонент 'эмоция', притом интенциональное либо импликациональное его расположение для нас непринципиально, основополагающий критерий при отборе материала исследования – это сопряженность потенциально изучаемой леммы со сферой эмоционального, с чувственным уровнем носителя языка.

Подобная отнесенность лексической единицы к чувственной сфере человека, учет противоречивости человеческой природы и, соответственно, широкий диапазон оттенков переживаний, действий, связанных с эмоциональным аспектом поведенческой сферы личности, индивидуализм и средоточие на собственном субъективном состоянии провоцируют активность словотворческих

процессов, в рамках которых образуются единицы, служащие вербализировать некоторые фрагменты эмоциональных проявлений. Спектр эмоциональных реализаций крайне разнообразен и неоднозначен, в связи с чем и возникает потребность в образовании единиц, номинирующих их. Целью данного исследования станет выявление степени деривационного потенциала глагольной эмотивной лексики как производящей базы, характеристика процессов словотворчества, наблюдаемых в рамках указанного класса лексики.

Методы и методология исследования

В качестве материала исследования выступила авторская картотека глагольных эмотивов, извлеченных посредством метода сплошной выборки из «Словообразовательного словаря современного русского языка» А. Н. Тихонова как лексикографического издания, репрезентующего преимущественно единицы узуальной формы функционирования общенационального языка, а также из интернет-дискурса как языковой площадки, не скованной нормой.

Описание семантической составляющей словообразовательных актов осуществлялось посредством компонентного и контекстуального анализов. Исследование структурно-семантических отношений между производящим и производным членами словообразовательной пары производилось с использованием морфемно-словообразовательного анализа. Метод количественного анализа применялся с целью фиксации уровня разветвленности комплексных деривационных конструкций.

Результаты исследования и их обсуждение

Общие вопросы исследования деривационного потенциала в русском языке отличаются актуальностью и активно обсуждаются учеными-славистами. Так, Е. В. Васильева [3] обращает внимание на трактовки понятия «деривационный потенциал» в различных научных источниках, разводя их на два основных направления: словообразовательный потенциал как реализованные в лексической подсистеме возможности языка [4; 5], а также совокупность деривационных воплощений в литературном языке и пока не реализованных потенциалов [6–8]. А. В. Никитевич придерживается более широкого взгляда на феномен деривационного потенциала, констатируя «несколько информационных уровней» в его оценке: данные лексикографии (т. е. единицы узуальной формы функционирования языка) и речевые факты в интернет-дискурсе [9, с. 62]. Изучение особенностей реализации деривационного потенциала отдельных лексико-семантических разрядов лексики является важным направлением исследования в силу склонности словообразовательных процессов к номинативному обеспечению коммуникации, а также к демонстрации путей движения мысли при осознании мира и себя в нем за счет упорядочивания словообразовательной подсистемы, в связи с чем отражено в целом ряде специализированных исследований [6; 8; 10–13].

Важной отправной точкой для нас станет «Русская грамматика» [14], именно в соответствии с ней как образцом в рамках фиксации узуальных словообразовательных типов и будет осуществляться исследование.

Уровень деривационного потенциала определенной лексической единицы либо целого тематического класса слов может определяться несколькими показателями: 1) количественными характеристиками комплексных деривационных структур, 2) особенностями качественного состава словообразовательных гнезд (грамматическим и семантическим разнообразием производных, характеристиками присоединяемого в рамках словообразовательного акта деривационного форманта, определяющего способ словопроизводства).

Характеризуя количественные характеристики словообразовательных гнезд с вершиной – глагольным эмотивом, отметим, что глаголы могут порождать достаточно разветвленные объединения деривационных единиц, характеризующих несколько ступеней словообразования (таблица 1).

Таблица 1 – Количество деривационных ступеней в структуре отглагольных словообразовательных гнезд [15]

I	II	III	IV	V
2	20	25	19	4
<i>нравиться – понравиться – делять – взделять</i>	<i>соболезновать – соболезнующий – соболезнующе – обожать – обожатель – обожательница</i>	<i>улыбаться – улыбочивый – неулыбочивый – неулыбчиво – плакать – плач – плачевный – плачевность</i>	<i>страдать – пострадать – пострадавший (прич.-прил.) – пострадавший (суц.) – пострадавшая – скучать – скука – скучный – скучноватый – скучновато</i>	<i>любить – влюбить – влюбиться – влюбленный (прич.-прил.) – влюбленный (суц.) – влюбленная – ненавидеть – ненависть – ненавистник – ненавистница – мужененавистница – мужененавистничество</i>

Исследование подобных комплексных словообразовательных структур позволило выявить всего две эмотивные лексемы, выступающие в качестве вершины одноступенчатых словообразовательных пар: *лелеять* и *нравиться*. Анализируя данные таблицы, наблюдаем абсолютное доминирование двух-, трех- и четырехступенчатых словообразовательных цепочек, при этом было обнаружено четыре гнезда, включающих словообразовательные цепи, состоящие из пяти ступеней: *хвалить*, *любить*, *ненавидеть*, *жаловаться*. Подобная объемность словообразовательных гнезд в виде разветвленных парадигм и многоступенчатых цепочек свидетельствует о высоком деривационном потенциале эмотивной лексики в рамках выражения всех тонкостей мыслительных процессов носителя языка, о ментальной многомерности и многоплановости при распознавании собственного либо чьего-нибудь чувственного состояния при последующей его вербализации. Естественно, актуальность переживания также обуславливает проектирование разветвленных комплексных единиц системы словообразования: чем чаще носитель языка сталкивается с проявлением некоторой эмоции, тем разнообразней оказывается ее спектр, различные ее модификации. Однако относительно эмотивной лексики следует говорить об общей продуктивности указанного класса слов в силу его семантической специфики – возможности лексемы передавать фрагменты субъективного оценочного отношения к различным ситуациям и выражать динамику состояния, идентифицируя при этом носителя языка как личность. Общая продуктивность, в свою очередь, может интенсифицироваться при условии высокой степени актуальности некоторого переживания для носителя языка.

Относительно качественного наполнения словообразовательных гнезд с глагольным эмотивом в качестве производящей базы следует выделить следующие типы деривационной семантики: 1) модификационное значение (*любить* – *излюбить*, *любить* – *влюбить*, *любить* – *возлюбить* [15]), привносящее некоторые незначительные дополнительные оттенки семантики; 2) мутационная семантика (*любить* – *любитель*, *хвастать* – *хвастун*, *озоровать* – *озорник* [15]), отличающаяся значимыми семантическими приращениями к мотивирующей семантической базе; 3) транспозиционное значение (*любить* – *любовь*, *скучать* – *скука*, *улыбаться* – *улыбка* [15]), при котором различается лишь грамматическая сущность мотивирующей и мотивированной единиц; 4) соединительное значение как сложная семантическая структура, созданная на основе взаимодействия двух мотивирующих семантик (*любить* – *любодеяние*, *любить* – *любомудрие*, *любить* – *любочестие* [15]) [14].

Реализация модификационного словообразовательного значения у отглагольных дериватов зачастую осуществляется за счет префиксации – наиболее «популярного» способа словопроизводства внутри глагольной деривации. В числе факторов, обуславливающих активность префиксальной деривации в системе русского языка, следует указать следующие: широкая палитра ономаσιологического потенциала, который несут префиксы, способность словообразовательного форманта выражать отношения синонимии, омонимии, полисемии, антонимии, возможность посредством префиксов минимальными фонетическими комплексами в рамках синтетического словопроизводства вербализовать необходимые фрагменты эмоционального состояния, что в полной мере реализует принцип экономии языковых средств при максимальной семантической нагрузке. Также важным преимуществом префиксации является относительная морфонологическая свобода при осуществлении процесса словообразования, который зачастую не сопровождается различными морфонологическими явлениями и совершается за счет предварительного относительно производящей основы присоединения префикса с последующим образованием деривата определенной семантики. Важно отметить, что широкое распространение префиксального словообразования внутри глагольной деривации в симбиозе с общей продуктивностью класса эмотивной лексики становится причиной построения богатых префиксальных парадигм: *беситься* – *взбеситься*, *выбеситься*, *добеситься*, *забеситься*, *набеситься*, *отбеситься*, *перебеситься*, *побеситься*, *пробеситься*, *разбеситься*, *сбеситься* [15]. Исключительной словообразовательной ситуацией становится выражение приставкой мутационной словообразовательной семантики, что сопровождается семантическим расхождением мотивирующей и мотивированной лексем: *ругаться* – *надругаться*, *лстить* – *обольстить*, *плакать* – *оплакать*, *ласкать* – *уласкать*, *мутить* – *смутить* [15].

Относительно префиксации суффиксация как способ отглагольного словопроизводства обладает большим потенциалом при выражении различных типов значений: помимо модификационной семантики (*хвастать* – *хвостануть* [15]) в структуре деривационных гнезд обнаруживаются транспозиционные (*рыдать* – *рыдание*, *любить* – *любовь*, *хвастать* – *хвостание* [15]) и мутационные словообразовательные значения (*надождать* – *надождный*, *завидовать* – *завидный*, *лстить* – *лстивый*, *баловать* – *балованный*, *волновать* – *волнующий*, *рыдать* – *рыдалец* [15]). При этом

выражение модификационной семантики посредством суффиксов малочастотно и реализуется в рамках образовании единиц – членов видовой пары (*обожествить – обожествлять, обольстить – обольщать, прельстить – прельщать, обругать – обругивать, доругать – доругивать* [15]), а также глаголов семельфактивного (*забавить – забавлять, вскрикнуть – вскрикивать, сердиться – серживаться, взреветь – взревывать* [15]) и фреквентативного (*хвастать – хвастнуть, кричать – крикнуть, реветь – ревнуть, трусить – трухнуть* [15]) способов действия [16]. Преимущественно отглагольная суффиксация сопровождается образованием единиц с мутационной словообразовательной семантикой: *рыдать – рыдалец, рыдающий; реветь – рева, ревун, ревучий; манить – манок, манной; орать – орала* [15]. Важно отметить, что специфика семантической составляющей общего значения искомой единицы – наличие семы ‘эмоция’ – в условиях доминирования индивидуализма и даже эгоизма современного общества обуславливает необходимость создания дериватов различной категориальной направленности. Субъекта словотворчества как потенциального субъекта переживания интересуют все вариации проявления его эмоциональной реакции: важно не только, что «я» совершаю в эмоциональном порыве (*кричать*), но и то, чем «мои» действия сопровождаются (*крик*), кем (*крикун*) и каким (*крикливый*) «я» при этом являюсь, каким образом совершается некоторое действие (*кричмя*). В связи с указанным наблюдением отмечается образование лексем различной частеречной принадлежности: глаголов (*подкрикнуть – подкрикивать*), существительных (*ликовать – ликование*), прилагательных (*робеть – робкий*), причастий (*рыдать – рыдающий*), наречий (*кричать – кричмя*) [15].

Постфиксация (*хвастать – хвастаться, скандалить – скандалиться* [15]) представляет собой способ словообразования, отличающийся относительной ограниченностью касательно как средств выражения (список постфиксов в русском языке достаточно немногочисленный), так и производящей базы (постфиксация характеризует в первую очередь глагольное словопроизводство, в рамках которого и отличается продуктивностью). При этом нельзя не отметить общее значение глагольной постфиксации – семантику возвратности, которая демонстрирует лингвопрагматическую категорию персонализации в русском языке [17] – морфемное, в нашем случае, указание на семантического субъекта эмоционального переживания. Экспликация носителя языка как субъекта некоторого состояния реализуется посредством собственно-возвратного (*возбуждаться*), взаимно-возвратного (*целоваться, ссориться, ругаться*), общевозвратного (*сердиться, тревожиться, удивляться, радоваться, томиться, пугаться, беспокоиться, веселиться, печалиться*) значений [14]. Отметим, что постфиксация, как и префиксация, не может вывести единицу из поля ее частеречной принадлежности.

Анализируя деривационные возможности глагольной эмотивной лексики, подчеркнем нехарактерность образования от глаголов дериватов с соединительной словообразовательной семантикой, основанной на взаимодействии значений производящих лексем: *любить – любостяжание, любодаяние* [15]. Однако чистое отглагольное сложение встречается крайне редко, в основном речь идет о сложении в сочетании с суффиксацией: *ненавидеть – человеконенавидение; терпеть – страстотерпец; любить – любомудрие, любослов, любостяжательный; терпеть – страстотерпец* [15]. Сложение как способ словообразования от глаголов с семой ‘эмоция’ характерен для обнаруженных нами трех лексем повышенной для носителя языка актуальности: *любить, ненавидеть и терпеть*.

Зафиксированные комбинированные способы словопроизводства зачастую в большей степени нежели чистые суффиксация, префиксация и постфиксация видоизменяют семантику производящей единицы (*сомневаться – усомниться, плакать – приплакивать, смеяться – пересмеиваться, возбранить – невозбранимый, брюзжать – избрюзжаться* [15]). Однако следует различать случаи комбинированного словопроизводства и факты чересступенчатого словообразования. В лингвистической традиции чересступенчатую деривацию принято считать неузуальной, так как нарушается последовательность отношений производности в рамках словообразовательной цепи путем пропуска непосредственно мотивирующего слова, что позволяют установить синхронический и диахронический методы исследования. Так, в словообразовательной паре *ворчать – наворчаться* производная лексема посредством двух словообразовательных формантов (*на-*, *-ся*) приобретает сатуративную и общевозвратную семантику. Подтверждением чересступенчатого характера словообразования в данном случае должно стать «наличие в языке типовых аналогов с обязательно представленным предшествующим звеном» [18, с. 60]. Согласно «Русской грамматике» [14] выделяются два типа деривационных отношений: 1) присоединение указанных семантических характеристик ступенчато с включением на каждом этапе словопроизводства одного словообразовательного форманта: *мучить – намучить – намучиться*; 2) одновременное присоединение префикса *на-* и постфикса *-ся* с последующим приобретением значения ‘действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в достаточной

степени или в избытке; дойти до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного или интенсивного совершения этого действия?»: *маять – намаяться*. Аргументом в пользу чересступенчатого характера словообразования в паре *ворчать – наворчатся* является обнаружение устаревшей единицы *наворчать* ('наговорить неприветливых речей; изъевить воркотней свое неудовольствие' [19]) в качестве промежуточного деривационного звена.

Ключевым аспектом в оценивании деривационных возможностей глагольных эмотивов является учет перечня словообразовательных типов, представленных в «Русской грамматике» [14], а также «полнота / неполнота» их реализаций в рамках деривационных процессов на базе эмотивной лексики. Обратимся к выраженным в языке продуктивным деривационным моделям, осуществленным посредством префиксов (таблица 2).

Таблица 2 – Префиксальная парадигма глаголов с семой 'эмоция' в русском языке [14–16]

Тип словообразовательной модификации	Словообразовательная категория	Словообразовательный формант	Дериваты
Временные модификации	Г _н Г (значение ингрессивности)	<i>вз-</i> / <i>взо-</i>	<i>взвеселиться</i>
		<i>воз-</i> / <i>возо-</i>	<i>возревновать</i>
		<i>за-</i>	<i>завеселиться</i>
		<i>о-</i>	<i>ошалеть</i>
		<i>об-</i> / <i>обо-</i>	<i>обозлиться</i>
		<i>раз-</i> / <i>разо-</i>	<i>развеселиться</i>
		<i>с-</i> / <i>со-</i>	<i>сбеситься</i>
		<i>по-</i>	<i>покапризничать</i>
	Г _н Г (финитивное значение)	<i>от-</i> / <i>ото-</i>	<i>отвеселиться</i>
		<i>пере-</i>	<i>перестрадать</i>
		<i>до-</i>	<i>дострадать</i>
		<i>вы-</i>	<i>выплакать</i>
	Г _н Г (делимитативная семантика)	<i>по-</i>	<i>повеселиться</i>
	Г _н Г (пердуративное значение)	<i>про-</i>	<i>пролюбезничать</i>
<i>пере-</i>		<i>перетерпеть</i>	
<i>от-</i> / <i>ото-</i>		<i>отреветь</i>	
Модификации по степени интенсивности	Г _н Г (кумулятивное значение)	<i>на-</i>	<i>надосадить</i>
	Г _н Г (сатуративная семантика)	<i>за-</i>	<i>зацеловать</i>
		<i>пере-</i>	<i>переволноваться</i>
		<i>на-</i>	<i>навеселиться</i>
		<i>из-</i> / <i>изо-</i>	<i>изругать</i>
		<i>раз-</i> / <i>разо-</i>	<i>разобидеть</i>
		<i>у-</i>	<i>ужалеть</i>
		<i>от-</i> / <i>ото-</i>	<i>отбранить</i>
		<i>вы-</i>	<i>выругать</i>
	<i>пре-</i>	<i>прельстить</i>	
Г _н Г (аттенуативное значение)	<i>при-</i>	<i>прихмурить</i>	
<i>под-</i> / <i>подо-</i>	<i>подхвалить</i>		

Продолжение таблицы 2

Модификационное резульгитивное значение	Г _н Г (резульгитивная семантика)	по-	<i>похвалить</i>
		на-	<i>нахмурить</i>
		за-	<i>зачаровать</i>
		с- / со-	<i>слубезничать</i>
		до-	<i>домучить</i>
		о-	<i>очаровать</i>
		от- / ото-	<i>отблагодарить</i>
		у-	<i>улелеять</i>
		раз- / разо-	<i>разругаться</i>
		из- / изо-	<i>испугать</i>
		про-	<i>пролюбить</i>
		вы-	<i>вылелеять</i>
	при-	<i>причаровать</i>	
Характер взаимоотношений субъекта и объекта действия	Г _н Г (значение неполной резульгитивности)	недо-	<i>недострадать</i>
	Г _н Г (семантика аннулирования резульгитата)	раз- / разо-	<i>разонравиться</i>
	Г _н Г (значение превосходства)	пере-	<i>переорать</i>
Модификационные комплексные значения	Г _н Г (значение совместного действия)	со-	<i>сопереживать</i>
		Г _н Г (дистрибутивная семантика)	пере-
	Г _н Г (семантика интенсивности + резульгитивности)	по-	<i>пообидеть</i>
из- / изо-		<i>избаловаться</i>	
вы-		<i>выхолить</i>	
Г _н Г (значение начинательности + интенсивности)	вз- / взо-	<i>взвыть</i>	

Приведенное в таблице разнообразие реализованных словообразовательных типов свидетельствует о действительно высоком потенциале глагольной эмотивной лексики в силу включения в ее семантическое поле компонента значения 'эмоция' – неотъемлемой и всеобъемлющей части жизни человека. Однако необходимо учитывать, что приведенная выше классификация основана на практическом материале из «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова, ориентированного на узуальную форму функционирования языка.

Обратившись к интернет-контекстам как платформе неофициальной коммуникации в силу отсутствия регламентации и возможности беспрепятственного речевого взаимодействия, наблюдаем множество внеузуальных единиц – окказионализмов, созданных с нарушением системной либо эмпирической продуктивности словообразовательного типа: *пренавидеть* ('очень ненавидеть'), *вненавидеть* ('начать ненавидеть'), *бесстрадать* ('жить без страданий'), *безнравиться* ('не нравиться') и т. д. Популярность и частотность образования подобных лексем ввиду способности выражать фрагменты субъективного переживания, а не отвлеченные объекты окружающей действительности, опосредованно соотносимые с носителем языка, очевидны и обусловлены к тому же отсутствием на данном этапе развития литературного языка инструмента реализации указанных оттенков смысла посредством синтетических форм.

Заклучение

Таким образом, деривационный потенциал исследуемого тематического класса слов обладает высокой степенью интенсивности ввиду специфики семантической структуры глагольных

эмотивов – обнаружения семы ‘эмоция’, свидетельствующей о средоточии на сфере сугубо личных и интимных проявлений. Высокая степень активности деривационных процессов ввиду антропоцентричности эмотивной лексики проявляется как в качественных, так и количественных характеристиках комплексных деривационных последовательностей с трех- и четырехступенчатыми в преимуществе словообразовательными цепочками. Реализации всех видов словообразовательной семантики (модификационной, мутационной, транспозиционной и соединительной) в совокупности с образованием единиц различной категориальной направленности обогащают состав комплексных словообразовательных единиц и подтверждают идею сверхпродуктивности эмотивной лексики. Исследование особенностей осуществления деривационных процессов в рамках отдельных классов слов как микромоделей способствует упорядочиванию словообразовательной подсистемы русского языка, позволяет выявить своеобразие всей деривационной системы с учетом особенностей функционирования каждой из подсистем с последующим пониманием внутренних потенций языка.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Triandis, H. C. *Culture and social behavior* / H. C. Triandis. – New York : McGraw-Hill, 1994. – 384 p.
2. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения : учеб. пособие / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.
3. Васильева, Е. В. Деривационный потенциал, или словообразовательные возможности слова: проблема определения термина / Е. В. Васильева // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 21–34.
4. Какаева, А. С. Словообразовательный потенциал гнезд имен прилагательных / А. С. Какаева // Актуальные проблемы русского словообразования / отв. ред. А. Н. Тихонов. – Ташкент : Укитувчи, 1985. – С. 148–154.
5. Ряснянская, Р. А. Словообразовательные парадигмы исходных имен прилагательных (на материале «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова) / Р. А. Ряснянская // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы V респ. науч. конф. / отв. ред. А. Н. Тихонов. – Ташкент : Укитувчи, 1989. – С. 29–40.
6. Артюхова, С. В. Словообразовательный потенциал глаголов с семой «эмоция» в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Артюхова ; Дагестанский гос. ун-т. – Махачкала, 2005. – 24 с.
7. Свечкарева, Я. В. О деривационном потенциале слова как языковой категории / Я. В. Свечкарева // Вестн. Том. гос. ун-та : общенаучный периодический журнал. Сер. Бюл. оперативной науч. информ. – 2006. – № 111. – С. 15–17.
8. Белякова, Г. В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке : моногр. / Г. В. Белякова. – Астрахань : Астраханский ун-т, 2007. – 170 с.
9. Никитевич, А. В. Префиксальные парадигмы глагола: словарь и Интернет-ресурсы / А. В. Никитевич // Язык – Когниция – Коммуникация : материалы междунар. науч. конф., Минск, 3–6 нояб. 2010 г. / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол.: З. А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 61–63.
10. Гацайниева, А. К. Словообразовательный потенциал названий частей тела человека в русском и даргинском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. К. Гацайниева ; Дагестанский гос. ун-т. – Махачкала, 2010. – 27 с.
11. Грушко, Н. Е. Глагол как база субстантивного словообразования / Н. Е. Грушко // Семантические вопросы словообразования : Значение производящего слова / под ред. М. Н. Яценецкой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. – С. 135–162.
12. Дурнева, А. В. Деривационный потенциал непроизводных прилагательных : на материале лексико-семантической парадигмы со значением «характеристика телосложения человека» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Дурнева ; Уральский гос. ун-т им. Горького. – Екатеринбург, 2001. – 24 с.
13. Дьяков, А. И. Словообразовательный потенциал и словообразовательная активность англицизов в русском языке / А. И. Дьяков // Вестн. науки Сибири. – 2012. – № 4 (5). – С. 252–256.
14. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
15. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – 2 т.

16. Зализняк, А. А. Введение в русскую аспектологию / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – 221 с.

17. Пивоварчик, Т. А. Персонализация в русском и белорусском речевом общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.01 / Т. А. Пивоварчик ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 21 с.

18. Гейгер, Р. М. Структурно-семантические отношения в словообразовательной цепи и вопрос о потенциальных словах / Р. М. Гейгер // Актуальные проблемы русского словообразования / отв. ред. А. Н. Тихонов. – Ташкент : Укитувчи, 1982. – С. 58–62.

19. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 6-е изд., стер. – М. : Дрофа, 2011. – 4 т.

Поступила в редакцию 06.09.2022

E-mail: yulechka.filipchik1@mail.ru

Y. R. Tretsiakova

DERIVATIVE POTENTIAL OF VERBAL EMOTIVES AS A THEMATIC CLASS OF WORDS IN MODERN RUSSIAN

The prevalence of anthropocentric tendencies in various branches of science determines the keen interest of linguists in the emotional-volitional sphere of a person who realizes himself through emotive vocabulary directly related to a native speaker and contains information about a person as an individual with his own experience and attitude to the world.

The article evaluates the derivational potential of verbal emotives as a separate lexical-semantic category of words from the point of view of the quantitative-qualitative filling of their word-formative nests.

Having studied complex derivational constructions, the author notes branched word-formation paradigms and multi-stage chains, indicating high derivational possibilities of expressive vocabulary.

The article describes the types of word-building semantics inherent in verbal derivation. It provides data on the degree of completeness for word-building kinds implementations. The study concludes that expressive vocabulary is overproductive due to the specifics of its semantics.

Keywords: derivational potential, emotive vocabulary, derivational meaning, derivational type, word formation method.

УДК 8(81-2)

В. С. Туровец

Аспирант кафедры теории и практики английского языка переводческого факультета,
УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Олейник Сергей Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБСТАНТИВНЫХ
СОСТАВНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Результаты сравнительного анализа структурных и семантических характеристик субстантивных составных номинативных единиц, сложных слов и свободных словосочетаний в английском языке позволяют выделить субстантивные составные номинативные единицы в отдельную группу номинативных единиц. Установлены идентифицирующие характеристики, которые позволяют судить о принадлежности отдельных сочетаний слов к субстантивным составным номинативным единицам.

Ключевые слова: семантика, номинация, номинативные единицы, сложное слово, структурно-семантические характеристики.

Введение

Одной из типологических особенностей английского языка является широкое использование субстантивных сочетаний, образующихся по модели «имя существительное + имя существительное», «имя прилагательное + имя существительное». Кроме свободных словосочетаний, в рамках данной модели представлены единицы номинативной направленности и устойчивого состава, выражающие набор дифференциальных признаков, отражающие отдельный объект экстралингвистической реальности. Такие номинативные единицы принадлежат субстантивным образованиям в форме словосочетания, являются раздельнооформленными, имеют слитную семантику и целостное значение, функционально соотносятся со словом. Однако не всегда отнесение сочетания слов к группе субстантивных составных номинативных единиц является единообразным. В лингвистике выдвигаются различные мнения по поводу её структурно-семантических особенностей, автономности исследуемой языковой категории. Так, например, рассматриваемые единицы нередко относят к разряду сложного слова с раздельным вариантом написания. Наличие взаимоисключающих точек зрения и дискуссионный характер выделения идентифицирующих признаков таких единиц вызывают необходимость обратиться к проблеме описания сложного слова, определения субстантивной составной номинативной единицы (далее – ССНЕ) в английском языке. Таким образом, цель настоящего исследования заключается в выявлении различительных признаков ССНЕ и других композитивных единиц (сложного слова и синтаксического словосочетания), установлении идентифицирующих характеристик субстантивных составных номинативных единиц в английском языке.

Методы и методология исследования

В рамках данного исследования мы ограничились анализом и сопоставлением структурно-семантических характеристик субстантивных составных номинативных единиц и сложных слов, приёмов отграничения субстантивных составных номинативных единиц от сложных слов и свободных словосочетаний в английском языке. Материалом исследования послужили лексические единицы, отобранные способом сплошной выборки из словарей – Longman Dictionary of Contemporary English, Collins Online English Dictionary. В процессе исследования были использованы следующие методы: сравнительный анализ структурных и семантических характеристик, метод компонентного анализа лексических значений, трансформационный метод.

Результаты исследования и их обсуждение

Трактовка ССНЕ возможна с позиции ономаσιологического подхода, предполагающего исследование единиц языка разной структурной и системной сложности с точки зрения выполнения ими номинативной функции. По выполнению номинативной функции объекты ономаσιологического анализа не ограничены словами, а расширены раздельнооформленными единицами – словосочетаниями, предложениями [1; 2, с. 43].

Как было замечено ранее, нет единого мнения относительно того, обладают ли номинативные единицы составной формы в системе английского языка обособленным статусом, либо являются сложным словом. Например, рассматривая подобные образования как *сложные именные группы* (complex nominals), к ним причисляются 3 класса сочетаний: именное сложное слово модели «существительное + существительное» (*apple cake* ‘яблочный пирог’, *time bomb* ‘бомба с часовым механизмом’), номинализации (*film producer* ‘кинопродюсер’), сочетания модели «прилагательное + существительное» (*electric clock* ‘электрические часы’, *corporate lawyer* ‘корпоративный юрист’, *musical comedy* ‘музыкальная комедия’) [3]. В ряде работ подобные единицы трактуются как сложное слово, образованное по модели «существительное + существительное», «прилагательное + существительное», применимо к любой конструкции, в которой один компонент уточняет значение другого. Сложное слово в таком истолковании также рассматривается как сочетание двух компонентов, имеющих одно единое значение, отличное от значения компонентов по отдельности, а также понимается как «лексема, образованная путём соединения двух или более лексем» [4; 5; 6; 7, с. 40]. Причём, в названных определениях отсутствует отсылка на какие-либо орфографические характеристики, включая в состав сложных слов единицы как со слитным, так и с раздельным написанием. Такой подход, как правило, реализуется в лексикографических источниках.

Положения о сближении ССНЕ и сложных слов, об их эквивалентности собственно слову можно найти также и работах Л. В. Щербы, А. Г. Руднева (1960), И. Калишан (1986), Л. Ф. Коваленко (1979; 1989), И. Б. Сидоряченко (1990); О. С. Ахмановой, Д. Н. Шмелева (1973), Р. П. Рогожниковой (1985).

Затруднение вызывает тот факт, что и само определение сложного слова в английском языке может производиться с разных позиций. Критериями идентификации сложного слова выступают: фонетический критерий (наличие единого или главного со второстепенным ударением), графический критерий (слитное, дефисное, раздельное написание), морфологический критерий (прибавление аффиксов не к отдельным частям, а ко всему образованию), семантический критерий (лексическое единство сложного слова).

Однако не существует единого и единственного критерия определения сложного слова в английском языке. В отдельных работах в качестве ведущих критериев могут выделяться как только графическая цельнооформленность и единство ударения, так и исключительно совокупность семантической и грамматической цельности [8, с. 118]. Поэтому с целью разграничения субстантивных составных номинативных единиц от сложных слов были сопоставлены базовые конститутивные структурно-семантические характеристики субстантивных составных номинативных единиц и сложных слов.

В проблеме разграничения ССНЕ и сложных имен существительных на первый план выходит вопрос графической цельнооформленности / раздельнооформленности языковых единиц. Субстантивные составные номинативные единицы являются структурно расчлененными. Орфография сложных слов в современном английском языке, во-первых, является достаточно неустойчивой. При аналогичной семантической связи одни и те же слова разными авторами и в различных словарях могут представляться с различной орфографической оформленностью. Например, в словарях можно найти разные варианты написания: *rainforest* ‘тропический лес’ [9], *rain forest* [10, с. 1352]. Во-вторых, как упоминалось ранее, многими исследователями включаются в разряд сложных слов единицы как со слитным, так и с раздельным написанием.

Однако существует и другая точка зрения. Так, помимо фонетических, морфологических и орфографических признаков, в качестве основного может выделяться синтаксический признак цельнооформленности [11, с. 177], [12, с. 85]. Отсюда следует, что если единица не цельнооформленная, то она не является сложным словом.

Нами принимается позиция о том, что сложным словом может называться цельнооформленная единица. Следовательно, подобная сложному слову семантическая цельность, спаянность компонентов и номинативная направленность, функциональная соотносимость со словом, с одной стороны, при определяющем факторе раздельнооформленности, с другой стороны, дает право предполагать, что исследуемые единицы, образованные по модели «существительное + существительное», «прилагательное + существительное», не являются сложными словами, а занимают обособленное положение между сложным словом и свободным синтаксическим словосочетанием, и в ономаσιологическом аспекте по рассмотренному критерию соотносимы с субстантивными составными номинативными единицами.

Таким образом, несмотря на то, что так же, как и сложное слово, ССНЕ выражают понятия, характеризуются единством значения компонентов, сложным словом может считаться

цельнооформленная единица. С другой стороны, раздельнооформленность уподобляет ССНЕ свободным атрибутивным и именным словосочетаниям. Различия между ними возможно проследить в семантическом аспекте.

ССНЕ входят в область вторичной номинации. В этом случае в качестве имени выступает уже «готовая» языковая форма, поэтому вторичное использование слова в роли названия опосредовано и мотивировано его предшествующим значением. Новое концептуальное содержание формируется на основе существующей языковой формы, создавая «эффект переосмысления слова» [13, с. 159]. И одним из средств данного типа номинации является семантическая транспозиция [14]. «Сочетанием двух и более полнозначных единиц достигается новое наименование, конкретный смысл которого узнается по установлению отношений между сочетающимися знаками». Содержание таких единиц иногда предполагает «целое высказывание или даже цепочку высказываний». К тому же, смысл всей единицы формируется при условии совместного употребления друг с другом [13, с. 144]. Рассмотрим сочетания *red list* ‘красный список, что означает список лиц или предметов, находящихся под запретом’ [15], и *red paper* ‘красная бумага’. Применение метода компонентного анализа позволило получить набор семантических компонентов, служащих содержательными признаками рассматриваемых словосочетаний.

Компонент *list* в обоих сочетаниях имеет одно и то же значение – ‘список’, и его семантические признаки имеют один иерархический статус. В свободном словосочетании *red paper* слово *red* ‘красный’ используется в своем основном значении и имеет родовую сему «цвет» и видовую сему «цвет с определенными физическими признаками». В сочетании *red list* при совместном использовании слов-компонентов актуализируется потенциальная сема «запрет», которая является дифференциальным компонентом. Концептуализируется не сам цвет, а определенный сигнал, ситуация и порядок действий.

В этом случае две единицы являются семантически неэквивалентными. Существующая зависимость одного компонента от другого и комбинация значений компонентов предстают как общее значение субстантивной составной номинативной единицы. В дополнение к этому, из самой словарной дефиниции сочетания *red list* становится очевидными, что это особый самостоятельный конструкт, так как в качестве компонентов значения выступают слова, представляющие определения в словаре. Таким образом, единица *red list* выступает в качестве составной номинативной единицы.

Далее, несмотря на сформулированные предыдущие выводы о графическом представлении, считаем допустимым в контексте данного исследования анализ семантических характеристик сложных слов и их классификаций в их взаимосвязи и взаимодополнении, так как многие авторы считают такие сочетания сложным словом. Цельность семантики сложного слова выражается: во-первых, «в слиянии лексических значений его компонентов»; во-вторых, сложное слово имеет единое значение, выражающее одно понятие, независимо от числа составляющих его компонентов; в-третьих, общее значение не является простым соположением нескольких основ и суммированием значений компонентов [16, с. 17].

Однако следует отметить то, что существует разделение между *синтаксическими* (syntactic compounds) и *лексическими* (lexical compounds) сложными словами. Значение синтаксического сложного слова прямо складывается из значений его компонентов (*bird cage* ‘птичья клетка’ – *a cage for birds* ‘клетка для птиц’). В лексическом сложном слове значение целой единицы не так очевидно, и для его определения в некоторых случаях требуется обращение к словарям. Например, по утверждению авторов, целостное значение единицы *ice cream* ‘мороженое’ не может быть выявлено путем следующей интерпретации: *They iced the cream* ‘Они заморозили сливки’ [17, р. 14, 15]. В дополнение следует отметить, что важным эффектом лексикализации сложного слова является то, что «один из элементов сложного слова может изменять свое значение или не участвовать в формировании общего значения» [18, с. 180]. Таким образом, мы видим, что семантически сходен с субстантивными составными номинативными единицами не весь пласт сложных слов с раздельным написанием, а только сложные слова с высокой степенью лексикализации.

В связи с этим нами также было обращено внимание на классификацию сложных слов, построенную на использовании метафорического и метонимического переноса в их деривации [19, с. 90]. В этом аспекте субстантивным составным номинативным единицам могут быть эквивалентны сложные слова, в которых значение главного компонента выражено явно и прямо, а зависимого – непрозрачно, с использованием механизмов переноса значения (*например, high tea* ‘вечернее чаепитие’, *happy hour* ‘час скидок’, *black market* ‘черный рынок’).

Соответствие сложных слов с раздельным вариантом написания субстантивным составным номинативным единицам наблюдается с позиции морфологического критерия. Морфологически

сочетание орфографически раздельноформленных компонентов, составляющих сложное целое, оформлено как единое целое и имеет одну парадигму. То есть словоизменительные аффиксы прибавляются ко всему комплексу в целом, а не к отдельным его частям при образовании тех или иных форм. Таким примером может быть множественное число у существительных: *I also don't do small talk very well*. 'Я тоже не очень-то умею вести светскую беседу'. – *Introverts do not waste their time engaging in small talks and gossiping around*. 'Интроверты не тратят понапрасну свое время на светские беседы и сплетни' [20].

В структурной организации аналогичным образом прослеживается схожесть природы субстантивных составных номинативных единиц и сложных слов. Порядок компонентов в сложном слове, организованном по модели «прилагательное + существительное» (*deadline* 'конечный срок'), совпадает со свободными атрибутивными словосочетаниями с атрибутивным компонентом, выраженным именем прилагательным (*dry weather* 'сухая погода'). В структурной организации компонентов сложные имена существительные, образованные по модели «существительное + существительное» (*toothpaste* 'зубная паста', *film-maker* 'кинематографист'), совпадают со свободными именными сочетаниями, в которых первый компонент выражен именем существительным в атрибутивной функции (*stone wall* 'каменная стена', *spring time* 'весеннее время'). Утверждается, что и субстантивные составные номинативные единицы в рамках различных подходов к их определению также организованы по модели субстантивного словосочетания, состоят из главного компонента, выраженного именем существительным, и определителя, выраженного именем существительным или прилагательным (*suicide bomber* 'смертник', *science fiction* 'научная фантастика', *full moon* 'полнолуние') [3; 21]. Из этого следует, что семантические характеристики имеют большее идентифицирующее значение.

Помимо структурно-семантических характеристик, путём применения трансформационной методики сопоставим особенности разграничения субстантивной составной номинативной единицы и свободного словосочетания, сложного слова и свободного словосочетания.

А. И. Смирницкий описал положения, в соответствии с которыми единицу можно квалифицировать как сложное слово или свободное словосочетание:

- 1) возможность употребления перед словосочетанием интенсификаторов (*very* 'очень' и т. д.);
- 2) «к сочетанию можно добавить прилагательное и между ним и первым компонентом поставить союз *and* 'и'»;
- 3) возможность изменения первого компонента словосочетания по степеням сравнения [8, с. 114–125].

В работе З. Н. Левита (1968) применительно к языковому материалу французского языка в отношении субстантивных составных номинативных единиц используется термин «аналитическое слово». Автор относит аналитические эквиваленты слова к номинативным средствам языка и утверждает, что отличием аналитических имен существительных от однотипных синтаксических словосочетаний является отрицательная реакция на такие трансформационные приёмы, как представление в форме предложения (компоненты словосочетания выступают в роли подлежащего и составного именного сказуемого), образование степени сравнения, распространение конструкции придаточным определительным предложением, присоединение наречия степени (например, *very*) [22, с. 200–209].

Рассмотрим свободное словосочетание *a high tree* 'высокое дерево' и составную номинативную единицу *high school* 'старшая школа'.

Свободное словосочетание допускает перечисленные преобразования без изменения лексического значения слов, что иллюстрируют следующие примеры: *a high tree* 'высокое дерево' – *This tree is high*. 'Это дерево высокое'. – *A higher tree*. 'Более высокое дерево'. – *The tree which is high*. 'Дерево, которое высокое'. – *A very high tree*. 'Очень высокое дерево'.

И, напротив, использование ССНЕ *high school* 'старшая школа' в преобразованных выражениях «*This school is high*» 'Эта школа – старшая' и «*The school which is high*» 'Школа, которая старшая' возможно лишь грамматически и в очень ограниченных ситуациях, например: *You must visit the school which is high*. 'Вы должны посетить ту школу, которая старшая'. Однако и в них более «уместными» будут следующие высказывания: «*You must visit the high school*» 'Вы должны посетить старшую школу' и «*This is the high school*» 'Это старшая школа'. Также при приведении в одну из степеней сравнения – «*higher school*» 'более старшая школа (досл.)' – составная номинативная единица получает значение «более высокая школа», имеется в виду высота здания. Предполагается, что данное выражение должно иметь значение «школа более высокой степени», и для передачи этого значения целесообразно использовать выражения «*a higher-level school*», «*a school of a higher*

level» ‘школа более высокой ступени’. Единица «*very high school*» ‘очень старшая школа (досл.)’, используемая с наречием-интенсификатором *very*, воспринимается как свободное словосочетание «очень высокая школа».

Можно заметить, что в случае составных номинативных единиц преобразования семантически не соотносятся с исходным словосочетанием, несмотря на то, что некоторые преобразования грамматически допустимы. Вследствие невозможности подобных перестановок сочетание «*high school*» ‘старшая школа’ может рассматриваться как субстантивная составная номинативная единица.

Похожие приёмы были описаны в другом исследовании в рамках модели «прилагательное + существительное». Субстантивные составные номинативные единицы в нем называются термином «лексикализованные фразы». Показано, что, во-первых, «прилагательное и существительное лексикализованных фраз нельзя разделить (иначе будет доступно только буквальное значение)»; в пример приводится фраза «*yellow jersey*» ‘жёлтая майка’ (майка лидера в велогонке, жёлтого цвета). Невозможно разделить это сочетание без изменения смысла, что становится очевидным при рассмотрении следующей фразы – *a yellow dirty jersey* ‘грязная жёлтая футболка’ (говорится про предмет одежды жёлтого цвета, какой-то, а не майку лидера велогонки). Во-вторых, «в лексикализованных фразах при изменении прилагательного также будет доступно только буквальное значение – *a very yellow jersey*» ‘очень жёлтая футболка’ [23, с. 1543–1547].

Очевидно, что при отграничении сложного слова и составной номинативной единицы от свободного словосочетания действуют одни и те же критерии. Это говорит о схожих процессах в семантической и структурной организации некоторых видов сложного слова и субстантивной составной номинативной единицы.

Заклучение

Таким образом, субстантивные составные номинативные единицы в английском языке обладают обособленным статусом. Они наделены следующими идентифицирующими характеристиками: орфографическая раздельнооформленность, наличие составной формы и образование по модели словосочетания, высокая степень слияния лексического значения компонентов, допустимое использование зависимого компонента в переносном значении при условии прямо выраженного значения главного компонента, невозможность трансформационных преобразований без изменения лексического значения слов-компонентов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кулаева, О. А. К вопросу о наименовании как основной номинативной единицы речи / О. А. Кулаева // Изв. Самарского науч. центра РАН. – 2008. – Т. 6, № 1. – С. 251–255.
2. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 159 с.
3. Levi, Judith N. The syntax and semantics of complex nominals / Judith N. Levi. – New York : Academic Press, 1978. – 301 p.
4. Warren, B. Semantic Patterns of Noun-Noun Compounds / B. Warren. – Gothenburg : Gothenburg University Press, 1978. – 266 p.
5. Bauer, L. When is a sequence of noun + noun a compound in English? / L. Bauer // English Language and Linguistics 2. – 1998. – № 2. – P. 65–86.
6. Olsen, S. Compounding and stress in English: A closer look at the boundary between morphology and syntax / S. Olsen // Linguistische Berichte. – 2000. – P. 55–69.
7. Bauer, L. Introducing Linguistic Morphology / L. Bauer. – 2nd ed. – Washington, DC : Georgetown University Press, 2003. – 384 p.
8. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.
9. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/rainforest/>. – Date of access: 23.01.2022.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. – 4th ed. – Harlow : Pearson Education Limited, 2005. – 1950 p.

11. Мешков, О. Д. Словосложение в современном английском языке / О. Д. Мешков. – М. : Высш. шк., 1985. – 187 с.
12. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1986. – 295 с.
13. Языковая номинация / А. А. Уфимцева [и др.]. – М. : Наука, 1977. – 358 с.
14. Вардзелашвили, Ж. А. К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях / Ж. А. Вардзелашвили // Славистика в Грузии : сб. науч. ст. – Тбилиси, 2000. – № 1. – С. 62–68.
15. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/red-list>. – Date of access: 01.02.2022.
16. Градалева, Е. А. Способы разграничения сложных слов и словосочетаний английского языка / Е. А. Градалева // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – № 10 (163). – С. 15–19.
17. Stockwell, Robert. English Words: History and Structure / Robert Stockwell, Donka Minkova. – Cambridge University Press, 2001. – 208 p.
18. Katamba, F. Morphology Critical Concepts in Linguistics / F. Katamba. – London : Routledge, 2004. – Vol. 2. – 424 p.
19. Benczes, Reka. Creative compounding in English: The semantics of metaphorical and metonymical noun-noun combinations / Reka Benczes. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Co, 2006. – 206 p.
20. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Date of access: 15.12.2021.
21. Вяничева, Т. В. Субстантив-субстантивная синлексика современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Вяничева. – Томск, 2000. – 24 с.
22. Левит, З. Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке / З. Н. Левит. – Минск : Высш. шк., 1968. – 449 с.
23. Schlücker, Barbara. Compound or phrase? Analogy in naming / Barbara Schlücker, Ingo Plag // Lingua. – 2011. – Vol. 121, № 7. – P. 1539–1551.

Поступила в редакцию 10.03.2022

E-mail: vadim.turovec@mail.ru

V. S. Turovets

THE STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF SUBSTANTIVE COMPOUND NOMINATIVE UNITS IN THE ENGLISH LANGUAGE

The results of comparative analysis of the structural and semantic characteristics of substantive compound nominative units, compound words and free phrases in the English language make it possible to establish substantive compound nominative units as a separate group of nominative units. The identifying characteristics that indicate affiliation of individual word combinations to the group of substantive composite nominative units are defined.

Keywords: semantics, nomination, nominative units, compound word, structural and semantic characteristics.

А. Н. Федоринчик

Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и лингводидактики,
УО «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка»,
г. Минск, Республика Беларусь

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ СТРАХА
В ПОЭЗИИ В. БРЮСОВА И Б. ПАСТЕРНАКА**

В статье на материале поэзии В. Брюсова, Б. Пастернака анализируются образные признаки страха, манифестирующие мир неживой природы, мир пространственно-временной организации, потусторонний мир, символический мир. Выявляются общие для поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака М-модели и индивидуально-авторские М-модели, К-метафоры. Результаты исследования могут быть использованы в составлении словарей языка писателя, в преподавании когнитивной лингвистики, лингвистического анализа художественного текста.

Ключевые слова: В. Брюсов, Б. Пастернак, страх, образные признаки, М-модель, К-метафора.

Введение

Осмысление внутреннего мира человека и постижение устройства мироздания невозможны без раскрытия специфики реализации *страха* в эмоциональной картине мира. Анализу феномена *страха* посвящены работы Н. А. Бердяева [1], А. А. Борисова [2], А. В. Гостевой [3], С. В. Зайкиной [4], Г. К. Капышевой [5], С. Кьеркегора [6], М. В. Никитина [7], А. Пятигорского [8], Ю. С. Степанова [9]. А. В. Гостева и О. В. Сулемина анализируют особенности универсалии «страха / ужаса» в русской литературе XVIII – начала XX в. [3]. Ученые полагают, что «понятие эмоции страха является универсальным и тем самым обуславливает наличие общих когнитивных признаков» [10, с. 9]. Ю. Д. Апресян считает, что *страх* – это «неприятное чувство, подобное ощущению, какое бывает при холоде; он возникает, когда человек (или другое живое существо) воспринимает объект, который он оценивает или ощущает как опасный для себя и в контакт с которым он не хотел бы входить. В состоянии страха человек бледнеет, у него учащается сердцебиение, прерывается голос и возникает желание сжаться, спрятаться, убежать от опасности» [11, с. 53]. Многогранность *страха* отражена в классификации Н. В. Кирилловой: «В зависимости от каузации различают внешний и внутренний страхи, от соответствия и несоответствия норме – нормальные и патологические. При классификации страха по критерию продолжительности различают страх как кратковременное состояние, именуемое *испугом*, и как устойчивую черту характера, которая известна как *боязнь* или *трусость*. По критерию интенсивности человеческого страх может варьироваться от *испуга* (слабая степень страха) до *паники* и *ужаса* (сильнейшая степень эмоции)» [10, с. 9]. З. Фрейд комментирует, что *испуг* – «состояние, возникающее при опасности, когда субъект оказывается к ней не подготовлен, он подчеркивает момент неожиданности» [12, с. 386]. Исследователи оценивают *страх* и *ужас* как тождественные и как разнополюсные эмоции. Так, Л. Липавский утверждает, что «ужасность» есть «свойство порождать в живых существах страх» [13]. Н. А. Бердяев отмечает, что «страх, всегда связанный с эмпирической опасностью, нужно отличать от ужаса, который связан не с эмпирической опасностью, а с трансцендентным, с тоской бытия и небытия» [1, с. 294]. Е. Е. Стефанский, анализируя тревогу как вид *страха*, утверждает, что «на периферии русского языка рассматриваемый вид страха может быть обозначен грамматическими средствами – формой множественного числа *страхи*. Тем самым в русской лингвокультуре концептуализировались мифологические представления об аффекте иррационального страха как вселения в душу человека злых духов (страхов). Подобная концептуализация данного вида страха в русской лингвокультуре, причем на грамматическом уровне, свидетельствует о том, что в русской картине мира иррациональный страх воспринимается как болезнь, выходящая за рамки нормального поведения» [14, с. 15]. Приведенные суждения исследователей говорят о разнообразии проявлений *страха* в эмоциональной картине мира, о значимости данной эмоции в формировании мировосприятия языковой личности.

Важную роль в раскрытии специфики поэтической картины мира В. Брюсова и Б. Пастернака играет образное представление эмоций. Поэтому целью данного исследования является рассмотрение реализации образного содержания *страха* в поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака.

Актуальность работы обусловлена значимостью сравнительной характеристики образных признаков *страха*, манифестирующих мир неживой природы, мир пространственно-временной организации, потусторонний мир, символический мир. Данная характеристика позволяет выявить как общие для В. Брюсова и Б. Пастернака метафорические репрезентации *страха*, так и индивидуально-авторские.

Методы и методология исследования

Поставленная цель определила методы и методологию исследования. В данной работе использованы описательный метод, метод лингвистической интерпретации художественного текста, методы количественного, контекстного, концептуального, функционально-семантического анализа. Взаимодействие семасиологического, лингвокультурного и лингвопозитического подходов позволяет комплексно изучить специфику эмоциональной картины мира В. Брюсова и Б. Пастернака.

Материалом исследования послужили поэтические тексты академических собраний сочинений В. Брюсова и Б. Пастернака [15–19], а также данные поэтического корпуса НКРЯ [20].

Результаты исследования и их обсуждение

Репрезентанты *страха* в поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака служат раскрытию специфики образной реализации эмоции. О значимости эмоции *страх* в произведениях обоих авторов свидетельствуют сильная позиция лексем-репрезентантов в тексте («*Ночные страхи*», «*К блаженно-страшной смерти*», «*Да будет страшный год борьбы*», «*Стали, секиры, стрелы, сумрачной смерти страшной!*», «*Будет на страшном суде тебе стыдно!*», «*Кошмар*», «*Вещий ужас*», «*Ночью ужас беспричинный*», «*Желанье, ужасу подобное*», «*Сказку счастья, ужаса и крови!*» (В. Брюсов); «*Страшная сказка*», «*Страшных судов, не съезжавшихся к сессии*», «*Рассказали страшное*», «*Вновь близит страшный поцелуй*», «*В испуге топчут прерии*», «*Ужасный! – Капнет и вслушивается*» (Б. Пастернак)), а также данные их частотности, представленные в поэтическом корпусе НКРЯ [20]. Так, в произведениях поэтов, помимо ключевой лексемы *страх* (53 с/у) (В. Брюсов) и 11 с/у (Б. Пастернак), активно используется лексема *ужас* (87 с/у (В. Брюсов) и 15 с/у (Б. Пастернак). Лексема *кошмар* продуктивна в произведениях В. Брюсова (14 с/у), в произведениях Б. Пастернака наблюдается 2 с/у указанной лексемы. Частотность лексемы *испуг* составляет 16 с/у в текстах В. Брюсова, 11 с/у в текстах Б. Пастернака. Лексема *тревога* имеет 3 с/у в брюсовских контекстах, 5 с/у в пастернаковских. Названные репрезентанты *страха* манифестируют разную степень проявления эмоции. В поэтических произведениях В. Брюсова и Б. Пастернака встречаются лексемы-репрезентанты *страшный* (115 с/у у В. Брюсова и 34 с/у у Б. Пастернака), *страшен*, *страшно*, содержащие качественную характеристику эмоции. Многоплановость реализации в кодированном языке и в языке поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака приведённых выше лексем-репрезентантов *страха* подтверждает суждение ученых о том, что «прилагательные “страшный” и “ужасный” и соответствующие наречия едва ли не в большинстве случаев не подразумевают страх и ужас как таковые, а просто подчеркивают экспрессивный характер высказывания <...>. Однако есть случаи, когда эпитет “страшно” / “ужасно”, выражая как будто речевую экспрессию, обладает психологическими и даже философскими коннотациями» [3, с. 277]. В поэтических произведениях В. Брюсова *страх* осмысливается неоднозначно, о чем говорит контрастное восприятие эмоции (*бесстрашье*, *бесстрашно*, *неустрашимо*). Созданию ярких образов у В. Брюсова служат окказионализмы *блаженно-страшный*, *предвечно-страшные*. В поэтических текстах Б. Пастернак использует фразеологическую единицу *страху задать* и поговорку *у страха глаза велики*, которые отражают фольклорные представления о *страхе*.

Образное содержание *страха* в поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака продуктивно представлено метафорическими репрезентантами. Опираясь на теорию концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона [21], в ходе исследования поэтических текстов рассматриваемых авторов были выделены М-модели и К-метафоры. В работе М-модель рассматривается «как пара сущностей – соответствие между элементами источника и элементами цели» [21, с. 12], К-метафоры определяются как пары, конкретизирующие языковые и культурные соответствия между источником и целью, служащие средством познания семантической структуры лексем-репрезентантов эмоции.

Значима в раскрытии авторского мироощущения метафорическая репрезентация мира неживой природы, мира пространственно-временной организации, потустороннего мира, символического мира.

Мир неживой природы эксплицирован М-моделями «*страх – стихия*», «*страх – предмет*» (В. Брюсов, Б. Пастернак), «*страх – вещество*» (В. Брюсов), «*страх – строение*» (Б. Пастернак).

В поэтических произведениях В. Брюсова и Б. Пастернака М-модель «страх – стихия» манифестирует **природные признаки**. У В. Брюсова указанная М-модель реализуется в тексте: *Чтоб двух племен гнев, стыд и страх, / Как укрощенную стихию, / Праправнук мог топтать во прах*, конкретизируется М-моделями: а) «страх – воздух» посредством К-метафор *страх (ужас) – вихрь: И, схвачен вихрем ужаса и страсти, / Всем телом биться о ступени плит!, страх (ужас) – ветер: Недвижимый свод неподвижной тюрьмы, / Обвеянный Ужасом Тьмы...*; б) «страх – огонь» (огонь – сказочный персонаж): *Страшен ты, Кащей летучий!* У Б. Пастернака М-модель «страх – стихия» конкретизируется М-моделью «страх – воздух», которая представлена К-метафорой *страх (тревога) – ветер: Тревога подула с грядущего, / Как с юга дует сирокко*.

В поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака *страх* организует процесс взаимодействия лирического героя с миром природы. Внимание лирического героя сосредоточено на жизни природных явлений, он наблюдает, ощущает её изменения, трансформирует увиденное и услышанное, отражает через своё мироощущение. В то же время мир природы способствует раскрытию и познанию своего «Я» героем.

Предметные признаки *страха* у обоих авторов передает М-модель «страх – предмет». В поэтических текстах В. Брюсова данная М-модель реализуется в контекстах: *Ристатель! страх напрасный брось!; Солнце встало! Страх отбросим!*, а также посредством К-метафоры *страхи – груз: Те страхи – груз наследий / Веков, когда медведи / Царили на земле*. В поэзии Б. Пастернака М-модель «страх – предмет» манифестируется К-метафорой *страх (тревога) – посуда: Брось, к чему швырять тарелки, / Бить тревогу, бить стаканы?*

Вещественные признаки в поэтических текстах В. Брюсова реализуются М-моделью «страх – вещество» через К-метафоры *страх (ужас) – яд: Там тот же ужас в сменах света, там / Из той же чаши черплют яд поэты, страх – газообразное вещество: Гроза близка. У сада пахнет / Из усыхающего рта / Крапивой, кровлей, тленьем, страхом*.

М-модель «страх – строение», выявленная только в поэзии Б. Пастернака, эксплицируется посредством К-метафоры *страхи (ужасы) – дом: А ночь, а ночь! Да это ж ад, дом ужасов!*

Мир пространственно-временной организации манифестируется в пастернаковских произведениях М-моделью «страх (ужас) – пространство», в брюсовских произведениях – М-модель «страх – время».

Пространственные признаки *страха* в поэзии Б. Пастернака раскрываются посредством М-модели «страх (ужас) – пространство» в контексте: *Усадьба и ужас, пустой в остальном: / Шкафы с хрусталем и ковры и лари. / Забор привлекало, что дом воспален. / Снаружи казалось, улюстр плеврит*. В поэзии В. Брюсова **темпоральные признаки** передаются посредством М-модели «страх – время» в контекстах: *Подходит страшный час незнанья, / Единства и слиянья час...; Где сотням тысяч – страшны, странны, / Дни без Вождя! нет, вся земля, / Материки, народы, страны; Не пробьет ли страшный час, / Соблазнявший столько раз!* Данные признаки у В. Брюсова реализуются в тексте, имеющем сакральные коннотации: *Кровавое время недавнее / Страшит, как в мечтах святотатство*, а также посредством К-метафор *страх – время суток: Ночные страхи, страх (кошмар) – единица времени: Я сам сознаю, что немного минут / Продлится кошмар, но минуты бегут*. **Темпоральные признаки** *страха* в поэзии Б. Пастернака не наблюдаются.

В поэзии В. Брюсова *страх* является неотъемлемой составляющей потустороннего мира. **Мистические признаки** *страха* манифестируются М-моделью «страх – колдовская сила» через К-метафоры *страх (кошмар) – демон: Есть в мире демон, с женственным лицом, / С когтями львицы, с телом сухопарым; / Садится к спящим он, согнут кольцом, / На грудь, и мы – зовем его Кошмаром, страхи – чары: Все гинет вмиг, исчезнут страхи чар*. В поэтических произведениях В. Брюсова мистическое мировосприятие лирического героя предстает в демонических образах: *И вот одна, покинув страшный круг, / Приблизилась ко мне, как демон некий. / Ужасный лик я видел через веки, / Горбатый стан угадывал, – и вдруг / Я расслышал, как труп на дне гробницы, / Ее слова, – как заклинанья жрицы*. Поэзии Б. Пастернака не свойственна мистическая, демоническая реализация *страха*.

Символический мир в поэтических произведениях В. Брюсова и Б. Пастернака репрезентирован цветовой характеристикой *страха*. Так, в поэзии В. Брюсова **цветовые признаки** переданы М-моделью «страх (ужас) – нечто цветное» через К-метафору *страх (ужас) – нечто черное* (черный цвет актуализирует ощущение *страха* смерти): *Что наша жизнь? <...> Да ужас смерти, черной тучей / Висящий над рекой бегучей*. В поэзии Б. Пастернака указанные признаки представлены М-моделями «страх (испуг) – нечто цветное», «страх (ужас) – нечто цветное» посредством К-метафор *страх (испуг) – нечто белое: Распухший кустарник был бел, как испуг, страх (испуг) – нечто синее: Улицы зимней синий испуг* (белый и синий цвета испуга

символизируют у поэта очищение), *страх (ужас) – нечто желтое: Пути себе расчистив, / На жизнь мою с холма / Сквозь желтый ужас листьев / Уставилась зима* (желтый цвет ужаса у поэта символизирует *грусть*). Примечательно, что у обоих поэтов цветовая характеристика дана через природные образы (*кустарник бел, туча черная, желтый ужас листьев, зимней улицы синий испуг*), что говорит о целостности мировосприятия, мироощущения: природное естество и эмоциональный мир человека представляют собой взаимодействующие составляющие картины мира.

Заключение

Проанализированный материал свидетельствует о богатстве образного содержания эмоции *страх* в поэтических произведениях В. Брюсова и Б. Пастернака. Метафорические репрезентации мира неживой природы, потустороннего мира, символического мира, мира пространственно-временной организации говорят об особенностях индивидуально-авторского восприятия поэтов. Наиболее продуктивно представлены экспликации природных и пространственных признаков *страха* в поэтических текстах рассматриваемых авторов, активно реализованы темпоральные и мистические признаки названной эмоции в брюсовских контекстах. Вышеизложенное доказывает, что *страх* в поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака является значимой эмоцией, раскрывающей особенности мировосприятия лирического героя, межличностных отношений, авторского мироощущения, философского осмысления бытия. Поэтому исследованный материал может быть использован в составлении словарей языка писателя, в преподавании когнитивной лингвистики и лингвистического анализа художественного текста.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бердяев, Н. Тоска / Н. Бердяев // Самопознание / Н. Бердяев. – М. : Харьков, 1997. – С. 294–300.
2. Борисов, А. А. Языковые средства выражения эмоционального концепта Страх: лингвокогнитивный аспект (на материале современной англоязычной художественной прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Борисов ; Житомир. гос. ун-т. – Донецк, 2005. – 21 с.
3. Гостева, А. В. Страх / ужас / А. В. Гостева, О. В. Сулемина // Русские литературные универсалии (типология, семантика, динамика) / А. А. Фаустов [и др.] ; науч. ред. А. А. Фаустов. – Воронеж, 2011. – С. 274–369.
4. Зайкина, С. В. Страх / С. В. Зайкина // Антология концептов / науч. ред.: В. И. Карасик, И. А. Стернин. – М., 2007. – С. 182–197.
5. Капышева, Г. К. Межъязыковые фразеологические эквиваленты семантического поля «страх» в разносистемных языках (на материале немецкого, английского, русского и казахского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. К. Капышева ; Каз. ун-т междунар. отношений и мировых яз. – Алматы, 2006. – 28 с.
6. Кьеркегор, С. Понятие страха: простое, психологически намеченное размышление в направлении догматической проблемы первородного греха : написано В. Хауфниенсием / С. Кьеркегор ; пер. с дат., вступ. ст. и примеч. Н. Исаевой, С. Исаева. – М. : Акад. проект, 2012. – 217 с.
7. Никитин, М. В. Реализация концепта «Страх» в сценариях городской легенды : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. В. Никитин ; Челябин. гос. ун-т. – Челябинск, 2002. – 24 с.
8. Пятигорский, А. Страх из 2009 года / А. Пятигорский // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 5. – С. 3–16.
9. Степанов, Ю. С. Страх, тоска / Ю. С. Степанов // Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – С. 670–690.
10. Кириллова, Н. В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. В. Кириллова ; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2007. – 30 с.
11. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Избр. тр. : в 2 т. – М., 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 348–388.
12. Фрейд, З. Психология бессознательного : сб. произведений : пер. / З. Фрейд ; сост. науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. – М. : Просвещение, 1989. – 448 с.
13. Липавский, Л. Исследование ужаса / Л. Липавский // «...Сборище друзей, оставленных судьбою» : А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Л. Олейников : «Чинари» в текстах, док. и исслед. : в 2 т. / вступ. ст. А. Л. Дмитренко, В. Н. Сажина. – М., 1998. – Т. 1 : А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин / сост., подгот. текстов и примеч. Л. С. Друскиной [и др.]. – С. 76–92.

14. Стефанский, Е. Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. Е. Стефанский ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2009. – 48 с.
15. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов ; под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.] ; подгот. текстов и примеч. Н. С. Ашукина [и др.] ; вступ. ст. П. Г. Антокольского. – М. : Художеств. лит., 1973–1975. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. – 1973. – 670 с.
16. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов ; под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.] ; вступ. ст. П. Г. Антокольского. – М. : Художеств. лит., 1973–1975. – Т. 2 : Стихотворения, 1909–1917 / подгот. текстов и примеч. А. А. Козловского. – 1973. – 494 с.
17. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов ; под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.] ; вступ. ст. П. Г. Антокольского. – М. : Художеств. лит., 1973–1975. – Т. 3 : Стихотворения 1918–1924 ; Поэма «Египетские ночи» и стихотворения, не включавшиеся В. Я. Брюсовым в сборники 1891–1924 / подгот. текстов и примеч. М. В. Васильева [и др.]. – 1974. – 694 с.
18. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. / Б. Л. Пастернак ; гл. ред. Д. В. Тевеклян ; предисл. Л. С. Флейшмана. – М. : Слово / Slovo, 2003–2005. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы, 1912–1931 / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернак. – 2003. – 573 с.
19. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. / Б. Л. Пастернак ; гл. ред. Д. В. Тевеклян ; предисл. Л. С. Флейшмана. – М. : Слово / Slovo, 2003–2005. – Т. 2 : Спекторский : роман в стихах ; Стихотворения, 1930–1959 / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернак. – 2004. – 525 с.
20. Поэтический корпус [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>. – Дата доступа: 16.10.2020.
21. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 252 с.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНЯТЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка;
М-модель – метафорическая модель;
К-метафора – концептуальная метафора;
с/у – словоупотребление.

Поступила в редакцию 18.04.2022

E-mail: fedorinchik.alla@mail.ru

A. N. Fedorinchik

REPRESENTATION OF THE FIGURATIVE CONTENT OF FEAR IN THE POETRY OF V. BRYUSOV AND B. PASTERNAK

Based on the poetry of V. Bryusov and B. Pasternak, the article analyzes figurative signs of fear that manifest the world of inanimate nature, the world of spatio-temporal organization, the other world, the symbolic world. M-models common to the poetry of V. Bryusov and B. Pasternak and individual author's M-models, K-metaphors are revealed. The results of the research can be used in compiling dictionaries of the writer's language, in teaching cognitive linguistics, linguistic analysis of a literary text.

Keywords: V. Bryusov, B. Pasternak, fear, figurative features, M-model, K-metaphor.

УДК 811.161.3

Н. У. Чайка

Доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі,
УА «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка»,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

ТЭНДЭНЦЫЯ ДА ЭКАНОМІІ МОЎНЫХ СРОДКАЎ У СІНТАКСІЧНАЙ СІСТЭМЕ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Артыкул прысвечаны вывучэнню адной з ключавых тэндэнцый у сінтаксічнай сістэме сучаснай беларускай мовы – тэндэнцыі да эканамічнасці выказвання. На сучасным этапе неабходнасць інфармацыйнага акцэнтавання і аналітызму прадуцывае значную колькасць сінтаксічных дэрываў – канструкцый эліптычных, няпоўных, рэдукаваных, з імпліцытнай семантыкай. У артыкуле праведзена сінтаксічная рэпрэзентацыя эканамічнасці выказвання – канструкцый няпоўных і эліптычных. Прадстаўлены спосабы актуалізацыі важнай інфармацыі, што спрыяе дынамічнаму развіццю сінтаксічных адзінак і іх камунікатыўнаму ўдасканаленню.

Ключавыя словы: тэндэнцыя да эканоміі, інфармацыйнае акцэнтаванне, дыстынктнасць выказвання, аналітызм, эліптычныя канструкцыі, няпоўныя кантэкстуальныя сказы, няпоўныя сітуацыйныя канструкцыі, дыялагічныя адзінствы, сінтаксічная дэрывацыя.

Уводзіны

Сінтаксічная сістэма беларускай мовы бесперапынна развіваецца, што выклікае шырокае функцыянаванне структурна-сінтаксічных мадыфікацый – сказаў з эліпсісам дзеяслова, канструкцый парцэляваных, з імпліцытнай семантыкай, з сінтаксічнай рэдукцыяй і кампрэсіяй, вытворных. Функцыянаванне падобных канструкцый абумоўлена тэндэнцыямі да аналітызму, дыстынктнасці і эканоміі, якія выкліканы хуткім тэпам жыцця і пашырэннем інтэрнэт-прасторы. Вуснае маўленне, якое ўсё часцей выконвае ролю сродку ўздзеяння, прымушае носьбітаў мовы акцэнтаваць энсавыя часткі выказвання. Па гэтай прычыне канструкцыі скарачаюцца ў аб'ёме, змяшчаюць толькі новую інфармацыю і патрабуюць аналітычнага падыходу пры дэкадзіраванні закладзенай інфармацыі.

Метады і метадалогія даследавання

Сінтаксічную дэрывацыю як фактар эканоміі выказвання закралі ў даследаваннях Дж. Арма [1], М. Вішнеўскі [2], А. В. Грудзева [3], А. М. Мухін [4], Т. Д. Шабанава [5]. Аналізаваліся пераважна з'явы эліпсіса і непаўнаты як праявы структурнай рэдукцыі зместу. Дыстынктнасць выказвання вывучалася ў працах К. Карлсан [6], П. А. Леканта [7], Г. А. Золатавай [8] і характарызуецца дакладнасцю, лагічнасцю выкладу інфармацыі.

Аналітызм на ўзроўні сінтаксісу вывучаўся даследчыкамі З. Выхадзілавай [9], Т. А. Коласавай [10], Я. У. Лісочанка [11], С. С. Дзікаравай [12], Б. Хаўнспергер [13], А. Унішэўска [14].

Відавочна, што на сённяшні дзень існуе значная колькасць прац, прысвечаных з'яве, што стала прадметам аналізу. Пры гэтым на беларускамоўным матэрыяле падобныя даследаванні ў дастатковай ступені не праводзіліся. Актуальнасць падобнага вывучэння абумоўлена патрэбай выяўлення фактараў дынамікі сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы, неабходнасцю аналізу моўнай рэпрэзентацыі тэндэнцый да эканамічнасці, дыстынктнасці і аналітызму.

Пры аналізе сінтаксічных з'яў намі выкарыстоўваліся тыпалагічна-супастаўляльны, дыстрыбутыўны метады, кампанентны аналіз, сінтаксічнае мадэляванне.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Найбольш значнай тэндэнцыяй у сучаснай беларускай мове выступае *эканамічнасць выказвання*, якая прадуцывае значную колькасць структурна-сінтаксічных мадыфікацый – гэта пераважна канструкцыі няпоўныя, эліптычныя і вытворныя.

Найбольш пашыраны ў беларускай мове *няпоўныя канструкцыі*. Няпоўнымі лічацца сказы з пропускам аднаго ці больш структурных кампанентаў. Узнаўляюцца апушчаныя кампаненты

з кантэксту: *Кольшаў стаіць ззаду вежы, трымаючы ў руцэ аўтамат. Каля яго некалькі аўтаматчыкаў* (І. Мележ) або з дапамогай моўнай сітуацыі: *Вера (паказваючы на Тулягу, які ўвайшоў). А вось яшчэ адзін шаноўны далакоп. Што з вамі, Мікіта Сымонавіч? Чым вы так усхваляваны?* (К. Крапіва), або ў структуры дыялагічнага адзінства: *Ганна. Бубніш нешта сам сабе... Маліўся, ці што? Васіль. Размаўляў... з Сонцам...* (А. Дударэў).

Няпоўныя сказы не ўтвараюць асобнага структурнага тыпу, а ўваходзяць у агульную парадыгму сказа разам з іншымі структурна-сінтаксічнымі мадыфікацыямі канструкцыі. Пропуск члена можа назірацца ў структуры простага двухсастаўнага сказа: *Кольшаў стаіць ззаду вежы, трымаючы ў руцэ аўтамат. Каля яго некалькі аўтаматчыкаў* (І. Мележ), аднасастаўнага: *Завушніцы, пэрлы на іх зіхацяць, такія, як болей ні ў кога, так у Полацку ўмеюць красу вырабляць майстры рамяства залатога* (Л. Геніюш), а таксама складанага: *Было неба то сіняе, то ружовае, // А пад ім малая хатка рыбака. // І было, як неба, возера шырокае, // Шумела там заўсёды асака* (М. Танк).

Асноўнай прыкметай няпоўных сказаў з'яўляецца нязменны характар сінтаксічных сувязей і адносін, што ўласцівы зыходнай мадэлі. Пры пропуску галоўных членаў сказа паміж матэрыяльна выражаным і апушчаным членамі сказа захоўваюцца прэдыкатыўныя адносіны: *Жывіца то радаваўся, то гаварыў. Убачыў патаптанае жыта, падбег туды, пахадзіў...: – Ай-ой, колькі жыта здратавана!* (І. Мележ). Матэрыяльна выражаныя даданыя члены сказа ўказваюць на розныя віды падпарадкавальнай сінтаксічнай сувязі, а значыць, на дзеяслоўнае кіраванне імі: *Трое маіх сяброў ідуць па белай нерушы, і ланцужкі іх слядоў абрываюцца. Спачатку за адным, потым за другім, потым за трэцім* (У. Арлоў).

Структурная класіфікацыя няпоўных сказаў заснавана на спосабах узнаўлення апушчанага члена. Дубліраванне апушчанага кампанента назіраецца ў кантэкстуальных няпоўных сказах: *Б у с ь к о. Ты, Хведзька, Хведар Паўлавіч, будзеш намі кіраваць, а мы – другімі!.. Пад тваім кіраўніцтвам. Будзем выконваць тваю жалезную волю і ўказанні* (А. Макаёнак) і ў няпоўных сказах у структуры дыялагічнага адзінства: *– Хто вядзе роту? – перамагаючы боль запытаў ён. – Дрозд* (І. Мележ). Фарміраванне зместу сказа на аснове семантычнага ўзаемадзеяння кампанентаў характэрна для сітуацыйных няпоўных сказаў: *Не з н а ё м а я ж а н ч ы н а. (Падыходзіць да кабінета і намерваецца пастукаць. Дзверы адчыняюцца і высоўваецца Гарлахвацкі.) Можна, таварыш дырэктар? У вас, казалі, для машыністкі работа ёсць?* (К. Крапіва). У сітуацыйных няпоўных сказах узнаўленне апушчанага кампанента ўзнаўляецца з моўнай сітуацыі, пры гэтым яго рэпрэзентацыя ў кантэксце адсутнічае.

Няпоўныя сказы выступаюць таксама сродкам актуальнага падзелу паведамлення. Пропуск кампанентаў дазваляе актуалізаваць яго камунікатыўны цэнтр, узмацніць інфарматыўную значымасць членаў сказа – дзейніка: *Маладзкі у нябёсах блукае бязмежных, // А на вуліцах – ноч... мітульга... // І ля бліжняй да нас трансфармацыйнай вежы // Электрычных праменьняў дуга* (Ю. Гаўбін), выказніка: *С в я т л а н а. А ён не пускаў. Хацеў, каб я паступала ў яго інстытут. Я адмовілася. Прыехала ў Мінск і паступіла сама. Паглядзі ў акно. Учора ўвечары, калі мы выходзілі з клінікі, ён стаяў на тым жа месцы* (А. Дзялендзік), дапаўнення: *С в я т л а н а. Ён жа цябе кахаў. І ты яго. (Падыходзіць да акна.) Галіна (пасля паўзы, горка). І гэтага дастаткова?* (А. Дзялендзік), акалічнасці: *Тры сцежкі на нашай зямельцы праходзяць, // Тры сцежкі. // Адна на Заход – да Варшавы. // Другая на Ўсход – да Масквы. // А трэцяя – проста ўпярод* (З. Бядуля).

Найбольш выразна тэндэнцыя да эканамічнасці праяўляецца ў няпоўных кантэкстуальных сказах, бо кантэкст дае магчымасць апускаць любыя кампаненты, не перашкаджаючы пры гэтым канструкцыі выконваць камунікатыўную функцыю. Да кантэкстуальных няпоўных адносяцца сказы з апушчаным адным або некалькімі неабходнымі структурнымі кампанентамі, якія дубліруюцца ў папярэднім або наступным кантэксце: *Вясёлай чародкаю дзяўчаты знікаюць з вестыбюлю. Галіна напраўляе валасы. З'яўляецца Святлана, кволая, стомленая. Падыходзіць да гардэроба, сядзе на лаўку, пачынае развязаць тасёмкі халата* (А. Дзялендзік) ці ў структуры поліпрэдыкатыўнай сінтаксічнай адзінкі: *У белай кофточцы шаўковай, // І валасы – святлісты шоўк. // Глядзіць разгублена наўкола: // Няма! Спазніўся! Не прыйшоў!* (Н. Гілевіч).

Класіфікацыя кантэкстуальных няпоўных сказаў ажыццяўляецца на аснове апушчанага кампанента. Пропуск *дзейніка* назіраецца ў няпоўных сказах, дзе кампанент дубліруецца ў кантэксце і не нясе сэнсавай нагрукі: *Потым пачала раскаваць, як жыла раней, вясёлыя, смяшлівыя гісторыі ... Яна, мусіць, хацела, каб Ніна, слухаючы гэтыя ўспаміны, забылася на свой боль*

(І. Мележ). Такія сказы структурна і семантычна праецыруюцца на поўны сказ, што дазваляе ім выконваць камунікатыўную функцыю ў поўнай меры.

У няпоўных сказах можа апускацца *выказнік*, калі ён быў названы ў кантэксте: *Д з я ц е л. Чаго толькі ні пішуць. Адна газета – адно, другая – другое... Партый адных колькі – тут табе і меншавікі, і большавікі, і эсэры, і гэтыя, як іх... сацыялісты-рэвалюцыянеры...* (І. Мележ). Пропуск выказніка можа ажыццяўляцца пры ўмове яго неактуальнасці і дубліраванні ў структуры кантэксту. Гэта абумоўлена граматычнай значнасцю выказніка ў сказе: ён з'яўляецца носьбітам прэдыкатыўнасці і ўказвае на значэнні тэмпаральнасці, мадальнасці і персанальнасці.

Даданыя члены апускаюцца ў няпоўных сказах значна радзей, што абумоўлена іх факультатыўным характарам у структуры сказа. Прапускацца ў няпоўных сказах можа толькі прамое *дапаўненне*, на адсутнасць якога ўказвае незамешчаная сінтаксічная пазіцыя ў сказе і дубліраванне апушчанага кампанента ў кантэксте: *В а л я. Я не хацела хмарыць сустрэчу, але калі ты так хочаш ведаць... Дзядзьку майго арыштавалі. Антона* (І. Мележ).

Не выдзяляюцца ў асобны структурны тып канструкцыі з пропускам акалічнасці і азначэння, бо яны маюць факультатыўны характар і іх адсутнасць не ўтварае незамешчаных сінтаксічных пазіцый. Такія сказы з'яўляюцца структурна і семантычна поўнымі.

Няпоўнай можа быць частка складаных сказаў – складаназлучаных: *Было неба то сіняе, то ружовае, // А пад ім малая хатка рыбака. // І было, як неба, возера шырокае, // Шумела там заўсёды асакі* (М. Танк), складаназалежных: *Аклян пірамідак, якіх раней было больш, чым крыжоў, і крыжоў, якіх з кожным годам усё больш ды больш...* (Я. Брыль), бяззлучнікавых: *А д з і н ц о ў. Я, можа, лішне настойлівы: якая?* (І. Мележ), камбінаванай будовы: *Я на сухі пагорак узыду, // А позірк пільны – незнаёма пудкі, // Вунь дом у трох бярэзін на віду, // І тры акны, і ў кожным – забудкі* (Р. Баравікова).

Пропуск кампанента ў падобных сказах назіраецца часцей у апошняй частцы, і прапускацца можа дзейнік: *Ратуі людзей з бяды ліхой, іх душы // На гвалт і на адчай не пакідай, // Ты радасць ім нясі, сабе – адчай, // Ім – волю, гвалт – сабе, // Ты духам дужы* (А. Куляшоў), выказнік: *Мы жывём у хаце, над намі жыве гарышча, над гарышчам – неба* (У. Арлоў), *дапаўненне: А можа быць, яна наўмысна // Зрабіла так?.. А для чаго? // На што – калі ёй ненавісна // Любая згадка пра яго?* (Н. Гілевіч).

Спосабам эканоміі моўных сродкаў таксама выступаюць *эліптычныя канструкцыі*, асабліва поліпрэдыкатыўны тып, дзе кампенсацыя сэнсу ажыццяўляецца ў структуры самой канструкцыі. Паміж прэдыкатыўнымі часткамі складанага сказа з паратаксічнай сувязю назіраецца адсутнасць сэнсавай залежнасці, аднак пры гэтым ступень частотнасці канструкцый з супастаўляльнымі і супраціўнымі адносінамі высокая. Гэты факт абумоўлены структурнымі фактарамі – абсалютнай сінтаксічнай і семантычнай аднапланавасцю выказнікаў: *За вёскай – прыгожы сасновы бор, а ў вёсцы – старажытны маляўнічы парк* (І. Стадольнік) і канстантнай маркіроўкай семантыкі і граматычных значэнняў: *Над хатамі – вясёлыя іпакоўні, // А ў хатах – аржаного хлеба пах* (Г. Бураўкін). У складаных бяззлучнікавых сказах з эліпсісам дзеяслова кампенсацыя сэнсу ажыццяўляецца на аснове адносін – адначасовасці, паслядоўнасці, прычынна-выніковых: *Любая ўрачытасць: дзе Духоўскі? // Любы агляд: вядзе парадак ён. // З канцэртаў папулярным – на ўсе вёскі, – // І сельскі клуб звiніць на ўвесь раён* (А. Пысін). Пры наяўнасці супраціўных і пералічальна-размеркавальных адносін тэндэнцыя да эканамічнасці рэалізуецца ў найбольшай ступені – паралелізм структур і іх аднапланавасць дазваляюць эліпсаваць выказнік у двух прэдыкатыўных частках: *Я – у атрад, а ты ж, мабыць, да немцаў? – сказаў Войцік і сцюдзёнымі вачамі ўставіўся ў Сушчэню* (В. Быкаў); *Вы, грамадзянін Секержыцкі, разумны, інтэлігентны чалавек, і раптам такое?* (М. Матукоўскі); *І немагчыма ўжо назад, // І немагчыма ўжо на месцы* (А. Разанаў); *Пра бацьку не скажу нічога, а на яе ты дарэмна* (І. Мележ); *Ён ёй слова, яна – два* (І. Мележ); *У полі – вятры, у лесе – снягі...* (Р. Баравікова).

Значнымі кампенсаторнымі ўласцівасцямі характарызуецца экспліцытна-паратаксічны від складаных канструкцый з аб'ектнымі адносінамі: яны адмяжоўваюць аб'ект маўленчай дзейнасці ад аб'екта логіка-мысліцельных працэсаў: *Князь пра тое, што мы сваё пасольства да сваіх ворагаў...* (М. Матукоўскі) або аб'ект маўленчай дзейнасці ад данатыва: *Не маўчы – што яшчэ?* (А. Петрашкевіч). Важным фактарам функцыянавання выступае канстантная маркіроўка семантыкі ў адной або ўсіх прэдыкатыўных частках названых канструкцый, якія з'яўляюцца семантычна аднапланавымі: *А базар – як стадыён, // Птушак, пэўна, там мільён. // Дзе бярозкі – там кіёскі. // Дзе дубочки, там ларочки* (А. Пысін).

Імпліцытна-гіпатаксічны від таксама характарызуецца значнай роляй кампенсаторнага кампанента ў функцыянаванні канструкцый з эліпсісам дзеяслова, што абумоўлена структурнымі фактарамі – сэнсавай залежнасцю прэдыкатыўных частак. Размежаванне тыпаў прэдыката (у прыватнасці, акцыянальны ад дынамічнай лакалізацыі або акцыянальны ад статальнай лакалізацыі) абумоўлена выключна сэнсава-сітаксічным узаемадзеяннем прэдыкатыўных частак: *Закінуў сець – дзве плотачкі. Другі раз – нічагуткі* (Л. Левановіч). Пры гэтым свабоднае функцыянаванне канструкцый, якія аналізуюцца, абумоўлена канстантнай маркіроўкай семантыкі (напрыклад, статальнай лакалізацыі або руху) адной з частак: *Адказы, смуглянка, калі ласка, // Ці надоўга к нам з зямлі каўказскай?* (А. Пысін); *Па ўсіх дарогах – войскі, войскі: // Вёў наступленне Ракасоўскі* (А. Пысін). Функцыянаванне складаных канструкцый з эліпсісам дзеяслова камбінаванага віду вызначаецца аналагічнымі фактарамі – структурна-сэнсавай узаемаабумоўленасцю прэдыкатыўных частак. У якасці кампенсаторнага кампанента часта выступае адначасова некалькі прэдыкатыўных частак: *Ляснік – сваё: // Прысеў бы, ды нямажна* (А. Бажко) ці *Бальніца толькі ў Тарску, а наш фельчар Ніна Пятроўна ўсе хваробы лечыць выключна вітамінамі: ад грыпу – жоўценькія, ад жывата – ружовенькія, ад галавы – зялёныя* (С. Грахоўскі). Пры функцыянаванні падобных канструкцый таксама мае месца фактар канстантнай маркіроўкі семантыкі: *Яна збяжыць, нібы паводка, // І зноў разлучыць берагі: // На правым – ішасця хмель салодкі, // На левым – халадок тугі* (С. Законнікаў).

Тыповымі сродкамі кампенсацыі эліпсіса выступаюць кампаненты *звышфразавы адзінства* – звышфразавы тып (самастойныя сінтаксічныя адзінкі). Базавы апарат даследавання падобных з'яў будзеца на тэарэтычных і метадалагічных прынцыпах тэорыі тэксту, што дазваляе выявіць функцыянальную тоеснасць сінтаксічных адзінак. Асноўным тыпалагічным параметрам выступае характар адносін паміж кампанентамі ў структуры звышфразавы адзінства – логіка-семантычных або семантыка-сінтаксічных. Кампенсацыя эліпсіса, а значыць, і тыпалогія логіка-семантычных адносін, заснавана на рэферэнтнай аднесенасці – узаемадзеянні або пераемнасці прэдыкатаў і аб'ектаў, што падразумявае абавязковую змену лексіка-граматычнага класа, а гэта істотна адрознівае эліптычныя канструкцыі ад кантэкстуальных няпоўных. Падобнае ўзаемадзеянне кампанентаў звышфразавы адзінства здольна забяспечваць стабільнае функцыянаванне канструкцый з эліпсісам дзеяслова з недастатковай колькасцю ўласных лексіка-сінтаксічных сродкаў. Неабходна адзначыць, што відавы клас звышфразавы тыпу характарызуецца разнастайнасцю логіка-семантычных адносін паміж кампанентамі. Кампенсацыя эліпсаванага выказніка ажыццяўляецца шляхам дубліравання эліпсаванай лексемы са зменай лексіка-граматычнага класа (адносінны тоеснасці), уключэння зместу прэдыкатыўнага кампанента ў суб'ектны на аснове тоеснасці рэферэнта (адносінны функцыянальнай эквівалентнасці), супрацьпастаўлення прэдыкатыўных і аб'ектных кампанентаў (адносінны супрацьпастаўлення), неадпаведнасці прэдыкатыўнага і акалічнаснага кампанентаў.

Таксама сродкам моўнай эканоміі выступаюць эліптычныя канструкцыі з поліфункцыянальным характарам сінтаксем, абумоўленым сінанімічнымі пераўтварэннямі. Кампенсацыя сэнсу ў падобных канструкцыях ажыццяўляецца на аснове дыферэнцыяцыі семантыка-сінтаксічных функцый кампанентаў. Канструкцыя *Навошта... навошта... навошта?* // *Гавораць жа, // Свет – з дабрыні* (Р. Баравікова) змяшчае эліпсіс і пераўтварэнне адначасова (тып прэдыката – акцыянальны). Тут назіраецца пераўтварэнне актыўная канструкцыя – пасіўная канструкцыя: *Дабрыня стварыла свет → Свет створаны з дабрыні ← дабрыней*. У дадзеным выпадку словаформа з *дабрыні* выконвае функцыю стымулу. Тэндэнцыя да эканоміі ў падобных канструкцыях праяўляецца ў адсутнасці кампанента, які не выступае канстантным пры маркіроўцы сэнсу. Поліфункцыянальнасць словаформы з *дабрыні* абумоўлена кантэкстуальнымі фактарамі і можа назірацца ў канструкцыях тыпу *Яўхім гэта – з зайздрасці ці Дзеці з суседняе вёскі* або *Кацуля з лёну* (тып прэдыката – характарызацыйны).

Словаформы ў форме роднага склону выконваюць таксама функцыі выказніка і ў вытворных канструкцыях з рэляцыйнымі прэдыкатамі. Такія сказы звычайна ўказваюць на адносінны часткі і цэлага, а словаформа выконвае ролю прэдыкатыўнага генератыва: *Сам я з літоўскага люду...* (В. Таўлай); *Ды што вы, // Я – з загартаваных. // Мне гэтка холад ані ў знак* (Н. Гілевіч); *Яны – з трывалае пароды, // Хоць ім нялёгка выпай век* (П. Прыходзька); *Ты – з хахлоў* (М. Гарэцкі).

Словаформа ў форме роднага склону ў колькасна-іменным спалучэнні можа выконваць функцыю характарызацыйнага квантытатыва прэдыката (тып прэдыката – акцыянальны): *Анямела вечарэюць // Вочы руж і хрызантэм. // А да старасці яшчэ вам – // Столькі вершаў і паэм*

(Я. Янішчыц). У адносіны канструкцыйнай аманіміі сказ можа ўступаць з эліптычнай канструкцыяй тыпу *Да вёскі – пяць кіламетраў* з прасторавай семантыкай. Назіраюцца выпадкі, калі сінтаксічную парадыгму ўтвараюць словаформы ў форме вінавальнага склону. У такім выпадку функцыянальны дыяпазон словаформ будзе ўключаць сітуант – прэдыкат (тып прэдыката – рэалізаваны): *Дык, значыць, ты за камандуючага* (А. Дудараў); *А Алег ужэ тры гады летам за памочніка камбайнёра* (А. Жук); *Усе паехалі на фестываль. Я за Марыну і Ганну адна* (С. Кавалёў); *А я тут за вартуніка* (А. Кулакоўскі); *І за бацьку, і за матку адзін – гэта праўда* (І. Мележ). Выкарыстанне іменных выказнікаў у нетыповых формах (ва ўскосных склонах) абумоўлена або метрыка-рытмічнай арганізацыяй верша, або пэўнымі стылістычнымі мэтамі і задачамі: *Дабрыню – у конюхі* (А. Петрашкевіч); *Хто – у настаўнікі, хто – у каморнікі, меліяратары...* (Л. Калюга); *Апанас на машыніста, // А Сцяпан на трактарыста, // Аляксей на агранома, // Мікалай на астранома* (А. Русак). Поліфункцыянальная іменная словаформа ў такіх сказах набывае форму творнага склону: *У небе зорак не злічыць, // Люстэркам – поўня* (М. Шабовіч); *Яшчэ ў навазе там прасніцы, // І хлеб акрасаю стала* (Р. Баравікова). Падобныя сказы адносяцца да рэгулярных граматычных з’яў (адсутнасць дзеяслова-звязкі ў значэнні цяперашняга часу і інш.). Аднак знешняе падабенства названых канструкцый не дае падстаў для кваліфікацыі іх як структурна тоесных. Першы кваліфікуецца як эліптычны акцыянальна-безаб’ектны тып. Адносіны тоеснасці ў інтэлектуальна-творчай сферы рэалізуюцца іменнымі прэдыкатамі выключна ў форме назоўнага склону. Нетыповая форма іменнага прэдыката дазваляе кваліфікаваць канструкцыю як вытворную. У дадзеным выпадку канструкцыйная парадыгма словаформ уключае прэдыкатыўныя і залежныя кампаненты.

Падобныя з’явы назіраюцца і ў вытворных канструкцыях, якія ахопліваюць як сацыяльную сферу адносін: *Сын мой камандзірам* (А. Кулакоўскі); *Алена працуе на ферме. А ён (Саішка) брыгадзірам у мяне* (А. Кулакоўскі); *Яго малодшы брат цяпер дырэктарам школы ў вас, у Дабрыні* (А. Дудараў); *Маладзейшы егерам у Асечы* (В. Карамзаў); *Я пры мэблевым грузчыкам* (А. Петрашкевіч); *Ці помніш Аўдзеева Дзімку? // Цяпер старшынёю ў нас* (Я. Янішчыц), так і фізічную: *Абсталяваў усім як мог вялізнае дупло. // З галля страху. // Расклаў цяпло. // А ложкам – шэры мох* (П. Броўка); *Ахоўнай цішаю – сасонка* (Я. Янішчыц); *Пясочкам – сцяжынка, // Перавяслаў жытло, // І любоў, і Айчына, // Так, як зроду было* (Я. Янішчыц).

Заклучэнне

Такім чынам, тэндэнцыя да эканоміі моўных сродкаў у сінтаксічнай сістэме беларускай мовы ажыццяўляецца спосабам неўжывання пэўнага кампанента або пераўтварэння канструкцыі са зменай лексіка-граматычнага класа слоў. Найбольш тыповым сродкам моўнай эканоміі выступаюць няпоўныя канструкцыі, пераважна іх кантэкстуальны тып. Пропуск кампанента можа ажыццяўляцца ў структуры простага або складанага сказа з пропускам дзейніка, выказніка або дапаўнення, які ўзнаўляецца з кантэксту. Эліптычныя канструкцыі таксама рэпрэзентуюць тэндэнцыю да эканамічнасці, якая выражаецца на аснове сінтаксічных сувязей і адносін – паратаксічных і гіпатаксічных. Аднак, клас названых канструкцый будзе ўключаць імпліцытна- і экспліцытна-паратаксічныя віды. У вытворных канструкцыях тэндэнцыя да эканамічнасці прадстаўлена поліфункцыянальным характарам сінтаксем, энсавая кампенсцыя ў якіх ажыццяўляецца на аснове дыферэнцыяцыі семантыка-сінтаксічных функцый кампанентаў. Аналіз сінтаксічных дэрываў дазваляе зрабіць выснову, што тэндэнцыя да эканоміі моўных сродкаў працягваецца ў выглядзе сінтаксічнай імпліцытнасці, эканамічнасці і кантамінацыі сінтаксічных структур.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Harma, J. Sur l'omission du verbe et sa recuperabilité en français / J. Harma // Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves, Helsinki, 13–17 aout 1984. – Helsinki, 1986. – P. 135–146.
2. Wiśniewski, M. Przegląd równoważników zdania znamiennych dla współczesnej polszczyzny / M. Wiśniewski // Acta Univ. Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-społecz. Filologia Polska. – Toruń, 1995. – Т. 46. – S. 115–150.
3. Грудева, Е. В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте / Е. В. Грудева. – Череповец : Черепов. гос. ун-т, 2007. – 251 с.
4. Мухин, А. М. Структура предложений и их модели / А. М. Мухин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 230 с.
5. Шабанова, Т. Д. Предложение и его лимитативные модели : учеб. пособие к спецкурсу / Т. Д. Шабанова. – М. : Моск. гос. пед. ин-т, 1985. – 82 с.

6. Carlson, K. Paralelism and prosody in the processing of ellipsis sentences / K. Carlson. – New York ; London : Routledge, 2002. – 227 p.
7. Лекант, П. А. К проблеме неполных предложений в русском языке / П. А. Лекант // Учен. зап. / Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1963. – Т. 139, вып. 9 : Русский язык и литература. – С. 43–49.
8. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
9. Vychodilová, Z. Elipsa jako jeden ze způsobu neexplicitního vyjadřování obsahových prvků v jazyce / Z. Vychodilová, R. Zimek ; Masarykova unv. – Olomouc : [s.n.], 1988. – 231 s.
10. Колосова, Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т. А. Колосова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 164 с.
11. Лисоченко, Л. В. Высказывания симплицитной семантикой: логич., языковой и прагмат. аспекты / Л. В. Лисоченко ; отв. ред. Г. Ф. Гаврилова ; Сев.-Кавказск. науч. центр. высш. шк. – Ростов н /Д : Изд-во Р ост. ун-та, 1992. – 152 с.
12. Дикарева, С. С. Координаты референции и явление глобального эллипсиса / С. С. Дикарева // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. В. В. Богданов. – Л., 1988. – Вып. 3 : Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. – С. 107–112.
13. Hausperger, B. Sprachökonomie in Grammatik und Pragmatik : die Ellipse / B. Hausperger. – München : Utz, 2003. – IX, 327 s.
14. Uniszewska, A. The nature of linguistic processes determining the applicability of nominalizations applied to strings NP-COP-AP / A. Uniszewska // Glotto-didactica. – 2001. – Vol. 29. – P. 139–147.

Пастуніў у рэдакцыю 09.03.2022

E-mail: natusia12@tut.by

N. V. Chaika

THE TENDENCY TO THE ECONOMY OF LINGUISTIC MEANS IN THE SYNTACTIC SYSTEM OF THE BELARUSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the study of one of the key trends in the syntactic system of the modern Russian language – the tendency to the economy of utterance. At the present stage, the need for informational emphasis and analyticism produces a significant number of syntactic derivatives – elliptical, incomplete, reduced constructions with implicit semantics. The article presents a syntactic representation of the economy of expression – incomplete and elliptical constructions. The methods actualization of important information that contribute to the dynamic development of syntactic units and their communicative improvement are presented.

Keywords: tendency to economy, informational focus, the distinction of expression, analyticism, elliptical constructions, incomplete contextual sentences, incomplete situational constructions, dialogical unities, syntactic derivation.

РЭЦЭНЗІІ

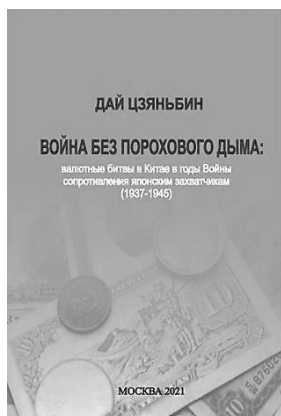
УДК 94(5):32(510+470)“185/194”

С. В. Телепень

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
истории и обществоведческих дисциплин, УО «Мозырский государственный
педагогический университет им. И. П. Шамякина»

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ КИТАЯ

Дай Цзяньбин. Война без порохового дыма: Валютные битвы в Китае в годы Войны сопротивления японским захватчикам (1937–1945 гг.) / отв. ред. И. В. Турицын. – М. : НИИ ИЭП, 2022. – 420 с.

Отношения между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой являют собой пример успешного сотрудничества по всем важнейшим направлениям межгосударственного и межнационального взаимодействия. Результативное партнерство приобретает всё новые грани. Например, в Мозырском государственном педагогическом университете им. И. П. Шамякина, как и в ряде других белорусских вузов, сейчас осуществляется подготовка магистрантов и аспирантов из Китая. Залогом укрепления белорусско-китайской дружбы является взаимное уважение, в том числе на уровне личных контактов. И немалую роль в развитии этих позитивных процессов играет взаимный интерес к культуре, языку, историческому прошлому народов наших стран.

В истории Китая немало славных страниц. Немало и драматичного в прошлом этой страны. Одной из таких страниц или, правильнее сказать, периодов, была Война сопротивления японским захватчикам 1937–1945 гг., как в Китае называют освободительную войну, развернувшуюся в контексте Второй мировой. В нашей истории такое же место занимает Великая Отечественная война советского народа 1941–1945 гг.

Новая книга известного китайского ученого Дай Цзяньбина, доктора исторических наук, вице-президента Ассоциации китайских историков, профессора Хэбэйского университета, посвящена малоизученной проблеме противостояния Китая японской агрессии в сфере финансовой политики. В центре внимания автора находятся вопросы денежной эмиссии и организации денежного обращения в Китайской Республике и на оккупированных милитаристской Японией территориях. Во всех подробностях рассмотрена политика Токио по созданию псевдобанков (термин, используемый автором), практика использования банкнот этих незаконных финансовых организаций и японских военных бонов для овладения ресурсным потенциалом и подрыва экономики Китая. Основательно и всесторонне исследуется валютная политика в районах, контролируемых Коммунистической партией Китая.

Рецензируемая монография состоит из оглавления, предисловия, девяти глав и заключительной части, включающей небольшой раздел, озаглавленный «Вместо заключения: военные репарации, экономическая основа правых сил Японии и экономическая помощь Китаю». Затем приводятся список литературы и источников, использованных при написании монографии, а также иллюстративные приложения, представляющие собой цветные фото банкнот данного периода.

В предисловии автор формулирует актуальность темы своего исследования. Основное внимание здесь сосредотачивается на объяснении политической роли валютных систем, действовавших параллельно в Китае в различных частях страны: контролировавшихся, во-первых, японскими агрессорами; во-вторых, гоминдановским правительством; в-третьих, Коммунистической партией. Дай Цзяньбин сообщает читателю, что его книга имеет своей целью осветить историю «валютной войны» Китая и Японии во время Войны сопротивления 1937–1945 гг. и дать системный анализ исторического опыта решения проблемных вопросов в финансовой и валютной сферах.

Первая глава «Кризис денежной системы Китая в конце XIX – начале XX в.» знакомит нас с ситуацией в финансовой системе Китая в период, предшествовавший Синьхайской революции 1911 г., а затем в годы становления постколониального Китая. В данной главе автор подробно разбирает ситуацию постепенного проникновения японских банков на валютный рынок гоминдановского Китая. Дай Цзяньбин убедительно показывает, что еще до начала японского вторжения в страну финансовый сектор Китая оказался во многом зависимым от японских корпораций, в течение 30-х гг. прошлого столетия превратившихся в орудие экспансионистской политики императорской Японии.

Вторая глава «Валютная реформа фаби» раскрывает предпосылки и механизмы проведения денежной реформы в Китае, осуществленной в 1935 г., но готовившейся по инициативе Сунь Ятсена еще с 1912 г. Автор, основываясь на надежных документальных источниках, приходит к выводу, что данная реформа, выразившаяся в замене серебряной монеты бумажными банкнотами, имела своей целью защиту национальной финансовой системы не только от японской, но и от американской экспансии, особенно усилившихся в начале 30-х гг. XX в.

В третьей главе, которая называется «История вторжения японской иены», автор убедительно доказывает, что экономический кризис рубежа 20-х – 30-х гг., разразившийся в Японии, был непосредственной предпосылкой оккупации войсками микадо Северо-Восточного Китая в 1931 г. Таким же образом провал в 1935 г. японских попыток взять под свой контроль финансовую систему Китайской Республики подтолкнул в 1937 г. правительство Японии к расширению зоны оккупации в Китае, выразившейся в сфере финансов установлением контроля японских банков над денежным обращением и банковской сферой захваченных Северо-Восточных провинций.

Четвертая глава «Строительство Великой Китайской “денежной” стены» освещает мероприятия Национального правительства Китая по нейтрализации финансовой агрессии милитаристской Японии на юге и востоке страны. Здесь же показано возникновение финансовых институтов Северного Китая, контролировавшегося Коммунистической партией, параллельно с гоминдановским правительством, выстраивавшим финансовую систему, подчиненную задаче освобождения страны от японских захватчиков.

В пятой главе, которая носит название «Планы агрессора и новая финансовая стратегия Китая», Дай Цзяньбин анализирует действия Японии по созданию подконтрольных банков в оккупированной части Китая. Здесь же рассматриваются действия китайского Национального правительства, а также КПК по нейтрализации японских финансовых диверсий. Особое место в главе уделяется роли Мао Цзэдуна в организации финансовой системы Северного Китая. Автор приходит к выводу о том, что именно коммунисты смогли создать на подконтрольной им части страны эффективные финансовые институты, позволившие во многом нейтрализовать негативный эффект прояпонских псевдобанков.

Шестая глава «Валютная война между Китаем и Японией» посвящена анализу валютной войны 1937–1945 гг., которая велась между Китаем и Японией параллельно с собственно военными действиями. Автор раскрывает цели японских агрессоров – не просто дестабилизировать китайский валютный рынок, но посредством эмиссии взять под свой контроль ресурсы страны, включая территории, контролировавшиеся Гоминданом и КПК. Дай Цзяньбин подробно рассматривает мероприятия Национального правительства и КПК по вытеснению с территории Китая банкнот псевдобанков и одновременно по защите национальной валюты от конкуренции со стороны банковских билетов прояпонских псевдобанков.

В седьмой главе, которая называется «Враг или друг? Соотношение между деньгами Китайской Республики и деньгами опорной базы революции», рассматриваются характер и формы взаимодействия финансовых институтов, действовавших в период Войны сопротивления параллельно на территориях, подконтрольных гоминдановскому Национальному правительству, и территориях, находившихся под фактическим контролем КПК. В главе показаны те противоречия, которые существовали в этом вопросе. С другой стороны, автор настаивает на том, что данный параллелизм в организации банковского дела и обеспечении финансовой безопасности страны был в условиях войны необходимым средством концентрации денежных средств для победы над японским милитаризмом.

Глава восьмая имеет название «Деньги как инструмент достижения успеха». В ней рассматриваются механизмы использования финансовых рычагов Национального правительства и КПК для решения насущных задач организации оборонных мероприятий Китая. Автор показывает, каким образом параллельная унификация денежной политики в двух центрах сопротивления

обеспечила укрепление военной организации Гоминдана и одновременно создание Китайской Красной армии КПК. Автор приводит убедительные аргументы в пользу идеи о том, что Мао Цзэдун и его соратники оказались в данном вопросе более последовательными, чем Национальное правительство. Именно это, по мысли Дай Цзяньбина, обеспечило существенно большую успешность действий соединений КПК в сравнении с армией Национального правительства.

В девятой главе, имеющей название «Старые банкноты больше не представляют интереса или Осень – не время сбора малины», рассматривается послевоенный процесс изъятия банкнот псевдобанков и в целом ликвидации последствий деятельности японских и прояпонских финансовых институтов. Особое внимание в главе уделяется вмешательству в данный процесс западных банков, фактически препятствовавших нормализации ситуации в банковско-финансовом секторе послевоенного Китая.

Раздел «Вместо заключения: Военные репарации, экономическая основа правых сил Японии и экономическая помощь Китаю» рассматривает долговременные последствия для банковской и финансовой систем Китая потрясений 1937–1945 гг. Автор показывает, что репарационные механизмы были задействованы неэффективно, в результате чего основные компенсации за причиненный ущерб была направлена не на КНР, а на фактически отделившийся гоминдановский Тайвань. Дай Цзяньбин анализирует роль СССР в восстановлении финансовых институтов послевоенного Китая, доказывая, что, в отличие от западных стран, Советский Союз оказал реальную поддержку Китайской Народной Республике в создании эффективной банковской системы страны.

В целом монография существенно расширяет наши знания о важнейшем периоде истории Китая. Аспекты, исследуемые автором, являются достаточно новыми для мировой науки. Результаты их изучения, представленные Дай Цзяньбином, позволяют увидеть события Войны сопротивления в новом ракурсе и понять тайные пружины многих политических процессов этого периода. По-новому представлена роль западных стран в финансовом противостоянии Китая и Японии. Особенно аргументированно показана роль США. Автор, опираясь на надежные источники, не известные отечественной науке раскрывает манипуляции американской финансовой элиты в Китае в 30–40-е гг. прошлого столетия. С другой стороны, впервые в науке роль Советского Союза в становлении банковского дела КНР исследована исчерпывающим образом.

Таким образом, рецензируемая монография представляет собой фундаментальное исследование, посвященное практически неизученной теме. Книга профессора Дай Цзяньбина помогает понять саму суть финансовых аспектов японо-китайского противоборства в период Второй мировой войны. Монография найдет своего читателя не только в кругу специалистов, включая историков, экономистов, социологов, политологов, но и в целом среди читающей публики, неравнодушной к перспективам сотрудничества нашей страны с КНР, интересующейся предысторией современных белорусско-китайских отношений.